

XLV г. № 31 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенiй, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 2 августа 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенiя" за Августъ 1914 г., 2) „НОВѢЙШIЯ МОДЫ" за Августъ 1914 г. съ 37 рис., отдѣльн. листъ съ 81 черт. выкр. въ натур. величину и 48 рис. дамскихъ рукодѣлiй.

П. Венигъ. Раннiй снѣгъ. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Сердце жизни.

Повѣсть **В. В. Муйжеля.**

(Окончаніе).

IX.

Прохорова посылала Владислава за Колей — милымъ мальчикомъ, такъ весело смѣявшимся какому-нибудь пустяку, веселымъ мальчикомъ, отъ голоса котораго оживали комнаты, и казалось, что солнце свѣтитъ ярче... Но Владиславъ пришелъ и, глядя въ сторону, доложилъ, что Коля не можетъ прійти.

— Почему не можетъ—онъ боленъ? — спросила Прохорова.

— Надо полагать, что боленъ...—отведя глаза въ сторону, отвѣтилъ Владиславъ.—Извѣстно, ребенокъ,—насморкъ тамъ или кашель...

И, незамѣтно двигаясь назадъ къ двери, ушелъ.

Она прошла въ свою комнату, отыскала ящикъ съ игрушками, которыми играли дѣти: маленькими смѣшными паровозиками, плюшевыми обезьянками, карточными лошадками, и, сѣвъ на коврѣ, перебирала ихъ. И она, никогда не имѣвшая дѣтей, вдругъ остро почувствовала невыносимую боль какой-то страшной утраты, глядя на глупыя вещицы, еще сохранившія слѣды прикосновенія дѣтскихъ рукъ. Эти игрушки въ пустой комнатѣ, погруженной въ насторожившееся молчаніе!..

Она склонилась къ нимъ лицомъ—и вдругъ заплакала горько, безутѣшно, вся потрясенная непонятной потерей того, чего никогда не имѣла, и слезы падали на фарфоровыхъ слоновъ, жестяныхъ зайчиковъ, на деревянныхъ куколъ, отъ которыхъ пахло красками и лакомъ.

— За что, за что?..—спрашивала она сквозь слезами, а голосъ прерывался и выходило: „что“, „что“, словно она спрашивала, не понимая сама, что съ нею.

Она сидѣла долго, уже въ столовой брякала посуда—должно-быть, накрывали къ обѣду. Кто-то подошелъ къ двери и осторожно кашлянулъ. И это было новое, потому что прежде слуги днемъ входили безъ предупрежденія.

— Кто тамъ? — крикнула она, торопливо вытирая теплыя слезы.

Вошелъ Владиславъ и, слегка склонившись, тихо сообщилъ:

— Тамъ женщина пришла... которая молоко носитъ, мальчика этого мать, что тогда посылали.

— Хорошо, я сейчасъ выйду. Проведите ее въ маленькую гостиную.

Она собрала игрушки, оттащила ящикъ подъ столикъ и, намочивъ конецъ полотенца одеколономъ, вытерла лицо. И, по привычкѣ взглянувъ на себя въ зеркало, на моментъ остановилась:

„Что такое? Неужели это она? Такая блѣдная, съ темными тѣнями подъ глазами, съ желтизной у висковъ? Какъ могло случиться, что она за нѣсколько дней такъ постарѣла? Откуда этотъ болѣзненный, жалкій видъ?“

Она смотрѣла долго, изучая это чужое и вмѣстѣ привычное лицо,—и то же жуткое изумленіе охватило ее:

„Какъ, какимъ образомъ могло случиться это?“

Въ маленькой гостиной ожидала высокая, худая женщина. Какъ у большинства живущихъ въ селѣ мѣщанокъ, черный платокъ у нея былъ низко надвинутъ на глаза, и изъ-подъ него виденъ былъ только желтый, словно вылѣпленный изъ воска, носъ.

Дверь въ садъ изъ маленькой гостиной была уже выставлена, и теперь черезъ нее несся сложный и грустный ароматъ распускающейся сирени, вечерней земли и тонкаго благоуханія осыпанной бѣлыми снѣжинками яблони. Запахъ былъ такъ нѣженъ, что его едва можно было разобрать, но онъ говорилъ сильнѣе всѣхъ, и отъ него почему-то хотѣлось плакать. Пришедшая стояла какъ разъ противъ двери, и ея сухая, чуть-чуть согнутая фигура вырѣзывалась на свѣтломъ квадратѣ рѣзкимъ чернымъ силуэтомъ.

— Вы хотѣли меня видѣть?—проговорила Антонина Александровна, останавливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.— Вѣроятно, насчетъ Коли?

Баба быстро обернулась, перехватила сложенными у пояса руками и, не кланяясь, взглянула на нее.

— Насчетъ его самаго, насчетъ Коли моего, истинное слово сказали,—запѣла она нѣжнымъ пѣвучимъ голосомъ, и Прохорова видѣла, какъ все лицо ея сложилось въ приторную, ласковую улыбку. — Вотъ насчетъ сынка моего, Коли-то этого самаго, я пришла, какъ вы присылали за нимъ... Очень вами благодарна, что прислали за мальчикомъ моимъ, чувствительно даже благодарна и за все прочее, что грамоту съ нимъ учили и въ игрушки всякія играли, очень вами благодарна...—повторила она и низко поклонилась. Потомъ выпрямилась и опять поклонилась и еще разъ — и дѣлала это какъ заведенный манекенъ, все съ той же сладкой, напряженной улыбкой, отъ которой лицо ея съежилось мелкими морщинками. — Очень даже чувствительно вами благодарна, — твердила она, заглядывая снизу въ лицо барыни.—Какъ мы люди простые, мѣщане посадскіе — извѣстное дѣло безъ образованія, и совсѣмъ, можно сказать, въ грязи выросши, такъ намъ очень даже лестно, что такая барыня важная, можно сказать, первая персона по всей округѣ и окромя прочаго генеральша...

По мѣрѣ того, какъ она говорила, кланялась и улыбалась, Антонина Александровна отодвигалась отъ нея все дальше и дальше. Было что-то въ словахъ и манерахъ этой бабы, что вселяло смущеніе.

— Я очень рада,—пробормотала она.—Коля такой хорошій мальчикъ... Мнѣ жаль, что онъ не приходитъ...

— И не придетъ, не при-детъ, — запѣла баба, заглядывая изъ-подъ платка круглымъ, какъ у большой хищной птицы, глазомъ:—вотъ ужъ истинно сказать—не-е при-и-де-етъ теперь!.. Какъ мы простого мѣщанскаго званія и, выросши въ избенкахъ нашихъ бѣдныхъ, нуждишкой нашей придавлены, ужъ такъ убого, такъ убого, но только-что Бога мы помнимъ и стыдъ отъ людей тоже не забываемъ... И не придетъ—никакъ теперь не придетъ, потому хоть мы отъ генеральскаго чина далеко и простые что ни на есть мѣщане и такіе бѣдные, такіе бѣдные—что и сказать невозможно, но только-что думаемъ умишкомъ нашимъ убогимъ такъ, что дитенку малому, мальчишкѣ то-есть нашему—не слѣдъ на такія дѣла смотрѣть и худости всякой набираться!.. И не можемъ мы пустить его никакъ — потому ваше дѣло господское, и разсужденіе, значитъ, ваше, какъ угодно, а чтобы ребенку несмысленочку смотрѣть на всѣ дѣла ваши и пакостямъ всяческимъ научаться—такъ умишкомъ моимъ мы разсудили—не время еще...

Она выпрямилась и прямо взглянула на барыню—и улыбка ея стала жестокой и торжествующей.

— Я не понимаю васъ... — растерянно говорила молодая женщина, чувствуя, что на нее надвигается что-то скверное и злое.—Въ чемъ дѣло? Какія дѣла?

— А такія дѣла, матушка-барыня, что совсѣмъ даже ребенку нехорошо смотрѣть на нихъ... Конечно, мы бѣдные мѣщане, и умишко у насъ худенькій, а только нельзя такъ чтобы смолчать, и какъ ребенокъ рвется все время, а тутъ присылы разные, хахаль-то этотъ съ усищами, Ладиславъ, ай какъ его—ходитъ, такъ должна я дите свое въ защиту взять!.. И не слѣдъ, барыня хорошая, какъ вы человѣкъ съ образованіемъ, можно сказать, всѣмъ наукамъ обучены, совсѣмъ даже не слѣдъ мальчишекъ всякихъ звать глядѣть, какъ вы съ разными тутъ путаетесь и всякія дѣла вытворяете!.. Коли мужъ отъ тебя бѣгаетъ, надо прямо сказать — тебѣ же на пользу, такъ ты хоть дома-то сиди чинно-благородно, чтобъ отъ людей стыда не было!.. А то учителишекъ всякихъ назоветъ, пива-вина поставитъ да любуется, какъ они тутъ съ дѣвчонками-учительшами шуры-муры водятъ, да еще себѣ завела бородищу. Чертежникъ! Знаемъ мы, какіе чертежи онъ тутъ чертитъ!.. А ребенку малому на все это глядѣть совсѣмъ нехорошо, и очень даже нехорошо—я тебѣ прямо для твоей пользы скажу!.. Какъ саму тебя Богъ наказалъ, своего не далъ, такъ ты чужихъ не порти, на свои пакости глядѣть не заставляй, да еще хахалей своихъ усатыхъ не присылай, ребенка изъ спокойствія не выводи!.. Бились-бились съ мальцемъ, что прутьевъ исколотили—отучили шляться сюда, а тутъ на, поди:

М. Игнатьевъ. На молитвѣ.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

холуевъ своихъ присылаетъ—опять мальцу безпокойство, опять прутомъ сѣки!..

Она уже кричала на весь домъ, сыпала словами такъ, что нельзя было услѣдить за смысломъ, и, какъ большая черная птица, взмахивала руками, наступая на барыню.

— Гдѣ бы мальчонку, на нуждишку нашу глядя, сапожонки, либо пальтишко тамъ справить — она только холуевъ посылаетъ!.. А ты думаешь, что мы, мѣщанишки, такъ такъ тебѣ это и пройдетъ? Думаешь, мужъ твой анжинеръ мужиковъ окручиваетъ, виномъ спаиваетъ да землю за полцѣны въ свою пользу скупаетъ, такъ тебѣ такъ это и пройдетъ? Нѣтъ, погоди, и въ насъ языкъ есть, я тебѣ отпою, а ты послушай, я тебѣ правду-то скажу, а ты поучись!.. Что такое задумала? Ахъ ты, баба непутящая, ахъ ты...

Но Прохорова больше не слушала. Она зажала уши и выбѣжала изъ комнаты, какъ будто ее преслѣдовали фуріи.

„...Что такое, какой еще новый ужасъ долженъ упасть на нее? О чемъ кричала эта страшная баба?! Боже мой, какъ страшно, какъ ужасно все—и какъ непонятно...“

Она прибѣжала къ себѣ и, схвативъ голову руками, упала на маленькій диванчикъ. Ее трясла нервная дрожь—и казалось, вотъ-вотъ сюда ворвется опять страшная черная баба и станетъ браниться и кричать, и нельзя ничего сдѣлать, чтобы она замолчала.

Что-то случилось съ нею или вокругъ нея, и все странно измѣнилось, и жестокіе, несправедливые удары одинъ за другимъ падали на нее. Что измѣнилось? Все, кажется, было такъ же, какъ прежде,—но ушло что-то самое главное изъ жизни, самое существенное, и все пошло страннымъ, пугающимся кругомъ боли, обиды, ненужности... Зачѣмъ-то вставала она каждый день—двигалась, говорила, ждала, думала, для чего-то ходили вокругъ нея люди, почему-то жила она въ большомъ, странномъ домѣ, окруженная дорогими вещами, купленными далекимъ, чужимъ человѣкомъ...

Она опустила руки и прислушалась. Все было тихо—должно-быть, баба ушла, или ее вывелъ Владиславъ—и обычная глухая тишина опустилась на домъ. Въ напряженномъ молчаніи стояли знакомыя вещи; мертвыми пятнами смотрѣли старыя картины; свѣтлѣли окна—и мертвый бѣлый свѣтъ лился въ нихъ—такой холодный, чуждый.

И ей показалось, что она поняла: ушло сердце жизни, самое подлинное, что было въ ней — что гнало живую красную кровь по венамъ, что заставляло пульсировать артеріи, придавало смыслъ и оправданіе органическаго единства ея существованію. Сердце жизни перестало биться—и ненужнымъ сталъ домъ, чуждыми знакомыя вещи, и странно было видѣть себя въ большой, раздѣленной приземистыми колоннами, комнатѣ...

И стало пусто и холодно, и слѣпыми свѣтлыми глазами смотрѣлъ яркій весенній день въ большія окна, и каждый часъ несъ оскорбленіе, боль, горечь.

Такъ въ просторномъ, безкрайнемъ полѣ, на пологомъ курганѣ, измученный ранами, испускаетъ послѣдній вздохъ сраженный боецъ. И тишина мягко подходитъ и ласково обнимаетъ старый курганъ и одинокій трупъ и смежаетъ полуоткрытыя незрячія очи. А въ вышинѣ, въ безпредѣльной синевѣ уже черными точками плаваютъ почуявшія добычу черныя птицы и смотрятъ зоркимъ взглядомъ внизъ и ждутъ и вдругъ падаютъ смертельнымъ камнемъ съ веселымъ, хищнымъ клекотомъ, и далеко разносится погребальный крикъ.

. . . .

X

Этотъ день начался такъ.

Въ семь часовъ утра принесли телеграмму. Владиславъ, еще только-что вставшій, въ лѣтнемъ пальто, надѣтомъ прямо на бѣлье, повертѣлъ ее въ рукахъ и рѣшилъ вести барынѣ. Нюша разбудила Антонину Александровну и передала ей неопрятную сѣрую бумажку.

Размашистымъ, торопливымъ почеркомъ въ телеграммѣ было написано:

„Буду завтра три дня Максимъ“.

К. Маковскій. Рыженькая.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

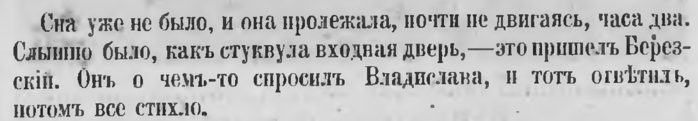
Антонина Александровна съ изумленіемъ повертѣла, такъ же, какъ Владиславъ, телеграмму, расписалась и еще разъ перечитала.

Прежде мужъ никогда не давалъ телеграммъ. Его ждали каждую минуту и никогда не ждали, онъ пріѣзжалъ тогда, когда разсчитывали видѣть его черезъ день или два. Зачѣмъ теперь телеграмма?

Прохорова вздохнула. Эта грязная бумажка съ таинственными знаками и росчерками писарского почерка была еще одной ячейкой въ сложной лжи и тяжести и ненужности, опутавшихъ жизнь.

—„Буду завтра три дня“...—горько шептала она, опять ложась и глядя въ лѣпной потолокъ.—Какое вниманіе!..

В. Мазуровскій. На помощь раненымъ.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Н. Шаховской. Холодно.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Сна уже не было, и она пролежала, почти не двигаясь, часа два. Слышно было, какъ стукнула входная дверь,—это пришелъ Березскій. Онъ о чемъ-то спросилъ Владислава, и тотъ отвѣтилъ, потомъ все стихло.

За окномъ спальни, въ густыхъ кустахъ какая-то маленькая птичка все время просила.

„Пи-ить-пи-ить, пи-и-ить-пить!..“ — высвистывала она, и Антонина Александровна знала, что это къ дождю.

Въ столовой гремѣла посуда, и раза два слышались осторожные шаги возлѣ дверей; это Нюша прислушивается, не встала ли барыня, и не надо ли ей подать чаю.

Но вставать было трудно, потому что сразу, поднявшись съ постели, надо было начинать лгать и путаться въ этой безконечной сѣти, безъ всякой надежды когда-нибудь выпутаться.

Но какъ бы тамъ ни было, а вставать надо. Она позвонила и стала медленно одѣваться, съ такимъ чувствомъ, какъ будто ей предстоитъ нѣчто невѣроятно сложное, трудное и больное, какъ тяжелая операція.

Наташа болтала что-то, возясь съ шнурками ботинокъ, но она не слушала. Раза два горничная что-то спросила, но, не получивъ отвѣта, внимательно поглядѣла на барыню и замолчала.

Надо было одѣться, выходить въ столовую, говорить съ кухаркой, отвѣчать на привѣтствіе Владислава, надо было дѣлать массу ненужнаго, лишняго, когда хотѣлось остаться совсѣмъ одной и лежать, закрывъ глаза, въ спальнѣ.

Она вспомнила, какъ однажды, не выдержавъ экзамена, она пришла домой и легла на свою кровать, уткнувшись головой въ подушку. Гдѣ-то за двѣ комнаты ходили, говорили, кто-то смѣялся—и скоро могли войти къ ней, а она лежала безъ мыслей, безъ чувствъ, полная однимъ страстнымъ желаніемъ: если бы можно такъ пролежать весь день, ночь, и завтра, и послѣзавтра, и всю жизнь, и не отвѣчать ни на какіе вопросы, не вставать, не думать ни о чемъ...

Въ одиннадцать часовъ пришла Полина Сергѣевна. При видѣ Прохоровой она всплеснула руками, и брови на ея маленькомъ, напоминающемъ какого-то звѣрька, лицѣ поднялись кверху.

— Боже мой, душечка, что съ вами такое? Вы нездоровы, у васъ такой видъ...

Она сразу заговорила, спрашивая и не дожидаясь отвѣта, и отрывистый, торопливый голосъ утомительно затрещалъ въ ушахъ Антонины Александровны. Ей хотѣлось сморщиться, какъ отъ головной боли, слушая прыгающія, быстрыя слова учительницы, но усиліемъ воли она сдерживала себя.

П. Поляковъ. Московскій дворикъ.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

— Нѣтъ, вы больны, вамъ непремѣнно надо лѣчиться. Это Богъ знаетъ что такое,—трещала Полина Сергѣевна.—У васъ такой видъ!.. Это все равно, какъ я была у Жаворонка сейчасъ,—я отъ нея къ вамъ,—Боже мой, вы не узнали бы ея. Это что-то ужасное!

— Она нездорова?—чтобы сказать что-нибудь, спросила хозяйка.

— О, да, и очень... И это уже давно. Говорятъ, боюсь думать, у нея скоротечная чахотка. И вы знаете, отъ чего? Вы знаете, учитель—Усачовъ, такой здоровый, тотъ самый, что на Пасху еще приходилъ съ своимъ хоромъ мальчиковъ? Это замѣчательный типъ. Нѣтъ, знаете—у насъ здѣсь бы-ытъ!.. Вы только посмотрите кругомъ...

Она забыла уже про Жаворонка и разсказывала про Усачова, про то, что она называла словомъ „бытъ“ и отъ чего теперь Антонина Александровна усиливалась не морщиться. Она слушала учительницу—но слова плыли мимо, и на ихъ безпокойномъ и вмѣстѣ нагонявшемъ сонъ фонѣ временами мелькала только вопросительная фраза:

— Ну, конечно, что же вы хотите отъ нашего народа?

Въ чертежной упало что-то и зазвенѣло, покатившись—должно-быть, рейсфедеръ. Потомъ тамъ загремѣлъ отодвигаемый стулъ, послышался кашель,—низкій, глуховатый, знакомый.

„...Вотъ человѣкъ, отдѣлившій себя отъ жизни... Что онъ думаетъ, когда сидитъ въ молчаливой чертежной? Какъ онъ живетъ? Почему такъ непримиримо сурово глядятъ его впалые глаза?“

Когда она думала о немъ прежде—ей казалось страннымъ чудачествомъ то, что онъ постоянно одинъ, мало говоритъ и избѣгаетъ людей. Ей казалось, что онъ стыдится: взрослый, бородатый человѣкъ—и вдругъ чертежникъ у своего же товарища, съ жалкимъ жалованьемъ въ сорокъ рублей. Но теперь ей уже не казалось это—и она съ любопытствомъ, похожимъ на зависть, слѣдила иногда, какъ онъ, окончивъ работу и не зная, что дѣлать до пріѣзда инженера, ходилъ медленно по саду, заложивъ руки назадъ и глядя въ землю.

Разъ она подсмотрѣла, какъ на нижней аллейкѣ онъ быстро оглянулся, вытащилъ небольшую бѣлую трубочку и, набивъ ее табакомъ изъ кожанаго кисета, съ наслажденіемъ затянулся. Эта маленькая трубочка съ разноцвѣтнымъ, сшитымъ изъ кусочковъ сафьяна, кисетомъ, тронула ее, какъ маленькая слабость большого и суроваго человѣка. И ей представлялось, что есть гдѣ-то другая жизнь—умная, честная, свѣтлая, какъ апрѣльское утро,—жизнь, гдѣ много дѣтей, веселыхъ, радостныхъ, сверкающихъ оживленными глазками,—и угрюмый чертежникъ знаетъ про эту жизнь и бережетъ ее, какъ великій секретъ.

— И вотъ видите, прелесть моя,—доносился откуда-то издали, словно она лежала на днѣ глубокаго колодца:—и представьте, тогда стали говорить Богъ знаетъ что... Я говорю:—оставьте, вѣдь это же никто не можетъ знать, зачѣмъ говорить?!—но нѣтъ, всѣ продолжаютъ, шепчутся, передаютъ на ухо другъ другу всякіе слухи—картина, достойная кисти Айвазовскаго!.. Конечно,—что вы можете требовать отъ нашего народа? Бытовыя черты...

— А что же Жаворонокъ?—словно проснувшись, вспомнила Антонина Александровна.—Она

Д. Гаврильцевъ. Портретъ г-жи Г. Л. Вишневецкой.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

дѣйствительно такъ больна? Вѣдь совсѣмъ недавно я ее видѣла здоровой...

— Ахъ, не говорите, — это цѣлая исторія, какъ она заболѣла!.. Теперь чахотка самая настоящая—хуже, чѣмъ у меня,— съ шутливой хвастливостью подхватила учительница.—Я-то еще, можетъ-быть, поправлюсь—вотъ вы билетъ дасте, потомъ кумысъ, а она.. Видите ли, ангелъ мой,— таинственно заговорила она, придвигая ближе стулъ и наклоняясь къ самому лицу Прохоровой такъ, что та чувствовала на щекахъ горячее, нездоровое дыханіе:— это тоже бытовая картинка мѣстныхъ нравовъ... Она пошла съ Усачовымъ, вотъ про котораго я говорила вамъ, ну и я не знаю— увѣрять не имѣю права, но говорятъ, что они всю ночь за кладбищемъ просидѣли вмѣстѣ, вдвоемъ, да, да-а!.. Конечно, холодно, вѣдь былъ апрѣль только, земля сырая, притомъ потрясеніе, вы сами понимаете...

М. Малышевъ. Послѣ отдыха. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

— Послушайте, Полина Сергѣевна... — начала Прохорона, но смутилась и покраснѣла, какъ будто не учительница, а она сейчасъ сказала нехорошую вещь.

— Что вы думаете, неправда? — вскрикнула Полина Сергѣевна. — Какъ же, ихъ тамъ видѣла баба одна, вотъ та, что вамъ молоко носитъ, она и разсказывала, и какъ видѣла — анъ пленъ эръ, какъ говорится... Понимаете? Вѣдь это ужасъ что такое, это такой бытъ!..

Въ чертежной опять что-то упало, и оттуда донесся глухой, громкій кашель. Антонина Александровна вспыхнула и покраснѣла еще больше. Ей захотѣлось протестовать, что-то сломать, устранить съ дороги, за что-то уцѣпиться, что ускользало изъ рукъ. Она прямо посмотрѣла въ глаза учительницѣ и покраснѣла еще больше, но не отъ неловкости, а отъ гнѣва.

— Полина Сергѣевна... я не думала... — заговорила она волнующимся голосомъ. — Мнѣ казалось, что я хоть немного, чуть-чуть помогу бороться съ одиночествомъ людей, которые... которыхъ... Я никакъ не ожидала... И потомъ... Полина Сергѣевна, послушайте, позвольте мнѣ сказать вамъ откровенно нѣсколько словъ...

Она говорила, путаясь въ словахъ, и съ изумленіемъ видѣла, какъ лицо учительницы вдругъ измѣнилось.

— Вы простите меня, — продолжала она, раздражаясь этой улыбкой и бѣгающими глазами: — мнѣ хотѣлось только украсить, вѣрнѣе:—скрасить — нѣсколько духовную жизнь одинокихъ людей... Я никакъ не думала, что это поведетъ къ такимъ... слухамъ... Я прежде съ нѣкоторымъ интересомъ слушала все, что вы говорите, этотъ — какъ вы говорите, бытъ, и притомъ мнѣ незнакомый, но... Но, не находите ли вы, что этого быта — какъ это сказать — ну, слишкомъ много, что ли?.. Я не знаю, — можетъ-быть, я несправедлива, но вѣдь это же... это же сплетни...

Она раздражалась все больше и уже плохо владѣла собой. Вся горечь послѣднихъ дней вдругъ встала въ ея душѣ, и, сжимая виски, возмущаясь этимъ липнущимъ потокомъ грязи, она уже кричала, не находя словъ выразить свой глухой протестъ:

— Извините, я не имѣю права вмѣшиваться въ вашу жизнь, но позвольте мнѣ, позвольте мнѣ сказать вамъ, что вы сами причастны къ этому міру сплетенъ, васъ затянула эта среда, эта

М. Малышевъ. Пріѣхали гости. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

грязь!.. Я не хочу, понимаете? — не хочу слушать все это, и, пожалуйста, не передавайте мнѣ этого никогда, никогда, я не хочу!..

Она сжала голову руками и выкрикивала послѣднія слова съ брезгливой, напряженной гримасой. Учительница поднялась и отодвинулась назадъ.

— Я не знаю... Я не знаю, что дало вамъ право...—слегка задыхаясь и раскрывая яркія, словно нарисованныя, губы такъ, что видны были зубы, говорила она: — я не знаю, почему вы вздумали... Это оскорбленіе. Какъ вы могли... И потомъ, прежде, чѣмъ судить другихъ...

— Это грязь. Неужели вы не понимаете этого? Я не хочу...— твердила Прохорова: — я не могу слышать этого, это гадость...

Учительница вдругъ покраснѣла и крикнула, плохо выговаривая слова трясущимися губами:

— Вы сами, вы сами посмотрите на себя!.. Вы не имѣете права!.. Я никому не говорю, какъ вы проводите время въ чертежной, когда вашъ мужъ пропадаетъ у жены земскаго начальника!.. Я не говорю, а вы, вы...

М. Малышевъ. За жизнь. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Она остановилась и, видя, что хозяйка, шатаясь, пошла къ дверямъ, кинулась въ переднюю.

— Это издѣвательство, я же никому не говорю!..— кричала она плачущимъ голосомъ, но Антонина Александровна уже не слышала ея.

Она не помнила, какъ и почему она очутилась въ кабинетѣ, и зачѣмъ надъ нею склонился человѣкъ съ большой бородой и что-то говоритъ ей...

Она хотѣла говорить, крикнуть, но горячій терпкій комокъ сжалъ горло, и она твердила только:

— Я не могу, не могу, не могу!..

Ей хотѣлось крикнуть, что такъ нельзя убивать жизнь, мучить такъ человѣка, о томъ, какъ ужасно сознавать, что лучшіе годы лучшаго чувства потрачены напрасно, такъ же, какъ усилія сдѣлать жизнь этихъ людей лучше,—но голоса не было, и, сжимая конвульсивнымъ движеніемъ его руку, она, захлебываясь, выкрикивала:

— Поймите, поймите, поймите!..

А онъ метался, не зная, за что схватиться, кидался въ кабинетъ и трясущимися руками силился заставить ее выпить воды, а она отталкивала стаканъ, и вода проливалась на платье, на коверъ...

И, не зная, чѣмъ остановить этотъ внезапный припадокъ, онъ хватался за голову и безсильно метался по большой, угрюмой комнатѣ:

„Что же, что значитъ вся его ненужная любовь, вся нѣжность, все обожаніе передъ взрывомъ этого отчаянія?!.“

Онъ кидался къ ней, пытался говорить, но она билась въ истерикѣ и хватала его руки, и такъ, растерянные, обезсиленные, они цѣплялись одинъ за другого, подавленные обрушившимся на нихъ...

Потомъ, когда она успокоилась и плакала тихими, безнадежными слезами, онъ сидѣлъ у ея ногъ на коврѣ и говорилъ:

— Не надо отчаиваться... Не надо думать, что все кончено. Надо итти впередъ, надо вѣрить въ лучшую жизнь... Мы проживемъ еще долго, мы увидимъ еще много горя и боли, но никогда, никогда не надо забывать, что должна быть лучшая жизнь, и надо всегда искать ее... Мы оба несчастны: вы трагически ошибались во всемъ, что васъ окружало, и когда протягивали руку за хлѣбомъ, вамъ клали въ нее камень, и самое большое, что было въ вашей жизни, оказалось ненужнымъ и обманутымъ... Я... я шелъ одинъ, и вся жизнь моя была темна и печальна, и начинать снова нельзя... Но не надо отчаиваться, надо итти впередъ и вѣрить, что должно быть лучшее...

Онъ говорилъ, робко взглядывая на нее и не смѣя коснуться опущенной безсильно руки, не находя въ себѣ силы сказать ей самое главное, или просто взять эту руку и вывести ее отсюда,— и отъ этого слова его звучали блѣдно и тускло...

Онъ говорилъ еще — и голосъ глухо отдавался въ молчаливой комнатѣ, заставленной строгими, важными вещами. За окномъ сверкало солнце, бѣлыя круглыя облака плыли по синему небу, качались вѣтви деревьевъ, и чей-то зычный хриплый басъ кричалъ что-то... А здѣсь было тихо, и слабой, безсильной мечтой звучалъ просящій голосъ...

Это была мечта—и никогда она не могла стать дѣйствительностью, потому что люди живутъ только одинъ разъ, и умершее сердце ожить не можетъ. Но оттого, что этотъ одинокій человѣкъ, робко глядящій просящими глазами, думаетъ такъ же, какъ она, оттого, что сейчасъ, когда такъ страшно, такъ пусто въ груди— она не одна, что есть хоть одинъ человѣкъ, говорящій о лучшей жизни—ей было легче.

И, глядя на него усталымъ, печальнымъ взглядомъ, она тихо перебирала его волосы, а онъ боялся двинуться и тянулся къ этой ласкѣ, какъ осеннее растеніе къ позднему, далекому солнцу.

Такъ сидѣли они въ огромномъ старомъ домѣ, гдѣ пустынныя комнаты гулки, какъ брошенныя, и вещи сумрачно хранятъ темную память былыхъ прикосновеній.

На дворѣ попрежнему кричалъ грубый, простуженный голосъ, и черезъ окно видна была тяжелая, оборванная фигура дурачка Захара.

Должно-быть, его дразнили, потому что онъ топтался, какъ медвѣдь въ клѣткѣ, и взмахивалъ длинной черной рукой.

— Не надо косить! Чай пить, кофей пить, а косить не надо!..—бубнилъ онъ ожесточенно и тупо.—Зачѣмъ косить? Кто сказалъ—косить? Кофей пить надо!

И опять топтался, махалъ рукой въ оборванномъ рукавѣ и, повернувшись къ окнамъ, грозилъ чернымъ грязнымъ кулакомъ...

КОНЕЦЪ.

Буря.

Разсказъ **А. Грузинскаго**.

(Продолженiе).

III.

Зной не спадаетъ, и одинъ знойный день идетъ за другимъ.

Даже въ лѣсу пышетъ жаромъ. Отъ стройныхъ сосенъ, какъ отъ коричневыхъ кадильницъ, струится во всѣ стороны ароматъ; на полянѣ пахнетъ калуферомъ и одичавшей мятой: пряный запахъ ея раздражаетъ; а листья, вѣтви, хвоя, густая трава не шелохнутся: чудится, что зноемъ сморенъ даже вѣтеръ: вѣтеръ спитъ гдѣ-нибудь въ чащѣ, радуясь въ сладкомъ снѣ тому, что можно не бѣжать надъ рѣкой, не шумѣть надъ полянами, не качать вѣтви деревьевъ, не шевелить траву.

Старый дѣдъ перехватываетъ удочку и смахиваетъ крупныя капли пота съ загорѣлаго лба.

— Великъ нашъ лѣсъ! — благоговѣйно говоритъ онъ.— На много верстъ тянется. и гдѣ ему конецъ, батюшка, по всей окружности никто не знаетъ.

— И тебѣ не скучно въ лѣсу, дѣдъ? — спрашиваетъ Басаргинъ.

— Почтоже скучать мнѣ? Вы не знаете этого, батюшка, а старый человѣкъ и промежъ людей, какъ въ лѣсу. У меня вотъ попримерли всѣ— и родные и знакомые, и когда я приду на деревню — все народъ чужой. Хуже, чѣмъ въ лѣсу. Что въ лѣсу нечисть есть, такъ и въ народѣ ея не мало!

— Какая нечисть? — съ улыбкой взглядываетъ на дѣда Басаргинъ.

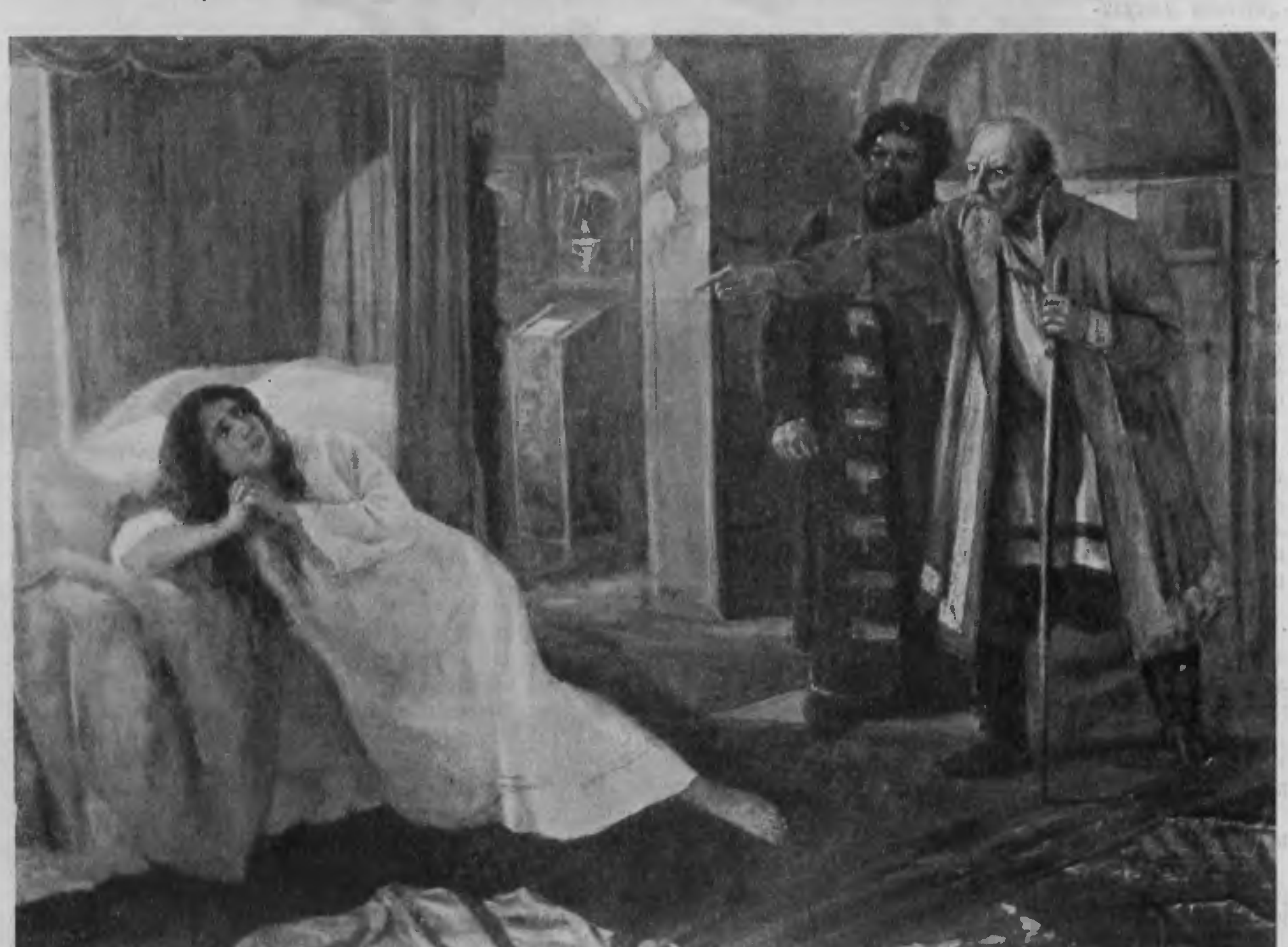
Дѣдъ усмѣхается любовно и кротко, какъ усмѣхаются наивному вопросу малыхъ ребятъ, и дѣлаетъ задумчивое лицо: старику приходитъ на мысль, что нечисти въ лѣсу такъ много, что сразу ее всю и не вспомнишь: онъ скользитъ взглядомъ по лужайкѣ, на которой они сидятъ у самаго берега. по высокимъ деревьямъ, окружающимъ ее съ трехъ сторонъ,—съ четвертой змѣится выбѣгающая изъ чащи рѣчка,—по синему небу, съ небольшими, будто приклеенными къ нему, бѣлыми облачками, похожими на груду пуха, и говоритъ медленно:

— Лѣшiе, вѣдьмы, лѣшачихи, русалки, упыри. Мало ли нечисти, батюшка?

— Ты думаешь, они есть?

Е. Андерсонъ. Крестьянская дѣвочка.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

С. Егоровъ. Iоаннъ Грозный приговариваетъ четвертую жену свою Марiю Долгорукую къ смерти.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Изъ „пѣсенъ войны“.

1812—1914.

Поля родныя задрожали,
Когда, поднявшись Русью всей,
Мы грудью голою встрѣчали
Въ броню закованныхъ гостей...
Взрывая тучи грозной пыли,
Сошлись мужикъ и гренадеръ,
И оба вѣчности явили
Безсмертной доблести примѣръ!..
— Смоленскъ!.. Москва!.. Но, волей рока,
Застыла дерзкая рука,
И мечъ пришельца былъ далеко
Отброшенъ взмахомъ кулака!..

* * *

И вотъ опять мы всѣ, на стражѣ,
Плечомъ къ плечу сомкнулись въ рядъ,
И доблесть наша—точно та же,
Что и сто лѣтъ тому назадъ!
И вновь, какъ прежде, мы отвѣтимъ
За Русь мильонами головъ,
И вновь, какъ прежде, грудью встрѣтимъ
И грудью вытѣснимъ враговъ!

Н. Агнивцевъ.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ, Самодержецъ Всероссiйскiй. По фот. Буассона и Эгглеръ.

Дѣдъ усмѣхается по-старому, любовно и кротко.

— Какъ же имъ не быть, ежели ихъ, между прочимъ, видятъ?

— А ихъ видятъ?

— Еще бы, часто видятъ, батюшка.

— А ты самъ видѣлъ?

— И самъ видѣлъ. Не одинъ разъ.

— Какъ же ты ихъ видѣлъ?

— Разно. Не скажу такъ явственно, какъ васъ вижу, а все же видѣлъ. Явственно нечисть нельзя увидать. Не показывается явственно. Отъ свѣту Божьяго, отъ дня бѣлаго она прячется. Она хитра. А вотъ какъ сумерки спустятся, или черная ночь поползетъ по землѣ, тогда нечисть-то и выходитъ изъ логовищъ да изъ норъ. Тогда ей раздолье. Чувствуетъ она въ себѣ вольный духъ и давай дебоширить по свѣту. Кого съ пути стащитъ, закружитъ и насилу отпуститъ душу на покаянье. А съ инымъ хуже дѣлаетъ: закружитъ-закружитъ, да и пуститъ либо въ трясину, либо въ бочагъ. Выползай изъ трясины, если можешь. Выручай жизнь. Со мной такой страсти ни разу не было, не былъ я отъ смерти на волосъ, не стану врать.

— Что же съ тобой было?

Дѣдъ, не спѣша, раскуриваетъ короткую носогрѣйку, медленно дѣлаетъ нѣсколько затяжекъ и дымитъ такъ, что чуть не вся поляна покрывается голубовато-сѣрыми облаками, изъ которыхъ красивымъ краснымъ пятномъ выглядываетъ его обожженное солнцемъ лицо съ бѣлыми усами и ласковымъ взглядомъ свѣтло-голубыхъ глазъ. Дымъ табаку у дѣда такой ѣдкій, что на глазахъ Басаргина выступаютъ слезы, и онъ закашливается.

— Какой крѣпкій табакъ ты куришь!—говоритъ Басаргинъ.—Такъ что жъ съ тобой было?

— Много было кое-чего. Какъ вспомнишь иной разъ, такъ даже диву дашься: зачѣмъ вся эта нечисть, съ позволенія сказать, на землѣ шебаршитъ? Тьфу!

Дѣдъ опять перехватываетъ удочку и, облокотившись о старый пень, давно поваленный вѣтромъ, начинаетъ неторопливо разсказывать о томъ, какъ его обходилъ лѣшій, какъ заставлялъ часами плутать возлѣ знакомаго мѣста, у котораго только одного не оказывалось: знакомыхъ дорогъ. Дѣдъ разсказываетъ о томъ, какъ, уставши, измучившись, приходилось ему съ печалью бросаться на траву и слышать громкій хохотъ лѣшаго, разносившійся по темному лѣсу. „Хо-хо-хо!"—грохоталъ лѣшій, ломалъ молодыя деревья, при чемъ шелъ такой трескъ, точно медвѣдь лѣзъ черезъ лѣсную трущобу, и уходилъ отъ старика прочь. Все тише и тише звучалъ его хохотъ, все тише и тише трещалъ лѣсъ. Старику случалось и заночевывать среди лѣса. Лѣшій пугалъ его, ухая дико и страшно, страшнѣе, чѣмъ ухаетъ филинъ-пугачъ, такъ страшно, что волосы шевелились на старой, видавшей виды, головѣ. Въ лунныя ночи, во время рыбаченья, поднявъ отъ удочекъ и зеркальной глади уставшіе глаза, ему приходилось видѣть русалокъ, которыя плескались въ водѣ, а порой выбѣгали на берегъ, выжимали на пескѣ покрытые рѣчной пѣной, съ пестрѣвшими въ нихъ зелеными листьями и бѣлыми лиліями, волосы, водили странные хороводы, кружились, гонялись другъ за другомъ, то скрываясь въ рѣчномъ туманѣ, то появляясь опять, и пѣли заунывныя, хватающія за душу пѣсни, глядя широко-открытыми глазами на полночное небо, откуда лился бѣлый свѣтъ и скользилъ по ихъ нагому бѣлому тѣлу.

— Дѣдъ, ты во снѣ видѣлъ русалокъ!—усмѣхается Басаргинъ.

— Зачѣмъ во снѣ? Я не малый ребенокъ, чтобы надъ удочкой спать,—сердито двигаетъ дѣдъ бровями, какъ паукъ сѣрыми паутинами.—Не во снѣ, а наяву я видѣлъ ихъ, батюшка. Да развѣ я одинъ русалокъ видѣлъ? Мало народа ихъ видѣло! Да спросите во всей округѣ. Рѣдкій человѣкъ русалокъ не видѣлъ, потому что гдѣ жъ и видѣть русалку, ежели не возлѣ озера или возлѣ рѣки? Всякой твари, батюшка, и нечистой и чистой, свое мѣсто въ свѣтѣ отведено. Птица на деревѣ или кусту живетъ или въ рѣчномъ берегу, какъ стрижъ къ примѣру, и подъ небомъ носится или съ дерева на дерево порхаетъ; червь ползучій въ землѣ таится, лягушка въ болотѣ прячется, звѣрь въ лѣсу или въ полѣ живетъ, яму себѣ для ночлега имѣетъ или логово изъ листьевъ и травъ, а русалкѣ въ рѣкѣ или въ озерѣ предѣлъ жить положенъ и по берегу ночью рѣзвиться. Такъ-то. Какъ омутъ глубокій, тутъ онѣ и живутъ.

— А гдѣ омута нѣтъ?

— Да гдѣ жъ омута нѣтъ? Вездѣ они есть, омута-то. Развѣ въ какомъ ручьѣ. Ну, тамъ и русалокъ не водится.

Дѣдъ значительно подмигиваетъ, и морщины подъ его блѣдно-голубыми глазами дрожатъ.

— Отчего въ омутахъ народъ тонетъ?—спрашиваетъ онъ.—Отъ этого самаго. Доплыветъ человѣкъ до омута, а онѣ его щекотать начнутъ, внизъ тащить, ну, гдѣ же живому остаться? Человѣкъ-то одинъ, а ихъ много. И утащатъ на дно и поминай, какъ звали. А вы: „во снѣ видѣли". Ежели бы во снѣ, развѣ бы тонуло столько народу?

— Ты думаешь?

— Вѣрное слово. А то вотъ я вамъ еще что скажу...

Дѣдъ оглядывается по сторонамъ, точно боится, что у деревьевъ есть уши.

— Въ нашей глухой сторонѣ хуже русалки сыщешь нечисть. Что русалка! Что съ нея взять? А вотъ какъ баба начнетъ колдовать да вѣдьмачить и разную пакость творить, это ужо послѣднее дѣло!

— Какая баба, дѣдъ?

— Да обыкновенная баба, которую грѣхъ не страшитъ, и которая съ нечистой силой якшается: и печки и лавочки съ нечистою силой у ней. Вотъ, къ примѣру сказать, Татьяну-мельничиху изволили видѣть?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Ну, какъ ея не видать? У нихъ и мельница недалеко отсюда, версты три-четыре. Да нѣтъ, не больше трехъ верстъ.

— И мельницы не знаю.

— А впрочемъ, откуда вамъ знать, батюшка. Я все забываю, что вы всего-ничего какъ пріѣхали въ нашу сторону.

— Что же Татьяна?

Дѣдъ понижаетъ голосъ.

— Вѣдьма она.

— Полно, дѣдъ!

— Я вамъ говорю. Какъ есть вѣдьма.

— Почему ты думаешь, что она вѣдьма, дѣдъ?

— А мало развѣ она вѣдьмачила на своемъ вѣку, мало пакости творила, мало дѣлала зла и поганыхъ дѣлъ? Столько ихъ, батюшка, что муравьевъ въ кучѣ, что кочекъ въ большомъ болотѣ. Колдовства за ней много значится... не разскажешь всего.

— Какое же это колдовство, дѣдъ? Ей-Богу, это любопытно.

— Кабы къ ночи шло, я бы и разсказывать вамъ не сталъ,—пугливо покашивается дѣдъ на лѣсъ и на рѣчку.—Много за ней всякой дряни. Да вотъ хотя бы Ардальона Матвѣича Шумова взять. Слышали?

— Нѣтъ.

— Сосѣдъ вашему дядюшкѣ былъ: бокъ о бокъ съ „Михальцовомъ" было его имѣнье. Положимъ, теперь, какъ вся эта исторія вышла, имѣніе его продано, и ихней фамиліи не осталось въ уѣздѣ. А дѣло было лѣтъ пять назадъ. Купилъ господинъ Шумовъ имѣнье и пріѣхалъ съ женой изъ станицы. Жена молодая, красоты необыкновенной, полная, румяная, косы до самой земли. Поженились они передъ тѣмъ незадолго, жили по-хорошему, дружно, многіе имъ завидовали и на счастье ихъ нарадоваться не могли. Такъ бы, можетъ-быть, и до сей поры длилось, если бы господинъ Шумовъ Татьяны не увидалъ.

— Что же случилось, дѣдъ?

— Напустила на его вѣдьма туману, отвела глаза, приколдовала. То, бывало, онъ отъ жены не отходитъ, такъ ей въ глаза и глядитъ, а то повадился въ лѣсъ ходить: въ лѣсу ночуетъ и днюетъ. Охотникомъ сдѣлался. Полюбилъ будто бы охоту до страсти, и съ утра ранняго въ лѣсъ. А прежде терпѣть не могъ никакой охоты. Ну, извѣстно, вся эта охота только для отвода глазъ была, чтобы совѣсть свою успокоить: я-де не на мельницу, я въ лѣсъ хожу; а на мельницу такъ заверну—отдохнуть или молока напиться. Да, правду сказать, зачѣмъ ему было и на мельницу часто завертывать, ежели вѣдьма сама по лѣсу шатуномъ шатается и то тутъ, то тамъ на глаза попадаетъ? Такимъ порядкомъ господинъ Шумовъ отъ дому отбился и жену ненавидѣть сталъ. „Нелюба ты мнѣ!—говоритъ.—Глаза бы мои на тебя не глядѣли". Она въ слезы: „Другъ мой, опомнись, что ты говоришь?" А онъ ногами топаетъ, въ гнѣвъ приходитъ и совсѣмъ изъ дому бѣжитъ. Прошло нѣкоторое время, батюшка, онъ домой даже и заглядывать пересталъ. Будто и дома у него не существуетъ, или далъ онъ обѣщаніе жить въ лѣсу. А когда изъ лѣсу порою выйдетъ, то не домой пойдетъ, а къ пріятелю въ Озерушки. Въ Озерушкахъ у него пріятель жилъ, помѣщикъ одинъ непутевый.

— Почему непутевый?

— Въ карты игралъ и пилъ шибко. Дальше—больше. Ну, какъ увидѣла вѣдьма, что совсѣмъ завертѣла христіанскую душу и что не уйти ей изъ-подъ ея власти, она такую линію повела: „Оставьте меня, я васъ разлюбила: и сколько вы ни просите, больше любить я васъ не могу". Другой бы, который дьявольскимъ сѣтямъ не поддался, плюнулъ да и думать забылъ, а этотъ сохнуть сталъ съ горя, а въ концѣ концовъ, когда жизнь ему не въ жизнь стала, пошелъ будто бы купаться, да и утопился въ пруду. Свалили на то, что несчастный случай вышелъ. Но какой тутъ несчастный случай, ежели человѣкъ плавалъ, какъ рыба, и по несчастному случаю никогда не могъ въ пруду утонуть? Ну, если бъ въ морѣ потонулъ—дѣло десятое, а то и прудишка-то такъ себѣ небольшой, лядащій. Прямо лужа, не прудъ. Такъ вотъ она вѣдьма-то какая. Много она перебаламутила людей на своемъ вѣку. Не счесть.

Дѣдъ разсказываетъ и другія исторіи.

Цѣлая вереница блѣдныхъ, измученныхъ, несчастныхъ, благодаря вѣдьмѣ, людей проходитъ передъ юношей, выступая изъ мрака прошлаго и уходя въ тотъ таинственный мракъ, откуда никто не возвращался.

Басаргинъ слушаетъ съ широко открытыми глазами; но когда дѣдъ смолкаетъ, онъ встряхиваетъ головой, будто хочетъ сбросить съ себя чары, навѣянныя страннымъ разсказомъ, лѣтнимъ зноемъ, запахомъ мяты, шопотомъ рѣки, и говоритъ:

— Что за вздоръ, дѣдъ?! Изъ чего ты видишь, что мельничиха вѣдьмой была? Мало развѣ бываетъ случаевъ, что мужья женъ бросаютъ, влюбившись въ другихъ женщинъ? Ужели эти другія—все вѣдьмы?

Дѣдъ трясетъ головой.

— Не то говорите, батюшка, не то!—шепчетъ онъ.—Конечно, бываетъ, что человѣкъ разлюбитъ жену и на какую-нибудь красавицу соблазнится. Такъ не на вѣдьму же страшную, не на такую женщину, которой смерть краше.

— А она очень страшна, дѣдъ?

— Вѣдьма-то? На рѣдкость страшна: худая, тощая, какъ кошка некормленная. Взглянуть не на что.

— А сколько ей лѣтъ?

— Да развѣ у вѣдьмы есть лѣта? Можетъ, тридцать, можетъ, сорокъ, а можетъ, и всѣ семьдесятъ. Не здѣшняя она, съ чужой стороны, лѣтъ восемь, какъ въ нашихъ мѣстахъ объявилась.

Вдругъ дѣдъ поднимаетъ голову и шепчетъ зловѣще:

— Вотъ она—легка на поминѣ!

— Кто?

— Да вѣдьма жъ. Чуетъ, проклятая, что о ней рѣчь. Смотрите, батюшка.

Басаргинъ тоже поднимаетъ голову и вздрагиваетъ.

Изъ лѣса выходитъ молодая женщина и странной походкой, будто скользя, не касаясь земли, приближается къ нимъ.

Басаргинъ не находитъ, чтобы вѣдьма была страшнѣй смерти. Юношѣ кажется, что вѣдьма красива; она стройна и гибка, какъ лоза, на ея блѣдномъ лицѣ красныя губы горятъ, какъ губы вурдалака. А зеленоватые глаза поблескиваютъ, какъ кожа змѣи, когда, грѣясь на солнцѣ, змѣя лѣниво свиваетъ и распускаетъ свои кольца, шурша золотистой листвой, на которой лежитъ.

Дойдя до мужчинъ, мельничиха останавливается.

— А, это ты, дѣдъ?—говоритъ она, чуть-чуть улыбнувшись одними кончиками своихъ ярко-красныхъ губъ.—Вотъ не узнала. Богатому быть.

— Я, Татьяна Михайловна, я.

— Что ты тутъ дѣлаешь? Рыбу ловишь? Въ этакій зной?

— Да, не клюетъ въ зной, Татьяна Михайловна. Сидимъ, больше лясы точимъ...

— А...

Мельничиха проходитъ мимо, но вдругъ останавливается, думаетъ и смотритъ на дѣда черезъ плечо.

— Складывай свои удочки, дѣдъ!—говорятъ ея красныя губы, и юношѣ кажется, что зеленоватые глаза вѣдьмы бросаютъ на него насмѣшливый взглядъ.

— Почему?

— Больше тебѣ ничего не поймать сегодня. Я не хочу.

Она дѣлаетъ еще нѣсколько шаговъ, опять останавливается, будто ее удерживаетъ какая-то сила, и опять смотритъ на стараго дѣда черезъ плечо.

— Понимаешь, дѣдъ: я не хочу. Недаромъ я—вѣдьма.

Ея бѣлое платье мелькаетъ разъ-другой среди кустовъ и скрывается; Басаргинъ слышитъ только тихій смѣхъ стройной женщины, которая не кажется ему страшной, да смущенный шопотъ дѣда:

— Она все знаетъ, батюшка! Я говорилъ... я говорилъ вамъ. Ея не было, а она знаетъ, что рѣчь шла о ней. Она знаетъ...

Но Басаргинъ не слушалъ дѣда; юношу тянетъ встать съ лѣсной поляны и итти за вѣдьмой.

— Дѣдъ,—говоритъ онъ:—гдѣ ихъ мельница?

— Внизъ по рѣкѣ.

Дѣдъ поднимаетъ свои старые глаза на юношу и спрашиваетъ:

— А что?

— Такъ. Будь здоровенекъ.

— Прощайте, батюшка! Захаживайте. А какъ завидите мельницу, дальше держитесь. Обходите ее стороной.

Но Басаргинъ опять не слушаетъ дѣда. Онъ слышитъ задорный смѣхъ мельничихи и ея слова: „я—вѣдьма". Красныя губы роняютъ улыбки, и въ зеленоватыхъ глазахъ, какъ блестки молній, змѣятся насмѣшки. Что это за женщина? Что таится въ ея душѣ?

Поднявшись, съ смутной тревогой въ крови, онъ шагаетъ подъ шатеръ зеленаго лѣса.

Туда, гдѣ исчезло бѣлое платье.

IV.

Бѣлое платье красивой мельничихи мелькаетъ гдѣ-то далеко среди зеленой листвы кустовъ и темныхъ стволовъ.

Басаргинъ шагаетъ впередъ, не отводя отъ него глазъ, какъ не отводитъ глазъ отъ одинокой звѣзды кормчій, ведя корабль въ темную даль послѣ жестокаго шторма. На ходу становится еще жарче; солнце не палитъ сквозь чащу вѣтвей, но, кажется, если бы выйти на лугъ, на солнечный свѣтъ, было бы легче; можетъ-быть, тамъ хотя легкій порывъ вѣтерка освѣжилъ бы лицо; а въ лѣсу безконечно душно; смола, похожая на капли слезъ, течетъ по коричневымъ стволамъ сосенъ; почти не слышно пѣнія птицъ, только неугомонный дятелъ гдѣ-то долбитъ еловую шишку, и по лѣсу время отъ времени разносится меланхолическое „тукъ-тукъ".

Борисъ прибавляетъ шагу, но странная мельничиха, не оглядываясь, какъ будто чувствуя это, тоже прибавляетъ шагу, и ея бѣлое платье не становится ближе къ юношѣ ни на мигъ. Все это похоже на игру въ кошку и мышку, только бѣлая кошка идетъ далеко впереди, а любопытный мышонокъ старается, плетясь сзади, настичь ее во что бы то ни стало.

Лѣсная тропинка чуть-чуть поднимается въ гору; итти становится еще жарче; бѣлое платье мельничихи мелькаетъ гдѣ-то впереди и вдругъ исчезаетъ.

Поднявшись наверхъ, Басаргинъ видитъ оврагъ, заросшій деревьями и кустами; передъ спускомъ тропинка расходится, изъ одной ихъ становится двѣ, одна бѣжитъ зигзагами вправо, другая—влѣво; ни на той ни на другой не видно красивой мельничихи.

Борисъ останавливается въ раздумьѣ.

— Она пошла направо!—съ досадой говоритъ онъ.

Оглядѣвшись еще разъ и не найдя нигдѣ бѣлаго платья, Борисъ шагаетъ назадъ; посматривая по сторонамъ, онъ медленно поднимается до того мѣста, гдѣ тропинки расходятся въ разныя стороны, чтобы итти вмѣсто лѣвой по правой тропинкѣ, но... ему не приходится итти по правой тропинкѣ; поднявъ глаза выше спуска, онъ вновь видитъ бѣлое платье мельничихи: она сидитъ на старой поваленной бурей соснѣ, безсильно раскинувшей въ воздухѣ свои слабые короткіе корни съ приставшими къ нимъ комками земли; мельничиха не видитъ юноши. Голова ея спущена. Она смотритъ внизъ и медленно разбираетъ лежащіе у нея на колѣнахъ цвѣты: васильки, колокольчики, ромашку, повилику и какіе-то бѣлые цвѣты, похожіе на сувардіи, названія которыхъ Борисъ не знаетъ.

Онъ пятится, краснѣетъ и противъ воли съ языка его срывается радостно:

— Вы здѣсь?

Молодая женщина поднимаетъ голову и не кажется удивленной.

— Здѣсь,—говоритъ она.

И такъ же медленно, какъ будто чуть-чуть лѣниво, спрашиваетъ:

— А почему же мнѣ и не быть здѣсь?

Борисъ молчитъ. И мельничиха добавляетъ задумчиво:

— Я люблю быть здѣсь. Здѣсь тихо. Здѣсь никого нѣтъ.

Юношѣ дѣлается неловко.

Чтобы скрыть смущеніе, онъ говоритъ торопливо:

— Я хотѣлъ спросить васъ... скажите, какъ пройти къ мельницѣ?

— Къ мельницѣ нужно итти по той тропинкѣ, по которой вы пришли сюда.

Она поднимаетъ на него свои странные темноватые глаза и, кажется, спрашиваетъ безъ словъ:

— Ну, что жъ? Что жъ вы не идете?

Но, конечно, онъ не затѣмъ пришелъ сюда, чтобъ уходить.

— Какая жара!—говоритъ онъ, краснѣя.

— Особенно, если бѣгать по оврагамъ,—киваетъ она головой, и въ ея глазахъ, какъ холодная жаба, шевелится насмѣшка.

Насмѣшка дѣйствуетъ на него, какъ хлыстъ на горячую лошадь; и когда онъ заговариваетъ, въ голосѣ его уже звучитъ меньше смущенья.

— Можно сѣсть?—спрашиваетъ онъ.

Мельничиха пожимаетъ плечами:

— Мнѣ что жъ за дѣло? Сядьте. Отдохните, если вамъ хочется. До мельницы не ближній путь. Только, если вы спѣшите на мельницу, отдыхая въ лѣсу на каждомъ шагу, вы не скоро туда попадете.

Насмѣшка опять поблескиваетъ въ ея глазахъ; проворные пальцы мельничихи подбираютъ цвѣты въ букетъ, такой же странный, какъ и сама мельничиха; не обращая вниманія на Басаргина, она что-то напѣваетъ, тихо и грустно; вслушавшись, Борисъ узнаетъ старую кольцовскую „Ночь":

«Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,
Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою;
А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила,
Сладострастныхъ сновъ
Была ночь полна»...

— Послушайте,—перебилъ онъ ея пѣніе.

— Что вамъ?

— Почему...

Онъ останавливается съ тревогой во взглядѣ, но затѣмъ рѣшается и договариваетъ:

— Почему васъ вѣдьмой считаютъ?

— Не знаю,—говоритъ она простодушно, хотя въ зеленыхъ глазахъ ея вспыхиваютъ и гаснутъ огоньки.—Можетъ-быть, потому,—добавляетъ она, обращая блѣдное лицо къ Борису:—что я похожа на вѣдьму?

— Ахъ, нѣтъ!

— Нѣтъ?

— Вѣдьмы страшныя, вы же... красивы.

— Развѣ?

Она по-старому простодушно поднимаетъ вверхъ брови и съ недовѣріемъ смотритъ ему въ лицо.

— Да ну?—говоритъ она.—Скажите на милость! А я и не знала.

А въ глазахъ ея пляшутъ огоньки, которые волнуютъ и бѣсятъ юношу.

— Вы—красивая, но вы—злая,—хмуро говоритъ онъ, постегивая себя прутомъ по сапогу.—Это дурно.

— Напротивъ, очень хорошо,—качаетъ она головой.—Люди злы. Съ чего жъ мнѣ быть доброй? Зачѣмъ мнѣ быть доброй? Добрымъ плохо живется на бѣломъ свѣтѣ посреди злыхъ.

— Злымъ лучше?

— Лучше. Много ли знаете вы? Вы не знаете ничего.

Она вытягиваетъ руку съ букетомъ и осматриваетъ его, тихо повертывая во всѣ стороны: въ жаркомъ воздухѣ по-старому стучитъ дятелъ, гдѣ-то кукуетъ кукушка.

— Кукушка, кукушка, сколько лѣтъ мнѣ осталось жить?— быстро спрашиваетъ она.

Кукушка кукуетъ что-то долго, и мельничихѣ надоѣдаетъ считать.

— О, еще поживу!—говоритъ она серьезно.

Положивъ букетъ на колѣни, она продолжаетъ:

— Была у меня одна подружка... близкая, хорошая подружка. У нея мать была—святая душа и отецъ—почтенный, всѣмъ городомъ уважаемый человѣкъ: городской голова, староста церковный: на украшеніе храмовъ жертвовалъ, на отливку колоколовъ деньги вносилъ; орденъ имѣлъ за пожертвованія, золотую медаль на лентѣ. И наружности благообразной былъ: бородка сѣденькая, улыбочка привѣтливая, прямо хоть старца благочестиваго житія съ него пиши. А между тѣмъ ни одной горничной не давалъ прохода. Бывало, придешь къ подружкѣ, только и слышишь за стѣной: „Павелъ Яковлевичъ, постыдись! Опомнись! Павелъ Яковлевичъ, у тебя взрослая дочь!“ А въ отвѣтъ только одно: „Молчи! Не твое дѣло. Я знаю, что̀ дѣлаю“. Да. И въ одномъ большомъ городѣ домъ есть. Сѣрый домъ, страшный домъ. На окнахъ рѣшетки. Впускаютъ туда всѣхъ, а выпускаютъ съ разборомъ: когда вы выходите, смотрятъ на васъ, можно ли вамъ уходить. Въ каждой комнатѣ дома прячется горе, такое же сѣрое, такое же грустное, какъ домъ. Жаль тѣхъ, кто тамъ плачетъ; жаль тѣхъ, кто смѣется; и тѣхъ жаль, кто не смѣется, не плачетъ, а съ безсмысленнымъ взглядомъ бродитъ изъ одного угла въ другой уголъ. Такъ вотъ въ одной изъ комнатъ сѣраго дома причитаетъ святая душа: „Павелъ Яковлевичъ, постыдись! Павелъ Яковлевичъ, опомнись!“ Подойдетъ къ окну, отойдетъ къ двери, ни печали ни мысли нѣтъ въ ея старыхъ глазахъ, и языкъ твердитъ то, что̀ такъ часто твердилъ, по привычкѣ. И я думаю: зачѣмъ она была доброй? Если бъ она была злой, она не попала бы въ сѣрый домъ, гдѣ въ каждой комнатѣ—горе.

Мельничиха подноситъ букетъ къ лицу, можетъ-быть, затѣмъ, чтобы скрыть волненіе, и говоритъ съ злой улыбкой:

— Лучше быть доброй? Много знаете вы! Была у меня еще подружка. Добрая. Когда ее выдавали замужъ, ей не было шестнадцати лѣтъ. Мать спѣшила сбыть ее съ рукъ, овдовѣвъ, чтобы не то въ Крымъ, не то на Кавказъ къ татарину уѣхать. Татаринъ одинъ ей по вкусу пришелся. Ждать не могла. Прожилъ мужъ съ подружкой мѣсяцъ и говоритъ: „Совсѣмъ ты ребенокъ! Гдѣ тебѣ хозяйство вести. Напишу я двоюродной сестрѣ; пусть пріѣдетъ; за хозяйствомъ будетъ смотрѣть“. Подруга думаетъ: „Что̀ жъ, пускай смотритъ. Что̀ я, въ самомъ дѣлѣ, знаю? Ничего“. Выписалъ мужъ сестру; та мѣсяцъ за хозяйствомъ смотритъ, полгода смотритъ; подружкѣ весело, хозяйство съ рукъ сбыла. Только видитъ, что старая няня ея каждый день плачетъ. Допрашивать начала: „Что̀ съ тобой, няня?“ Ну, та сначала отговаривалась— „ничего“ да „ничего“, а потомъ призналась: „Дѣточка моя, сердце у меня рвется на части, не могу я съ собой совладать; обманываютъ тебя: не сестра она мужу твоему; и раньше онъ жилъ съ ней, а теперь, на-ка поди, въ домъ перевезъ; срамъ-то, срамъ-то какой“. Подружка моя и крылышки опустила; покончить хотѣла съ собой, утопиться, яду принять. Добрая, говорю вамъ, была. А потомъ и пришло ей на мысли: „Чѣмъ душу свою губить, буду злой! Насмѣялись вы надо мной, всѣ мечты мои въ грязь затоптали, буду жъ злой!“ И стала злою подружка.

— И стало ей легче?

— Еще бы! Совсѣмъ легко стало. Отъ сестры въ недѣлю и званія не осталось, а когда мужа разбилъ параличъ, другой бы женѣ печаль, а ей только забава. Гуляетъ, гуляетъ, придетъ домой на мельницу...

— На мельницу?

Мельничиха спокойно поднимаетъ глаза на Бориса.

— Ну, да; подружка моя тоже мельничиха; только мельница ея далеко-далеко, верстъ за пятьсотъ отсюда. Придетъ на мельницу, мужъ въ креслѣ сидитъ, ни рукой ни ногой двинуть не можетъ, только лѣвымъ глазомъ помаргиваетъ; говорить тоже не можетъ, бормочетъ что-то, но подружка привыкла и знаетъ, что̀ мужъ спрашиваетъ: „Гдѣ была?“ — „Гдѣ была? — переспроситъ подружка. — Гдѣ была, тамъ больше нѣту, мужъ. Весело было, мужъ!“ У него съ лѣваго глаза слеза скатится, а ей смѣхъ.

— Что̀ говорите вы?! — въ испугѣ шепчетъ Борисъ. — Это же ужасъ.

Мельничиха щуритъ глаза.

— Вотъ и мужъ то жъ бормочетъ. А подружка въ отвѣтъ: „А помнишь, мужъ, какъ вѣнчали насъ? Мнѣ шестнадцати лѣтъ не было, а ты себѣ возлюбленную завелъ. Это не ужасъ? Я ли виновата, что ты состарился раньше времени, и Богъ раздавилъ тебя, какъ жабу камень? А вѣдь я молодая, я здоровая, красивая была, мужъ! А ты кого въ нашъ домъ перевезъ? Это не ужасъ?“ Мужъ воетъ, какъ звѣрь, а подружкѣ весело. Нужно быть доброй? Что̀ знаете вы? Злой нужно быть, лучше быть злой, чтобы мстить дряннымъ, подлымъ людямъ. Намотайте это себѣ на усъ, когда... у васъ выраступъ настоящіе усы.

Изъ печальныхъ глаза мельничихи становятся насмѣшливыми, какъ раньше.

Она еще разъ внимательно осматриваетъ свой странный букетъ и сбрасываетъ мелкіе зеленые листики съ бѣлаго платья.

— Такъ-то,—говоритъ она.—Чего не бываетъ въ жизни. Боже мой, если бъ вы знали только, что̀ бываетъ! И нельзя ко всему съ одной мѣрочкой подходить. Вы извините, можетъ, я не такъ что̀ сказала, но ваши слова за живое задѣли меня. А я... я не люблю въ долгу оставаться: я люблю, чтобы долгъ былъ платежомъ красенъ.

Басаргинъ смотритъ въ ея зарумянившееся, а прежде такое блѣдное лицо.

Почему слова его задѣли красивую женщину за сердце? Не съ ней ли самой было то, о чемъ она разсказываетъ, не ея ли мужъ разбитъ параличомъ, и не ему ли она говоритъ, что вся заласкована, зацѣлована? Или, можетъ-быть, въ ея жизни было что-нибудь схожее съ тѣмъ, о чемъ она говоритъ?

— Ну... посидятъ, посидятъ да и пойдутъ!—вздыхаетъ мельничиха и тихо поднимается со ствола старой сосны. — Будьте здоровеньки!

Прищуривъ глаза, она вспоминаетъ:

— Ахъ, да! Вѣдь и вамъ тоже къ мельницѣ нужно. Ну, значитъ, намъ по пути.

Она говоритъ совсѣмъ серьезно, но подбородокъ ея дрожитъ, какъ будто смѣхъ просится на ея губы, и ей трудно удержать этотъ смѣхъ.

Стряхнувъ съ платья послѣдніе зеленые листики и порванные цвѣточные стебли, она, не спѣша, спускается по лѣвой тропинкѣ въ глубину оврага. И опять прохлада ласкаетъ лицо Басаргина.

— Здѣсь есть родники?—спрашиваетъ онъ у мельничихи.

— Есть,—коротко отвѣчаетъ она.

У нея красивыя плечи и тонкая, будто выточенная изъ кости шея, на которой мило курчавятся завитки темныхъ волосъ. Мельничиха чувствуетъ на себѣ взглядъ юноши, но идетъ впереди, не поворачивая головы.

— Вы часто бродите здѣсь?—спрашиваетъ онъ.

— А вамъ зачѣмъ это знать?—въ свою очередь спрашиваетъ мельничиха.

Но она передумываетъ и говоритъ равнодушно:

— Впрочемъ, что̀ же это за секретъ? Часто.

— Одна?

По тому, какъ дрожитъ ея подбородокъ, видно, что она смѣется.

— Не всегда, какъ видите.

Досадуя на себя и на мельничиху, Басаргинъ угрюмо молчитъ; она чувствуетъ эту досаду, хотя не оборачивается и не видитъ его лица, и начинаетъ напѣвать знакомую „Ночь“ отъ скуки:

„Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,
Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою;
А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила,
Сладострастныхъ сновъ
Была ночь полна“...

Миновавъ поляну, которая идетъ за оврагомъ, они выходятъ на берегъ рѣки; неглубокая рѣчка чуть-чуть движется въ зеленыхъ берегахъ, будто скованная лѣтней дремотой. Мельничиха останавливается и смотритъ въ лицо Борису.

— Однако вы пріуныли,—говоритъ она, усмѣхаясь и чуть-чуть лаская его взглядомъ своихъ зеленоватыхъ глазъ. — Букой смотрите. Нужно будетъ васъ развеселить. Стойте!

Онъ останавливается, не понимая, въ чемъ дѣло, а она уходитъ шаговъ на двадцать впередъ и, готовясь бѣжать, торопливо подбираетъ свое бѣлое платье.

— Ловите!—кричитъ она неожиданно.

Пока онъ срывается съ мѣста, она уже далеко; но онъ мастеръ бѣгать, онъ летитъ, точно за плечами его прикрѣплены крылья, и черезъ минуту крѣпко схватываетъ ее за талію.

— Пустите жъ!—весело говоритъ мельничиха.—Устала!

Но онъ держитъ ее еще крѣпче и тянется къ ея губамъ, страннымъ краснымъ губамъ на блѣдномъ лицѣ. Тогда большіе глаза ея темнѣютъ; и она ловко, какъ тонкая змѣйка, выскальзываетъ изъ его рукъ; а когда, блестя глазами, тяжело дыша, Басаргинъ опять хочетъ схватить ее, молодая женщина съ силой, которой нельзя было предположить въ ней, отталкиваетъ его, и онъ летитъ на землю, ударившись головой при паденіи о какой-то нелѣпый, торчащій совсѣмъ не на мѣстѣ, пенекъ.

Кто-то льетъ ему на голову воду, кто-то шепчетъ ему надъ ухомъ:

— Милый, очнись!

И какъ будто чьи-то горячія уста прижимаются къ его холоднымъ губамъ.

Но онъ не знаетъ, чудится ли ему все это, или все это происходитъ на самомъ дѣлѣ. Онъ знаетъ одно—что, когда приходитъ въ себя, возлѣ него уже нѣтъ красивой мельничихи съ зеленоватыми русалочными глазами и красными губами вурдалака...

V.

Въ „Михольцовѣ“ тихо и скучно, и на всемъ лежитъ какой-то сѣрый налетъ, какъ будто въ давно прошедшее время гигантскій паукъ заткалъ всю усадьбу унылой сѣрой паутиной.

Отъ живой жизни дядя Басаргина уже давно, больше десяти лѣтъ назадъ, ушелъ въ мертвое царство старыхъ пропыленныхъ книгъ въ большихъ кожаныхъ переплетахъ, порой съ мѣдными позеленѣвшими застежками, порой съ шитыми бисеромъ, лѣтъ 75 назадъ, закладками, порой съ закладками изъ ветхихъ, полуистершихся лентъ. Михольцовъ любитъ разбираться въ книжныхъ рѣдкостяхъ и перечитывать толстый дневникъ, который онъ никому не показываетъ и который ведетъ уже много лѣтъ. Большинство книгъ Михольцова увидѣли свѣтъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ. Кромѣ русскихъ въ библіотекѣ старика есть не мало французскихъ и нѣмецкихъ книгъ. По великолѣпнымъ гравюрамъ любопытенъ знаменитый романъ Виктора Гюго въ прекрасныхъ изъ желтой тисненой кожи переплетахъ; вѣроятно, это первое изданіе когда-то прочтеннаго всѣмъ свѣтомъ романа. На заглавной страницѣ перваго тома стоитъ:

Notre-Dame
de Paris.
Par Victor Hugo.
I.
Paris.
Eugène Renduel.

А ниже, самымъ мелкимъ шрифтомъ, который можетъ прочесть только человѣкъ съ острымъ зрѣніемъ, значится:

Rue des Grands-Augustins, 22.
1836.

Въ третьемъ томѣ есть прелестная гравюра, на которую иногда заглядывается Басаргинъ. Гравюра изображаетъ Эсмеральду въ комнатѣ наверху колокольни: дѣвица сидитъ на постели, поджавъ босыя ноги; козочка Эсмеральды прижимается милой мордочкой къ бѣлому платью хозяйки; въ дверяхъ стоитъ маленькій, похожій на гориллу Квазимодо, кривоногій, мохнатый, съ покорно сложенными на колѣняхъ руками и молитвеннымъ выраженіемъ устремленныхъ на Эсмеральду глазъ. Сквозь стекла книжныхъ шкаповъ можно видѣть „Разсужденіе о религіи патріарховъ, до Юнона жившихъ“, изданное въ Петербургѣ въ 1807 году. Рядомъ стоитъ позже изданный, но рѣдкій „Петербургскій некрополь, или справочный историческій указатель лицъ, родившихся въ XIII и XVIII столѣтіяхъ“, Радищевское „Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего“, помѣченное 1790 годомъ, „Памятники московской древности“ Снегирева, „Обозрѣніе ложныхъ религій“, изданное въ 1849 году, и цѣлый рядъ другихъ старыхъ книгъ.

Порою Михольцовъ вынетъ изъ шкапа какую-нибудь книгу или тетрадь и скажетъ племяннику:

— Это „Описаніе коронаціи Императрицы Анны Іоанновны“, изданное въ 1730-мъ году, я купилъ за 100 рублей. Цѣна дешевая, такъ какъ экземпляръ въ хорошей сохранности, и всѣ гравюры цѣлы. Есть экземпляры безъ гравюръ; тѣ значительно дешевле; экземпляры безъ гравюръ можно купить рублей за 30, за 40. А вотъ обрати вниманіе на рѣдкое изданіе въ четырехъ томахъ...

— Что̀ это, дядя?

— „Москва, или историческій путеводитель по знаменитой столицѣ Государства Россійскаго, заключающій въ себѣ: 1-е, исторію сего Престольнаго града отъ начала онаго до нашихъ временъ; 2-е, подробное описаніе всѣхъ важныхъ событій, случившихся въономъ; 3-е, описаніе находящихся въ немъ рѣдкостей, монастырей, церквей и разныхъ зданій и памятниковъ, съ показаніемъ времени ихъ основанія“.

— Что̀ же, интересны эти четыре тома?

— О, да.

Дядя раскрываетъ одинъ изъ томовъ и начинаетъ читать:

— „Первые боевые часы, поставленные на дворѣ Великокняжескомъ, за церковью Благовѣщенія, сдѣлалъ въ Москвѣ, въ 1414 году, Аѳонской горы монахъ, родомъ сербъ, а именемъ Лазарь; оные стоили болѣе 150 рублей, то-есть около 30 фунтовъ серебра“. А вотъ тебѣ „любопытственныя свѣдѣнія“ о происхожденіи слова „копейка“: „Въ правленіе Елены Глинской, въ 1533—1538 годахъ, открылось также злоупотребленіе: до сего времени дѣлывалось изъ фунта серебра пять рублей и двѣ гривны, корыстолюбцы же начали переливать деньги, убавляя вѣсъ оныхъ, и дошли до того, что фунтъ серебра составлялъ уже десять рублей; отъ сей причины цѣны на все возвысились. Елена, узнавъ объ обманѣ, запретила всѣ старыя деньги и установила чеканить монету изъ фунта шесть рублей; на монетѣ изображался Великій Князь на конѣ съ копьемъ (а до сего съ мечомъ); отъ сего изображенія монеты и получили названіе „копеекъ“. А вотъ эта книга... Обрати вниманіе на эту книгу...

— Чѣмъ она интересна?

— Это—экземпляръ „Хризомандера“. Книга будто бы открываетъ тайны алхиміи и, какъ вредная, была когда-то сожжена.

Поставивъ книги въ шкапъ, дядя вытаскиваетъ старыя литографіи.

— Вотъ взгляни. Литографіи Орловскаго, изданныя въ 1825 году. Русскіе типы.

Басаргинъ смотритъ на старые, запыленные, порой ветхіе, томы, на старыя литографіи, а изъ ветхихъ томовъ, изъ литографій Орловскаго, на него смотритъ одно лицо—лицо Татьяны.

— Я купилъ ихъ за 10 рублей,—говоритъ о литографіяхъ дядя.—Это дешево. Онѣ рѣдки. Книги сохраняются лучше, экземпляры же всѣхъ старыхъ изданій гравюръ или литографій найти до крайности трудно. Это потому, что въ старые годы ихъ вѣшали на стѣны, вставляли въ рамы.

Басаргинъ слушаетъ дядю и думаетъ:

„Удастся встрѣтить нынѣ въ лѣсу прекрасную мельничиху или нѣтъ?“

Надо бы сходить въ „Дубки“ но... въ „Дубки“ его не тянетъ такъ, какъ тянетъ въ лѣсъ,—туда, гдѣ ходитъ тонкая, стройная женщина въ бѣломъ платьѣ, собираетъ цвѣты, улыбается красными губами и поетъ кольцовскую „Ночь“.

Дядя порой говоритъ ему:

—Тебѣ записка!

Басаргинъ смотритъ:

— Изъ „Дубковъ“.

Онъ садится и пишетъ отвѣтъ, и назначаетъ день, когда онъ придетъ въ „Дубки“; и когда онъ пишетъ записку, онъ знаетъ, что не придетъ въ этотъ день. Но... не все ли равно? Вѣдь дней такъ много. Кто помѣшаетъ ему прійти, если не въ этотъ, то на другой день? Или въ одинъ изъ ближайшихъ?

А день идетъ за днемъ, недѣля бѣжитъ за недѣлей. Однажды вечеромъ Михольцовъ говоритъ племяннику:

— Завтра утромъ я ѣду въ городъ на кладбище.

Онъ жуетъ губами, щуритъ глаза, какъ будто хочетъ сдержать набѣгающія слезы, и добавляетъ:

— Служить панихиду... Ѣдешь со мной?

— Ѣду.

— Вели Терентію завтра подать къ девяти.

Наутро, ровно въ девять, застоявшаяся лошадь выноситъ ихъ за ограду усадьбы.

— Терентій,—говоритъ кучеру Михольцовъ брюзгливо:—что̀ ты, братецъ мой, зѣваешь по сторонамъ? Впереди косогоръ, а ты смотришь всюду, кромѣ дороги.

— Не безпокойтесь, ваша милость! — отвѣчаетъ Терентій.— Дорога знакомая.

— Когда мы слетимъ въ оврагъ, тогда предупреждать тебя будетъ поздно.

— Да гдѣ жъ тутъ оврагъ, ваша милость?

— А сбоку.

— Да развѣ это оврагъ? Такъ, овражекъ.

Михольцовъ надвигаетъ шляпу ниже на лобъ и съ гнѣвомъ глядитъ въ спину Терентія: онъ не любитъ лишнихъ разговоровъ; онъ любитъ, чтобы всѣ окружающіе слушались его съ перваго слова, ибо, какъ умный человѣкъ, онъ не станетъ говорить вздора, и все, что̀ онъ говоритъ, обдумано, взвѣшено, соображено. Зачѣмъ же всѣ возраженія? Зачѣмъ пустыя слова? Къ сожалѣнію, никто не слушается Михольцова съ перваго слова. Даже Терентій.

Но Терентій оказывается правымъ: тарантасъ благополучно минуетъ овражекъ; черезъ часъ вдали показывается колокольня кладбищенской церкви, а вскорѣ и самое кладбище, съ бѣлой оградой и съ темной зеленью деревьевъ надъ оградой. Минутъ черезъ десять Терентій осаживаетъ горячую лошадь у самыхъ кладбищенскихъ воротъ. Къ пріѣзжимъ ковыляетъ пара калѣкъ, и спѣшитъ кладбищенскій сторожъ.

— Который священникъ на кладбищѣ, Кузьма?—спрашиваетъ Михольцовъ.

— Отецъ Петръ, Левъ Ѳомичъ!—отвѣчаетъ сторожъ.

— Отецъ Петръ? Это хорошо, что отецъ Петръ.

По губамъ Михольцова ползетъ довольная улыбка; онъ ласково смотритъ на корявое лицо Кузьмы, на его широкую бороду лопатой и говоритъ:

— Попроси, Кузьма, отца Петра прійти на могилку.

Михольцовъ и Басаргинъ идутъ по усыпанной пескомъ дорожкѣ, и старикъ задумчиво шепчетъ:

— Я люблю, когда служитъ отецъ Петръ: у него такой нѣжный, проникающій въ душу голосъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Полное затменіе солнца.

Очеркъ **Н. С. Павловскаго.**

(Съ 2 рис. и картой).

8 августа текущаго года произойдетъ полное солнечное затменіе, которое будетъ видимо почти исключительно въ предѣлахъ Европейской Россіи, почему за границей оно получило названіе „русскаго затменія“. Это затменіе среди другихъ является выдающимся, благодаря необычайно удобному расположенію полосы полной фазы затменія среди культурно-населенныхъ мѣстностей, что̀ даетъ возможность астрономамъ, расположеннымъ въ различныхъ частяхъ полосы, наблюдать послѣдовательно въ теченіе

получаса за этимъ любопытнымъ явленіемъ и до нѣкоторой степени рѣшить назрѣвшій любопытный вопросъ объ измѣненіяхъ формы солнечной короны въ теченіе короткаго промежутка времени.

Затменіе начнется въ сѣверной части Гренландіи, пройдетъ черезъ Атлантическій океанъ, пересѣчетъ Скандинавскій полуостровъ, захватитъ юго-западную часть Ботническаго залива съ Аландскими островами и послѣ полудня вступитъ въ окрестностяхъ Риги въ предѣлы Европейской Россіи. Тутъ полоса пройдетъ слѣдующимъ образомъ: Рига, Икскюль, Фридрихштатъ, Ново-Александровскъ, Свѣнцяны, Вилейка, Минскъ, Мозырь, Кіевъ, Каневъ, Смѣла, Елисаветградъ, Горностаевка, Геническъ, Арбатовая Коса, Ѳеодосія. Соединивъ прямой линіей эти пункты, мы въ точности получимъ центральную линію полосы полной фазы затменія. Проведя, приблизительно, въ разстояніи 80 верстъ къ сѣверу и югу отъ этой центральной линіи двѣ другія линіи, параллельныя ей, мы получимъ, приблизительно, сѣверную и южную границы полосы полной фазы затменія. Такъ, около южной границы расположены: Ирбеня, Корваны, Вилькомірь, Вильна, Радомысль, Чальбисы, Айдаръ; около сѣверной—Перновъ, Вольмаръ, Черниговъ, Пирятинъ, Кременчугъ, Мелитополь.

Главнымъ условіемъ для успѣшнаго наблюденія солнечнаго затменія являются благопріятныя метеорологическія условія, въ особенности ясное небо.

Пользуясь любезностью директора главной физической обсерваторіи, академика князя Б. Б. Голицына, я получилъ возможность прослѣдить метеорологическія условія (ясность неба) вдоль всей полосы полной фазы затменія, начиная съ береговъ Балтійскаго моря до южнаго мало-азіатскаго берега Чернаго моря.

Въ наилучшихъ метеорологическихъ условіяхъ, какъ и слѣдовало ожидать, находится южный берегъ Крымскаго полуострова, гдѣ облачность въ началѣ августа достигнетъ абсолютнаго минимума, хотя уже на мало-азіатскомъ берегу (въ Трапезундѣ) облачность нѣсколько больше. Поэтому наилучшимъ пунктомъ для наблюденія затменія является Ѳеодосія, куда и направляется наибольшое количество большихъ русскихъ и иностранныхъ экспедицій. Слѣдующимъ благопріятнымъ пунктомъ является Геническъ. Въ районѣ Кривого Рога облачность достигаетъ 25 процентовъ и постепенно повышается по мѣрѣ удаленія къ сѣверу. Подъ Кіевомъ облачность достигнетъ немного менѣе 45 процентовъ, но зато тутъ астрономическія условія наилучшія, такъ какъ продолжительность полной фазы затменія наибольшая. Поэтому подъ Кіевомъ и въ самомъ Кіевѣ также расположено много большихъ русскихъ и иностранныхъ экспедицій, которыя, находясь хотя и въ менѣе благопріятныхъ метеорологическихъ условіяхъ, чѣмъ крымскія, хотятъ воспользоваться при ясномъ небѣ выгодами астрономическихъ условій. Къ сѣверу отъ Кіева облачность быстро возрастаетъ, достигая въ Вильнѣ 60 процентовъ. Къ сѣверу отъ Вильны облачность немного уменьшается, падая въ Ригѣ до 50 процентовъ. Но изъ всѣхъ сѣверныхъ пунктовъ минимумомъ облачности выдѣляются Аландскіе острова (городъ Маріехамъ), гдѣ облачность падаетъ до 45 процентовъ, т.-е. условія такія же, какъ и подъ Кіевомъ. Эта малая облачность Аландскихъ островозъ объясняется ихъ островнымъ положеніемъ, такъ какъ, будучи окруженными на большомъ пространствѣ водяной поверхностью, они не имѣютъ дневной лѣтней облачности, вызываемой на материкѣ восходящими токами.

Такимъ образомъ для сѣверянъ наиболѣе подходящими и ближайшими пунктами для наблюденія затменія являются Аландскіе острова или окрестности Риги. Поэтому настоящее затменіе для русскихъ астрономовъ представляетъ исключительный интересъ, такъ какъ они могутъ наблюдать его у себя дома и притомъ въ наивыгоднѣйшихъ, какъ астрономическихъ, такъ и метеорологическихъ, условіяхъ.

Поэтому понятно, что затменіе вызвало крупныя приготовленія среди русскихъ астрономовъ, которые, можно смѣло сказать, впервые снаряжаютъ такое большое число богато оборудованныхъ экспедицій. Не меньшій интересъ вызвало настоящее затменіе и въ образованномъ обществѣ и даже въ простомъ народѣ, который еще до сихъ поръ относится къ затменіямъ съ нѣкоторымъ суевѣріемъ и страхомъ.

Въ недавно появившейся книжкѣ Д. О. Святскаго („Предстоящее полное затменіе солнца 8 августа 1914 года, видимое въ Европейской Россіи“) собраны на основаніи лѣтописныхъ данныхъ и народныхъ повѣрій интересные взгляды русскаго народа на солнечныя затменія.

Въ древней Руси полагали, что солнце во время затменія пожирается злымъ духомъ, котораго простой народъ воплотилъ въ образъ Волкодлака—это оборотень, человѣкъ, обращенный въ волка. Такъ по поводу полнаго затменія въ одномъ древне-русскомъ памятникѣ говорится: „Егда убо погыбаетъ Луна или Солнце, глаголютъ—волкодлацы Луну изъѣдающа или Солнце“. Даже при Петрѣ Великомъ солнечныя затменія вызывали панику въ простомъ народѣ, считавшемъ ихъ дьявольскимъ навожденіемъ. Такъ, въ 1706 году, во время Великой Сѣверной войны, должно было въ октябрѣ случиться полное солнечное затменіе. Чтобы избѣжать паники въ войскахъ и возмущенія въ простомъ народѣ, Петръ Великій разослалъ войсковымъ начальникамъ, архіереямъ и прочему мѣстному начальству приказъ о томъ, чтобы всѣ солдаты и прочіе граждане заранѣе были оповѣщены о предстоящемъ полномъ затменіи солнца, „дабы про то вѣдая не сочли его за чудо“. Даже Ломоносовъ, этотъ великій русскій ученый, не могъ противостоять распространенному въ Западной Европѣ повѣрью, что полныя солнечныя затменія очень вредны для жителей земли, такъ какъ они наполняютъ нашу атмосферу сильно дѣйствующими ядами, почему жители земли во избѣжаніе отравленія должны на время затменія укрываться въ герметически закупоренныхъ погребахъ, заблаговременно надушенныхъ благовоніями, что дѣйствительно и практиковалось въ Западной Европѣ трусливыми и суевѣрными людьми.

Это повѣрье навѣяно скорѣе не суевѣрнымъ страхомъ, а неправильно истолкованнымъ фактомъ. Во время наступленія тьмы при полной фазѣ затменія иногда приходилось наблюдать, какъ птицы на лету ударялись во тьмѣ о твердые предметы, дома, деревья и мертвыми падали на землю. Д. О. Святскій передаетъ также любопытный фактъ, относящійся къ полному затменію 26 іюня 1842 г., когда въ г. Сѣвскѣ, Орловской губ., въ мѣстномъ женскомъ монастырѣ было устроено спеціальное молебствіе во время затменія, при чемъ суевѣрная молва оставила преданіе о томъ, что свѣчи передъ иконами „не могли горѣть“ во время полнаго мрака.

Что касается причинъ солнечныхъ затменій, то о нихъ, повидимому, знали еще въ до-Петровской Руси. Такъ, въ житіи протопопа Аввакума при описаніи полныхъ затменій 1654 и 1666 годовъ говорится, что „съ запада Луна подтекала“. Эти свѣдѣнія Аввакумъ, навѣрное, вычиталъ въ „Правильномъ изложеніи вѣры Іоанна Дамаскина“, гдѣ сказано: „Тогда же оскудѣніе, или затменіе солнечное бываетъ, егда Луна тѣломъ своимъ, аки нѣкіимъ средствіемъ застѣсняетъ Солнце, и не попускаетъ отъ него подаватися намъ свѣту“.

Карта полнаго затменія солнца 8 августа с. г.

Однако знаніе истинной причины солнечныхъ затменій еще не дало въ древности ученымъ возможности опредѣлять съ увѣренностью моментъ наступленія полнаго затменія. Хотя уже тогда дѣлались попытки предсказывать затменія, и намъ извѣстно одно удачное предсказаніе затменія, случайно сдѣланное Ѳалесомъ Милетскимъ. Но точнѣе дѣлались, повидимому, предсказанія солнечныхъ затменій въ Китаѣ, хотя и въ этой странѣ ученымъ не всегда удавалось предсказать затменіе, на что указываетъ печальная судьба китайскихъ придворныхъ астрономовъ Хи и Хо, которые лишены были жизни за то, что не сообщили заблаговременно о предстоящемъ затменіи. У насъ на Руси мужички безъ всякихъ астрономическихъ познаній также предугадывали о наступленіи затменія. Такъ, В. Г. Короленко въ своихъ впечатлѣніяхъ отъ затменія 1887 г. передаетъ, между прочимъ, рѣчь одного мужичка „изъ-за Пучежа“:

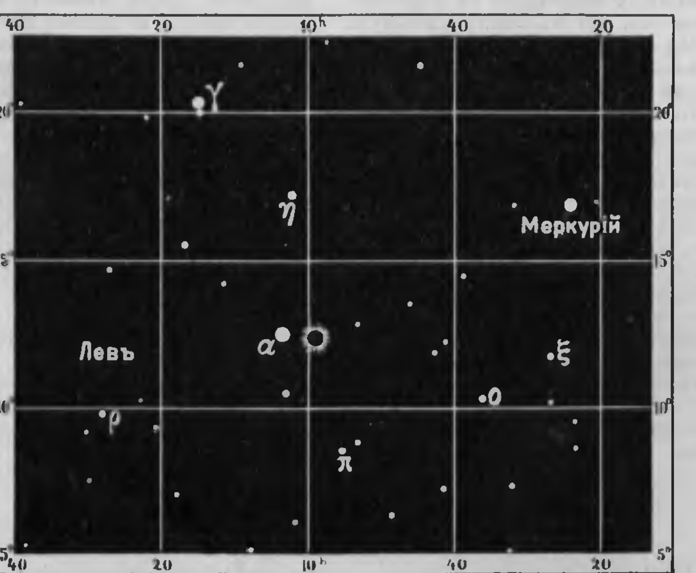
— А у насъ, братцы, мужики и безъ остроумовъ знали, что будетъ затменіе. Ей-Богу... Потому старики учили: ежели, говорятъ, мѣсяцъ по зорямъ ходитъ, непремѣнно къ затменію... Ну, только въ какой день — этого не знали...

Эта народная примѣта дѣйствительно вѣрна, такъ какъ передъ затменіемъ луна появляется на утренней зарѣ не въ сторонѣ отъ нея, какъ обыкновенно, а прямо въ ея заревѣ.

Солнечная корона максимума.

Во всякомъ случаѣ, древнія предсказанія затменій основывались скорѣе на случайно подмѣченныхъ изъ наблюденій признакахъ, чѣмъ на знаніи истиннаго движенія луны. Точное предсказаніе затменій на много десятковъ и сотенъ лѣтъ впередъ сдѣлалось возможнымъ лишь въ самое послѣднее время, когда астрономамъ удалось въ совершенствѣ изучить сложное, запутанное движеніе нашего спутника—луны. Самая крупная работа въ этомъ направленіи была произведена австрійскимъ астрономомъ Оппольцеромъ, который въ своемъ объемистомъ сочиненіи „Канонъ затменій“ вычислилъ всѣ солнечныя и лунныя затменія за періодъ времени съ 1.500 года до Р. Х. по 2.000 лѣтъ послѣ Р. Х.

Вычисленія Оппольцера показали, что на весь этотъ періодъ времени приходится до 8.000 солнечныхъ затменій, при чемъ любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что число полныхъ солнечныхъ затменій, видимыхъ въ какомъ-либо пунктѣ на земной поверхности, чрезвычайно ничтожно, и въ среднемъ полныя затменія солнца въ какомъ-либо пунктѣ бываютъ разъ въ 200 лѣтъ, хотя на долю всей земной поверхности ежегодно приходится въ среднемъ одно или два полныхъ затменія, но, такъ какъ полосы этихъ затменій чрезвычайно узки и въ ширину достигаютъ лишь 200 километровъ (во время настоящаго затменія всего 165 колом.), то отдѣльные пункты попадаютъ въ эту полосу чрезвычайно рѣдко. Если бы луна обращалась вокругъ земли въ той же плоскости, въ какой послѣдняя обращается около солнца, то ежемѣсячно каждое новолуніе, когда луна находится между землею и солнцемъ, мы наблюдали бы полное затменіе солнца. Въ дѣйствительности же плоскость вращенія луны пересѣкается съ эклиптикой въ двухъ точкахъ, называемыхъ узлами лунной орбиты. Такимъ образомъ полныя затменія солнца наблюдаются, когда луна и солнце находятся въ одномъ узлѣ. Эти узлы не остаются на небѣ постоянно въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а постепенно перемѣщаются по эклиптикѣ, совершая полный оборотъ въ періодъ 18,6 года, который былъ извѣстенъ еще халдеямъ за шесть вѣковъ до Р. Х. и назывался Саросомъ. Въ теченіе Сароса, т.-е. 18,6 лѣтъ, происходитъ 41 затменіе солнца, но это число для всей поверхности земли. Что касается до отдѣльныхъ пунктовъ, то, какъ показалъ Галлей въ 1715 году, въ Лондонѣ въ теченіе 575 лѣтъ съ 20 марта 1140 по 1724 годъ не наблюдалось ни одного полнаго затменія, равно какъ и въ XIX столѣтіи, а въ Парижѣ послѣднее полное затменіе было лишь въ 1724 году, а въ XIX столѣтіи тоже не было ни одного.

Видъ неба со звѣздами и затемненнымъ солнцемъ во время фазы полнаго затменія.

Что касается Россіи, то, несмотря на огромную площадь, занимаемую ею, на ея долю въ теченіе ближайшихъ трехъ вѣковъ придется лишь пять полныхъ затменій: ближайшее настоящее въ 1914 году, затѣмъ въ XX вѣкѣ въ 1954 и 1961, въ XXI вѣкѣ въ Россіи не будетъ совершенно полныхъ солнечныхъ затменій, а въ XXII вѣкѣ ихъ будетъ видно два: въ 2126 и 2142 годахъ.

Поэтому вполнѣ понятно, что настоящее затменіе вызвало крупныя приготовленія не только у насъ, но и за границей, откуда за тысячи верстъ присылаются къ намъ большія экспедиціи для изученія и разрѣшенія вопросовъ изъ физики солнца. Вообще ожидается къ намъ около сотни иностранныхъ экспедицій.

Пулковская обсерваторія снаряжаетъ для наблюденія затменія три большихъ экспедиціи: въ Ригу, въ Ставиды, имѣніе К. II. Гревса (Кіевской губ.), и въ Ѳеодосію.

Императорская Академія Наукъ посылаетъ въ Ѳеодосію подъ руководствомъ Н. Н. Донича большую астрономическую экспедицію. Главной задачей экспедиція поставила себѣ разрѣшеніе основныхъ вопросовъ физики солнца, т.-е. изученіе спектра солнечной атмосферы (хромосферы) и изслѣдованіе спектра короны и ея структуры и внѣшней формы. Для изслѣдованія внутренней короны (непосредственно прилегающей къ солнечной атмосферѣ) и ея строенія предназначается большой короиографъ, длиною въ десять метровъ, изъ частной обсерваторіи Н. Н. Донича въ Старыхъ Дубоссарахъ (Бессарабской губерніи). Изображеніе солнца будетъ фотографироваться на большихъ пластинкахъ, размѣромъ 30 на 40 сантиметровъ. Для изслѣдованія внѣшнихъ областей солнечной короны предназначенъ небольшой экваторіалъ. Кромѣ этихъ приборовъ, предназначенныхъ для изслѣдованія формы и структуры короны, будетъ еще шесть большихъ спектральныхъ приборовъ для фотографированія спектра солнечной атмосферы. Изъ нихъ четыре спектральныхъ прибора съ щелью и большой дисперсіей спеціально заказаны Академіей Наукъ извѣстной оптической фирмѣ Цейсса. Свѣтъ солнечной атмосферы будетъ посылаться въ спектральные приборы при помощи семи особыхъ зеркалъ-целостатовъ, прикрѣпленныхъ къ подвижнымъ осямъ.

Большія экспедиціи снаряжаются также Русскимъ Астрономическимъ Обществомъ на Аландскіе острова, въ Кіевъ, Ѳеодосію и на мало-азіатскій берегъ Чернаго моря въ окрестности города Трапезунда.

Главнымъ предметомъ изслѣдованій всѣхъ снаряжаемыхъ экспедицій является таинственная солнечная корона, которую мы можемъ видѣть лишь въ теченіе кратковременныхъ полныхъ затменій. Еще не такъ давно, лѣтъ 75 тому назадъ, затменія не такъ волновали астрономовъ, которые если наблюдали ихъ, то только какъ своеобразное красивое небесное явленіе, и только затменіе 1842 года вызвало живой научный интересъ къ этому явленію, которое наблюдали экспедиціи отъ многихъ крупныхъ обсерваторій и въ томъ числѣ отъ недавно открытой тогда Пулковской обсерваторіи. Результаты наблюденій превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Когда луна закрыла совершенно солнце, то вокругъ темнаго диска, кромѣ нѣжно-серебристаго вѣнца короны, хорошо описанной еще Плутархомъ, всѣ наблюдатели замѣтили розоватые выступы (наподобіе языковъ пламени), которые привели въ недоумѣніе всѣхъ астрономовъ, такъ какъ ихъ появленія никто не ожидалъ (хотя профессоръ Вассеніусъ на нихъ указывалъ еще при затменіи 1733 года). Одни наблюдатели считали эти выступы за лунныя горы, а другіе — за образованія на солнечной поверхности, но ни тѣ ни другіе доказать правильность своихъ предположеній не могли, и потому всѣ съ нетерпѣніемъ ждали слѣдующаго затменія 1851 года, для наблюденія котораго обсерваторіи снарядили въ Швецію спеціальныя экспедиціи для выясненія происхожденія этихъ таинственныхъ выступовъ, получившихъ впослѣдствіи названіе протуберанцовъ.

Экспедиціи успѣшно выполнили возлагавшіяся на нихъ задачи. Было выяснено, что выступы-протуберанцы—не лунныя горы, а образованія на солнечной поверхности; но окончательно подтвердили эти результаты только фотографическіе снимки выступовъ, полученные Секки и Деляромъ во время затменія 1860 года.

Однако до 1868 года свѣдѣнія наши о формѣ и природѣ вы-

ступовъ были крайне ограничены, такъ какъ ихъ наблюдали только въ теченіе нѣсколькихъ минутъ во время полныхъ солнечныхъ затменій. И только въ 1868 году былъ сдѣланъ крупный шагъ въ дѣлѣ изученія солнечныхъ выступовъ, когда Жансенъ показалъ, что выступы можно наблюдать черезъ расширенную щель спектроскопа и безъ затменія при полномъ блескѣ солнца.

Съ тѣхъ поръ только бѣлые протуберанцы, открытые при затменіи 1885 года, можно наблюдать еще во время полныхъ солнечныхъ затменій.

Но совершенно иначе обстоитъ дѣло съ загадочной солнечной короной, которая еще до сихъ поръ наблюдается во время полныхъ затменій лишь въ теченіе 2—5 минутъ. Относительно происхожденія короны уже давно высказывались всевозможныя предположенія. Кеплеръ и многіе другіе астрономы до первой четверти прошлаго столѣтія считали ее атмосферой луны, которая во время затменія закрываетъ солнце, но это объясненіе пришлось признать несостоятельнымъ послѣ того, какъ тщательныя изслѣдованія показали, что луна не имѣетъ сколько-нибудь замѣтной атмосферы. Послѣ этого корону считали за оптическое явленіе, происходящее въ земной атмосферѣ, но въ 1869 году профессора Харкнесъ и Юнгъ при помощи спектроскопа независимо другъ отъ друга нашли въ спектрѣ короны яркую зеленую линію, которая образуется раскаленнымъ газомъ, а таковой можетъ находиться лишь около солнца. Однако къ этому выводу многіе отнеслись съ недовѣріемъ, и только въ 1871 году было наглядно подтверждено, что корона принадлежитъ къ солнцу, такъ какъ на фотографіяхъ короны, снятыхъ во время затменія въ Индіи и на островѣ Цейлонѣ, были получены однѣ и тѣ же подробности въ ея строеніи и формѣ, чего не могло быть, если признать ее за явленіе въ нашей атмосферѣ. Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что корона находится около солнца и является дальнѣйшимъ протяженіемъ солнечной атмосферы, но она настолько разрѣжена, что кометы, которыя погружались въ короніальную атмосферу, не встрѣчали никакого сопротивленія при своемъ движеніи. На основаніи новѣйшихъ спектроскопическихъ изслѣдованій мы можемъ сказать, что корона состоитъ изъ раскаленнаго легкаго газа коронія—яркія линіи спектра—и значительнаго количества вещества, носящагося въ формѣ пыли и отражающаго солнечный свѣтъ, на что указываетъ сплошной спектръ.

Наблюдая корону и сравнивая между собой различные рисунки ея, астрономы замѣтили, что въ ея формѣ происходятъ какъ быстрыя измѣненія, такъ и медленныя, періодическія, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Нашъ извѣстный пулковскій астрофизикъ А. П. Ганскій въ концѣ 90-хъ годовъ XIX столѣтія произвелъ тщательное изслѣдованіе и сравненіе всѣхъ прежнихъ рисунковъ и фотографій короны и на основаніи ихъ показалъ періодическое измѣненіе ея формы, совпадающее съ періодомъ солнечныхъ пятенъ. Ганскій нашелъ, что въ эпоху максимума солнечныхъ пятенъ волокна или лучи, изъ которыхъ состоитъ корона, симметрично окружаютъ солнце, принимая форму звѣзды съ четырьмя лучами. Въ минимумѣ эти лучи сходятся въ пучокъ около солнечнаго экватора, вытягиваясь вдоль его по обѣ стороны, и почти совершенно пропадаютъ около полюсовъ солнца.

Для объясненія связи между періодическимъ измѣненіемъ формы короны и періодомъ солнечныхъ пятенъ, равно какъ для объясненія самой короны, предложено нѣсколько теорій, но ни одна изъ нихъ не можетъ во всей полнотѣ объяснить происхожденіе короны, возможно потому, что мы еще недостаточно хорошо изучили не только ея природу, но и внѣшнюю форму. И всякій разъ, какъ наше дневное свѣтило затмевается, астрономы напрягаютъ всѣ усилія проникнуть въ тайны строенія этого серебристаго вѣнца и научиться наблюдать его внѣ затменій при полномъ солнечномъ блескѣ, такъ какъ только ежедневныя систематическія наблюденія могутъ успѣшно рѣшить этотъ трудный вопросъ.

Кромѣ астрономическихъ наблюденій во время предстоящаго полнаго затменія будутъ впервые производиться по почину директора С.-Петербургской главной физической обсерваторіи академика князя Б. Б. Голицына геофизическія наблюденія, т.-е. наблюденія надъ тѣми явленіями, которыя вызоветъ солнечное затменіе въ жизни нашей планеты.

Для этой цѣли главная физическая обсерваторія отправляетъ экспедиціи въ Ригу, въ Кіевскую губернію—въ Смѣлу, имѣніе графа А. А. Бобринскаго, и въ Ѳеодосію. Во всѣхъ экспедиціяхъ во время затменія будутъ производиться метеорологическія наблюденія надъ температурой, давленіемъ и влажностью воздуха, надъ направленіемъ и скоростью движенія облаковъ и вѣтра для опредѣленія мѣста возникновенія и передвиженія вихрей, которые, какъ показали предыдущія затменія, возникаютъ во время полной фазы въ нашей атмосферѣ. Всѣ эти наблюденія позволятъ ученымъ сдѣлать рядъ интересныхъ выводовъ для такой важной области метеорологіи, какъ динамика нашей атмосферы.

Такія же наблюденія обще-метеорологическаго характера предположено произвести по особо выработанной инструкціи на многихъ метеорологическихъ станціяхъ Европейской Россіи, гдѣ затменіе будетъ уже частнымъ, т.-е. будетъ затемнена часть солнечнаго диска. Къ этимъ наблюденіямъ обще-метеорологическаго характера можно также отнести изслѣдованія верхнихъ слоевъ нашей атмосферы при помощи змѣевъ до высоты въ 2.000 метровъ и шаровъ-зондовъ до высоты въ 20 километровъ, которые будутъ произведены въ Кіевской губ. въ имѣніи графа А. А. Бобринскаго. Для актинометрическихъ измѣреній предполагаются также свободныя поднятія на воздушныхъ шарахъ, которые военное начальство предполагало предоставить на мѣстахъ во время затменія въ распоряженіе экспедицій наравнѣ съ дирижаблями, но разразившаяся война врядъ ли дастъ возможность сдѣлать это.

Кромѣ того, въ случаѣ ясной погоды можно будетъ наблюдать окраску земныхъ пейзажей и фотографировать ихъ во время разныхъ фазъ затменія, а во время наступленія и окончанія полной фазы пронаблюдать и по возможности сфотографировать любопытное явленіе „летучихъ тѣней“.

Кромѣ другихъ болѣе или менѣе спеціальныхъ наблюденій, можно указать на магнитныя наблюденія, при помощи самопишущихъ, спеціально изготовленныхъ точныхъ приборовъ съ фотографической записью всѣхъ трехъ элементовъ земного магнетизма. Затѣмъ при помощи чувствительныхъ точныхъ приборовъ будутъ производиться электрическія наблюденія надъ проводимостью и іонизаціей воздуха въ моментъ полной фазы затменія, а также будетъ измѣряться ультра-фіолетовая радіація какъ самого солнечнаго диска, такъ и солнечной короны.

Кромѣ этихъ наблюденій большой интересъ представляютъ также наблюденія надъ вліяніемъ, производимымъ затменіями на окружающую флору и фауну.

Большинство наблюдателей единогласно свидѣтельствуетъ, что, съ наступленіемъ полнаго затменія, когда послѣдній лучъ солнца потухнетъ, среди животныхъ наблюдается нѣкоторое волненіе: собака жмется къ ногамъ своего хозяина, насѣдка прячетъ подъ крылья цыплятъ, летучія мыши, обманутыя темнотою, оставляютъ свои убѣжища, какъ будто бы наступила ночь. Майоки разсказываетъ, что „пчелы, вылетѣвшія въ большомъ количествѣ изъ улья при восходѣ солнца, возвратились туда даже нѣсколько раньше наступленія полнаго затменія и вновь вылетѣли уже послѣ того, какъ солнце вновь пріобрѣло свой прежній блескъ“.

Многіе наблюдатели пытались объяснить волненія среди животныхъ страхомъ передъ такъ называемыми летучими тѣнями, которыя, когда погаснетъ послѣдній лучъ солнца, со странной быстротой проносятся по воздуху. Чѣмъ вызываются летучія тѣни—пока въ точности неизвѣстно.

Любопытно провѣрить эти наблюденія во время предстоящаго затменія.

Вообще солнечныя затменія принадлежатъ къ числу самыхъ грандіозныхъ и эффектныхъ явленій природы. Они издавна поражали своимъ величіемъ и своеобразіемъ человѣка, и кто хоть разъ въ жизни видѣлъ полное затменіе, у того никогда не изгладится изъ памяти впечатлѣніе этого великолѣпнаго своеобразнаго зрѣлища.

Изъ пѣсенъ войны.

Пора!..

Поэты, встаньте въ общемъ кличѣ!
Довольно пѣть о Беатриче,—
Уже въ поляхъ свиститъ картечь
И рѣютъ ядра!..—О, поэты,
Пора звенящіе сонеты
Перековать на звонкій мечъ!

* *
*

Пока оружія не сложитъ
Раздутый спесью швабскій гномъ,
Пусть каждый бьется тѣмъ, чѣмъ можетъ:
Солдатъ—штыкомъ, поэтъ—перомъ!..

Пусть вмѣстѣ съ кровью пѣсня льется,
И вѣрьте: въ даляхъ голубыхъ
Цѣною крови вамъ зачтется
Изъ сердца вылившійся стихъ!..

* *
*

Я слышу гулъ далекой битвы.
И вотъ проклятья и молитвы,
Желѣзо, золото и мѣдь—
Бросаю въ горнъ святого гнѣва,
Чтобъ сталью новаго напѣва
Съ нежданной силой зазвенѣть!

Н. Агнивцевъ.

ВОЙНА.

Церковь и война.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ приказалъ: призвать монастыри, церкви и православную паству къ пожертвованіямъ на врачеваніе раненыхъ и больныхъ воиновъ и на вспомоществованіе семействамъ лицъ, призванныхъ на войну; во всѣхъ церквахъ установить особыя кружки для сбора пожертвованій въ пользу Краснаго Креста и семействъ пострадавшихъ отъ войны, каковыя кружки обносить среди богомольцевъ за каждымъ богослуженіемъ, за коимъ обносится блюдо или кружка для сбора пожертвованій: призвать монастыри, общины и всѣ духовныя учрежденія къ отводу и приготовленію всѣхъ свободныхъ и могущихъ быть свободными помѣщеній подъ госпитали для раненыхъ и больныхъ воиновъ и къ содѣйствію, поддержанію сихъ госпиталей на все время надобности въ нихъ: призвать мужскіе и женскіе монастыри и общины къ немедленному подысканію и подготовленію способныхъ и благонадежныхъ лицъ для ухода за ранеными и больными воинами какъ въ самыхъ обителяхъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, по распоряженію управленія Краснаго Креста: призвать монастыри, общины и всѣхъ боголюбивыхъ людей къ заготовленію собственными силами и средствами принадлежностей для оборудованія госпиталей, какія окажутся возможными и потребными: призвать все православное населеніе, по заповѣди Христовой о братской любви къ ближнимъ, имѣть особливую заботу объ облегченіи печали и улучшеніи матеріальнаго положенія женъ и дѣтей лицъ, призванныхъ къ военнымъ дѣйствіямъ и обязанныхъ покинуть свои семьи: призвать все православное духовенство въ своихъ поученіяхъ располагать свою паству къ содѣйствію всѣми мѣрами и способами успѣху войны и облегченію участи такъ или иначе отъ нея потерпѣвшихъ: призвать всѣхъ православныхъ людей, безъ различія званія, положенія, возраста и пола, въ настоящій часъ испытанія для нашей Родины оставить взаимныя несогласія, ссоры, распри и обиды, крѣпкою стѣной сплотиться у Царскаго Престола и по Царскому зову охотно и бодро итти на защиту Отечества всѣми способами и мѣрами, какими кому предназначено и указано, не щадя, по примѣру славныхъ своихъ предковъ, своихъ силъ, достоянія и даже жизни, памятуя, что позоръ и гибель падутъ на главу лѣнивыхъ, своекорыстныхъ и предателей, а тѣмъ, кои принесутъ свое достояніе и свою жизнь на алтарь Отечества, уготована вѣчная слава въ роды родовъ.

Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица на балконѣ Зимняго Дворца изволятъ отвѣчать на привѣтствія народа.

Посланіе.

„Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Синодъ чадамъ Православной Россійской церкви.

Всемогущему Богу, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Его, угодно было ниспослать Отечеству нашему новую годину тяжелаго испытанія.

Вѣрный завѣтамъ Христа Спасителя о братской любви и жизни въ мирѣ со всѣми народами земными, народъ русскій въ теченіе своей многовѣковой исторіи неизмѣнно стремился къ мирному прохожденію своего жизненнаго пути. Но вмѣстѣ съ тѣмъ народъ русскій всегда считалъ своею священною обязанностію защищать слабыхъ и угнетаемыхъ меньшихъ братій, родныхъ по вѣрѣ и

Стотысячная масса народа, опустившись на колѣни, со склоненными національными флагами, привѣтствуетъ Царя гимномъ и громовымъ „ура“.

У Зимняго Дворца 20 іюля с. г.—въ день объявленія Высочайшаго Манифеста о войнѣ съ Германіей.

По фот. К. Булла.

Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества, прибывъ на Царскую пристань изъ Новаго Петергофа, изволятъ слѣдовать въ Зимній Дворецъ, къ торжественному молебствію о ниспосланіи русскому оружію побѣды надъ врагомъ.

по племени, памятуя слово Господа: „Больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя".

Нынѣ Россія нежданно вовлечена въ брань съ врагами. Предстоитъ защищать не только братій нашихъ по вѣрѣ, но и постоять за славу нашего Царя, за честь и величіе Родины.

Воины русскіе. Грядите съ Богомъ на поле брани. Да увѣнчаетъ Господь оружіе ваше побѣдою. Явите врагамъ нашимъ воинскую доблесть, искони присущую русскому воину. Грядите съ глубокою вѣрою въ то святое дѣло, которому служите. Вѣра—оружіе непобѣдимое. Бодро идите въ бой: знайте, что святая церковь Христова непрестанно будетъ молиться ко Господу, да сохранитъ Онъ васъ невредимыми подъ кровомъ Своимъ и да даруетъ вѣнецъ вѣчнаго царствія тѣмъ, коимъ суждено будетъ пасть въ славномъ бою.

Братіе и сестры о Христѣ. Мужайтеся, будьте тверды въ вѣрѣ, будьте всѣ едино. Въ великій часъ, наставшій для нашей Родины, станьте, какъ одинъ человѣкъ, съ готовностію принести всѣ жертвы, какія потребуетъ отъ васъ защита вѣры и Родины. Возгрѣйте пламень любви, углубите источникъ милосердія къ женамъ и дѣтямъ братій нашихъ, на полѣ брани сущихъ.

У Зимняго Дворца 20 іюля с. г. — въ день объявленія Высочайшаго Манифеста о войнѣ съ Германіей.
По фот. К. Булла.

Народъ привѣтствуетъ Царя и Царицу.
У Зимняго Дворца 20 іюля с. г.—въ день объявленія Высочайшаго Манифеста о войнѣ съ Германіей.
По фот. К. Булла.

Архипастыри и пастыри церкви русской. Въ наступившее тяжелое время испытанія ободряйте паству вашу, укрѣпляйте ее въ вѣрѣ православной, охраняйте отъ всякихъ соблазновъ, направляйте жизнь ея по заповѣдямъ Божіимъ, поддерживайте въ народѣ любовь къ Церкви, Царю и Родинѣ. Сугубо творите молитвы, моленія, прошенія за вся человѣки, въ бѣдахъ войны сущіе.

Всѣ же мы вмѣстѣ едиными усты и единымъ сердцемъ будемъ непрестанно молиться Господу разумовъ, да ниспошлетъ Онъ силу и премудрость Самодержавному Царю Нашему, да укрѣпитъ Онъ воиновъ нашихъ въ непоколебимомъ мужествѣ.

Будемъ молиться ко Господу Милосердія, да подастъ единовѣрнымъ братіямъ нашимъ духъ вѣры, терпѣнія и благоразумія для перенесенія новой тяжелой годины испытанія, ихъ обышедшаго, и да избавитъ ихъ отъ скорбей и угнетенія.

Будемъ молиться Творцу и Подателю всяческихъ, Царю царствую-

Петербургъ. Запасные направляются на пріемный пунктъ. У зданія Императорской Публичной Библіотеки, на Невскомъ проспектѣ. По фот. К. Булла

щихъ и Господу господствующихъ, да даруетъ Онъ намъ и союзникамъ нашимъ побѣду надъ врагами, да прекратитъ Онъ Своею всемогущею силою начавшуюся великую брань и расирю народовъ, да вразумитъ враговъ нашихъ и всѣхъ ненавидящихъ насъ, да ниспошлетъ землѣ нашей скорый миръ и благоденствіе, во еже возмощи намъ благодарнымъ сердцемъ, во умиленіи, непрестанно славити Пресвятое Имя Его нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Смиренный *Сергій*, архіепископъ финляндскій и выборгскій.
Смиренный *Никонъ*, архіепископъ бывшій вологодскій и тотемскій.
Смиренный *Серафимъ*, архіепископъ иркутскій и верхоленскій.
Смиренный *Владиміръ*, архіепископъ донскій и новочеркасскій".

Военныя нужды и монастыри.

На призывъ Св. Синода, обращенный къ русскимъ обителямъ о пожертвованіяхъ на врачеваніе больныхъ и раненыхъ и объ отводѣ помѣщеній подъ госпитали откликнулись первыми Кіево-Печерская и Почаевская лавры и монастыри кишиневской епархіи: Кицканскій (онъ же Новолямецкій), Гербовецкій, Чирнявскій и кіевскій Злато-Верхо-Михайловскій монастыри устраиваютъ у себя больницы, а Почаевская лавра и кишиневскіе монастыри предоставляютъ подъ помѣщеніе для раненыхъ всѣ свои свободныя кельи и другія постройки.

Подъ помѣщеніе для раненыхъ по распоряженію Учебнаго Комитета Св. Синода отведены зданія духовно-учебныхъ заведеній въ кишиневской, подольской, волынской, холмской и варшавской епархіяхъ.

22 іюля въ покояхъ управляющаго московской епархіей преосвященнаго Трифона происходило совѣщаніе всѣхъ московскихъ викаріевъ. Единогласно было постановлено исполнить патріотическій долгъ до конца и употребить всѣ свободные капиталы монастырей гор. Москвы и епархіи для цѣлей войны. На первый разъ рѣшено открыть нѣсколько госпиталей въ Романовской больницѣ, которая сооружается на средства монастырей, и въ Покровскомъ и Знаменскомъ монастыряхъ.

Въ Петербургѣ приступлено къ образованію приходскихъ попечительныхъ совѣтовъ для заботъ о семьяхъ лицъ, призванныхъ въ войска. Попечительные совѣты учреждаются также и при костелахъ и лютеранскихъ церквахъ столицы.

Его Величество Государь Императоръ и Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ—Верховный Главнокомандующій. По фот. К. Булла.

Адресъ Государю Императору отъ Правительствующаго Сената.

Ваше Императорское Величество.

Какъ и встарь, не за мірскія выгоды, велѣніемъ Своего Государя, ополчилась нынѣ на врага Россійская Держава.

Вновь льется кровь нашихъ единовѣрныхъ братьевъ, и дерзкій вызовъ брошенъ всему славянству.

Исторія скажетъ свое слово о неоцѣнимыхъ трудахъ Державнаго Родителя Вашего и Вашихъ, Государь, на дѣло мира.

Но есть предѣлъ: Россія не уклонится отъ священной цѣли, сй Божественнымъ Промысломъ поставленной.

Какъ въ былые годы, при Вѣнценосныхъ Предкахъ Вашего Величества, съ мечомъ въ рукахъ, съ вѣрою съ сердцѣ, встанетъ святая Русь на защиту исконныхъ своихъ завѣтовъ.

Вознеся къ престолу Всевышняго горячія мольбы о здравіи и благоденствіи Вашего Императорскаго Величества и Августѣйшей Семьи Вашей и о дарованіи славной побѣды россійскому воинству, Правительствующій Сенатъ, по заслушаніи въ чрезвычайномъ засѣданіи Высочайшаго манифеста объ объявленіи военныхъ дѣйствій, всеподданнѣйше повергаетъ къ стопамъ Вашимъ, Великій Государь и Самодержецъ Всероссійскій, выраженіе безграничной любви къ Священной Особѣ Вашей и готовности къ всемѣрнымъ жертвамъ на благо Россіи.

Открытіе въ Зимнемъ Дворцѣ склада вещей для раненыхъ.

По повелѣнію Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, въ залахъ Новаго Эрмитажа Императорскаго Зимняго Дворца, въ среду, 23 іюля, открылся складъ вещей для раненыхъ и больныхъ воиновъ. Вещи будутъ изготовляться въ складѣ, тамъ же будутъ приниматься пожертвованія вещами и деньгами.

Желающіе работать въ помѣщеніи склада приглашаются записываться въ зданіи Зимняго Дворца, съ Комитетскаго подъѣзда (онъ же—Императорской Археологической Комиссіи), съ набережной, 1-й отъ Зимней канавки.

Складъ открытъ ежедневно съ 1 часа дня до 6 час. вечера, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Работы могутъ быть также раздаваемы на домъ.

Обезпеченіе семействъ запасныхъ.

Отъ управленія воинской повинности объявляется:

По закону 25 іюня 1912 года семейства нижнихъ чиновъ запаса и ратниковъ ополченія, призванныхъ по случаю войны на дѣйствительную службу, будутъ получать отъ казны пособіе.

Правомъ на пособіе пользуются:

1) жена и дѣти призваннаго во всѣхъ случаяхъ и

2) отецъ, мать, дѣдъ, бабка, братья и сестры призваннаго, если они содержались его трудомъ.

Размѣръ ежемѣсячнаго денежнаго пособія каждому призрѣваемому члену семьи призваннаго опредѣляется для каждой мѣстности (уѣзду, округу, волости), по расчету стоимости продовольственнаго пайка, состоящаго изъ 1 пуда 28 фунтовъ муки, 10 ф. крупы, 4 ф. соли и 1 ф. постнаго масла.

Малолѣтнія дѣти до 5 лѣтъ получаютъ половину.

Достигшіе 17-лѣтняго возраста сыновья и незамужнія дочери призванныхъ получаютъ пособіе лишь въ случаѣ доказанной ихъ нетрудоспособности.

Семейства призванныхъ пользуются правомъ на указанное пособіе со дня отправленія ихъ кормильцевъ на службу, но первая выдача будетъ произведена по обслѣдованіи на мѣстахъ личнаго состава и ихъ семействъ.

Выдача пособій будетъ производиться въ волостныхъ, гминныхъ, станичныхъ, а въ Закавказьѣ — въ сельскихъ правленіяхъ, въ городахъ же—въ городскихъ управахъ.

На обезпеченіе семей запасныхъ ассигновано Совѣтомъ Министровъ два милліона рублей.

Манифестаціи.

Прискорбный случай—разгромъ въ Петербургѣ зданія германскаго посольства и нѣсколькихъ магазиновъ съ нѣмецкими вывѣсками—вынудилъ правительство опубликовать слѣдующее:

„Непрекращающіяся повсемѣстно манифестаціи, все болѣе многолюдныя и происходящія даже въ ночное время, побуждаютъ правительство, вполнѣ раздѣляющее этотъ патріотическій порывъ, вновь обратиться къ населенію съ призывомъ соблюдать спокойствіе и сдержанность и избѣгать проявленій возбужденнаго народнаго чувства, которыя могутъ только осложнить создавшееся положеніе".

Военныя и морскія силы воюющихъ державъ.

(По официальнымъ даннымъ):

Сухопутныя силы.

Ежегодный контингентъ новобранцевъ составляетъ: въ Россіи (до введенія въ дѣйствіе новаго запаса)—430.000, во Франціи 225.000. Итого 655.000, въ Германіи 270.000, въ Австріи 133.000; итого 403.000.

Количество новобранцевъ на 1.000 населенія: Россія 2,7 чел., Франція 5,9, Австрія 2,6, Германія 4,1.

Для формированія полевыхъ и полевыхъ резервныхъ частей (дѣйствующей арміи) предназначается (считая 15 проц. убыли): въ Россіи 3.655.000, во Франціи 2.925.000, въ Австріи 1.356.000, въ Германіи 2.754.000. Всего въ русско-французской арміи—6.580.000, а въ австро-германской арміи—4.110.000.

Для формированія войскъ второй линіи (ландверъ 2-го разряда, мѣстныхъ войскъ и пр.) государства имѣютъ въ своемъ распоряженіи: Россія 2.580.000 чел., Франція 1.013.000, объ Австріи данныхъ нѣтъ, Германія 1.418.000.

Къ войнѣ Германіи и Австріи съ Россіей. Карта театра военныхъ дѣйствій.

Для формированія ландштурма и ополченія имѣется обученныхъ людей (считая $33^1/_2\%$ убыли): Россія 1.433.000 чел., Франція 900.000 ч., Австрія 887.000 ч., Германія 1.080.000 ч.

Итого двойственный союзъ имѣетъ 2.333.000 чел. противъ 1.967.000 ч. двухъ державъ тройственнаго союза.

Всего имѣютъ военно-обученныхъ людей: Россія—7.668.000 ч., Франція—4.838.000 ч., Австрія—2.243.000 ч., Германія—5.251.000 ч.

Такимъ образомъ Россія и Франція могутъ выставить 12.506.000 ч. противъ 7.495.000 австро-германцевъ.

Регулярная армія на британскихъ островахъ, въ колоніяхъ и въ Египтѣ—162.251 чел.; колоніальныя части—8.694; регулярная армія въ Индіи—77.097. Итого—248.042 чел.

Въ военное время англійская армія повышаетъ свой составъ до 450.000 чел.

Морскія силы.

Въ мирное время: Англія—61 броненосецъ, Франція—23, Россія—12. Итого—96 броненосцевъ.

Въ военное время: Англія—42 боевыхъ крейсера, Франція—19, Россія—6; итого 67 крейсеровъ, а вмѣстѣ 163 судна.

Въ мирное время: Германія—35 броненосцевъ, Австро-Венгрія—10. Итого 45 броненосцевъ.

Въ военное время: Германія—12 боевыхъ крейсеровъ, Австро-Венгрія—2; итого 14 крейсеровъ, а всего 59 боевыхъ судовъ.

Послѣдняя война въ исторіи Европы.

(Политическое обозрѣніе).

Недовольная вмѣшательствомъ Россіи въ австро-сербскую распрю, Германія неожиданно объявила намъ войну, обстрѣляла морскими судами Либаву, перешла сухопутную границу около Калиша и вторглась заранѣе мобилизованными корпусами въ территорію Люксембурга, Бельгіи и Франціи. Общая картина ея наступательныхъ дѣйствій по всѣмъ фронтамъ и направленіямъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что весь австро-сербскій споръ былъ только внѣшнимъ предлогомъ для начала давно рѣшенной и подготовленной войны. Дерзкій ультиматумъ, внезапное нападеніе на Сербію и противорѣчащая всѣмъ международнымъ соглашеніямъ бомбардировка мирнаго Бѣлграда — все это было со стороны Австріи только преднамѣренной и заранѣе условленной вызывающей провокаціей общеевропейскаго замѣшательства, предпринятой по предварительному соглашенію съ Германіей. Характерно, что дальше бомбардировки Бѣлграда австрійцы въ теченіи первой недѣли не пошли. Ихъ попытки перейти сербскую границу были отброшены сербскимъ арьергардомъ; слѣдовательно, предпринимались не особенно серьезно и настойчиво. Еще характернѣе, что съ самой Австріей, какъ первой виновницей всего замѣшательства, Россія до 24 іюля было офиціально въ мирѣ, между тѣмъ какъ австрійская заступница — Германія, которая, казалось бы, должна считаться менѣе заинтересованной въ балканскомъ спорѣ, чѣмъ сама Австрія, — уже съ 20 іюля открыла противъ насъ военныя дѣйствія. Выходитъ, какъ будто бы слѣдствія опережаютъ причины, а мотивы и поводы значительно отстаютъ отъ прикрываемыхъ ими поступковъ. Очевидно, что австрійское выступленіе противъ Бѣлграда должно было играть роль лишь аванпостнаго сраженія въ общемъ наступленіи германизма противъ всего славянства и Россіи.

Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдуардъ Грей.

Его Величество Георгъ V, Король Великобританіи и Ирландіи, Императоръ Индіи.

Англійскій посолъ при Русскомъ Дворѣ, сэръ Джокъ Бьюнененъ.

Къ объявленію войны Англіей Германіи 22 іюля с. г.

Выступивъ защитницею Сербіи и связавъ свою судьбу съ судьбой славянства, Россія пошла навстрѣчу германскимъ планамъ и смѣло приняла брошенный ей вызовъ на смертный бой. Манифестъ Русскаго Царя, Его призывъ русскаго народа на защиту родины, его обѣщаніе не слагать оружія до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ останется на Русской Землѣ,—вызвали во всей странѣ высокій подъемъ патріотическаго энтузіазма. Ясная и родная каждому русскому гражданину идея войны—защита Россіи и славянства—сразу сдѣлала ее необычайно популярной во всѣхъ общественныхъ кругахъ. Горячо отозвавшіеся на Монаршій призывъ къ національной самозащитѣ, запасные идутъ въ армію съ бодрыми пѣснями и радостными кликами „ура!“

Каковы будутъ результаты этой грандіозной войны, подобной которой еще не было съ

сотворенія міра? Всѣми воюющими сторонами можетъ быть выставлено на поле битвы до двадцати милліоновъ воиновъ. Каждая изъ нихъ чувствуетъ, что на карту поставлено самое существованіе государства, и будетъ напрягать всѣ усилія для достиженія побѣды какою бы то ни было цѣною. Европа захлебнется въ крови. Судьба народа въ рукахъ Божіихъ, а пути ведущаго насъ Промысла неисповѣдимы. Но все, что открыто математическому расчету ума человѣческаго, не предвѣщаетъ ничего хорошаго дерзкимъ нарушителямъ европейскаго мира, въ легкомысленномъ честолюбіи своемъ принявшимъ на свою душу тяжкую отвѣтственность за величайшее въ исторіи человѣчества кровопролитіе. Политическое положеніе Германіи странно ухудшилось съ объявленіемъ нейтралитета со стороны Италіи, которая сочла себя въ правѣ отказаться отъ участія въ войнѣ, такъ какъ послѣдняя носитъ со стороны Австріи и Германіи не оборонительный, а наступательный характеръ. Какъ и предвидѣли очень многіе политики, тройственный союзъ фактически распался именно въ тотъ моментъ, когда предстояло приступить къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, и поднявшая мечъ на славянство Германія осталась съ поддержкою одной только Австріи, наполовину славянской.

Новый французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Анри Думергъ, принявшій этотъ крупнѣйшій министерскій портфель отъ Р. Вивіани, сохранившаго за собою постъ министра-президента.

Тройственное согласіе, напротивъ, именно подъ прессомъ агрессивной политики Германіи сплотилось въ тѣсный и дѣйственный союзъ. Раздѣлившееся первоначально на два лагеря, общественное мнѣніе Англіи подъ вліяніемъ правительственной печати, доказывавшей необходимость честно поддержать союзниковъ, чтобы не остаться затѣмъ въ трудную минуту германскаго натиска безъ ихъ поддержки, постепенно съ развитіемъ событій стало склоняться къ войнѣ, а вслѣдъ затѣмъ грубое нарушеніе нѣмцами нейтралитета Бельгіи и Люксембурга заставило англійскій парламентъ вотировать въ распоряженіе правительства просимый кредитъ на военныя издержки, и затѣмъ король Георъ объявилъ Германіи войну. Къ тройственному согласію уже присоединилась и маленькая Бельгія, тоже объявившая Германіи войну. Такимъ образомъ Германія, почти изолированная, если не считать Австріи, очутилась лицомъ къ лицу съ грозной, почти общеевропейской коалиціей. Нынѣшняя война становится войною европейскихъ народовъ противъ нѣмцевъ. Ослѣпленный тщеславіемъ, германскій императоръ Вильгельмъ своей вызывающей политикой удачно объединилъ противъ себя всѣхъ сосѣдей. Своими безграничными вооруженіями и безпрерывнымъ бряцаніемъ меча онъ долгіе годы держалъ въ страхѣ и трепетѣ всю Европу и невольно заставилъ ее возненавидѣть Германію, какъ главный очагъ тормозящаго всякую культуру милитаризма. Европа поняла, что нынѣшняя война есть въ сущности война за миръ, и объединилась противъ дерзкаго нарушителя международнаго порядка.

Французскій посланникъ при русскомъ Дворѣ Морисъ Палеологъ.

Послѣдствіемъ полной побѣды войны за миръ должно быть, разумѣется, установленіе вѣчнаго мира. Въ лицѣ Австріи и Германіи Европа должна сломить и уничтожить Божій бичъ агрессивнаго милитаризма, неисчерпаемый источникъ отравляющаго человѣчество грубаго тевтонскаго насильничества. Уничтоженіе насильничества будетъ равносильно обращенію международной жизни къ нормамъ права и справедливости. Угнетенная, истомленная полувѣковымъ кошмаромъ Европа цѣною послѣднихъ героическихъ усилій завоюетъ себѣ наконецъ вѣчный миръ.

Сербскій министръ-президентъ Никола Пашичъ, создатель балканскаго союза.

Сербскій генералъ Божидаръ Янковичъ, президентъ сербскаго „Союза народной обороны“ (Народна Обрана), закрытія котораго требовала Австро-Венгрія въ своемъ ультиматумѣ, — назначенный командующимъ дунайской дивизіей.

Высочайше утвержденное положеніе Совѣта Министровъ.

Совѣтъ Министровъ, на основаніи статьи 87 Основныхъ государственныхъ Законовъ (Св. Зак., т. I, ч. 1, изд. 1906 г.), постановилъ:

I. Временно, впредь до минованія чрезвычайныхъ обстоятельствъ, размѣнъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ на золотую монету пріостанавливается.

II. Государственному банку предоставляется, сверхъ разрѣшенной къ выпуску суммы государственныхъ кредитныхъ билетовъ (Св. Зак., т. XI. ч. 2, разр. 3, изд. 1903 г., ст. 1), выпускать эти билеты на сумму не свыше одного милліарда двухсотъ милліоновъ рублей.

III. Государственному банку предоставляется, въ случаѣ истребованія находящихся на его счетахъ суммъ казны, учитывать краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства въ размѣрѣ, вызываемомъ потребностями военнаго времени.

Государь Императоръ, въ 23 день іюля 1914 года, на сіе Высочайше соизволилъ.

Мобилизація въ Петербургѣ. На Царицыномъ лугу. Пріемъ лошадей въ воинскія части. По фот. К. Булла.

Отъ управленія воинской повинности.

Государь Императоръ, въ 22 день сего іюля, Высочайше повелѣть соизволилъ принимать нынѣ же, внѣ установленнаго пріемнаго періода, въ войска молодыхъ людей, подлежащихъ исполненію воинской повинности на правахъ вольноопредѣляющихся и изъявившихъ желаніе поступить по случаю войны на дѣйствительную военную службу.

Освидѣтельствованіе и пріемъ означенныхъ молодыхъ людей въ войска производится на общемъ основаніи присутствіями по воинской повинности, о чемъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ циркулярно сообщаетъ губернаторамъ.

Къ рисункамъ.

Въ настоящемъ № „Нивы" наши читатели найдутъ рядъ рисунковъ, знакомящихъ съ послѣдней (XXII) выставкой С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Картина В. Малуровскаго *„На помощь раненымъ"* создаетъ настроеніе, очень близкое къ тому, которое сейчасъ переживаемъ всѣ мы, русскіе люди: по размытой дождями дорогѣ ѣдетъ на помощь раненымъ санитарный отрядъ Краснаго Креста... И сейчасъ такъ же спѣшатъ на помощь защитникамъ чести и достоинства Россіи многочисленные отряды врачей и сестеръ милосердія, и да зачтется имъ въ великую заслугу и доблесть ихъ тяжелый въ настоящее время подвигъ!

Грознымъ настроеніемъ вѣетъ и отъ картины М. Малышева *„За жизнь"*. Скромная по темѣ сценка погони волка за конемъ принимаетъ теперь почти символическій характеръ: вся Европа — и Россія съ нею вмѣстѣ — охвачена сейчасъ этой тяжкой борьбой за жизнь: и летящая, какъ быстрый конь, міровая цивилизація, и напавшій на нее хищный волкъ германскаго засилья ведутъ грозную борьбу за существованіе... И несутся стремглавъ къ неизвѣстному будущему.

Картина того же художника *„Пріѣхали гости"* переноситъ насъ въ далекое прошлое нашей родины. Пріѣхали въ старинный русскій городъ по рѣкѣ заморскіе гости купцы — и медлительно выходитъ изъ воротъ кремля къ нимъ навстрѣчу городской посадникъ...

Иное настроеніе чувствуется въ третьей картинѣ М. Малышева *„Послѣ отдыха"*: настроеніе мирной работы, къ которой приступаетъ поутру человѣкъ труда послѣ спокойнаго ночного отдыха.

Пейзажъ П. Венига *„Ранній снѣгъ"* представляетъ собою своеобразный pendant къ только что упомянутой картинѣ М. Малышева: и здѣсь такое же настроеніе ранняго рабочаго дня. Кончился лѣтній отдыхъ, наступила ранняя трудовая зима, и въ преддверіи трудовыхъ заботъ и усилій встаетъ день, еще полный спокойствія и тишины...

Другой пейзажъ, воспроизводимый въ настоящемъ № „Нивы" (*„Московскій дворикъ"* П. Полякова), переноситъ насъ въ будничную среду нашей второй столицы: сѣрый дворикъ съ покосившимися старыми постройками, а на фонѣ ихъ величаво высятся главы старинной церкви, еще помнящей Наполеона... Въ картинѣ П. Полякова много свѣжей колоритности и какого-то бодрящаго холодка.

Портретный жанръ среди воспроизводимыхъ въ настоящемъ № картинъ представленъ изящными работами М. Игнатьева (*„На молитвѣ"*), К. Маковскаго (*„Рыженькая"*), Н. Шаховскаго, (*„Холодно"*) Д. Гаврильцева, (*„Портретъ г-жи Г. Л. Вишневецкой"*) и В. Андерсона (*„Крестьянская дѣвочка"*).

Содержаніе.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія" за Августъ 1914 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ" за Августъ съ 37 рис., отдѣльн. листъ съ 31 черт. выкр. въ натур. величину и 48 рис. дамскихъ рукодѣлій.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 32 Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ. г. XLV 1914

Выданъ 9 августа 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 16.

Хасибэ.

Разсказъ Бориса Лазаревскаго.

I.

Я шелъ на большомъ итальянскомъ пароходѣ „Porto di Smirne" изъ Константинополя въ Палермо. Мягкая погода, тихое зеленоватое море и теплое солнце позволили почти все время оставаться на палубѣ, хотя по русскому стилю кончался уже октябрь.

Въ салонѣ II-го класса было тѣсновато, и въ каждой каютѣ помѣщалось по четыре человѣка. Греки, евреи и большинство турокъ — цѣлый день сидѣли за длиннымъ столомъ, безъ конца курили, играли въ карты и пили кофе.

Дамъ было всего двѣ: пожилая, очень худая турчанка и ея восемнадцатилѣтняя дочь Хасибэ, — въ Стамбулѣ онѣ заняли отдѣльную каюту и выходили только къ завтраку и обѣду, при чемъ каждый разъ платили отдѣльно (изъ чего я заключилъ, что онѣ ѣдутъ недалеко) остальное время дня, какъ и я, проводили на спардэкѣ. Обѣ интеллигентныя, одѣты по-европейски, безъ традиціонныхъ чадръ на лицахъ. Дочь хорошо говорила по-французски, мать только понимала.

Какъ затѣмъ оказалось, билеты у нихъ были до Салоникъ и безъ продовольствія. Отъ Константинополя до этого города, при нормальныхъ условіяхъ, всего трое сутокъ ходу, о чемъ я искренно пожалѣлъ. У Хасибэ былъ нѣжно-оливковый цвѣтъ лица, удивительныя брови и еще болѣе прекрасные глаза. О такихъ глазахъ на Украинѣ говорятъ:

А як гляне, —
Сердце вьяне..

К. Маковскій. Русская боярыня. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

И мать и дочь—обѣ были одѣты въ черное, обѣ задумчивыя, обѣ, вѣроятно, потеряли кого-нибудь изъ близкихъ,—еще свѣжая печаль застыла въ ихъ темныхъ зрачкахъ.

Какъ и я, онѣ, повидимому, интересовались нравами и жизнью пассажировъ III-го класса, которыхъ было: человѣкъ полтораста турокъ, десятка два болгаръ и небольшая, державшаяся отдѣльно, группа албанцевъ. Я видѣлъ и грековъ, но они рѣдко появлялись на палубѣ.

Бѣднота, бѣднота,—ни съ чѣмъ несравнимая, молчащая, разочарованная, мечтающая буквально только о черствомъ кускѣ хлѣба и о тяжелой дешевой работѣ.

Молодыхъ людей я почти не замѣтилъ, а можетъ, они и были, но отъ вѣчнаго, скорѣе лошадинаго, чѣмъ человѣческаго, труда казались стариками. Равнодушные ко всему на свѣтѣ, съ утра и до вечера они сидѣли на палубѣ и поворачивались только для того, чтобы закурить новую папиросу или развязать грязный узелокъ съ маслинами; и позы у нихъ были художественныя, безыскусственныя: особенно красивыми казались при заходѣ солнца мрачные, горбоносые албанцы въ своихъ оригинальныхъ повязкахъ на головахъ.

Всѣ они тоже держали путь въ Салоники.

Медленно, при чудесной погодѣ, подъ конвоемъ небольшого турецкаго военнаго судна, мы прошли заминированныя Дарданеллы, здѣсь постояли три часа и передъ вечеромъ опять снялись съ якоря.

Не руками человѣческими сдѣланный турецкій гербъ уже стоялъ на зеленомъ небѣ, и даже яркая звѣздочка была на своемъ мѣстѣ—слѣва.

Въ этотъ вечеръ я рѣшилъ заговорить съ Хасибэ или съ ея матерью. Это оказалось нетруднымъ. Я спросилъ по-французски, не знаютъ ли онѣ, когда мы придемъ въ Салоники.

— C'est sera le matin dans trente six heures,—отвѣтила Хасибэ съ едва слышнымъ восточнымъ акцентомъ.

— Теперь это, кажется, греческій городъ?—спросилъ я.

— Да, онъ принадлежитъ грекамъ, но всегда былъ и всегда останется турецкимъ. Тамъ есть замѣчательная мечеть Айя-Софія, она меньше, но еще красивѣе, чѣмъ въ Стамбулѣ; вы непремѣнно осмотрите ее внутри...

Мнѣ показалось, что Хасибэ считаетъ неприличнымъ продолжать дальнѣйшій разговоръ съ незнакомымъ человѣкомъ, но она не ушла, вѣроятно, чтобы не показать, что смутилась. Ея мать вопросительно осмотрѣла меня и, вѣроятно, рѣшила, что разговоръ со мною не можетъ компрометировать дѣвушку. Послѣ паузы въ цѣлыхъ пять минутъ Хасибэ вдругъ обернулась и, глядя мнѣ въ глаза, сказала:

— Да, турки перестали быть завоевателями, потому что нашихъ лучшихъ людей теперь гораздо больше интересуютъ вопросы о культурѣ духа, чѣмъ та грубая физическая, почти машинная, сила, которая требуется для современной войны... Моего отца убили болгары: онъ былъ храбръ, какъ левъ, но не видѣлъ даже своего противника: прилетѣла откуда-то и неизвѣстно кѣмъ выпущенная пуля и—все кончила. Въ современной войнѣ нѣтъ и не можетъ быть никакой поэзіи, а турки никогда не умѣли и не умѣютъ жить одной прозой...

Говорила она съ болью въ голосѣ.

Я поглядѣлъ на Хасибэ и удивился ея красотѣ. Трудно было различить, вспыхнулъ ли во время этихъ словъ на ея щекахъ яркій румянецъ, или еще играютъ на нѣжной, покрытой пушкомъ, кожѣ лучи уже невидимаго, только-что опустившагося въ море, солнца.

Внизу лакей Джузеппе зазвонилъ въ колоколъ къ ужину.

Зажглось электричество.

Молча мы всѣ трое вошли въ салонъ. Я чувствовалъ, что мать не совсѣмъ довольна послѣднимъ порывомъ дочери. Она сказала ей что-то на своемъ языкѣ.

За столомъ мнѣ не удалось услышать голоса милой, умной Хасибэ. Послѣ сладкаго старуха положила возлѣ своего прибора нѣсколько серебряныхъ монетъ и, взявъ кофе, ушла вмѣстѣ съ Хасибэ въ свою каюту.

II.

За столомъ остался я одинъ и долго сидѣлъ. Джузеппе, чѣмъ-то недовольный, слишкомъ громко убиралъ тарелки. Какъ бы извиняясь, онъ сказалъ мнѣ на ломанномъ французскомъ языкѣ, что непріятно подавать къ столу, если не знаешь навѣрное, сколько именно будетъ персонъ, что нѣкоторые изъ пассажировъ взяли въ Константинополѣ билеты безъ продовольствія, а теперь недовольны, если съ нихъ требуютъ порціонно, потому что выходитъ дороже...

Онъ кивнулъ въ сторону каюты Хасибэ и ея матери и однимъ взмахомъ снялъ длинную скатерть.

Я отвѣтилъ, что у меня билетъ съ продовольствіемъ до самаго Палермо и pour boire я дамъ ему сразу, когда оставлю пароходъ...

— Si, signore, grazie...—отвѣтилъ онъ уже почему-то по-итальянски и, помахивая скатертью, ушелъ.

Мужчины принялись за карты и шахматы. Дымъ ихъ негасающихъ папиросъ тянулся къ иллюминаторамъ. Только одинъ, уже немолодой, серьезный офицеръ не игралъ, онъ вынулъ изъ несессера томикъ Мопасана—я успѣлъ даже увидѣть, что это романъ „Une Vie“—и, развалившись на диванѣ, сталъ читать.

Меня снова потянуло на палубу.

Уже горѣли всѣ звѣзды, и едва бѣлѣла пѣна за пароходнымъ винтомъ. Было тепло, и не вѣрилось, что теперь октябрь. Справа все время темнѣлъ берегъ: огней нигдѣ не было видно. Молодой мѣсяцъ уже давно скрылся. На душѣ было хорошо и покойно,—чувствовалось, что я вездѣ и нигдѣ; что не можетъ догнать меня никакое непріятное письмо; что не могутъ коснуться никакія дрязги...

Приходило въ голову, что есть какая-то аналогія между далекимъ морскимъ путешествіемъ на иностранномъ пароходѣ, гдѣ много людей, но никто тебя не знаетъ и не понимаетъ, и, если такъ можно выразиться, между пребываніемъ души на томъ свѣтѣ, далеко отъ земного шара. Только здѣсь я былъ отрѣзанъ отъ грубой обыденщины на время, а тамъ—навсегда.

И какъ духъ человѣческій послѣ физической смерти вдругъ увидитъ и узнаетъ цѣлый сонмъ другихъ болѣе прекрасныхъ существъ, такъ и я увидѣлъ и узналъ, что есть на свѣтѣ такія дѣвушки, какъ Хасибэ.

Врядъ ли она много читала, врядъ ли она знаетъ столько фактовъ, сколько знаютъ газетные работники, и тѣмъ не менѣе поняла и совершенно вѣрно опредѣлила причину великой перемѣны въ судьбѣ ея родного народа.

„Господь умудряетъ младенцевъ“,—мелькнула у меня мысль.

Въ Петербургѣ не было времени думать о Богѣ, и я не видѣлъ Его, зналъ только, что все красивое кругомъ сдѣлано руками человѣческими. А здѣсь ночью на пароходѣ и безъ всякаго особеннаго мистическаго настроенія вдругъ ясно стало, что тамъ—и въ русскихъ и въ не русскихъ городахъ всѣ самыя великолѣпныя человѣческія жилища похожи на картонные домики, и вѣчность ихъ подъ великимъ сомнѣніемъ... На разсвѣтѣ я увидѣлъ ярко голубой огромный островъ, высоко подымавшійся надъ водой: на немъ могли бы умѣститься двѣ Москвы и одинъ Петербургъ. Онъ былъ отъ нашего парохода очень далеко, но чувствовалось, что красота его вѣчная, и потому именно, что не людьми она создана.

Точно пьяный, утомленный своими мыслями и окружавшей меня во время восхода солнца красотой, я спустился въ свою каюту и крѣпко заснулъ.

Я ничего не видѣлъ во снѣ и открылъ глаза только за полчаса до завтрака. Мои попутчики уже давно были въ салонѣ.

Какъ можно скорѣе я умылся, причесался и тоже вышелъ въ каютъ-компанію. Чуяло сердце, что и Хасибэ съ матерью тамъ, а не на палубѣ, и не ошиблось. Я невольно поклонился. Хасибэ мнѣ отвѣтила какъ-то неуловимо, съ настоящимъ царскимъ достоинствомъ.

Я сѣлъ за столъ рядомъ съ турецкимъ офицеромъ. Джузеппе открылъ блестящую крышку блюда и началъ обносить неизмѣнными макаронами съ томатомъ. Всѣ ѣли съ большимъ аппетитомъ и почти не разговаривали. Послѣ сладкаго, какъ и вчера, Хасибэ и ея мать взяли по чашкѣ кофе и ушли въ свою каюту.

Настроеніе сразу измѣнилось, точно въ оперѣ послѣ того, какъ упалъ занавѣсъ. Я спросилъ офицера, давно ли турецкія интеллигентныя женщины перестали носить чадры.

— Давно; собственно говоря, съ начала конституціи; да и

Ѳ. Вахрушовъ. На далекомъ сѣверѣ.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

вообще онѣ у насъ гораздо свободнѣе, чѣмъ объ этомъ думаютъ европейцы: почти всѣ учатся и много читаютъ, даже больше мужчинъ.

— А не знаете ли вы эту даму и барышню, которыя сидѣли vis-à-vis?

— Я съ ними не знакомъ, но мнѣ извѣстно, что это—вдова полковника, убитаго въ Адріанополѣ. Имъ плохо придется. Вотъ уже во II-мъ классѣ ѣдутъ...

— Почему?

— Да такъ, избалованы онѣ, а теперь у насъ насчетъ пенсій скверно,—денегъ мало. Ну, да, вѣроятно, барышня выйдетъ замужъ.

Офицеръ всталъ изъ-за стола и сказалъ:

— Черезъ часъ мы будемъ въ Галлиполи,—это—мѣсто моей службы,—тамъ живутъ моя жена и дѣти.

— А въ Салоники когда мы придемъ?

— Въ Салоники... Завтра рано утромъ пароходъ будетъ въ Кавалле и, если недолго простоитъ, то къ вечеру придетъ въ Салоники. Извините меня...

Онъ звякнулъ шпорами и пошелъ въ каюту укладываться. Я видѣлъ черезъ открытую дверь свертки съ игрушками и матеріями.

Въ Галлиполи нашъ „Porto di Smirne“ взялъ нѣсколько бочонковъ масла и сейчасъ же снялся съ якоря, даже буфетчикъ не успѣлъ съѣздить въ городъ за провизіей, и когда я спросилъ его, будетъ ли у насъ свѣжій хлѣбъ, онъ отвѣтилъ по-итальянски:

— На сегодня хватитъ, а завтра утромъ въ Кавалле купимъ,—тамъ есть отличная пекарня.

До самаго захода солнца плыли мимо голубые острова Архипелага. Не хотѣлось уходить съ палубы.

Не спускались внизъ и Хасибэ съ матерью. Я все время любовался выраженіемъ ихъ гордыхъ, классическихъ лицъ. И настойчиво не вѣрилось, что черезъ сутки онѣ уйдутъ, какъ ушелъ офицеръ, и я увижу Хасибэ развѣ послѣ смерти,—если тамъ видятъ...

Если можно такъ выразиться, я самъ себѣ завидовалъ. Мнѣ жаль было тѣхъ родныхъ и знакомыхъ, которые вдыхаютъ въ себя гнилой петербургскій осенній воздухъ или сидятъ при электрическомъ освѣщеніи въ насквозь прокуренныхъ комнатахъ и никогда не увидятъ ни лиловыхъ и синихъ острововъ ни Хасибэ.

Послѣ ужина, когда загорѣлись всѣ звѣзды, палубные матросы и свободная часть машинной команды собрались небольшой группой на кормѣ и долго пѣли. Долго раздавалась неизмѣнная мелодичная „Santa Lucia“.

Пѣли они, можетъ-быть, черезчуръ громко, но это forte и самые мотивы такъ гармонировали съ безконечнымъ моремъ, молодымъ мѣсяцемъ и мощнымъ силуэтомъ нашего двигавшагося все впередъ парохода. Ни страха за будущее ни тоски о прошломъ, только наслажденіе настоящимъ было слышно въ ихъ пѣсняхъ.

Хотѣлось и мнѣ такъ жить, какъ они.

И только къ полуночи, когда пробило восемь склянокъ, все затихло и успокоилось. Хасибэ и ея матери уже давно не было на палубѣ. Воздухъ сильно посвѣжѣлъ. Захотѣлось спать. Подъ мѣрный храпъ сосѣдей я раздѣлся въ каютѣ и, нагибая голову, полѣзъ въ похожую на гробъ койку.

III.

Въ три часа ночи я проснулся. Винтъ работалъ особенно сильно, но не было слышно характернаго шума волнъ о борты.

Захотѣлось пить. Въ графинѣ оказалось пусто. Я одѣлся и вышелъ въ слабо освѣщенную каютъ-компанію. Здѣсь я услышалъ торопливые тяжелые шаги на палубѣ, потомъ кто-то что-то громко прокричалъ, вѣроятно, выругался, и побѣжалъ.

Вся корма тряслась отъ работы винта. Отворилась дверь, и

Ѳ. Сычковъ. Сиротка.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

вошелъ взъерошенный, полуодѣтый лакей Джузеппе. Замѣтивъ меня, онъ печально развелъ руками и пробормоталъ:

— „Porto di Smirne“... Basta!..

— Avaria?.. спросилъ я.

— Si, signore.

Я быстро одѣлся и побѣжалъ на спардэкъ.

Вверху такъ же ясно и спокойно горѣли звѣзды, сзади шумѣлъ винтъ, а впереди носъ парохода слился съ темной массой близкаго берега. Возлѣ входа въ машину я увидѣлъ самаго спокойнаго человѣка на пароходѣ—механика.

— Добраго утра,—сказалъ я ему по-итальянски.

— Къ сожалѣнію, до утра еще слишкомъ далеко,—отвѣтилъ онъ и закурилъ сигару, затѣмъ съ трудомъ, немножко по-нѣмецки, немножко по-итальянски и частью по-французски разсказалъ, что въ этомъ мѣстѣ долженъ быть маякъ, и пока его огонь не показался, пароходу слѣдовало придерживаться вправо... Но кто-то потушилъ огонь, и на самомъ маякѣ не оказалось ни одного человѣка. Капитанъ и его помощники убѣждены, что это сдѣлали болгары съ цѣлью, чтобъ сѣло на камни турецкое судно, но вмѣсто турокъ попались мы. Къ счастью, берегъ оказался пологимъ, и ходъ „Porto di Smirne“ въ это время былъ относительно тихій, онъ только частью носа въѣхалъ на плоскій камень, но довольно глубоко... Въ трюмахъ воды нѣтъ, и вообще нѣтъ никакой опасности, и поэтому приказано пассажировъ не будить, а утромъ мы навѣрное снимемся своими силами.

Механикъ посовѣтовалъ и мнѣ итти спать, что я и сдѣлалъ, хотя на всякій случай легъ, не раздѣваясь. Затѣмъ, какъ мнѣ показалось, меня очень скоро разбудили похожіе на выстрѣлы стуки парового ворота — лебедки, помѣщавшейся какъ разъ надъ моей головой.

И. Вельцъ. Въ лагунахъ Венеціи.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

И. Гороховъ. Бабочекъ ловятъ.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Всѣ пассажиры уже поднялись, суетились, галдѣли, спорили; только турки совсѣмъ спокойно пили кофе.

Я опять вышелъ наверхъ. Хасибэ была уже здѣсь и, конечно, не одна. Но я почему-то смѣло подошелъ къ нимъ и поздоровался. Мать протянула мнѣ руку, а за нею и Хасибэ.

Вѣроятно, въ эти моменты я былъ единственнымъ человѣкомъ на борту, такъ по-дѣтски, такъ искренно радующимся тому, что мы стоимъ на мели.

Капитанъ, его помощники и почти всѣ матросы были заняты работой. Они хотѣли завести съ кормы въ море сначала одинъ запасный якорь на канатѣ, затѣмъ другой и, натягивая лебедкой конецъ, сдвинуться съ мѣста. Винтъ заднимъ ходомъ долженъ былъ помогать. Оба якоря отвезли въ шлюпкѣ довольно далеко и благополучно опустили въ море. Такъ же благополучно началъ напрягаться первый канатъ, но второй, какъ только поднялся изъ воды, весь покрытый водорослями,—вдругъ лопнулъ. Красивая рябь разбѣжалась вправо и влѣво по тихой утренней, еще розовой, водѣ.

Всѣ наблюдавшіе за работой ахнули,—всѣ, кромѣ меня и Хасибэ.

— Кисметъ,—судьба, — сказалъ я одновременно по-турецки и по-русски.

— Кисметъ! — повторила Хасибэ и въ первый разъ улыбнулась.

Съ капитанскаго мостика и со шлюпки раздались ругательства. Затѣмъ снова цѣлый день искали, подымали и сцѣпляли оторвавшійся конецъ. Дѣло подвигалось туго, потому что не было водолазовъ.

Ждали встрѣчнаго парохода, чтоб[ы] просить о помощи. Уже никто не волновался. Палубные па[сс]ажиры, турки и албанцы,

Г. Манизеръ. Объясненіе.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

сидѣли попрежнему, не двигаясь, точно вылѣпленные изъ глины. Болгары ходили своей развалистой походкой, топая неуклюжими лаптями, хныкали и разсказывали что-то печальное.

Хасибэ явно повеселѣла, а ея мать стала задумчивѣе и подъ вечеръ даже оставила дочь одну.

Погода оставалась такой же тихой, опять взошелъ мѣсяцъ, но еще не было темно.

Прозрачность воздуха позволяла видѣть горизонтъ на огромномъ разстояніи. У меня былъ великолѣпный цейсовскій бинокль, въ него поле зрѣнія было еще больше,—вѣроятно, около десяти миль вокругъ. Я подалъ его Хасибэ. Она долго смотрѣла, затѣмъ отняла бинокль отъ глазъ и сказала по-французски:

— Никого и ничего ни на морѣ ни на сушѣ, даже птицъ нѣтъ...

Помолчала и добавила:

— Это хорошо...

Не знаю, почему, но послѣднія два слова радостно отозвались въ моей груди, хотя я постѣснялся спросить ее, почему „хорошо“?

За ужиномъ, который прошелъ обычнымъ порядкомъ, Хасибэ ѣла съ большимъ аппетитомъ и послѣ кофе не скрылась въ каютѣ, а снова вышла наверхъ, но уже съ матерью.

Вода была тихая, и огни „Porto di Smirne“ отражались неколеблющимися спиралями. На первой мачтѣ засвѣтился зловѣщій красный фонарикъ, означавшій, что судно терпитъ бѣдствіе. У капитанской рубки все время постукивалъ безпроводный телеграфъ, но никто намъ не отвѣчалъ.

Палубные пассажиры и замученные дневной работой матросы давно спали. Всѣ, въ томъ числѣ и я, и Хасибэ, и ея мать, были увѣрены, что завтра непремѣнно мимо пройдетъ какой-нибудь пароходъ, который поможетъ намъ сняться съ мели. Мнѣ пріятно было стоять возлѣ дѣвушки, съ которой мы никогда больше не встрѣтимся и потому никогда и ни въ чемъ не упрекнемъ другъ друга.

И приходила въ голову какъ будто нелогичная мысль: „чѣмъ дальше человѣкъ отъ нравящейся женщины, тѣмъ она ему ближе и тѣмъ чище его радость“.

Послѣ долгаго молчанія у меня неожиданно вырвалось:

— Какъ бы я хотѣлъ, чтобы мы простояли здѣсь еще цѣлыя сутки...

Мнѣ показалось, что Хасибэ едва замѣтно опустила головку въ знакъ того, что согласна со мной. Къ сожалѣнію, и старуха поняла мою фразу и, коверкая французскій языкъ, отвѣтила приблизительно слѣдующее:

— О, нѣтъ, это было бы ужасно, у меня въ Салоникахъ дѣла, и сегодня меня ждутъ тамъ, а мы еще здѣсь.

Кажется, она замѣтила кивокъ Хасибэ, потому что сказала ей еще болѣе раздраженнымъ тономъ длинную фразу по-турецки.

Скоро обѣ онѣ ушли.

IV.

На слѣдующій день капитанъ и его помощники снова пытались сняться съ мели собственными силами, и опять изъ этого ничего не вышло. Среди пассажировъ уже чувствовалась какая-то молчаливая тревога.

Меня волновало другое: ни Хасибэ ни ея мать не вышли къ завтраку, долго не выходили онѣ и на палубу.

Думалось, что причиной этому моя вчерашняя радость о томъ, что мы застряли на мели, и что, вѣроятно, старуха чутьемъ угадала, какъ нравится мнѣ ея дочь, и рѣшила не выпускать ея изъ каюты.

Но я ошибся.

Около трехъ часовъ дня я увидѣлъ на спардэкѣ Хасибэ, и даже

И. Пассъ. Женская головка.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

одну: она поздоровалась со мною первая, улыбнулась и попросила бинокль. Только личико ея было нѣсколько блѣдно, но отъ этого оно показалось еще милѣе.

„Вѣроятно, ей просто нездоровится“,—подумалъ я.

— Неужели и сегодня ни одного парохода не пройдетъ мимо? Ахъ, проклятые болгары, они всегда плачутъ, что ихъ обижаютъ, но сами такъ много приносили и приносятъ зла совсѣмъ неповиннымъ людямъ! Потушить маякъ,—это такъ нехорошо... Вѣдь пароходъ могъ и совсѣмъ разбиться. Это такъ нехорошо!..—проговорила Хасибэ.

Черезъ нѣсколько минутъ вышла ея мать, привѣтливо отвѣтила на мой поклонъ и сѣла довольно далеко отъ насъ въ плетеное кресло. И была она вся грустная, грустная.

Я и Хасибэ молча наблюдали за работой матросовъ. Гдѣ-то достали еще канатъ и опять сцѣпили его съ лопнувшимъ. Лебедка стала осторожно наматывать. Чтобы облегчить напряженіе, заработалъ винтъ. Было слышно, какъ въ машинѣ механикъ кричалъ:

— Forso!.. Agitato!

Но лопнулъ и этотъ конецъ. Машину остановили. Бѣлая пѣна успокоилась. Наматывать канать, прикрѣпленный къ первому якорю,—боялись, какъ бы не лопнулъ и онъ, и тогда корма осталась бы на волѣ вѣтра, котораго по времени года всегда было можно ожидать.

Не прошелъ ни одинъ пароходъ мимо и въ этотъ день.

— Вѣроятно, Дарданеллы уже совсѣмъ заминированы,—высказалъ свое предположеніе механикъ.

Вечеромъ къ ужину Хасибэ снова не вышла. А я, сытый и спокойный, настроенный, вѣроятно, болѣе фатально, чѣмъ кто-либо изъ пассажировъ, отправился съ биноклемъ въ рукахъ на самый носъ парохода, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на каменистомъ, поросшемъ какими-то колючками, берегу, но ничего не увидѣлъ. По трапу поднялся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ старикъ-турокъ.

— Эк-мэк іокъ!..—сказалъ онъ печально.

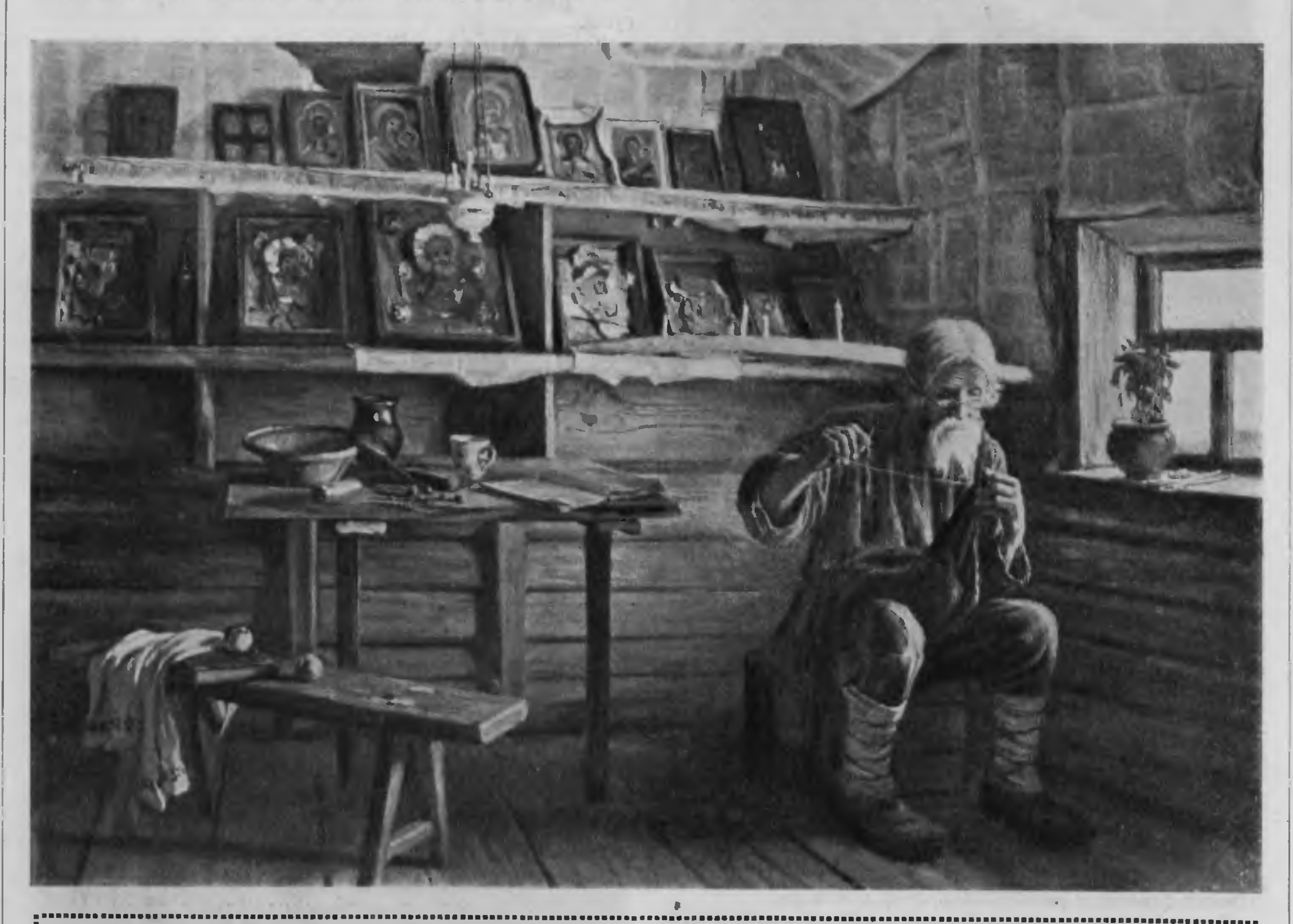
Я пожалъ плечами и поднялся по трапу. Но и здѣсь ко мнѣ подошло уже нѣсколько турокъ. Одинъ изъ нихъ показалъ себѣ на ротъ, потомъ на животъ и повторилъ ту же фразу:

— Эк-мэк іокъ...

Я почувствовалъ, что это не просьба о деньгахъ, вернулся назадъ въ кормовую часть и, замѣтивъ еще издали у борта фигуру Хасибэ, подошелъ и спросилъ, что значатъ по-турецки эти слова?

Она вдругъ густо покраснѣла, затѣмъ поблѣднѣла и отвѣтила:

— Это значитъ: нѣтъ хлѣба...

В. Фендрихъ. Въ кельѣ. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Тогда я вспомнилъ, что на палубѣ у насъ еще человѣкъ полтораста такихъ пассажировъ, у которыхъ, вѣроятно, уже нѣтъ хлѣба.

Вечеромъ, во время ужина, за столомъ отсутствовали и многіе изъ классныхъ пассажировъ. Опять не было и Хасибэ. Со мною рядомъ сидѣли только два богатыхъ грека съ черными, длинноносыми, некрасивыми женами.

Вмѣсто хлѣба намъ подали твердые, какъ камень, и невкусные галеты. Мнѣ полагалось цѣлыхъ пять блюдъ, но аппетита не было.

Въ головѣ вдругъ зародилась и неотступно сверлила мозгъ мысль, что, вѣроятно, и Хасибэ и ея мать уже вторыя сутки голодаютъ... И также весьма вѣроятно, что деньги у нихъ были разсчитаны на двое сутокъ до Салоникъ, а сегодня уже оканчивался четвертый день съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли изъ Константинополя.

Не задумываясь о томъ, деликатно [illegible] неделикатно это выйдеть, я наложилъ почти полную та[illegible]ку жареной рыбы, всталъ и направился къ ихъ каютѣ. Я смѣло отворилъ дверь. Обѣ женщины лежали на койкахъ. Зрачки ихъ глазъ испуганно расширились. Прежде чѣмъ Хасибэ и мать успѣли произнести хоть одно слово, я быстро и непринужденно сказалъ:

С. Юнкеръ-Крамская. Nature morte.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

— Сегодня намъ дали очень вкусную рыбу, я бы хотѣлъ, чтобы и вы ее попробовали и сказали мнѣ, какъ она называется?

Хасибэ вскочила и что-то пробормотала. Старуха тоже поднялась быстро и, къ моему удивленію, безъ разговоровъ и съ поклономъ взяла тарелку.

На душѣ у меня стало вдругъ весело.

Позднѣе погода измѣнилась, подулъ вѣтеръ, и стало такъ холодно, что безъ пальто невозможно было выйти. Я остался въ салонѣ. Вспомнилъ, что у меня въ чемоданѣ есть неоткупоренная жестянка сардинъ и коробка еще петербургскихъ бисквитовъ. Я разложилъ все это на тарелки, велѣлъ Джузеппе принести самый большой кофейникъ кипятку и подать лимонъ. Затѣмъ заварилъ чай и пригласилъ Хасибэ и ея мать.

Оказалось, что онѣ никогда не пробовали чаю, который имъ очень понравился. Остальные турки поглядывали на насъ искоса, но никто ничего не сказалъ.

Щечки Хасибэ порозовѣли, старуха тоже оживилась. Выпили одинъ кофейникъ и послали за другимъ. Я замѣтилъ, какъ понравились Хасибэ бисквиты, но она съѣла ихъ только пять и ни за что не хотѣла взять еще.

— Ну, тогда и я не буду!..—вырвалось у меня.

И только при помощи этого маневра я заставилъ ее взять еще два бисквита.

Мы разговорились.

Хасибэ разсказала, что у нея есть семнадцатилѣтній братъ Хафысъ, который учится въ лицеѣ, но мечтаетъ о военной службѣ.

— Но я все сдѣлаю, чтобы онъ не былъ военнымъ, онъ такой способный,—это единственная наша надежда, и вдругъ убьютъ неизвѣстно кто и неизвѣстно за что, а главное, зачѣмъ, откуда-нибудь съ аэроплана.

Она помолчала и добавила:

— Мнѣ кажется, что уже прошло время, когда народы дѣлались сильнѣе или слабѣе, хуже или лучше путемъ войны, и скоро къ счастью людей будетъ найденъ путь совсѣмъ другой...

— Какой?—спросилъ я.

— Не знаю, но онъ будетъ найденъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Буря.

Разсказъ **А. Грузинскаго.**

(Окончаніе)

Михольцовъ и Басаргивъ медленно двигаются къ могилкѣ: съ другой стороны къ ней подходитъ съ дьячкомъ о. Петръ, и начинается панихида.

Кудрявое облачко дыма вылетаетъ изъ стараго мѣднаго кадила; солнечные лучи прорѣзаютъ его насквозь, скользятъ по закопченому металлу, сверкаютъ на яркорыжемъ ржавомъ крестѣ сосѣдней могилы. Голосъ священника, дрожащій и нѣжный, какъ о томъ говорилъ Михольцовъ, далеко разносится въ жаркомъ воздухѣ, прося объ упокоеніи души рабы Божіей Варвары; дребезжащій басокъ старенькаго дьячка вторитъ ему. Лицо Михольцова дѣлается грустнымъ; воспоминанія набѣгаютъ на него волной, губы его дрожатъ, ему хочется плакать. Онъ смотритъ вверхъ, на голубое небо, безцѣльно бродитъ глазами по кладбищу, останавливаетъ взглядъ на темномъ платкѣ бабы съ измученнымъ лицомъ, которая шагаетъ вдали по дорожкѣ, и упорно старается не глядѣть на бѣлый мраморъ памятника, на вѣнокъ изъ иммортелей, которымъ обвитъ крестъ. Такъ трусъ боится взглянуть въ тотъ уголъ, гдѣ глухой ночью ему чудятся лицо блѣднаго призрака, шепотъ, чьи-то шаги.

Панихида кончается: Михольцовъ благодаритъ священника, дьячокъ и священникъ шагаютъ прочь и скоро исчезаютъ за поворотомъ дорожки.

Михольцовъ и Басаргинъ остаются одни въ послѣднемъ пріютѣ мертвыхъ, среди тишины кладбища. Это не жуткая тишина ночи, когда пугаетъ и скрипъ деревьевъ, и шумъ вѣтра, и крикъ птицы, которая не спитъ, или которой мѣшаютъ спать: это—тишина, вносящая въ душу покой и примиреніе,—по крайней мѣрѣ въ душу Басаргина. Но Михольцовъ хмуро сдвигаетъ густыя, начинающія сѣдѣть, брови.

— Ѣдемъ?—спрашиваетъ Борисъ.

— Нѣтъ,—медленно отвѣчаетъ Михольцовъ.—Я не люблю уѣзжать такъ скоро. Посидимъ немного.

Н. Шатиловъ. Мальчикъ съ хворостомъ.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Они садятся на старую, покрашенную темной зеленой краской, скамью возлѣ памятника. Какая-то проворная птичка на одинъ мигъ показывается среди зеленыхъ вѣтокъ, и солнечный лучъ скользитъ по ея черно-синей головкѣ.

— Давно ли, кажется, случилось, а нынче ровно двѣнадцать лѣтъ,—уныло говоритъ Михольцовъ.

Басаргинъ широко открываетъ глаза.

— Двѣнадцать лѣтъ уже?!—переспрашиваетъ онъ.

— Двѣнадцать лѣтъ. Идетъ время. За границу мы съ нею ѣхали, когда она подъ поѣздъ упала. Ужасъ!

И. Гороховъ. Семья. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Лицо Михольцова дергается: воображеніе рисуетъ ему картину, которую онъ когда-то видѣлъ, которую хотѣлъ бы давно позабыть, но которую позабыть не въ силахъ. И чѣмъ сильнѣе онъ хочетъ избавиться отъ тяжелыхъ впечатлѣній, тѣмъ ярче страшное прошлое встаетъ передъ нимъ.

Михольцовъ вздыхаетъ и добавляетъ голосомъ, въ которомъ слышатся слезы:

— Ахъ, Варя, Варя, сгубила ты меня, голубка! О, если бъ я зналъ!..

Басаргинъ смотритъ на начавшую сѣдѣть голову дяди, на его нависшія щеки, на морщины, избороздившія его лицо, на все, чего не видно въ тусклой усадьбѣ за старыми книгами, но что̀ рѣжетъ глаза въ этотъ солнечный день,—и находитъ, что за послѣдніе годы дядя сильно одряхлѣлъ.

— Не люби рѣшительныхъ женщинъ, Борисъ!—говоритъ дядя съ тоскою.—Рѣшительнымъ долженъ быть мужчина, а женщина должна быть слабымъ, нѣжнымъ, эфирнымъ существомъ.

— Вы думаете?

— Да. Разсуди здраво: если ты самъ человѣкъ рѣшительный, и она рѣшительная—ваша жизнь превратится въ вѣчную азартную борьбу. Когда кремень ударяется о кремень, получаются искры, и эти искры сожгутъ ваше счастье. Ничего отъ него не останется,—одинъ пепелъ; бури развѣютъ пепелъ по вѣтру, и жизнь пропадетъ ни за что. Была жизнь—и не станетъ жизни. Если же ты—тряпка, ничтожество, рѣшительная женщина упрячетъ тебя подъ башмакъ, втопчетъ въ грязь, начнетъ изъ тебя, мужчины, вить веревки, и ничего, кромѣ обиды и позора, не оставитъ въ твоей душѣ. Я—старый одинокій холостякъ, зарывшійся въ книги, въ усадьбѣ у меня пусто и скучно. Въ моихъ комнатахъ — соръ и чуть не въ каждомъ углу паутина; кучеръ Терентій не слушается меня; горничная, будемъ говорить откровенно, въ грошъ не ставитъ моихъ приказаній, грубитъ мнѣ, а кухарка готовитъ обѣды, которыхъ нельзя ѣсть. Это для твоего пріѣзда она подтянулась, а когда я одинъ, мои обѣды несносны, какъ несносно мое существованіе. И почему все это? Почему?

Михольцовъ смотритъ на зеленую хвою, которая молчалива и неподвижна, и на кружевную листву березъ, которую чуть-чуть шевелитъ вѣтеръ надъ чьей-то могилой.

Никто не даетъ ему отвѣта.

— Потому,— говоритъ онъ самъ, печально вздыхая: — что я имѣлъ несчастье увлечься рѣшительной женщиной. Она отравила мнѣ жизнь, лишила меня счастья, спокойствія, тихой старости въ кругу собственной семьи, лишила всего, чѣмъ красно существованіе.

Борисъ молчитъ и избѣгаетъ встрѣчаться взглядомъ съ грустными глазами дяди. Ему тяжело и... стыдно за дядю: онъ сомнѣвается, чтобы все было такъ, какъ разсказываетъ Левъ Ѳомичъ.

— Ты знаешь,—продолжаетъ Михольцовъ:—Варвара Павловна была женою одного изъ моихъ лучшихъ друзей. Не будь она

рѣшительной женщиной, дѣло, конечно, окончилось бы ничѣмъ. Поглядѣли бы мы другъ на друга нѣжными глазами, повздыхали бы чуточку—и конецъ. Я бы уѣхалъ и уже собирался уѣхать на югъ, гдѣ у меня былъ маленькій хуторъ, который я продалъ лѣтъ пять назадъ. Прошелъ бы мѣсяцъ-другой тоски, меланхоліи, печали, а затѣмъ пришли бы тишина, забвенье, все поросло бы быльемъ, и надъ моей головой не разразилась бы та гроза, что̀ меня смяла, что̀ разбила мнѣ жизнь и сдѣлала изъ меня раньше времени старика. Да, все это было бы, если бъ Варвара Павловна не была рѣшительной женщиной. Но она была рѣшительной женщиной. Разъ просыпаюсь я утромъ, и никакихъ предчувствій у меня нѣтъ, а она въ гостиной сидитъ, меня дожидается.

„— Здравствуйте, — говоритъ. — Я къ вамъ отъ мужа ушла. Совсѣмъ ушла. Ну, говорите же, рады?

„И смѣется, хотя вижу, что сама вся блѣдная, трепещущая, и на душѣ у нея кошки скребутъ. Ждетъ не дождется, что̀ я скажу, и въ глаза мнѣ засматриваетъ. Совершенно напрасно! Что̀ я могъ сдѣлать? Страсть затуманила мнѣ голову, умныя мысли разлетѣлись куда-то, и, конечно, пришелъ я въ восторгъ,—вѣдь любилъ же я Варю! На колѣни передъ нею бросился, ручки, ножки давай цѣловать. „Ангелъ мой, божество, сколь я счастливъ“,—и все такое. Съ перваго-то мгновенія, пьяный отъ страсти, вообразилъ я, что такое мнѣ счастье съ неба свалилось, что на всю жизнь его хватитъ“.

Михольцовъ презрительно машетъ рукой:

— Въ раю Магомета себя почувствовалъ, въ эдемѣ, среди ароматовъ, цвѣтовъ. Думалъ, что конца счастью не будетъ.

Борисъ подпираетъ руками голову; на его губахъ горятъ поцѣлуи Татьяны, и онъ шепчетъ:—Какъ я... Я тоже думаю, что не будетъ конца моему счастью...

— Но черезъ мѣсяцъ хватился за умъ,—продолжаетъ старикъ. „Его“, мужа Вари, жаль стало. Какъ онъ одинъ живетъ, что̀ чувствуетъ? Обманутый, брошенный. Намъ-то любовь и блаженство, а ему каково? Какъ я ему въ глаза посмотрю при встрѣчѣ? Онъ-то мнѣ прямо въ глаза взглянетъ, а я-то, пожалуй, и не смогу. Сами-то мы, раздумываю, блаженствуемъ, а жизнь у хорошаго человѣка разбили. Не хвалятъ за такія дѣла и порядочными людьми не зовутъ. Дальше больше. Сталъ я задумчивъ и грустенъ, сталъ отдаляться отъ Вари, сижу по цѣлымъ часамъ надъ работой, пера въ руки не беру, старыя книги забросилъ и все думаю. Замѣтила. И между нами такіе разговоры пошли:

„— Что̀ съ тобой?

„— Ничего особеннаго. Такъ.

„— Нѣтъ, что-то случилось.

„— Да правда же, ничего.

„— Зачѣмъ ты меня мучишь? Вѣдь я вижу, вижу же я!

„— Да видѣть-то нечего.

Михольцовъ проводитъ рукой по лбу и закрываетъ усталые глаза.

— Ну-съ, дальше. Недѣля прошла, двѣ недѣли, мѣсяцъ. Пристаетъ ко мнѣ бѣшеная женщина безъ отдыха; наконецъ я не выдержалъ и сознался. Побѣлѣла, какъ мѣлъ, зашаталась.

„— Ты правъ, говоритъ, но вѣдь нужно было объ этомъ раньше думать, а не теперь. Раньше, въ то утро, когда я въ первый разъ пришла къ тебѣ. Помнишь?

„— Помню.

„— То-то. А теперь поздно. Слышишь ли, поздно!

„Молчу.

„Улыбнулась и заговорила кротко-кротко:

„— А что̀ же, ступай къ нему, проси прощенья. Онъ—добрый, можетъ-быть, и проститъ. Можетъ-быть, вы попрежнему друзьями будете, ходить другъ къ другу будете, когда я въ театръ вздумаю съѣздить, въ шахматы по-старому станете играть. Ступай къ нему, ступай же скорѣе, не теряй золотого времени, спѣши!..

„Я сначала-то не разобралъ дѣла, думалъ, что она всерьезъ говоритъ, и даже обрадовался: можетъ, и правда, все по-хорошему кончится и все по-хорошему можетъ пойти? Но какъ взглянулъ ей въ лицо—батюшки-свѣты, волосы на головѣ зашевелились, страшно стало. Бѣшеная, чисто бѣшеная. Глаза, какъ уголья, щеки загорѣлись, губы прыгаютъ, вотъ-вотъ истерика случится, и рыданія зазвенятъ на весь домъ“.—Полно, полно, говорю, зачѣмъ я къ нему пойду? Я танъ, между прочимъ, сказалъ то, что̀ изъ головы не выходитъ“.—Куда тебѣ! И слушать не хочетъ.

„— Ступай, кричитъ,—пресмыкайся, ползай у ногъ его,—можетъ-быть, онъ и проститъ!

„— Никуда я не пойду.

„— Нѣтъ ступай, поплачь у него на груди, меня брани, скажи, что я тебѣ жизнь отравила, что ты тяготишься мной, не знаешь, какъ избавиться отъ меня!

„— Да, полно же, полно, Варя! Ну, пощади!

„— Скажи, что ненавидишь меня. Онъ проститъ. Вы побраните меня вмѣстѣ, вмѣстѣ поплачете—и все будетъ забыто. А я... ну, что вамъ до меня?

„— Варя!

„— Особенно же не забудь сказать, что ты ненавидишь меня,—это тебѣ поможетъ. Вѣдь ты и въ самомъ дѣлѣ ненавидишь? Сознайся! Вѣдь ты не способенъ на ложь, ты лгать не станешь! Будь правдивъ. Что же молчишь ты? Ха-ха-ха!.. Что̀ я сдѣлала? Къ кому я ушла? Кого полюбила?

„И въ обморокъ, по всей формѣ. Часа три оттирать и приводить въ чувство пришлось. Когда же очнулась, однимъ порадовала:—„Докторъ, зачѣмъ вы меня оттирали? Зачѣмъ хлопотали надо мной? Лучше бы я умерла. Мнѣ было бы легче, и ему тоже было бы легче“.—И указываетъ на меня.

„— Варя, говорю, опомнись!

„— Я опомнилась, отвѣчаетъ, и жалѣю объ этомъ. Тебѣ было бы легче, если бы я умерла. Вѣдь я знаю, я знаю же это!

„Мучился я, такимъ образомъ, съ полгода. Разъ даже ядъ у нея отнялъ: отравиться хотѣла. И въ безпамятствѣ, въ истерикѣ только одно повторяла:

„— Отдай ядъ! Отдай же мнѣ ядъ! Будь великодушенъ, отдай. Какъ мнѣ просить тебя?

„Да нѣтъ, даже не разъ исторія съ ядомъ выходила. Два раза. Каково это было перенести? Я—человѣкъ нервный, у меня болѣзнь сердца, и какъ оно у меня двадцать пять разъ не разорвалось, я не могу понять до сихъ поръ. Не говорю уже о томъ, что во все это страшное время мнѣ пришлось махнуть рукой на работу; я люблю работать въ тишинѣ, чтобы вокругъ меня вѣтерокъ не подулъ, чтобы вѣточка не шелохнулась, а тутъ я все время кипѣлъ, какъ въ аду. Попробовалъ черезъ силу написать одно изслѣдованіе объ Азовскомъ сидѣньѣ — самому стыдно стало: ни ясности, ни логики, ни смысла, белиберда какая-то, чепуха. Но... черезъ полгода тучи чуть-чуть прояснились.“

Михольцовъ съ облегченіемъ вздыхаетъ; съ облегченіемъ вздыхаетъ и Басаргинъ, надѣясь увидѣть хоть одинъ свѣтлый лучъ среди общей тьмы и печали.

— Узнали мы, что униженный и обиженный утѣшился: на смѣну старой явилась новая любовь. У Вари появился смѣхъ на губахъ, и щеки порозовѣли. Никогда я ее такой сумасшедше веселой не видѣлъ. Счастливое время было! Это было время смѣшныхъ безумствъ со стороны Вари. Она шалила, какъ школьница, и чуть не каждый день ставила весь домъ вверхъ дномъ. Рядилась (это случилось на святкахъ) и придумывала массу такихъ дурачествъ, которыя мнѣ бы никогда и въ голову не пришли; я отъ нихъ хохоталъ до упаду. У нея былъ талантъ хорошей актрисы, и, когда мы ѣздили въ гости, она, нарядившись, подъ маской, имитировала пять-шесть женщинъ, и каждый готовъ былъ поклясться, что это—тѣ общія знакомыя, которыхъ имитируетъ она. Варя придумывала имъ невозможныя положенія, ставила ихъ въ такія затруднительныя обстоятельства, которыя только она и могла придумать, и затѣмъ начинала импровизировать, что̀ бы въ данныхъ обстоятельствахъ онѣ стали дѣлать и говорить. Ее носили на рукахъ. Она была царицею вечеринокъ. Ты знаешь, въ обществѣ встрѣчаются очень талантливые актеры и актрисы, которыхъ хочется спросить: „зачѣмъ вы не на сценѣ?“

Борисъ думаетъ:

„Что̀ же было дальше?“

И Михольцовъ продолжаетъ, будто отвѣчая на вопросъ:

— Да, счастливое было время! Жаль, что недолго длилось оно, да и не могло долго длиться, если разсудить здраво. Въ моемъ мозгу начали понемногу опять копошиться проклятые вопросы: почему тотъ, другой, утѣшился? Можетъ-быть, только самолюбіе заставило его носить личину? Можетъ-быть, на душѣ у него кошки скребутъ, хотя онъ и веселъ и счастливъ наружно? Въ душу человѣческую нельзя заглянуть, если бы и хотѣлъ кто заглянуть. Забудешь, забудешь о немъ, да и вспомнишь вдругъ, „средь шумнаго бала“ (какъ у Алексѣя Толстого сказано) или въ тишинѣ, за работой; въѣлась въ мозгъ отрава, и нѣтъ силъ избавиться отъ нея. Работа все хуже и хуже стала; день-ото-дня. Когда мысли и чувства не въ порядкѣ, трудно, чтобы работа шла хорошо. Сталъ я задумываться; она замѣтила то, что̀ происходило со мной, и нахохлилась, какъ обиженная птица. И все пошло по-старому, все пошло скверно. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Коротко было счастливое время,—и Михольцовъ никнетъ головой.— А тутъ явилась эта дѣвушка,—печально продолжалъ онъ.

— Какая дѣвушка, дядя?

— Анелька Завадская. Ты помнишь Завадскую? Лѣтъ семь назадъ она вышла замужъ за Кремнева.

— Нѣтъ, не помню.

— Да, ты едва ли встрѣчался съ нею въ дѣтствѣ, а можетъ-быть, просто позабылъ. Въ то время, когда ты былъ еще ребенкомъ, Завадскіе снимали домъ Дегтярева черезъ переулокъ отъ насъ. Тогда Анелька тоже была маленькой дѣвочкой, но затѣмъ эта дѣвочка сдѣлалась стройной и нѣжной, похожей на ангела, дѣвушкой. Не подумай чего-нибудь, но... сравненіе между нею и Варей невольно приходило на умъ. Тамъ—чистая, ясная, съ душой, какъ хрусталь, а тутъ—бѣшеная, порочная, злая... Да, да, порочная, не хмурь бровей, не дѣлай нетерпѣливыхъ движеній. Того, что̀ случилось, не измѣнишь, не передѣлаешь. Если женщина сбѣжала отъ мужа къ любовнику, трудно рисовать съ нея ангела чистоты... И Варя замѣтила мое благоговѣніе передъ Анелькой и устраивала мнѣ не мало бѣшеныхъ сценъ, хотя, готовъ поклясться, я не былъ ни въ чемъ виноватъ, кромѣ благоговѣнія. Но поклоняться ясной душѣ не закажетъ же сердцу. А Варя твердила съ упрямымъ сарказмомъ:

„— Это всегда такъ начинается... съ благоговѣнія.

„Когда я указывалъ на любовь Анельки къ старинѣ (а Варя была равнодушна и къ старинѣ и къ моимъ работамъ), она упрямо говорила въ отвѣтъ:

„— Знаю, знаю! Это всегда такъ начинается... со старины.

„Чѣмъ бы все кончилось, если бы мы остались въ Россіи, не знаю. Но когда, по настоянію Вари, съ тоской въ душѣ я повезъ ее за границу, все кончилось тѣмъ, что она упала подъ поѣздъ. О, какой ужасъ, какой ужасъ я пережилъ!“

Михольцовъ склоняетъ голову на руки и тихо всхлипываетъ.

— Помню, я спалъ въ эту страшную ночь, и снилось мнѣ, будто Варя склонилась ко мнѣ и шепчетъ: „не тоскуй; я чувствую, что скоро умру, и ты будешь свободенъ“. Когда же я проснулся, Вари уже не было... въ живыхъ. Какъ уцѣлѣлъ я при всемъ этомъ, не знаю. О Варя, Варя!...

Михольцовъ наклоняется къ племяннику и шепчетъ такъ тихо, что тотъ едва можетъ разобрать:

— Ты пойми, что я до сихъ поръ не знаю и не узнаю никогда, никогда, случайно она упала, или... сонъ ли мнѣ снился, или то шептала она наяву... Для нея все кончилось, а я... я... легче бы мнѣ умереть.

Михольцовъ отвертывается и всхлипываетъ. Басаргинъ съ тоской взглядываетъ на бѣлый мраморъ памятника, подъ которымъ спитъ вѣчнымъ сномъ женщина, горячо любившая и много страдавшая, на потускнѣвшія отъ времени золотыя слова, на вѣнокъ изъ иммортелей и угрюмо молчитъ.

Когда же они ѣдутъ съ кладбища въ усадьбу, и дядя опять брюзгливо напоминаетъ Терентію объ оврагахъ и косогорахъ, Басаргинъ думаетъ, что человѣкъ, который искренно говоритъ, что смерть для него облегченіе, не будетъ такъ страстно цѣпляться за жизнь на каждомъ оврагѣ и косогорѣ.

Въ сумерки Басаргинъ идетъ на свиданіе къ мельничихѣ на ту поляну, гдѣ они увидѣли другъ друга въ первый разъ.

Прижимаясь горячими губами къ губамъ Татьяны, онъ вспоминаетъ слова дяди: „не люби рѣшительныхъ женщинъ“. И думаетъ: „Гдѣ та сила, которая заставила бы его разлюбить эти зеленоватые глаза, эти красныя губы и гибкое тѣло прекрасной женщины?“—и не находитъ отвѣта. Нѣтъ той силы, въ цѣломъ свѣтѣ не сыщешь ея.

Поцѣлуи туманятъ голову, поцѣлуи обжигаютъ лицо.

Тихій вечеръ слышитъ сдавленный шепотъ:

— Милая!

— Счастье мое!

Тихій вечеръ слышитъ поцѣлуи, тягучіе, медленные, такіе, какъ будто тотъ, кто цѣлуетъ, хочетъ съ поцѣлуями выпить душу любимаго человѣка; тихій вечеръ слышитъ сердитыя слова:

— Боже избави тебя ходить въ „Дубки!“

— Я не собираюсь.

— Боже избави!

Сова летитъ черезъ чащу, медленно хлопая крыльями.

Какъ гигантскіе свѣтляки, горятъ ея большіе глаза.

— А на мельницу, королевичъ, къ намъ „шалый баринъ“ повадился.

— Какой „шалый баринъ“?

— Рахимовъ.

— По сердцу я пришлась ему, кажется.

Красныя губы тихо смѣются.

— За границу съ собой зоветъ...

— Это зачѣмъ?

— Людей посмотрѣть и себя показать. Зачѣмъ всѣ люди за границу ѣздятъ? Не Богъ знаетъ, какія большія у нихъ за границей дѣла.

— Не вздумай поѣхать!

— Я же съ ума не сошла, хотя и орелъ этотъ „шалый баринъ“...

— Ужъ будто бы орелъ?!

— Это не я. Это Наталья Дементьевна въ „Дубкахъ“ зоветъ его такъ. Да, хоть и орелъ „шалый баринъ“, но тебя, королевичъ, я ни на кого не смѣняю. Ты мой единственный. Ты мой любимый. Нѣтъ, королевичъ, я не уѣду за границу отъ тебя. Нѣтъ.

— Не обманешь?

— Нѣтъ, королевичъ, не обману. Денегъ у „шалаго барина“ много, но... зачѣмъ мнѣ деньги? Не нужно денегъ мнѣ. Скучно съ нимъ!

— А со мною весело?

— Съ тобой, королевичъ, весело. И пока съ тобой будетъ весело, никуда отъ тебя не уйду. Никуда.

— А когда будетъ скучно?

— Прощай, королевичъ, тогда. Я—вольная птица: улечу.

Она смотритъ на свои нѣжныя руки и говоритъ:

— А вѣдь перстни (много перстней!) пошли бы къ этимъ тонкимъ пальцамъ. Теперь мода такая—унизать всѣ, всѣ пальцы перстнями.

— Глупая мода.

— Нѣтъ, ничего.

— Глупая мода: нельзя цѣловать эти тонкіе пальчики, если ихъ унижутъ перстнями!

— Да, вотъ оно что! Тогда, пожалуй, ты правъ, королевичъ. И къ этимъ маленькимъ ушамъ пошли бы большія-большія подвѣски изъ брильянтовъ. Люблю брильянты! Сверкаютъ, какъ Божьи звѣздочки.

— Но если бъ нужно было выдрать эти маленькія уши, какъ это можно было бы сдѣлать, если бъ на нихъ были большія подвѣски?

— Выдрать уши? Руки коротки! Не народилось, королевичъ, еще такихъ рукъ, которыя могли бы выдрать эти маленькія уши!

— А эти руки? Развѣ ты не видишь ихъ?

— Коротки, королевичъ! Пусти! Что ты дѣлаешь? Не смѣй! Уйду къ Рахимову! Уѣду съ нимъ за границу. Ей-Богу!

— Это тебѣ за Рахимова!

— Уѣду и буду носить на шеѣ толстыя нити жемчуговъ.

— Это тебѣ за толстыя нити жемчуговъ!

— Брось мои уши! Слушай серьезно. Развѣ бы къ этой шеѣ не пошли жемчуга, королевичъ? О, еще какъ бы пошли! Помню, въ дѣтствѣ няня разсказывала славную сказку о принцессѣ съ звѣздою во лбу, и мнѣ страстно, до боли, хотѣлось быть этой принцессой. Теперь я знаю, что этой принцессы нѣтъ и быть не можетъ, но, если меня нарядить въ брильянты и жемчугъ, я буду не хуже принцессы. Не правда ли, да?

— Глупая женщина! Безъ брильянтовъ и жемчуга ты лучше этой принцессы.

— Лжешь?

— Я никогда не лгу, счастье мое. Хочешь, могу поклясться? Ты лучше этой принцессы, и у тебя есть свой королевичъ, отъ котораго ты хочешь бѣжать за границу. Какъ не стыдно?

— Я шутила. Этого не случится.

Небо становится темно-синимъ. Крупныя звѣзды загораются то тутъ, то тамъ. Тихіе шорохи ночи летятъ изъ-подъ кустовъ и деревьевъ.

Мельничиха поднимается съ травы:

— Ну, проводи меня, королевичъ! Пора.

Они идутъ къ мельницѣ. И красивая женщина шепчетъ:

— Я не уѣду. Этого не случится. Слышишь ты? Этого не случится. Никогда.

Это случается...

VI.

Льетъ дождь, вѣтеръ воетъ разсерженнымъ дьяволомъ, вода передъ мельничной запрудой шумитъ, вертится, какъ спущенная съ цѣпи собака, и бьетъ черезъ запруду.

Горбатый Исайка носится по плотинѣ и кричитъ рабочимъ куда-то въ кромѣшную тьму:

— Поднимите шлюзы, черти! Слышите? Поднимите шлюзы, чтобъ розорвало васъ!

Сильныя, темныя руки, похожія на руки сожженныхъ солнечнымъ зноемъ дикарей, поднимаютъ шлюзы, вода ухаетъ въ широкія щели, какъ въ пропасть, и мчится въ темную даль, въ просторъ бурной ночи.

Изъ тьмы чей-то голосъ окликаетъ Исайку:

— Исай, ты?

— Гей,—отвѣчаетъ Исайка.—Кто здѣсь?

— Басаргинъ.

Борисъ Сергѣевичъ выходитъ изъ тьмы; но тучи такъ черны, и ночь такъ беззвѣздна, что его не видать, хотя онъ стоитъ отъ Исайки такъ близко, что его можно ощупать рукой; слышно его частое, порывистое, взволнованное дыханье, и передъ Исайкой блестятъ его глаза.

— Хозяйка дома, Исай?—спрашиваетъ онъ.

— Эге,—говоритъ Исайка.—Нѣтъ ея. Уѣхала.

— Куда?

Исайка бьетъ себя по бокамъ и шепчетъ тихо, хотя сквозь ревъ и вой бури ихъ не можетъ подслушать никто:

— Если бы знать! Но кто жъ ее знаетъ? Она не сказалась.

Исайка наклоняется еще ближе къ Басаргину и шепчетъ еще тише:

— Совсѣмъ уѣхала! Сбѣжала. Въ заграничныя земли, надо быть.

— Съ Рахимовымъ?

— Съ нимъ самымъ.

Онъ вздыхаетъ и говоритъ мрачно:

— Пойдемте на мельницу, къ самому.

По скрипучей лѣстницѣ они поднимаются въ пристройку, входятъ въ переднюю и затѣмъ въ комнаты, гдѣ еще такъ недавно звенѣлъ милый голосъ красивой женщины, но теперь все тихо и пусто, какъ въ тѣлѣ, изъ котораго вынули душу. На столѣ въ столовой горитъ одинокая свѣча и бросаетъ тусклый свѣтъ только на столъ да на мужа ушедшей, оставляя и углы комнаты, и большой образъ, и буфетъ, и все остальное въ тѣни. Больной старикъ сидитъ въ громоздкомъ креслѣ угрюмо и неподвижно, и голова его ниже обычнаго склонилась на грудь. Услышавъ стукъ двери, онъ поднимаетъ голову. Лѣвый глазъ его съ тоской и насмѣшкой останавливается на Басаргинѣ. Слеза катится изъ лѣваго глаза и бѣжитъ, крупная, горячая, на сѣдую бороду по морщинистой, желтой щекѣ.

Красивый юноша и этотъ больной, разбитый параличомъ, старикъ, безъ движенія, почти безъ слова, теперь близки другъ другу: оба брошены; бѣда породнила ихъ.

Лѣвый глазъ смотритъ на Басаргина и, чудится, хочетъ сказать ему:

— И ты... и ты...

Исайка стоитъ въ дверяхъ, какъ горбунъ на старой гравюрѣ въ французскомъ изданіи „Собора Парижской Богоматери“,—гравюрѣ, которой такъ часто любуется Басаргинъ; но выраженіе

лица у Исайки не молитвенное; онъ хмуритъ сѣдыя брови, и злымъ блескомъ посверкиваютъ его маленькіе сѣрые глаза.

Вся группа подъ тусклымъ свѣтомъ свѣчи точно соскочила со старой фламандской картины; только лица другія—сердитыя, хмурыя, не похожія на добродушныя лица фламандскихъ старинковъ.

— Уѣхала?—спрашиваетъ, дрожа, Басаргинъ.

— Ууу...—мычитъ старикъ.

Болѣе онъ ничего не можетъ сказать.

— Давно?—спрашиваетъ Басаргинъ у Исайки.

— Около сумерекъ...

Исайка говоритъ отрывисто, зло, точно вколачиваетъ гвозди въ стѣну; Исайку дергаетъ. Что владѣетъ имъ—любовь ли къ больному, у котораго онъ служитъ болѣе тридцати лѣтъ, ненависть ли къ мельничихѣ и Рахимову—Богъ вѣсть. Или и его сердце затронула красивая женщина, и хмурому, сѣдому Исайкѣ теперь мерещатся зеленые русалочьи глаза?

— Тройка подъѣхала... баринъ на тройкѣ... вышла хозяйка, только и видѣли ее.

— Можетъ, вернется?

— Нѣтъ ужъ, аминь.

Исайка шаритъ по столу и достаетъ смятую газету, на которой чернила отъ слезъ старика расплылись въ большія темныя пятна.

„Прощай мужъ! Уѣзжаю. Не жди. Не вернусь“,—читаетъ Басаргинъ.

Ему ни слова; ему ни строчки; ревность больно жалитъ его сердце; любовь шепчетъ въ уши: „догнать, воротить! Она послушаетъ словъ, она вернется. Безуміе схватило ее въ свои лапы, какъ паукъ муху. Вѣдь не любитъ же она Рахимова! Не можетъ любить. Это—порывъ, это—глупость, въ которой она сама раскается, о которой сама пожалѣетъ“.

— О, если бъ знать, куда они поѣхали!—бормочетъ Басаргинъ.

— На станцію! — отзывается Исайка. — Кучеръ Парѳену сказалъ—на станцію, больше имъ и ѣхать некуда.

Лѣвый глазъ больного съ надеждой смотритъ на юношу.

— Вер... вер...—силится сказать что-то больной.

— Можетъ, вернете? — съ надеждой спрашиваетъ Исайка. — Хозяинъ говоритъ: „вернуть бы“! А? Вдругъ да вернете? Она послушаетъ васъ. Ей-Богу! Въ головѣ у ней потемнѣніе, и ничего больше. „Шалый баринъ“—голый баринъ. Какія у него деньги? Никакихъ у него денегъ нѣтъ.

— На ст...

— Да, прямо на станцію. Вонъ и хозяинъ то жъ говоритъ. Лѣсомъ. Лѣсной дорогой. А подъ Ахметьевымъ черезъ перевозъ. Ежели Кузьма Артамоновъ возьмется перевезти, поспѣете. Загодя, поспѣете.

Больной мычитъ одобрительно, и лѣвый глазъ его смотритъ веселѣе; больной думаетъ, что Татьяна вернется: Богъ съ ней, пусть она дѣлаетъ, что хочетъ, только бы она была здѣсь; Богъ съ ней, пусть она уходитъ съ утра до ночи, только бы ночь проводила на мельницѣ; каждую ночь. Онъ привыкъ къ ней, какъ собака къ цѣпи, какъ каторжникъ къ тачкѣ. Какъ онъ будетъ жить безъ Татьяны? Онъ не можетъ представить себѣ этого. Безъ Татьяны лучше не жить.

— Гдѣ эта дорога?—спрашиваетъ Басаргинъ у Исайки. — Гдѣ дорога, которой нужно итти на перевозъ?

— Господи, да я провожу васъ! Зачѣмъ вамъ искать? Господи, на самую дорожку поставлю.

— Скорѣй бы, Исай! Скорѣй.

— Духомъ дойдемъ.

Больной старикъ одобрительно трясетъ головою.

— Ре... ре...—киваетъ онъ на темную комнату.

— Это точно! Револьверъ вамъ съ собою взять не мѣшаетъ!—шепчетъ Исайка.

Онъ уходитъ въ темную спальню хозяина и достаетъ изъ хозяйскаго стола револьверъ.

— На что мнѣ?!—спрашиваетъ Басаргинъ хмуро.

Больной качаетъ головой сверху внизъ, Исайка добавляетъ коротко:

— Сгодится!

— Не нужно! — пробуетъ протестовать юноша, и душа его чуетъ надвигающуюся бѣду.

— Сгодится!—настойчиво повторяетъ Исайка.—Теперь не день бѣлый,—ночь, лѣсъ.

Черезъ пять минутъ Басаргинъ и Исайка за воротами мельницы шлепаютъ по лужамъ; пока брезжитъ крохотный, тусклый свѣтъ отъ окна мельницы, но что будетъ дальше, и кто сохранитъ человѣка, попавшаго въ лѣсъ, отъ лѣсныхъ овраговъ и косогоровъ?

— Ну, прощай, Исай!—говоритъ Басаргинъ возлѣ лѣса.

— Прощайте! — весело отвѣчаетъ Исайка. — Теперь дорога прямая, сбиться нельзя. А револьверъ вамъ не помѣшаетъ въ дорогѣ: ночь и лѣсъ.

Улыбка кривитъ губы горбатаго человѣка, но средь тьмы Басаргинъ не видитъ ея.

(Окончаніе будетъ).

На войну.

Разсказъ Л. Григорова.

„Женщина кокетлива, она вѣчно играетъ. Она не знаетъ и не хочетъ признавать никакой границы. Она кокетничаетъ со смертью; да она и смерть дразнитъ, надъ смертью издѣвается... ужасъ, что такое!“

Такія черныя мысли бродили въ головѣ запаснаго вольноопредѣляющагося Николая Порошина; онъ находился на сборномъ пунктѣ, ждалъ часа, когда его отправятъ вмѣстѣ съ группой къ воинскому начальнику, который скажетъ, куда кто посылается, и, кромѣ того, Порошинъ еще ждалъ, какъ луча солнечнаго, Лену, эту милую и ужасную дѣвушку, которую онъ любитъ больше солнца. Она обѣщала притти сюда въ девять часовъ, теперь уже десять, а ея все нѣтъ и нѣтъ...

На сборномъ пунктѣ запасныхъ вольноопредѣляющихся было шумно, царило оживленіе, раздавался даже смѣхъ; по большимъ комнатамъ прогуливались группами и парами призванные воины; среди нихъ находилось много провожающихъ дамъ въ модныхъ платьяхъ и шляпахъ; шелъ непринужденный говоръ, слышались шутки—и вовсе не было похоже на то, что отсюда людей отправляютъ на битву, на смерть,—казалось, что собрались они по какому-то другому дѣлу, простому, далекому отъ опасностей, не страшному и не будничному, обыкновенному, а похожему на какой-то праздникъ, можетъ, на праздникъ смерти; но онъ не вызывалъ ни малѣйшей жути, а создавалъ подъемъ въ груди, шевелилъ нервы, будилъ спавшія мирно чувства,—и только очень немногіе, еще не вполнѣ примирившись съ неизбѣжнымъ, были задумчивы, какъ бы не вѣрили, что то зло, отъ котораго отворачивается человѣческое сердце, уже началось и перевернуло жизнь каждаго, отъ младенца до старика.

Это не былъ страхъ передъ войной, а тоска, что такъ оно случилось, и нельзя уже повернуть обратно, надо итти и биться, надо бросить все и всѣми силами устремиться на обезумѣвшаго въ жаждѣ завоеваній врага, защитить свою родину, защитить наконецъ себя, свой домъ, своихъ близкихъ. Такъ оно ясно и понятно, а все-таки больно, грустно, что такъ случилось, и трудно примириться сразу, всѣ помыслы свои мгновенно повернуть въ эту новую и совсѣмъ неожиданную сторону. Но надо, надо и надо. Орудія уже навѣрно гремятъ на границѣ, борьба уже началась—и думать нечего. Но все же думалось, мысль не могла сразу примириться съ этимъ зломъ. Тамъ, на полѣ сраженія, все забудется, но здѣсь, еще не оторвавшись отъ своихъ близкихъ, отъ всякихъ житейскихъ дѣлъ, бродятъ въ головѣ разныя догадки, предположенія, думы о томъ, что будетъ твориться тутъ, дома, когда уѣдешь? И только хочется, чтобы тебя скорѣе отправили на поле брани, скорѣе бросили въ битву, въ самый центръ огня. Война—такъ пусть и будетъ настоящая война!

И Николай Порошинъ тоже переживалъ такое же,—но все это слетѣло бы съ него мгновенно, если бъ пришла на пунктъ Лена. Вѣдь можетъ статься, что онъ ее увидитъ въ послѣдній разъ, вѣдь поговариваютъ тутъ, что нѣкоторыя группы отъ воинскаго начальника отправляются прямо на вокзалъ, садятся на поѣздъ и мчатся на границу. Это понятно, потому что медлить нечего, надо спѣшить, нѣмцы не будутъ ждать, пока соберутся передъ ними русскіе легіоны.

„Но Лена—кокетка, она и въ этотъ моментъ не можетъ забыть свое кокетство,—думалъ съ горечью Николай.—Но кому это теперь нужно? Что она хочетъ этимъ доказать? Ахъ, вздоръ, какой вздоръ... А можетъ, что-либо случилось, задержало что-нибудь? Но нѣтъ, еще вчера она вела себя такъ, что выругаться хотѣлось“.

Николай вспоминаетъ, что было вчера.

Она пришла къ нему. Вошла въ его комнату. Онъ бросился къ ней съ разбросанными руками, съ возгласомъ отъ всего сердца, сталъ цѣловать ее, весь точно впился,—а она стояла холодная, застывшая, каменная, ну, такая, какъ всегда. Ни тоски ни боли, никакого чувства не было на ея красивомъ лицѣ, словно ничего особеннаго не случилось, а все идетъ попрежнему, какъ было вчера, позавчера... Это ужасно, это невыносимо... Долго онъ сидѣлъ съ нею, говорилъ, обнималъ, цѣловалъ ее, пока она сама вспыхнула, зардѣлась... Сколько онъ усилій сдѣлалъ, чтобы сбить съ нея эту игру не во-время... И потомъ, по обыкновенію, посыпалось: „Милый, дорогой, хорошій“... Пошли эти долгіе убивающіе взгляды, внезапные тихіе, глубокіе возгласы...

Николай то сидитъ, то стоитъ, то ходитъ,—ему очень не по себѣ. Онъ замѣчаетъ одного запасного въ студенческой формѣ, замершаго въ тоскующей позѣ. Студентъ сидѣлъ съ опущенной головой, о чемъ-то думалъ, весь былъ погруженъ въ себя и, казалось, ничего не замѣчалъ вокругъ.

„Вотъ и у этого,—подумалъ Николай:—тоже что-нибудь въ этомъ родѣ случилось. Тоже, должно быть, не пришла своя Лена... А можетъ, онъ боится, потрясенъ тѣмъ, что его отправляютъ на войну? Но нѣтъ, такихъ чувствъ сейчасъ ни у кого быть не можетъ. У больного развѣ можетъ зародиться чувство страха, у оторваннаго отъ жизни, жалкаго, несчастнаго, но у здороваго не можетъ быть и признака страха... Боже, какъ было бы хорошо, если бъ сейчасъ пришла Лена!..“

И каждая мысль у Николая Порошина непремѣнно оканчивалась тоской по Ленѣ, которая точно забыла, что его отправляютъ на войну. Онъ подошелъ къ студенту и сказалъ, стараясь быть оживленнымъ:

— Вотъ и представился наконецъ случай побывать за границей. Я все стремился туда, и наконецъ удалось.

Студентъ поглядѣлъ на него тусклыми глазами и ничего не возразилъ. Николай не зналъ, что̀ еще сказать. Онъ чувствовалъ, что студенту совсѣмъ не по себѣ, хотѣлъ спросить, что̀ съ нимъ? — но это было неловко, не у мѣста. Мало ли у человѣка всякихъ причинъ...

— Я не могу примириться съ войной, — вдругъ сказалъ студентъ, смотря прямо передъ собой.—Я страшно люблю культуру, а война, это — варварство. Русскихъ считаютъ варварами, а они такъ были далеки отъ войны. А та страна,—страна гуманитарныхъ наукъ, высокой поэзіи, глубокихъ мыслей,—вдругъ осатанѣла будто и напала на насъ, какъ орда дикихъ татаръ или гунновъ. На насъ нападаютъ, и мы должны защищаться. Мы станемъ, волею судебъ, воинами, устремимся лишь къ одному—разбить врага вдребезги. Безъ этой мысли нельзя и на войну ѣхать. Должна быть вѣра въ побѣду.

Тусклые глаза студента преобразились, — въ нихъ замелькали искры, лицо оживилось, покрылось легкой краской. Онъ, повидимому, обрадовался слушателю, жестомъ пригласилъ его присѣсть около.

— Вы тоже запасный?—спросилъ у него студентъ.

— Да.

— Съ охотой идете?

— Страна въ опасности—и этимъ все сказано. Только у меня тутъ одно обстоятельство...

— Какое?—просто спросилъ студентъ.

— Это смѣшно говорить...— замялся Николай.— Но и трудно побороть... Я вотъ жду... Но это, право, мелко. Это такъ незначительно... Я жду свою вдохновительницу,—съ какъ бы извиняющейся улыбкой признался онъ.—Она давно уже должна притти, а ея все нѣтъ.

— Придетъ еще, — холодно сказалъ студентъ. Помолчалъ немного, и лицо его внезапно просіяло.—А это... и не совсѣмъ ужъ малое событіе. Я вотъ только что подумалъ, что оно мелко, а оказывается, что вовсе не такъ. Вѣдь не на торжество какое-либо мы ѣдемъ, а на смертную битву. Я понимаю васъ, но вы не волнуйтесь, вы еще увидитесь съ вашей пассіей. Смотрите, какое грустное лицо у этой дѣвушки въ бѣломъ. Бѣдненькая, она, видно, совсѣмъ огорошена отъѣздомъ своего друга. И какъ она засіяетъ, какъ преобразится, когда онъ возвратится, увѣшанный орденами, обожженный порохомъ, загорѣлый, мужественный, какъ никогда. Какая гордость охватитъ ее, что вотъ у нея такой смѣлый, храбрый мужъ, какъ она его любить будетъ! А теперь это сердечко замираетъ отъ страха. Смотрите, какъ она грустно глядитъ на него, какъ готовы заплакать ея печальные глазки... Ничего, милая, все это пройдетъ, надо вѣрить, что Гриша или Вася твой возвратится домой цѣлымъ и невредимымъ.

Студентъ, говоря это, смотрѣлъ на грустную дѣвушку въ бѣломъ, и въ глазахъ его было что-то ласковое, доброе. Николаю казалось, что онъ хотѣлъ всѣхъ утѣшить, всѣмъ сдѣлать что-нибудь пріятное. Но въ комнатѣ было оживленно, и если попадались тоскливыя лица, то это были женскія лица. И не всѣ женщины отражали собой эту тоску, — у многихъ былъ видъ покорныхъ существъ, что вотъ неизбѣжное уже произошло, и надо примириться, надо не плакать, а согласиться съ тѣмъ, что̀ предстало для испытанія. А были тутъ и такія, что̀ ничуть не унывали, говорили безъ умолку съ запасными, смѣялись, и на нихъ было отрадно смотрѣть. Онѣ точно воодушевляли, заражали жизнью остальныхъ, которымъ было не по себѣ.

Николай глядѣлъ на пары, видѣлъ, какъ эти пары—онъ и она—любятъ другъ друга передъ разлукой, какъ любовно оглядываютъ, слушаютъ, говорятъ. Смотрѣлъ Николай, и ему опять стало грустно, онъ снова предался своимъ ноющимъ мыслямъ и уже не слушалъ, что̀ тамъ еще говорилъ студентъ.

„Какъ все однако это безчеловѣчно,—думалъ онъ.—Я иду на войну, меня, быть-можетъ, убьютъ, а она... хоть бы что̀ ей... Ну, пришла бы, согрѣла, благословила бы... А можетъ, она кого другого теперь провожаетъ? Кто знаетъ? Эти женщины... не понять ихъ. Голова просто кружится. Чортъ знаетъ, что̀ такое!..“

Николай сдѣлалъ рѣзкое движеніе, будто его укололи иглой. Студентъ замѣтилъ это.

— Ну, что вы волнуетесь,—мягко сказалъ онъ, чуть прикоснувшись къ его плечу.—Увѣряю васъ, что ваша пассія придетъ, что-нибудь очень важное ее задержало. Моментъ такой, что тутъ не до того, чтобы мучить тѣхъ, кто идетъ на войну. Вотъ вамъ честное слово, что она придетъ. Хотите пари держать?

— Какое тамъ пари,—тихо сказалъ Николай.

— Не хотите? Очень жаль, а то я былъ бы въ выигрышѣ.

Въ комнатѣ началось движеніе. Запасные устремились къ столу, стоявшему въ углу, за которымъ сидѣло нѣсколько лицъ, провѣряющихъ списки. Кто-то крикнулъ:

— Тише, господа!

И послышались фамиліи тѣхъ, кто сейчасъ долженъ отправиться къ воинскому начальнику. Николай сталъ прислушиваться.

— Петровъ, Сергѣй!—звенѣлъ громкій голосъ.

— Есть!—раздавалось въ отвѣтъ.

— Васильевъ, Аристархъ!

— Есть!

— Безпамятовъ, Павелъ!

— Есть!

Еще одна фамилія и имя, еще, и еще... И раздалось:

— Порошинъ, Николай!

— Есть!—крикнулъ онъ, вскинулся весь и направился къ образовавшейся группѣ. Ему стало совсѣмъ нехорошо. Ну, какъ это можно, чтобы не повидаться въ послѣдній разъ?.. Онъ началъ смотрѣть на двери, но въ глазахъ его была безнадежность, чувство унынія поглотило всего... Вдругъ онъ сильно вздрогнулъ. Въ толпѣ показалась знакомая высокая шляпа съ большимъ плюмажемъ. Онъ оторвался отъ группы и быстро пошелъ къ дверямъ, быстро протиснулся къ колыхающейся шляпѣ—и вскрикнулъ:

— Лена!

Рослая красивая дѣвушка, рванулась къ нему и, не обращая вниманія на постороннихъ, бросилась на шею, впилась губами въ губы...

— Что̀ съ тобой? Отчего ты такъ долго не приходила? Но ничего, ничего... Хорошо, что ты пришла. Я молчу. Совсѣмъ молчу. Сейчасъ насъ отправляютъ. Подойдемъ сюда, я пойду вмѣстѣ съ ними. Какъ хорошо, что пришла, какъ хорошо... Милая, милая!.. Я теперь счастливъ, я съ радостью пойду... Ты извини... Я тутъ думалъ...

Николай говорилъ безсвязно, прерывистымъ голосомъ, лицо его блистало, онъ весь сверкалъ и совсѣмъ не слышалъ, что̀ тамъ ему возражала Лена. Онъ былъ такъ радъ, что все ей простилъ; не надо ничего говорить, все теперь хорошо, все прекрасно, все сіяетъ, все улыбается.

— Съ мамой дурно стало, — перебиваетъ его она: — ты мнѣ прости. Я сама плакала, что не могу оставить маму. Мишу вѣдь берутъ, онъ ополченецъ, а ты знаешь мамино сердце...

— Ничего, ничего... Не надо говорить. Я очень радъ, ты хорошая. Милая, милая... Мы сейчасъ пойдемъ.

— Я провожу васъ. Я пойду съ вами.

— Да, да, пойдемъ.

Къ нимъ приблизился студентъ, его фамилію только-что выкрикнули. Онъ сразу узналъ, что̀ это за дѣвушка стоитъ около Николая. Дружески широко улыбнулся и сказалъ:

— Ну, что̀? Моя правда?

— Да, ваша правда,—сіяющимъ голосомъ отвѣтилъ Николай.—Леночка, познакомься съ моимъ коллегой, онъ тоже идетъ бить нѣмцевъ.

Лена крѣпко пожала руку студента.

— А что̀ за правда тамъ у васъ?—ласково спросила она.

— Да вотъ я сомнѣвался, что ты придешь, а онъ увѣрялъ меня, что это вздоръ,—отвѣтилъ за студента Николай.

— Богъ съ тобой!—воскликнула Лена.—Ну, какъ это я могла не притти!?

— Ты прости, я больше не буду...

— Только одна мама могла меня задержать... Что̀ такое съ тобой, Коля? Я... я...—Она взглянула на студента,—онъ догадался и отошелъ въ сторону...—Я... тебѣ скажу... Я никогда тебѣ этого не говорила, а теперь скажу. Я, вотъ, какъ видишь... Я уже не та, что̀ была... Я вся твоя. Я принадлежу тебѣ, только тебѣ... Ты знаешь, я не бросаю свои слова на вѣтеръ. Я тебѣ никогда ничего не говорила и не обѣщала, а теперь, вотъ передъ отъѣздомъ, знай, что ты одинъ у меня. Клянусь тебѣ! Мамой своей клянусь!

— Не надо, не надо, Лена, я вѣрю, я всегда вѣрилъ.

Онъ схватилъ ея руку и крѣпко сжалъ.

— Теперь я такъ спокоенъ. Теперь мнѣ совсѣмъ не страшно. Я съ тобой буду. Какъ хорошо, что ты пришла...

Раздалась команда. Вызванные запасные построились въ шеренги и вышли на улицу. Скоро они подъ клики толпы зашагали, направляясь къ воинскому начальнику.

Въ часъ отхода поѣзда Лена была на вокзалѣ. Она успѣла перекинуться нѣсколькими словами съ Николаемъ. На лицѣ его горѣла такая благодарность, такъ онъ радовался, а ей очень хотѣлось плакать. Но она сдерживала себя.

— Смотри, Леночка, я не понимаю, какъ это можно тосковать, идя на войну,—сказалъ Николай.—Я буду всегда съ тобой, а ты будешь вѣчно со мной. У меня теперь спокойно на сердцѣ. Я непремѣнно вернусь, я вѣрю, что вернусь.

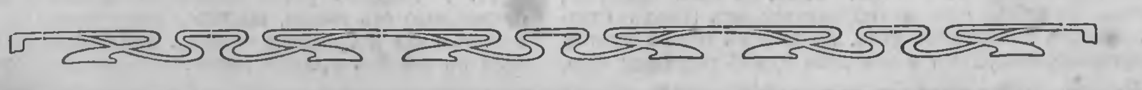
Потомъ она видѣла его въ окнѣ вагона, улыбалась ему, бормотала что-то, страшно хотѣлось заплакать,—но сдержалась.

— Урррра!—загремѣло на перронѣ, когда поѣздъ тронулся.

— Урррра!—кричали изъ открытыхъ оконъ солдаты.

Поѣздъ скоро скрылся.

— Дай Богъ,—шептали въ толпѣ.

Пулковская обсерваторія.

Очеркъ Н. С. Павловскаго. (Къ 75-лѣтнему юбилею).

(Съ 8 рис. на стр. 633 и 634).

Темной шапкой зелени красиво выдѣляется въ солнечный день на голубомъ фонѣ неба Пулковская гора съ высящимися на ней бѣлыми башнями знаменитой астрономической обсерваторіи, подъ тихими сводами которой, въ прохладной полутьмѣ, среди утонченныхъ орудій научныхъ изслѣдованій, подъ равномѣрное тиканье хронометровъ, этихъ безстрастныхъ и вѣрныхъ глашатаевъ быстро текущаго времени, производится изслѣдованіе волшебно-сказочной, полной жизни и чудесъ, природы, что̀ лежитъ далеко за предѣлами нашей маленькой планеты—Земли.

Въ то время, когда земля засыпаетъ въ голубомъ сіяніи сумерекъ, и на небѣ одна за другой вспыхиваютъ милліарды яркихъ звѣздъ, подъ сводами обсерваторіи начинается кипучая, упорная борьба человѣка съ природой за обладаніе ея тайнами, ревниво скрытыми въ темныхъ безднахъ безконечной вселенной.

Бюстъ Императора Николая Павловича, Основателя Пулковской обсерваторіи, находящійся въ южной нишѣ круглой залы обсерваторіи.

Вотъ уже 75 лѣтъ, окруженная ореоломъ безсмертія, работаетъ астрономическая обсерваторія на вершинѣ Пулковской горы, въ 13 верстахъ отъ Петербурга. Это мѣсто для обсерваторіи было указано самимъ ея Державнымъ Основателемъ—Императоромъ Николаемъ I, желавшимъ ее видѣть не только главнымъ центромъ астрономической науки въ Россіи, но и первой по размѣрамъ и значенію въ Европѣ, для чего были отпущены неограниченныя средства.

Первая астрономическая обсерваторія въ Россіи была основана Петромъ Великимъ въ 1725 году при Академіи Наукъ. Ея первымъ директоромъ былъ французскій астрономъ Делиль. Но въ 1747 году эта обсерваторія вмѣстѣ съ инструментами и полученными наблюденіями сгорѣла, а ея директоръ Делиль вернулся обратно въ Парижъ. Затѣмъ обсерваторія вновь была отстроена въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась еще по настоящее время въ видѣ восьмиугольной башни надъ зданіемъ Академіи Наукъ. Уже слѣдующіе ея директора—Гришовъ и Румовскій—указывали на неблагопріятное положеніе обсерваторіи среди города на высокомъ зданіи, гдѣ прежде всего сильно ощущалась тряска отъ уличнаго движенія, дѣлавшая невозможнымъ производить астрономическія измѣренія, къ тому же сильно мѣшали наблюденіямъ городской свѣтъ, пыль, дымъ и водяная поверхность Невы, дававшая потоки восходящаго воздуха, а по вечерамъ — туманъ. Поэтому еще въ 1760 году Гришовъ разработалъ проектъ переноса обсерваторіи за черту города, но преждевременная смерть не позволила ему довести дѣло до конца, какъ это не удалось сдѣлать и Румовскому, разработавшему планъ обсерваторіи въ Царскомъ Селѣ, вслѣдствіе смерти Императрицы Екатерины II.

Послѣ этого вопросъ о переносѣ обсерваторіи за городъ какъ-то утихъ и возникъ снова лишь въ началѣ второй четверти прошлаго столѣтія, когда кромѣ неудобства въ положеніи обсерваторіи стала еще ощущаться крайняя тѣснота помѣщеній, въ которыхъ не было возможности установить даже наиболѣе важные инструменты, и передъ Академіей Наукъ выросъ вопросъ: или отодвинуть занятія астрономіей на задній планъ, или же устроить за городомъ новую обширную обсерваторію, отвѣчающую всѣмъ требованіямъ современной астрономической науки.

Академіей Наукъ была избрана съ Высочайшаго разрѣшенія спеціальная комиссія, въ составъ которой въ качествѣ астронома вошелъ извѣстный изслѣдователь двойныхъ звѣздъ директоръ Дерптской (Юрьевской) обсерваторіи В. Я. Струве. В. Я. Струве принималъ дѣятельное участіе въ выборѣ мѣста, при чемъ указанная самимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ Пулковская гора оказалась наиболѣе удачнымъ мѣстомъ подъ Петербургомъ, а также въ разработкѣ подробнаго проекта обсерваторіи, подъ которую была отведена площадь въ $21^1/_2$ десятины.

Послѣ утвержденія Государемъ плана обсерваторіи, разработаннаго архитекторомъ А. П. Брюловымъ, 21 іюня 1835 года состоялась торжественная закладка обсерваторіи.

Открыта Пулковская обсерваторія была 7 августа 1839 года. Съ этого дня и началась ея знаменитая научная дѣятельность. Инструменты, заказанные лучшимъ заграничнымъ мастерамъ, не заставляли желать ничего лучшаго, какъ и самое зданіе обсерваторіи, чему нагляднымъ свидѣтельствомъ является тотъ фактъ, что за 75 лѣтъ, несмотря на многія перемѣны въ научныхъ методахъ, оно осталось неизмѣннымъ, если не считать надстроекъ жилыхъ помѣщеній для астрономовъ.

Главнымъ фасадомъ своимъ Пулковская обсерваторія обращена къ сѣверу, въ сторону Петербурга. Тѣнистой дорожкой вѣковыхъ березъ вы подъѣзжаете къ оградѣ обсерваторіи, а далѣе по аллеѣ среди кустовъ сирени и газоновъ съ цвѣтами подходите къ массивнымъ ступенямъ въ волшебный за̀мокъ Вселенной.

Вы входите въ круглую залу съ портретами Государей, и предъ вашими глазами въ южной нишѣ залы бѣлый бюстъ Императора Николая Павловича, Монаршей милостью котораго было основано это высшее астрономическое учрежденіе въ Россіи, гдѣ долженъ побывать, какъ сказалъ знаменитый директоръ Гринвичской обсерваторіи Эри, всякій астрономъ, желающій съ гордостью носить это имя.

Вся эта торжественно молчаливая обстановка, нарушаемая лишь своеобразнымъ монотоннымъ отстукиваніемъ секундъ часами, придаетъ залѣ какой-то мистическій характеръ.

Вы сворачиваете въ окружающую залу портретную галлерею, и передъ вами одинъ за другимъ проходятъ знаменитые корифеи науки, потемнѣвшія лица которыхъ глядятъ со стѣнъ на васъ изъ золотыхъ ободковъ рамокъ.

Въ особую группу въ сѣверо-западной части залы сгруппированы портреты бывшихъ

Пулковская обсерваторія съ птичьяго полета.

В. Я. Струве, первый директоръ обсерваторіи.

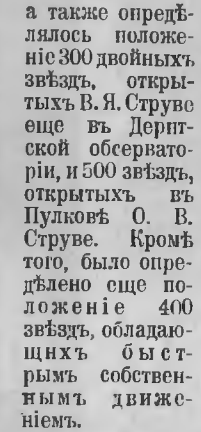
директоровъ Пулковской обсерваторіи—В. Я. Струве (1839—1864), его сына, О. В. Струве (1864—1890), и Ѳ. А. Бредихина (1890—1894).

Послѣ Бредихина директоромъ обсерваторіи былъ назначенъ академикъ О. А. Баклундъ, въ рукахъ котораго и по настоящее время находится управленіе обсерваторіей.

Прежде чѣмъ покинуть залу и перейти въ другія помѣщенія обсерваторіи, необходимо отмѣтить въ центрѣ залы точку, выложенную изъ квадратиковъ паркета, которая является началомъ Пулковскаго меридіана, отъ котораго въ Россіи, какъ отъ начальнаго, опредѣляется долгота населенныхъ пунктовъ. Этотъ меридіанъ идетъ къ югу и сѣверу отъ обсерваторіи, проходя въ Петербургѣ черезъ Новодѣвичій монастырь, недавно сгорѣвшій Троицкій соборъ и Ботаническій садъ.

Меридіанная зала.

Большой 30-дюймовый рефракторъ Пулковской обсерваторіи.

Изъ круглой центральной залы ведутъ двери въ „залы“ съ современными измѣрительными инструментами, установленными въ легкихъ деревянныхъ помѣщеніяхъ изъ тонкихъ досокъ, чтобы при наблюденіяхъ температура у инструментовъ быстро уравновѣшивалась съ температурой внѣшняго воздуха, потому что иначе въ люкахъ (отверстіяхъ), продѣланныхъ въ потолкѣ и стѣнахъ, будетъ происходить теченіе холоднаго внѣшняго воздуха въ помѣщеніе и теплаго—изъ помѣщенія. Эти передвиженія воздушныхъ массъ сильно мѣшаютъ наблюденіямъ, искажая изображенія.

Переходя къ перечисленію самихъ инструментовъ и тѣхъ наблюденій, которыя съ ними производятся, считаемъ нужнымъ указать, что главное вниманіе въ обсерваторіи съ самаго ея основанія и до настоящихъ дней удѣлялось и удѣляется вопросамъ звѣздной астрономіи. Выборъ этой области астрономіи былъ произведенъ еще первымъ директоромъ обсерваторіи, В. Я. Струве, и, какъ показала 75-лѣтняя исторія, очень удачно.

Однако, поставивъ главной задачей разработку звѣздной астрономіи, Пулковская обсерваторія успѣшно работала и въ другихъ областяхъ современной астрономіи, имѣя преимущество передъ другими обсерваторіями, благодаря своимъ сильнымъ и точнымъ инструментамъ.

Въ восточной залѣ (отъ центральной) на массивныхъ гранитныхъ столбахъ, на фундаментѣ, идущемъ въ землю до 6 саженъ, и изолированныхъ отъ почвы и пола свободнымъ пространствомъ,— установленъ большой 6-дюймовый меридіанный кругъ работы знаменитыхъ мастеровъ-художниковъ братьевъ Репсольдъ.

Задачей меридіаннаго круга было точное опредѣленіе положенія звѣздъ отъ 1-й до 7-й величины для Пулковскаго каталога, а также опредѣлялось положеніе 300 двойныхъ звѣздъ, открытыхъ В. Я. Струве еще въ Дерптской обсерваторіи, и 500 звѣздъ, открытыхъ въ Пулковѣ О. В. Струве. Кромѣ того, было опредѣлено еще положеніе 400 звѣздъ, обладающихъ быстрымъ собственнымъ движеніемъ.

Академикъ О. А. Баклундъ, нынѣшній директоръ обсерваторіи.

Большой нормальный астрографъ.

Въ западныхъ помѣщеніяхъ обсерваторіи установлены: вертикальный кругъ и пассажный инструментъ Эртеля. Установка этихъ инструментовъ такая же, какъ и меридіаннаго круга, который, въ сущности, есть соединеніе воедино этихъ двухъ инструментовъ, такъ какъ при помощи меридіаннаго круга одновременно можно опредѣлять прямое восхожденіе и склоненіе звѣзды, а эти два инструмента опредѣляютъ порознь: вертикальный кругъ—склоненія, а пассажный—прямыя восхожденія.

Главная задача пассажнаго инструмента и вертикальнаго круга Эртеля—составленіе фундаментальнаго Пулковскаго каталога всѣхъ неподвижныхъ звѣздъ отъ 1-й до 4-й величины.

Въ западной же части обсерваторіи находятся кабинетъ директора и комната, гдѣ помѣщаются часы Мустона, соединенные электрическими проводами съ часами въ Публичной Библіотекѣ, часами телеграфной конторы въ Петербургѣ и часами въ кабинетѣ коменданта Петропавловской крѣпости; при чемъ послѣдніе часы соединены электрическими проводами съ одной изъ пушекъ на веркахъ крѣпости, и каждый день въ 12 часовъ дня контактомъ отъ часовъ электрическій токъ отъ батареи воспламеняетъ порохъ въ пушкѣ, результатомъ чего является хорошо извѣстный петербуржцамъ полуденный выстрѣлъ. Но пулковскимъ временемъ пользуется не только Петербургъ, но и вся Россія, такъ какъ часы въ главной телеграфной конторѣ синхронизованы (соединены электрическими проводами) съ другими часами, автоматически соединяющимися каждое утро безъ пяти минутъ восемь съ телеграфными аппаратами, которые начинаютъ отбивать дробь, передаваемую во всѣ крупныя телеграфныя конторы Россіи, чтобы приготовить служащихъ къ пріему сигналовъ времени. Первый сигналъ слѣдуетъ безъ одной минуты 8, второй—ровно въ 8 часовъ утра. Затѣмъ часы автоматически выключаются изъ телеграфныхъ аппаратовъ. Такимъ образомъ разъ въ сутки пулковское время, результатъ точныхъ наблюденій обсерваторіи, передается во всѣ концы Россіи.

Надъ центральной залой въ восьмиконечной галлереѣ, окружающей во второмъ этажѣ сводъ, на которомъ покоится башня 15-дюймоваго рефрактора, находится величайшая въ мірѣ астрономическая библіотека, заключающая въ себѣ свыше 50.000 книгъ и брошюръ.

Надъ главнымъ зданіемъ находятся три башни. Въ двухъ крайнихъ установлены астрографы, приборы для фотографированія небесныхъ свѣтилъ, въ средней—15-дюймовый рефракторъ, находящійся въ обсерваторіи съ самаго дня ея открытія и бывшій въ теченіе многихъ лѣтъ первымъ въ мірѣ по величинѣ и силѣ.

Вмѣстѣ съ обсерваторіей 15-дюймовый рефракторъ также является юбиляромъ, вписавшимъ въ теченіе 75-ти лѣтъ въ лѣтописи Пулковской обсерваторіи много свѣтлыхъ, безсмертныхъ страницъ. При помощи его отецъ и сынъ Струве составили знаменитые Пулковскіе каталоги двойныхъ звѣздъ, равныхъ которымъ нѣтъ ни въ одной обсерваторіи. Могучимъ глазомъ этого телескопа въ 1843 году В. Я. Струве послѣдній наблюдалъ на землѣ знаменитую комету Біэлы, распавшуюся затѣмъ въ метеорный потокъ, а въ 1851 году открылъ темное кольцо около Сатурна. Кромѣ этихъ открытій могучимъ глазомъ этого телескопа, пулковскіе астрономы пользовались всякій разъ, когда надо пронаблюдать вновь открытую слабую комету или какое-нибудь другое слабое свѣтило нашего неба.

Въ западной башнѣ въ 1891 году для фотографированія неба былъ установленъ, благодаря хлопотамъ академика Ѳ. А. Бредихина, большой, нормальный астрографъ. Во время послѣдняго затменія солнца 4 апрѣля 1912 года, бывшаго въ Пулковѣ частнымъ, С. К. Костинскій получилъ этимъ астрографомъ впервые внѣ полной фазы затменія при помощи свѣтофильтровъ, изготовленныхъ Г. А. Тиховымъ, фотографію солнечнаго протуберанса. Лѣтомъ 1905 года А. П. Ганскій сдѣлалъ астрографомъ свои дивные снимки солнечныхъ пятенъ и гранулъ солнечной поверхности. Обыденно же астрографомъ производятся различныя спеціальныя изслѣдованія слабыхъ небесныхъ свѣтилъ.

Совершенно отдѣльно отъ главнаго зданія расположена башня съ большимъ 30-дюймовымъ рефракторомъ.

Сооруженіе такого объектива обошлось въ 88.000 рублей, и вѣсъ его съ оправой достигаетъ 11 слишкомъ пудовъ.

Достаточно указать, что общій поперечникъ башни при высотѣ въ 50 футовъ равняется 66 футамъ, а поперечникъ залы—61 футу. Башня имѣетъ посрединѣ разрѣзъ (люкъ) для наблюденія (шириною въ 7 футовъ), который легко открывается и закрывается при помощи особой рукоятки. Общій вѣсъ подвижной части башни достигаетъ 3.000 пудовъ, но, несмотря на это, легкость ея вращенія такова, что одинъ человѣкъ можетъ въ пять минутъ сдѣлать полный оборотъ ея. Въ настоящее время вращеніе башни производится электрическимъ моторомъ.

15 іюня 1885 года въ Высочайшемъ присутствіи состоялось открытіе этого гигантскаго рефрактора, бывшаго величайшимъ въ мірѣ въ теченіе почти 15 лѣтъ. Общая стоимость всего сооруженія съ башней—330.000 рублей.

Залу наблюденій 30-дюймоваго рефрактора опоясываетъ галлерея, гдѣ помѣщается музей обсерваторіи съ коллекціей старинныхъ инструментовъ. Весной минувшаго года въ музеѣ былъ установленъ аппаратъ для пріема сигналовъ международнаго времени по радіотелеграфу съ Эйфелевой башни, для чего около башни 30-дюймоваго рефрактора находится ажурная вышка.

Рядомъ съ башней 30-дюймоваго рефрактора, нѣсколько восточнѣе, въ 1886 году было выстроено спеціальное зданіе для астрофизической лабораторіи.

Кромѣ этихъ главныхъ зданій, на территоріи обсерваторіи раскинутъ рядъ мелкихъ башенъ, принадлежащихъ частью обсерваторіи, частью Морской Академіи и Академіи Генеральнаго Штаба, присылающихъ въ Пулково своихъ офицеровъ для окончательнаго усовершенствованія подъ руководствомъ опытныхъ астрономовъ какъ въ астрономическихъ, такъ и геодезическихъ наблюденіяхъ.

Въ 1912 году Пулковская обсерваторія получила новыя средства для расширенія своей научной дѣятельности. 12 іюня 1912 года удостоился Высочайшаго утвержденія одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой законъ объ учрежденіи двухъ новыхъ отдѣленій Пулковской обсерваторіи въ Симеизѣ (Крымъ) и городѣ Николаевѣ (Херсонской губ.), которыя будутъ устроены по послѣднимъ требованіямъ астрономической науки. На первоначальное оборудованіе и устройство ассигновано 310.000 руб., и 35.700 рублей будутъ отпускаться ежегодно на содержаніе обоихъ отдѣленій.

Оканчивая настоящій очеркъ, необходимо отмѣтить, что всемірную извѣстность и безсмертіе въ лѣтописяхъ человѣческой культуры, въ частности въ астрономіи, Пулковская обсерваторія стяжала благодаря талантливымъ работамъ своихъ астрономовъ. Точность пулковскихъ наблюденій уже издавна обратила вниманіе ученыхъ всего свѣта. Она всегда стояла въ обсерваторіи на должной высотѣ, не столько благодаря самымъ лучшимъ и точнымъ инструментамъ, сколько вслѣдствіе знанія и любви къ дѣлу астрономовъ, прилагавшихъ всѣ усилія для опредѣленія ошибокъ инструмента и всѣхъ тѣхъ явленій природы, которыя въ той или иной степени могли бы влiять на точность результатовъ, какъ-то: иней, роса, колебаніе температуры и давленія, въ холодныя зимнія ночи теплота самого наблюдателя, сотрясенія почвы, вліяніе вѣтра и т. д. Еще Бессель говорилъ, что хорошій инструментъ въ рукахъ безпечнаго и неопытнаго наблюдателя теряетъ свои достоинства, а плохой инструментъ при искусномъ и умѣломъ пользованіи даетъ цѣнные результаты. Въ Пулковской же обсерваторіи мы имѣемъ счастливое сочетаніе дивныхъ инструментовъ съ искусными опытными наблюдателями.

Война въ пятой стихіи.

Очеркъ **Н. Инсарова.**

I.

Наша послѣдняя японская война и война Италіи въ Триполитаніи окончательно убѣдили въ томъ, что военный воздушный флотъ при современныхъ условіяхъ войны необходимъ и можетъ оказать незамѣнимыя, громадныя, а зачастую и неожиданныя услуги.

Серьезно отнеслось къ этому военное министерство Германіи и въ особенности Франціи.

Несомнѣнно, что начавшаяся война окончательно выяснитъ значеніе воздушнаго флота и, быть-можетъ, дастъ толчокъ къ будущему образованію и организаціи громадныхъ военныхъ флотилій. Конечно, тѣ силы, съ которыми сейчасъ выступаютъ въ воздухѣ воюющія страны, не велики. Къ сожалѣнію, точно опредѣлить количество военныхъ кораблей и летательныхъ аппаратовъ въ данный моментъ невозможно, но цифры и размѣры воздушныхъ флотовъ воюющихъ державъ къ началу 1914 года не составляютъ секрета. Такимъ образомъ приведенныя ниже цифры воздушныхъ судовъ есть цифры минимальныя, и надо полагать, что въ прошедшее полугодіе воздушные флоты сильно были увеличены, ибо для кого же могло остаться секретомъ непремѣнное желаніе Германіи подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ начать войну съ своими противниками.

Наиболѣе серьезно и энергично работали надъ дѣломъ воздушнаго флота Германія и Франція.

Воздушный флотъ Германіи состоитъ изъ аэроплановъ и дирижаблей. Въ общемъ, Германія въ настоящее время, принимая во вниманіе, что погибшіе въ прошломъ году два большихъ морскихъ дирижабля Цеппелина еще не замѣнены новыми, обладаетъ не болѣе, какъ 18 дирижаблями *) различныхъ размѣровъ, постройки 1909—1910 гг., общей емкостью около 200.000 куб. метровъ и общей мощностью двигателей въ 5.500 лошадиныхъ силъ. Въ это число входятъ 7 дирижаблей I-го класса типовъ Цеппелина и Шютте-Ланцъ, 5 дирижаблей II-го класса типа Парсефаль и Гросса. Остальные управляемые аэростаты принадлежатъ къ III-му классу. Въ число упомянутыхъ воздушныхъ крейсеровъ германскаго флота включено 5 дирижаблей, принадлежащихъ частнымъ воздухоплавательнымъ обществамъ. Дирижабли эти, впрочемъ, приспособлены къ пассажирскимъ полетамъ и потому не имѣютъ большого боевого значенія. Число же аэроплановъ, находящихся въ обладаніи Германіи, если допустить,

*) Изъ нихъ, по телеграфнымъ свѣдѣніямъ, два уже погибло благодаря Гарро и удачнымъ выстрѣламъ пушекъ Льежа.

что всѣ частные авіаторы будутъ привлечены къ военнымъ дѣйствіямъ, достигнетъ 600.

Теперешній военный союзникъ Германіи—Австро-Венгрія—хотя и намѣтила планъ общей организаціи воздушныхъ силъ, но война прервала эту работу и не допустила до ея окончательнаго завершенія. Можно только сказать, что воздушный флотъ Австро-Венгріи заключаетъ въ себѣ 180—200 аэроплановъ и 4 дирижабля.

Франція влюблена въ свой воздушный флотъ и можетъ насчитать среди своихъ аэронавтовъ многихъ въ высокой степени талантливыхъ и знающихъ дѣло летчиковъ. Въ различныхъ пунктахъ Франціи устроены воздушные порты, и на всѣхъ этихъ портахъ расположены въ общемъ 10 авіаціонныхъ секцій, 4 аэростатическихъ роты и 3 роты авіаціонныхъ. Въ настоящее время Франція имѣетъ около 10 боеспособныхъ дирижаблей, а число аэроплановъ, считая также и аэропланы частные, достигаетъ 1.000.

Англія сначала не довѣряла военной пригодности воздушнаго флота, но въ послѣднее время завела и у себя управляемые аэростаты, но они предназначены главнымъ образомъ для нуждъ флота. Воздушный флотъ Англіи распадается на флотъ метрополіи и на флотъ различныхъ англійскихъ колоній. Метрополія имѣетъ въ настоящее время 5 управляемыхъ аэростатовъ общей емкостью въ 30—35.000 куб. метровъ и около 180—200 аэроплановъ.

Произведемъ приблизительный подсчетъ воздушнаго флота тройственнаго союза и соглашенія. Германіи и Австро-Венгріи принадлежатъ 22 дирижабля и 800 аэроплановъ различныхъ типовъ и размѣровъ. Противъ этого флота государства тройственнаго согласія могутъ выставить 22—23 аэростата и никакъ не меньше 1.600 аэроплановъ. Къ этому числу надо еще прибавить воздушный флотъ Бельгіи, доблестно ведущей войну съ нарушившей ея нейтралитетъ Германіей. Бельгія обладаетъ 70 аэропланами и 3 военными дирижаблями.

Такимъ образомъ мы видимъ, что воздушныя силы тройственнаго соглашенія по крайней мѣрѣ въ два раза превосходятъ силы своего врага. Правда, Германія болѣе сильна своими аппаратами легче воздуха — дирижаблями. Но что̀ касается аэроплановъ, то они могутъ быть выставлены Россіей, Франціей, Англіей и Бельгіей въ количествѣ вдвое большемъ. Но, быть-можетъ, въ боевомъ дѣлѣ именно дирижабли и представляютъ собой наиболѣе грозную силу? Мнѣнія многихъ авторитетовъ сходятся въ томъ, что дирижабли благодаря своей громоздкости неповоротливы, а потому и легко уязвимы со стороны артиллеріи. Кромѣ того, дирижабли при полетѣ не могутъ достигать такой высоты, какъ аэропланы, что̀ опять-таки дѣлаетъ ихъ легко уязвимыми для ружейныхъ пуль и артиллерійскихъ снарядовъ.

II.

Когда люди, мало знакомые съ затронутымъ вопросомъ, представляютъ себѣ роль, которую, по ихъ мнѣнію, будутъ играть воздушные флоты въ современной войнѣ, то они полагаютъ, что роль эта сведется къ метанію бомбъ съ аэроплановъ. Такъ, впрочемъ, рисуется это и тѣмъ многочисленнымъ авторамъ, которые написали множество политическихъ романовъ, рисуя въ нихъ будущую войну. Имъ представляется, что тысячи летчиковъ, забравъ съ собою сотни тысячъ бомбъ, подымутся въ воздухъ на недосягаемую высоту и оттуда начнутъ метать свои разрушительные мячи. Достаточно такимъ образомъ какого-нибудь часа, чтобы поле сраженія покрылось грудами тѣлъ непріятеля отъ небесной артиллеріи, чтобы крѣпости превратились въ груды развалинъ, чтобы города были уничтожены до основанія. Сверху летчикъ, ничѣмъ не рискуя, начнетъ бросать бомбы страшной разрывной силы и уничтожать по произволу зданія, пороховые склады, мосты, помѣщеніе главнаго штаба, свиту главнокомандующаго, погубитъ и самого военачальника, разрушитъ любую батарею и даже самый мощный сверхъ-дредноутъ пуститъ ко дну, какъ яичную скорлупу. Напрасно человѣчество строило и выводило мощныя стѣны крѣпостей, тщетны окопы, безполезны морскіе гиганты, закованные въ броню, тщетна артиллерія и все то, что̀ изобрѣлъ до сихъ поръ геній войны. Все будетъ разрушено въ нѣсколько дней!

Если все это такъ, то, конечно, война при большомъ, хорошо организованномъ, воздушномъ флотѣ невозможна. До сихъ поръ война велась въ четырехъ стихіяхъ: на землѣ, подъ землею, на водѣ и подъ водой. Но вотъ явился новый соперникъ, новое орудіе войны — и война перенесена въ облака. Невидимый, неуязвимый и недосягаемый, новый врагъ сталъ внѣ границъ боя и, пользуясь разрушительной силой бомбъ, легко можетъ уничтожить своихъ противниковъ.

Такъ рисуютъ себѣ будущую войну очень и очень многіе, но они глубоко заблуждаются.

Многими французскими летчиками въ видѣ опыта производились воздушныя бомбардировки, и надо сказать, что эти бомбардировки были довольно удачны. Такіе же опыты были произведены и нѣмецкими летчиками и дали болѣе чѣмъ удовлетворительные результаты: бомбы достигали 50% попаданія. Но такіе успѣхи еще ничего не доказываютъ, потому что они были произведены въ обстановкѣ, далекой отъ той, съ которой эти летчики встрѣтятся въ условіяхъ военнаго времени. Они метали свои снаряды съ высоты всего въ 200—220 саженъ, что̀ врядъ ли имъ удастся сдѣлать на театрѣ военныхъ дѣйствій. Конечно же, тамъ имъ придется обезопасить себя отъ выстрѣловъ и раньше, чѣмъ начать метаніе, подняться на высоту 1.000, а то и болѣе метровъ (около версты), а многіе полагаютъ, что въ современной войнѣ летчикъ можетъ считать себя безопаснымъ, поднявшись лишь на $1\frac{1}{2}$, а то и на 2 версты.

Кромѣ того, продѣланные опыты съ метаніемъ бомбъ производились по неподвижной цѣли, на знакомомъ мѣстѣ, и при этомъ по цѣли, хорошо видной, да вдобавокъ еще и при прекрасной погодѣ. Конечно, всѣ эти условія въ военное время будутъ отсутствовать. Летчикъ долженъ будетъ работать и въ дурную погоду и при вѣтрѣ, относящемъ въ сторону метательный снарядъ. Летчику придется тутъ же вѣрно опредѣлить скорость движенія его аппарата, опредѣлить разстояніе отъ цѣли, скорость вѣтра и пр. Правда, теперь существуетъ для всего этого цѣлый рядъ приборовъ и таблицъ, но тѣмъ не менѣе задача метанія осталась дѣломъ весьма труднымъ, а успѣхи — чисто случайными.

Но если невозможно попаданіе въ опредѣленную цѣль, если невозможно направленіе метательнаго снаряда на опредѣленное зданіе, мѣсто и пр., то, можетъ-быть, возможно метаніе на болѣе или менѣе значительную площадь, каковой представляется крѣпость, городъ, портъ, военный лагерь, движущіяся колонны войскъ и пр. Въ такихъ случаяхъ нѣтъ надобности дѣлать вычисленія и мѣтить въ опредѣленный пунктъ. Достаточно воздушной флотиліи налетѣть на крѣпость или укрѣпленный лагерь, достаточно летчикамъ выбросить свои снаряды—и крѣпость уничтожена, окопы разрушены, и войска приведены въ смятеніе, при которомъ они уже дѣлаются неспособными къ защитѣ.

Ничуть не бывало. Правда, задача метанія бомбъ съ выси на обширную площадь до безконечности упрощаетъ задачу, но въ то же самое время и дѣлаетъ ее безцѣльной. Брошенная съ высоты бомба не такъ страшна по своему разрушительному дѣйствію, какъ это кажется. Нѣмецкимъ полковникомъ фонъ-Штокгаузеномъ была вычислена сила снаряда, брошеннаго на землю съ той высоты, которая можетъ быть названа боевою высотою, т.-е. на разстояніи $1\frac{1}{2}$ тысячи футовъ отъ земли. Снарядъ, брошенный съ такой высоты, достигаетъ земли со скоростью 300 футовъ въ секунду, а это сильно ослабляетъ его взрывающую силу. Можно разсчитывать на успѣхъ только такого снаряда, который заключаетъ въ себѣ лишь большое количество взрывчатыхъ веществъ и который, слѣдовательно, даже при ослабленномъ дѣйствіи можетъ дать эффектъ. Но такой снарядъ долженъ вѣсить около 4—5 пудовъ. Такого груза аэропланъ метать не можетъ, потому что грузоподъемность этихъ аппаратовъ не такъ велика, чтобы брать съ собою сотни пудовъ. Теперешній самолетъ можетъ взять не болѣе 200 бомбъ по $2\frac{1}{2}$ фунта каждая, и, слѣдовательно, нуженъ колоссальный воздушный флотъ, чтобы бросить на землю то количество разрывныхъ снарядовъ, которое могло бы причинить мало-мальски серьезное пораженіе и произвести большія разрушенія.

Гудзонъ Максимъ, извѣстный спеціалистъ по вопросамъ о взрывчатыхъ веществахъ, тоже утверждаетъ, что воздушный флотъ, поскольку дѣло идетъ о метаніи бомбъ, объ уничтоженіи такимъ путемъ крѣпостей, броненосцевъ и городовъ, не выдерживаетъ серьезной критики. Для этого надо было бы изобрѣсти взрывчатыя вещества несравненно большей силы, чѣмъ существующія сейчасъ, и только тогда летчикъ могъ бы превратиться въ воздушнаго артиллериста и удачно дополнить, а можетъ-быть, отчасти даже и замѣнить существующую артиллерію. При теперешнихъ же условіяхъ, при великолѣпныхъ и дальнобойныхъ орудіяхъ, при 100-пудовыхъ бомбахъ артиллерія производитъ несравненно болѣе сильный эффектъ, чѣмъ метаніе летчиками двухфунтовыхъ бомбочекъ съ высоты.

Нѣкоторые военные авторитеты согласны съ тѣмъ, что и въ самомъ дѣлѣ воздушный флотъ пока что не можетъ быть сравниваемъ съ артиллеріей, но что тѣмъ не менѣе метаніе бомбъ съ высоты, паденіе ихъ на головы врага съ заоблачной выси должно произвести моральное, психическое воздѣйствіе. Если такія бомбы не причинятъ болѣе или менѣе серьезнаго, вреда — говорятъ нѣкоторые военные, — то онѣ могутъ вызвать панику среди непріятеля, лишить войска боевого воодушевленія, вызвать невольный страхъ, а это уже много.

Врядъ ли и это правильно. Къ воздушной бомбардировкѣ, и „воздушнымъ набѣгамъ“ привыкнутъ арміи такъ же быстро, какъ и ко всему остальному, тѣмъ болѣе, что, какъ мы уже сказали, метаніе бомбъ сверху для непріятеля менѣе опасно, чѣмъ артиллерійская канонада. Въ этомъ смыслѣ имѣется уже нѣкоторый опытъ. Въ послѣднюю итальянскую войну, когда поручикъ Говатти въ первый разъ бросилъ бомбу близъ оазиса Айнъ-Зара 19 октября 1911 года, бомба эта попала въ арабскій лагерь. Она произвела поразительный эффектъ и вызвала всеобщую панику. Однако послѣдующія бомбардировки летчиковъ и ихъ воздушные набѣги принимались уже арабами довольно равнодушно и не только не пугали ихъ, но вызывали „разстрѣлъ аэроплановъ“. Арабы начали разстрѣливать аэропланы и, какъ сообщаютъ, разстрѣливали ихъ довольно успѣшно.

Можно еще указать и на „воздушные набѣги“ болгарскихъ летчиковъ въ послѣднюю турецкую войну, пробовавшихъ бомбардировать Адріанополь. И этотъ недавній опытъ показалъ, что воздушная артиллерія не страшна.

Такимъ образомъ то, чѣмъ особенно страшенъ на войнѣ воздушный флотъ въ глазахъ публики, можетъ лишь увлекать фантазію романистовъ.

Но если это такъ, то почему же вопросъ о воздушномъ флотѣ обращаетъ на себя въ послѣднее десятилѣтіе такое огромное вниманіе со стороны военныхъ сферъ и военныхъ министерствъ? Почему въ послѣднее время произведены значительныя затраты на созданіе воздушныхъ военныхъ флотовъ, и почему многіе авторитетные люди указываютъ на летчиковъ, какъ на серьезныхъ и необходимыхъ участниковъ будущей войны? Потому что у воздушнаго флота есть своя задача, но только она заключается не въ метаніи бомбъ въ непріятеля, а въ развѣдочной службѣ и направленіи артиллерійскаго огня.

Въ современномъ бою артиллерія играетъ громадную роль, и, какъ показала намъ послѣдняя славяно-турецкая война, артиллерійскій огонь зачастую рѣшалъ дѣло. Но по мѣрѣ того, какъ артиллерійскія орудія пріобрѣтали все бо̀льшую и бо̀льшую мѣткость и дальнобойность, батареи все дальше и дальше отодвигались другъ отъ друга и стали прятаться за прикрытія. Теперь уже немыслимо выставить артиллерійскую батарею на возвышенное мѣсто съ такимъ расчетомъ, чтобы она могла видѣть батареи непріятеля. Въ нашу войну съ японцами мы въ этомъ вполнѣ убѣдились. Мы въ первое время этой войны ставили свои батареи на возвышенностяхъ и на гребняхъ сопокъ, чтобы огонь этихъ батарей былъ мѣткимъ и дѣйствительнымъ. Этотъ расчетъ оказался правильнымъ, но тѣмъ не менѣе не достигающимъ цѣли, потому что огонь японцевъ быстро поражалъ нашихъ артиллеристовъ и приводилъ въ негодность наши орудія.

Извѣстный французскій авіаторъ Роландъ Гарро, прославившійся полетомъ черезъ Средиземное море и установившій всемірный рекордъ высоты, обезсмертилъ свое имя патріотическимъ подвигомъ: поднявшись на аэропланѣ, атаковалъ нѣмецкій дирижабль „Цеппелинъ“ и, пробивъ его корпусъ, привелъ его къ гибели. Вмѣстѣ съ врагомъ погибъ и самъ Гарро.

Такимъ образомъ артиллерія сама себя убила. При мѣткости огня и при возможности стрѣлять на далекія разстоянія, артиллерійскія батареи скрылись за горизонтомъ или за прикрытіями и стали невидимыми другъ другу. Въ послѣднюю войну уронъ, причинявшійся намъ японской артиллеріей, былъ сравнительно ничтоженъ, несмотря на то, что артиллерійское дѣло у нихъ было поставлено болѣе чѣмъ удовлетворительно. Одинъ военный писатель произвелъ подсчетъ выпущенныхъ японцами снарядовъ и тотъ уронъ, который причинили эти снаряды, и пришелъ къ выводу, что нѣсколько сотъ выпущенныхъ шрапнелей приходилось на 1—2 жертвы. Конечно, такой подсчетъ производился не въ дни большихъ боевъ, которые, какъ извѣстно, бываютъ не такъ часто и приниматься въ расчетъ въ данномъ случаѣ не могутъ. Въ нашихъ войскахъ говорили: „Палятъ, бывало, японскія батареи цѣлый день, а справишься къ вечеру и узнаешь, что нѣсколько нашихъ было тронуто“... Наши офицеры-артиллеристы прозвали японскія шрапнели „ракетами“. И въ самомъ дѣлѣ, эти шрапнели рвались обыкновенно очень эффектно, съ большимъ трескомъ, давали красивое облачко дыма, но при этомъ рвались высоко и падали за цѣпью, т.-е. тамъ, гдѣ никого не было. Вѣроятно, и нашъ артиллерійскій огонь причинялъ такъ же мало вреда японцамъ. И они и мы посылали снаряды въ пространство и надѣялись на простой случай, на слѣпую удачу, и только. Мы не видѣли врага, и врагъ не видѣлъ насъ. Такъ, напримѣръ, говорятъ, что въ бояхъ подъ Ляояномъ, Шахэ, Дашичао, Хайченомъ и Айсядзаномъ артиллерійскій огонь японцевъ все время давалъ большой перелетъ, и снаряды падали въ пустомъ, незанятомъ войсками, полѣ.

Какъ видимъ, современная артиллерія, такъ сказать, ослѣпла, и ей стали нужны если не глаза, то по крайней мѣрѣ хорошіе очки. Вотъ этими-то очками, очевидно, и суждено быть летательнымъ аппаратамъ.

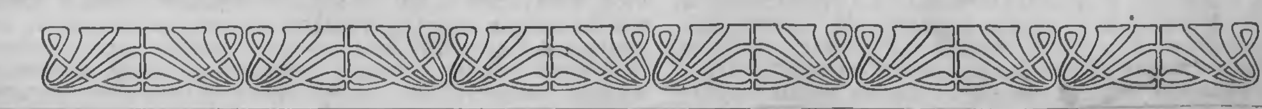
Полковникъ Эстьенъ говоритъ, что „артиллерія умираетъ отъ того, что она слѣпнетъ, а поэтому теперь рекомендуются усиленно аэропланы точно такъ же, какъ прежде рекомендовались высокія лѣстницы для наблюденія за огнемъ“. И въ самомъ дѣлѣ, безъ преувеличенія можно сказать, что летчики способны дать зрѣніе артиллеріи и этимъ путемъ снова вернуть ей мѣткость огня. Одинъ воздухоплаватель пишетъ, что „во Франціи были произведены опыты, могутъ ли летчики наблюдать за дѣйствіемъ огня артиллеріи и сообщать ей всѣ необходимыя свѣдѣнія. Результаты получились столь блестящіе, что ихъ не ждали даже самые горячіе сторонники военнаго лета. Огонь артиллеріи становился столь же мѣткимъ, какъ если бы командующій имъ стоялъ невдалекѣ отъ мѣста паденія снарядовъ и видѣлъ ясно дѣйствіе ихъ“.

Достаточно летчику подняться надъ поверхностью земли, и, вооружившись сильнымъ биноклемъ, онъ можетъ отчетливо не только видѣть расположеніе боевыхъ силъ непріятеля и его артиллеріи, но точно подсчитать количество войскъ и орудій. Ему ничего не стоитъ всѣ свои наблюденія передать командиру своей батареи и направить огонь этой батареи по ставшей уже видимой цѣли. Для этого нѣтъ надобности прибѣгать даже къ безпроволочному телеграфу или телефону. Летчику надо знать только 4 сигнала: „перелетъ“, „недолетъ“, „направо“ и „налѣво“, да еще, пожалуй пятый сигналъ—„вѣрно“. Первый снарядъ установленной батареи можетъ дать, скажемъ, перелетъ; второй—недолетъ, направо и налѣво, а уже съ пятаго выстрѣла огонь станетъ настолько мѣткимъ, какъ если бы командиръ батареи находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятеля.

При такихъ условіяхъ огонь современныхъ орудій можетъ быть дѣйствительно страшнымъ. Впрочемъ, такого рода опыты были уже сдѣланы итальянскими летчиками въ войну въ Триполитаніи. Когда турецко-арабскія войска произвели общую атаку на позиціи итальянцевъ, то населеніе Триполи увидѣло, что въ воздухъ поднялась полотняная птица и стала флагами сигнализировать артиллеристамъ броненосца „Карло Альберто“. Послѣ трехъ первыхъ повѣрочныхъ сигналовъ на аэропланѣ былъ поднятъ огромныхъ размѣровъ красный флагъ. Онъ означалъ: „прицѣлъ правиленъ“. Не прошло и минуты, какъ броненосецъ „Карло Альберто“, не могущій видѣть врага и, въ свою очередь, скрытый отъ него, сталъ забрасывать турецкій лагерь градомъ шрапнелей. Огонь былъ мѣтко направленъ на оазисъ Аинъ-Зару и на размѣщенныя поблизости турецкія батареи. Одинъ изъ очевидцевъ этого боя разсказывалъ корреспонденту парижской газеты, что снаряды съ броненосца попадали именно туда, куда надо, т.-е. въ самую гущу турецкихъ войскъ. Насколько дѣйствительнымъ оказался этотъ огонь пушекъ броненосца, служитъ то обстоятельство, что черезъ 15 минутъ турки вынуждены были бѣжать, оставивъ на мѣстѣ груды труповъ и нѣсколько орудій.

Первые же опыты артиллерійской стрѣльбы съ помощью сигнализаціи съ аэроплановъ, произведенные во Франціи, положительно поразили артиллеристовъ. Съ тѣхъ поръ знатоки артиллерійскаго дѣла стали настаивать на томъ, чтобы при каждой батареѣ непремѣнно были два аэроплана и два летчика — одинъ дѣйствующій, другой запасной, и чтобы они служили очами батареи. Одинъ изъ лучшихъ французскихъ артиллеристовъ, полковникъ Бернаръ, сказалъ: „Двѣ батареи съ летчикомъ въ пять разъ сильнѣе трехъ батарей безъ летчика“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Алексѣй Николаевичъ. Къ исполнившемуся 30 Іюля с. г. 10-лѣтію со дня рожденія. По фот. К. Ганъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Немного дней тому назадъ Манифестомъ Нашимъ оповѣстили Мы русскій народъ о войнѣ, объявленной Намъ Германіею.

Нынѣ Австро-Венгрія, первая зачинщица міровой смуты, обнажившая посреди глубокаго мира мечъ противъ слабѣйшей Сербіи, сбросила съ себя личину и объявила войну не разъ спасавшей ее Россіи.

Силы непріятеля умножаются: противъ Россіи и всего славянства ополчились обѣ могущественныя нѣмецкія державы. Но съ удвоенною силою растетъ навстрѣчу имъ справедливый гнѣвъ мирныхъ народовъ, и съ несокрушимою твердостью встаетъ предъ врагомъ вызванная на брань Россія, вѣрная славнымъ преданіямъ своего прошлаго.

Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли Мы оружіе, но, ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей Имперіи, боремся за правое дѣло. Въ предстоящей войнѣ народовъ Мы не одни: вмѣстѣ съ Нами встали доблестные союзники Наши, также вынужденные прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы устранить, наконецъ, вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію.

Да благословитъ Господь Вседержитель Наше и союзное Намъ оружіе, и да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 26-й день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Великая европейская война.

Первыя недѣли со дня объявленія войны тянутся медленно и тяжко. Для военныхъ это — пора напряженныхъ подготовительныхъ работъ по сформированію, передвиженію и сосредоточенію колоссальныхъ войсковыхъ массъ, для широкой публики—пора томительныхъ ожиданій, угнетающихъ тревогъ и самыхъ фантастическихъ вымысловъ, рождающихся изъ тьмы временнаго бездѣйствія. Въ сущности, ничего важнаго и рѣшительнаго до сихъ поръ ни на одномъ фронтѣ войны не произошло, да и не могло произойти, уже по одному тому, что главныя силы всѣхъ армій еще не успѣли прибыть на поля сраженій. Поэтому всякіе успѣхи и неудачи носятъ пока чисто временный и какъ бы случайный характеръ. Что сегодня взято, то завтра же можетъ быть отдано почти безъ сопротивленія при сосредоточеніи большихъ непріятельскихъ силъ, а послѣзавтра, съ прибытіемъ новыхъ подкрѣпленій, опять взято обратно. Болѣе или менѣе прочными могутъ считаться развѣ только успѣхи сербской арміи, отбившей на разныхъ пунктахъ границы отъ Бѣлграда до Семендріи и Шабаца семь попытокъ австрійцевъ къ наступленію и не позволившей ни одному непріятельскому солдату вступить на сербскую территорію. Сербская мобилизація прошла несравненно лучше и закончилась значительно быстрѣе, чѣмъ австрійская, поэтому защита границъ оказалась успѣшнѣе, чѣмъ предполагалось. Необходимость выставить сильную армію противъ Россіи вынудила австрійцевъ оттянуть много войска съ сербской границы и позволила сербамъ и черногорцамъ перейти въ наступленіе. Маленькая черногорская армія уже вторглась въ Герцеговину, незначительные сербскіе отряды тоже проникли вглубь австрійской территоріи. Дальнѣйшее развитіе наступательныхъ дѣйствій Сербіи вполнѣ зависитъ однако отъ степени безопасности ея тыла, которому угрожаютъ болгарская и турецкая мобилизаціи. Слѣдовательно, и на южномъ фронтѣ войны, впредь до выясненія политической позиціи балканскихъ державъ, достигнутые успѣхи сербскаго оружія еще не могутъ считаться прочными и окончательными.

Болѣе рѣшающую роль на западномъ фронтѣ войны сыграло героическое сопротивленіе бельгійской арміи и покрывшихъ себя неувядаемою славою фортовъ Льежа. Они отбили рядъ германскихъ атакъ, нанесли огромный уронъ германской арміи (до 25.000 выбывшихъ изъ строя) и на цѣлыхъ десять дней задержали ея стремительное движеніе, давъ тѣмъ самымъ время для сосредоточенія и мобилизаціи французскихъ войскъ. Неудачи осаждающей арміи произвели потрясающее впечатлѣніе въ Берлинѣ. Германскій императоръ пригрозилъ лишить воинскаго званія весь корпусъ, если Льежъ не будетъ взятъ, и самъ прибылъ въ Аахенъ (городъ по сосѣдству съ дѣйствующею арміею). Противъ маленькой и устарѣлой крѣпости были сосредочены огромныя массы артиллеріи. Она приступила къ такъ называемой ускоренной артиллерійской атакѣ и въ теченіе двухъ дней выпустила свыше 200.000 снарядовъ. Въ результатѣ нѣкоторые болѣе слабые форты были разрушены, между дѣйствующими образовались такъ называемыя мертвыя пространства, свободныя отъ обстрѣла, по которымъ германскія войска свободно прошли къ городу Льежу и заняли его безъ сопротивленія со стороны мирныхъ гражданъ, но остальные форты не думали сдаваться и продолжали героическое сопротивленіе. Къ этому времени на помощь изнемогающей въ непосильной борьбѣ бельгійской арміи уже успѣли прибыть значительныя англійскія и французскія подкрѣпленія, и до тѣхъ поръ, пока они не будутъ уравновѣшены сосредоточеніемъ новыхъ германскихъ корпусовъ, дальнѣйшее движеніе германской арміи черезъ Бельгію можетъ считаться задержаннымъ.

Въ Эльзасѣ сами французы перешли въ энергичное наступленіе, рѣшительной фронтовой атакой взяли двойные окопы, настойчиво преслѣдовали обращеннаго въ бѣгство непріятеля, захватили Мелузу (Мюльгаузенъ), городъ съ стотысячнымъ населеніемъ, въ которомъ находится главный германскій заводъ аэроплановъ, и, двинувшись дальше на сѣверъ, овладѣли Кольмаромъ. Этотъ успѣхъ имѣлъ не столько стратегическое, сколько моральное значеніе, и вызвалъ огромный подъемъ настроенія во всей Франціи и въ Эльзасѣ. Но въ своемъ движеніи вглубь германской территоріи наступающія французскія войска непремѣнно должны были встрѣтить превосходныя силы непріятеля и подъ

ихъ напоромъ податься назадъ. Телеграмма французскаго военнаго министра сообщаетъ, что французы ночью очистили Мюльгаузенъ, а берлинскія телеграммы хвастливо говорятъ объ истребленіи всего французскаго корпуса, проникшаго въ Эльзасъ. Въ побѣдныхъ нѣмецкихъ реляціяхъ ясно слышится лживое преувеличеніе.

На восточномъ — русскомъ фронтѣ войны царитъ выжидательное спокойствіе. И та и другая сторона впредь до сосредоточенія главныхъ силъ не позволяетъ себѣ увлекаться наступательными дѣйствіями. Частичныя наступленія происходятъ, но не имѣютъ характера серьезныхъ операцій. Судя по офиціальнымъ даннымъ, наше наступленіе около Эйдкунена было очень удачнымъ и обошлось безъ большихъ жертвъ. Кромѣ Калиша, германцы завладѣли уѣзднымъ городомъ Андреевымъ и ознаменовали свое появленіе возмутительными насиліями надъ мирнымъ населеніемъ, разстрѣломъ женщинъ и дѣтей и прочими гнусностями. Достойно вниманія героическое поведеніе уѣзднаго казначея Соколова, звѣрски разстрѣляннаго нѣмцами за то, что онъ исполнилъ свой долгъ и при вступленіи нѣмецкаго отряда сжегъ бумажныя деньги казначейства. Вторженіе австрійцевъ по направленію къ Варшавѣ встрѣтило рѣшительный отпоръ русскихъ войскъ. Австрійскіе отряды были опрокинуты къ Радзивиллову и преслѣдуемы по австрійской территоріи. Они потеряли много убитыми и плѣнными, сопротивлялись очень слабо и сдавались очень охотно. Преслѣдуя ихъ, русская кавалерія проникла верстъ на 40 вглубь австрійской территоріи. Большого стратегическаго значенія всѣ эти передвиженія, разумѣется, не имѣютъ. Сколько-нибудь важныхъ событій надо ожидать не раньше середины августа.

На морѣ военныхъ дѣйствій не было почти никакихъ. Германскій флотъ не пожелалъ вступить въ борьбу съ англійскимъ. Онъ блокировался въ портахъ Сѣвернаго моря и скрылся въ Кильскомъ каналѣ. Минировавъ Зундскіе проливы, онъ можетъ чувствовать себя въ безопасности отъ англійскихъ дредноутовъ и свободно оперировать всѣми силами противъ насъ на всемъ протяженіи Балтійскаго моря. Однако сфера дѣятельности его здѣсь не особенно широка. Нѣмцы, очевидно, не особенно рискуютъ многомилліонными броненосцами въ столкновеніи съ русскими подводными лодками, съ минными загражденіями и крѣпостною артиллеріею Кронштадта или Гельсингфорса. Ограничившись 20-минутною бомбардировкою Либавы, они благоразумно держатся вдали отъ русскихъ береговъ. Вынужденное бездѣйствіе ихъ военнаго флота передало въ распоряженіе англичанъ весь ихъ коммерческій флотъ и лишило Германію всякаго морского подвоза. Недостатокъ коммерческихъ судовъ значительно затрудняетъ производство дессанта на балтійскомъ или финляндскомъ берегахъ. Германскіе крейсера дальневосточной эскадры уже заперты въ Кіао-Чао и, повидимому, осуждены на захватъ или истребленіе превосходными силами англійскаго флота.

Альбертъ I, король бельгійскій, командующій своей арміей и получившій отъ Франціи высокое воинское отличіе — военную медаль за доблестное отраженіе отъ фортовъ Льежа нѣсколькихъ корпусовъ германскихъ войскъ.

Единеніе Царя съ народомъ.

I. Въ Зимнемъ Дворцѣ. Царь къ народу.

26 іюля 1914 года—одинъ изъ великихъ дней въ исторіи Россіи. „Въ знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россіей“, Государь призвалъ къ Себѣ со всѣхъ концовъ страны „лучшихъ ея людей“ и,—какъ въ первый день ихъ призванія на службу родинѣ, передъ первымъ засѣданіемъ первой Государственной Думы,—Самъ пожелалъ высказать имъ Свою „увѣренность, что всѣ они, каждый на своемъ мѣстѣ, помогутъ Ему перенести ниспосланное испытаніе“.

Въ этотъ незабвенный день наши народные представители — члены обоихъ законодательныхъ учрежденій — услышали незабвенныя слова, слова великой мощи и широкаго довѣрія.

Къ 11 часамъ утра въ Николаевской залѣ Зимняго Дворца собрались члены Государственной Думы во главѣ съ ея предсѣдателемъ М. В. Родзянко и члены Государственнаго Совѣта во главѣ съ и. о. предсѣдателя И. Я. Голубевымъ.

Торжественность, величіе переживаемаго передалось настроенію всѣхъ, и во всей этой массѣ людей, разныхъ по своему костюму,—отъ мужицкой поддевки до придворнаго мундира, по партійнымъ убѣжденіямъ, общественному положенію—отъ бывшаго министра-президента до волостного старшины, чувствовалось полнѣйшее единеніе. Непримиримые противники въ законодательной палатѣ дружественно пожимали другъ другу руки: В. М. Пуришкевичъ и Н. Е. Марковъ съ П. Н. Милюковымъ, октябристъ Н. И. Антоновъ съ кадетомъ К. К. Черносвитовымъ, крайне-правый А. Н. Хвостовъ съ М. А. Стаховичемъ, графъ В. Н. Коковцовъ съ кадетомъ А. И. Шингаревымъ — всѣ чувствовали себя не только членами одной палаты, но и членами одной народной семьи передъ лицомъ призвавшаго ихъ Царя въ Его палатахъ.

Ровно въ 11 часовъ двери распахнулись, и въ Николаевскую залу вошелъ Государь Императоръ въ предшествіи перваго оберъ-церемоніймейстера д. т. с. бар. Корфа и оберъ-гофмаршала генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа. За Его Величествомъ слѣдовали: Августѣйшій Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ, министръ Императорскаго Двора графъ Фредериксъ, дежурство и чины Государевой свиты.

Войдя въ залу, Государь Императоръ изволилъ обратиться къ присутствующимъ со слѣдующими словами:

Привѣтствую васъ въ нынѣшніе знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россіей. Германія, а затѣмъ Австрія объявили войну Россіи. Тотъ огромный подъемъ патріотическихъ чувствъ, любви къ Родинѣ и преданности Престолу, который, какъ ураганъ, пронесся по всей землѣ Нашей, служитъ въ Моихъ глазахъ и, думаю, въ вашихъ ручательствомъ въ томъ, что Наша великая матушка-Россія доведетъ ниспосланную Господомъ Богомъ войну до желаннаго конца.

Въ этомъ же единодушномъ порывѣ любви и готовности на всякія жертвы вплоть до жизни своей Я черпаю возможность поддерживать Свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее.

Мы не только защищаемъ свою честь и достоинство въ предѣлахъ земли своей, но боремся за единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ-славянъ. И въ нынѣшнюю минуту Я съ радостью вижу, что объединеніе славянъ происходитъ также крѣпко и неразрывно со всей Россіей.

Увѣренъ, что вы всѣ и каждый на своемъ мѣстѣ поможете Мнѣ перенести ниспосланное Мнѣ испытаніе, и что всѣ, начиная съ Меня, исполнятъ свой долгъ до конца.

Великъ Богъ Земли Русской.

Слова Государя Императора были покрыты восторженными долго несмолкавшими кликами „ура!“

Первымъ отвѣчалъ Его Императорскому Величеству статсъ-секретарь И. Я. Голубевъ, сказавшій:

„Ваше Императорское Величество! Государственный Совѣтъ повергаетъ передъ Вами, Великій Государь, проникнутыя безпредѣльною любовію вѣрноподданническія чувства и всеподданнѣйшее благодареніе за предоставленіе законодательнымъ установленіямъ нынѣ же принять участіе въ разработкѣ мѣропріятій, вызываемыхъ тяжкимъ испытаніемъ, которое, вопреки миролюбивымъ усиліямъ Вашего Величества, наступило вслѣдствіе объявленія Россіи войны двумя сосѣдними монархіями.

„Единеніе возлюбленнаго Государя и населенія Имперіи Его усугубляетъ ея мощь.

„Мы готовы на всѣ жертвы для охраненія чести и достоинства единаго, нераздѣльнаго Государства Россійскаго.

„Съ усердною молитвою къ Царю царствующихъ и Господу господствующихъ о сохраненіи нашей Родины подъ святымъ кровомъ Всевышняго мы мужественно и спокойно взираемъ на грядущее.

„Доблестное русское воинство побѣдоноснымъ отраженіемъ враговъ да увѣнчаетъ славою Державнаго Вождя всея Россіи.

„На благо и счастіе дорогого Отечества да здравствуетъ Его Иператорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ".

Послѣ рѣчи И. Я. Голубева, покрытой долго не смолкавшими кликами „ура", съ блестящей рѣчью обратился къ Государю М. В. Родзянко:

„Ваше Императорское Величество! Съ глубокимъ чувствомъ восторга и гордости вся Россія внимала Вашимъ словамъ Русскаго Царя, призывавшаго Свой народъ къ полному съ Нимъ единенію въ трудный часъ ниспосланныхъ Отечеству тяжкихъ испытаній.

„Государь! Россія знаетъ, что воля и мысли Ваши всегда были направляемы къ дарованію странѣ условій спокойнаго существованія и мирнаго труда, и что любвеобильное сердце Ваше стремилось къ устойчивому миру во имя охраны дорогой Вамъ жизни Вашихъ подданныхъ, но пробилъ грозный часъ; отъ мала до велика всѣ поняли значеніе и глубину развернувшихся событій, объявлена угроза благополучію и цѣлости государства, оскорблена народная честь, а честь народная намъ дороже жизни, пришла пора явить всему міру, какъ грозенъ своимъ врагамъ русскій народъ, окружившій несокрушимою стѣною своего Вѣнценоснаго Вождя съ твердою вѣрою въ небесный Промыселъ. Государь, настала пора упорной борьбы во имя охраны государственнаго достоинства, борьбы за цѣлость и неприкосновенность Русской Земли, и нѣтъ ни въ комъ изъ насъ ни сомнѣній ни колебаній. Призванное къ государственной жизни по волѣ Вашего Величества, народное представительство нынѣ предстало передъ Вами. Государственная Дума, отражающая въ себѣ единодушный порывъ всѣхъ областей Россіи и сплоченная одною объединяющею всѣхъ мыслью, поручила мнѣ сказать Вамъ, Государь, что народъ Вашъ готовъ къ борьбѣ за честь и славу Отечества, безъ различія мнѣній, взглядовъ и убѣжденій. Государственная Дума отъ лица Русской Земли спокойно и твердо говоритъ своему Царю: „Дерзайте, Государь, русскій народъ съ Вами и, твердо уповая на милость Божію, не остановится ни передъ какими жертвами, пока врагъ не будетъ сломленъ и достоинство Родины не будетъ ограждено".

Произнесенная горячо, съ яркимъ ораторскимъ подъемомъ и одушевленіемъ, рѣчь М. В. Родзянко была покрыта криками „ура" и общимъ пѣніемъ народнаго гимна.

Государь Императоръ изволилъ отвѣтить на этотъ яркій взрывъ народнаго чувства:

Сердечно благодарю васъ, господа, за проявленныя вами искреннія патріотическія чувства, въ которыхъ Я никогда не сомнѣвался, и проявленныя въ такую минуту на дѣлѣ.

Отъ всей души желаю вамъ всякаго успѣха. Съ нами Богъ!

Радостное, воодушевленное „ура" и пѣніе „Спаси, Господи, люди Твоя" долго оглашали залу Дворца и заключили торжество.

Министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ.

Члены Государственной Думы и значительное число членовъ Государственнаго Совѣта направились изъ Зимняго Дворца въ Таврическій Дворецъ, гдѣ состоялось въ 3 ч. 35 м. дня историческое засѣданіе.

II. Въ Таврическомъ Дворцѣ. Народъ къ Царю.

На слова Государя, сказанныя въ Зимнемъ Дворцѣ, народъ въ лицѣ своихъ представителей, отъ всѣхъ его сословій и національностей, далъ горячій единодушный отвѣтъ въ стѣнахъ Государственной Думы.

Засѣданію предшествовалъ молебенъ. Служилъ членъ Гос. Думы

Члены Государственной Думы, направляющіеся 26 Іюля с. г. изъ Зимняго Дворца, послѣ Высочайшаго пріема, въ Государственную Думу.
По фот. Ю. Штейнберга.

преосвященный Анатолій въ сослуженіи съ думскимъ духовенствомъ.

Первыми словами Гос. Думы былъ возгласъ ея предсѣдателя.

„Да здравствуетъ Государь Императоръ!"

Какъ только стихли звуки привѣтственнаго „ура", М. В. Родзянко обратился къ членамъ Гос. Думы съ рѣчью:

„Господа члены Государственной Думы. Государю Императору благоугодно было въ трудный часъ, переживаемый отечествомъ, созвать Государственную Думу во имя единенія русскаго Царя съ вѣрнымъ Ему народомъ.

„Государственная Дума уже отвѣтила своему Государю на Его призывъ на сегодняшнемъ Высочайшемъ пріемѣ.

„Мы всѣ знаемъ хорошо, что Россія не желаетъ войны, что русскій народъ чуждъ завоевательныхъ стремленій. Но самой судьбѣ угодно было втянуть насъ въ военныя дѣйствія. Жребій брошенъ, и во весь ростъ всталъ передъ нами вопросъ объ охранѣ цѣлости и единства государства.

„Въ этомъ небываломъ еще въ міровой исторіи стремительномъ круговоротѣ событій отрадно видѣть то величіе и преисполненное достоинства спокойствіе, которое охватило всѣхъ безъ исключенія и которое ярко и безъ лишнихъ словъ подчеркиваетъ передъ всѣмъ міромъ величавую силу русскаго духа.

(*Бурные аплодисменты на всѣхъ скамьяхъ. Клики „ура!"*)

„Спокойно и безъ задора мы можемъ сказать нападающимъ на насъ: „Руки прочь".

(*Бурные аплодисменты и клики „ура"*).

„Не дерзайте касаться нашей святой Руси. Народъ нашъ миролюбивъ и добръ, но страшенъ и могучъ, когда вынужденъ за себя постоять.

(*Бурные аплодисменты*).

„Смотрите, — можемъ мы сказать: — вы думали, что насъ раздѣляютъ раздоръ и вражда, а между тѣмъ всѣ народы, населяющіе Россію, слились въ одну братскую семью, когда общему отечеству грозитъ бѣда.

(*Бурные аплодисменты*).

„И не повѣситъ головы въ уныніи русскій богатырь, какія бы испытанія ни пришлось ему переживать. Все вынесутъ его могучія плечи, и, отразивъ врага, вновь засіяетъ миромъ, счастьемъ и довольствомъ единая, нераздѣльная родина во всемъ блескѣ своего несокрушимаго величія.

(*Аплодисменты на всѣхъ скамьяхъ*).

„Гг. члены Государственной Думы. Въ этотъ часъ наши мысли и пожеланія—тамъ, на границахъ нашихъ, гдѣ безтрепетно идутъ въ бой наша доблестная армія, нашъ славный флотъ. Мы мысленно тамъ, гдѣ наши дѣти и братья съ присущей имъ доблестью защищаютъ наше отечественное величіе.

Генералиссимусъ французской арміи, генералъ Жозефъ Жоффръ.

„Помоги имъ Всевышній Господь, укрѣпи ихъ и защити, а наши горячія пожеланія успѣха и славы будутъ всегда съ ними, нашими героями.

„Мы, оставшіеся дома, должны работать, не покладая рукъ, въ дѣлѣ обезпеченія оставшихся безъ своихъ кормильцевъ семей, и пусть въ арміи нашей знаютъ, что не только на словахъ, но и на дѣлѣ мы не допустимъ ихъ до острой нужды".

Бурные аплодисменты всей залы заключили слова этой блестящей рѣчи. Рукоплесканія пронеслись по всѣмъ скамьямъ отъ крайней правой до крайней лѣвой стороны и встрѣтились съ аплодисментами въ ложѣ Государственнаго Совѣта и въ креслахъ высшихъ представителей правительства, находившагося въ полномъ составѣ съ И. Л. Горемыкинымъ во главѣ, съ громовыми оваціями предсѣдателю въ трибунѣ для публики и въ ложѣ печати. Охватившее всѣхъ патріотическое чувство вылилось въ свѣтлыхъ звукахъ національнаго гимна, исполненнаго всѣми присутствовавшими, — въ мѣстахъ членовъ Гос. Думы и на хорахъ для публики.

Дальнѣйшій ходъ засѣданія былъ рядомъ восторженныхъ овацій и привѣтствій нашимъ доблестнымъ братьямъ-славянамъ, союзникамъ и друзьямъ—Франціи, Англіи и Бельгіи. М. В. Родзянко доложилъ привѣтственныя телеграммы отъ предсѣдателя сербской и черногорской народныхъ скупщинъ. Выслушавъ эти привѣтствія, Гос. Дума и всѣ присутствовавшіе, поднявшись со своихъ мѣстъ, устроили бурную овацію присутствовавшему въ дипломатической ложѣ сербскому посланнику П. Сполайковичу. Аплодисментами и долго несмолкавшими оваціями вся Гос. Дума, члены правительства, публика, печать привѣтствовали затѣмъ посла Франціи — М. Палеолога, Англіи — сэра Д. Бьюкенена и Бельгіи — К. Бунссерэ. Всѣмъ парламентамъ этихъ союзныхъ и дружественныхъ странъ Гос. Дума постановила послать телеграфныя привѣтствія.

Англійскій военный министръ лордъ Китченеръ.

Послѣдовавшія затѣмъ рѣчи высшихъ представителей правительства открылъ предсѣдатель Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкинъ, широко отмѣтившій, при многократно вспыхивавшихъ рукоплесканіяхъ, значеніе переживаемаго Россіей историческаго момента и заявившій о томъ, что острый вопросъ, волновавшій всю страну—очеркъ событій, приведшихъ къ европейской войнѣ—представитъ министръ иностранныхъ дѣлъ.

Появленіе С. Д. Сазонова на министерской трибунѣ встрѣчено было бурной оваціей всей залы. Въ рукоплесканіяхъ, длившихся нѣсколько минутъ, ярко выражено было одобреніе, сочувствіе и признательность страны прямой, честной и талантливой дѣятельности министра, нашедшей наконецъ свою должную оцѣнку.

Глубоко взволнованный этимъ небывалымъ въ стѣнахъ Гос. Думы привѣтствіемъ члену правительства, С. Д. Сазоновъ низко поклонился Гос. Думѣ и началъ свою рѣчь.

Въ залѣ водворилась мертвая тишина: — было слышно, какъ перевернулась страница русской исторіи, и первыя

строки на этой новой свѣтлой страницѣ были первыя слова С. Д. Сазонова:

„Въ трудныя минуты, — минуты отвѣтственныхъ рѣшеній, правительство почерпало свои силы въ сознаніи полнаго единомыслія своего съ народной совѣстью".

Бурныя рукоплесканія были отвѣтомъ на эти незабвенныя слова и затѣмъ встрѣчали почти каждую фразу исторической рѣчи министра, вполнѣ заслуживающей того, чтобы, по образцу иностранныхъ парламентовъ, отпечатать ее въ милліонахъ экземпляровъ и распространить по всей Россіи, чтобы ее прочелъ каждый русскій человѣкъ. Приводимъ здѣсь эту рѣчь цѣликомъ:

„Когда наступитъ время для исторіи произнести свой безпристрастный судъ, ея рѣшеніе, — я твердо вѣрю въ это, — не будетъ инымъ, какъ то, которымъ мы руководились.

„Россія не могла уклониться отъ дерзкаго вызова своихъ враговъ. Она не могла перестать быть великой Россіей.

„Наши враги стремятся перенести на насъ отвѣтственность за бѣдствія, которыя они навлекли на Европу. Но ихъ лживые навѣты не могутъ ввести въ заблужденіе никого, кто добросовѣстно слѣдитъ за политикой Россіи за послѣдніе годы и за послѣдніе дни.

„Въ сознаніи задачъ, связанныхъ съ ея внутреннимъ развитіемъ и преуспѣяніемъ, Россія не со вчерашняго дня дала многочисленныя доказательства своего искренняго миролюбія. Только благодаря этому миролюбію въ Европѣ былъ предотвращенъ пожаръ, готовый разгорѣться въ 1912 и 1913 гг. Не въ русской политикѣ заключалась угроза европейскому миру. Свое достоинство великая Россія никогда не полагала въ безславномъ бряцаніи оружіемъ, въ попраніи чужого самолюбія, въ пренебреженіи къ правамъ слабыхъ.

Болгарскій генералъ Радко Дмитріевъ, герой и военачальникъ въ послѣднюю балканскую войну, состоявшій донынѣ болгарскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ и нынѣ подавшій въ отставку и вступившій въ ряды русской арміи. Въ своемъ прошеніи объ отставкѣ генералъ Р. Дмитріевъ высказалъ: «Принимая во вниманіе, что Болгарія остается нейтральной, я прошу освободить меня отъ занимаемаго мною поста посланника и уволить съ военной службы. Какъ болгаринъ, я не могу въ эту историческую минуту остаться въ сторонѣ и считаю своимъ святымъ долгомъ отдать свои силы Россіи, которой Болгарія обязана своимъ національнымъ существованіемъ».

„Спокойная, мирная мощь Россіи не давала покоя ея врагамъ. Нужно ли напоминать вамъ обо всѣхъ попыткахъ Австро-Венгріи подорвать историческое положеніе Россіи на Балканахъ? Пришелъ часъ, когда я могу здѣсь, не обинуясь, сказать, что ея стараніями удалось посѣять братоубійственную рознь между Болгаріей и ея союзниками..

„Но подвергшееся тяжелымъ испытаніямъ дѣло единенія православныхъ народовъ Балканскаго полуострова, Богъ дастъ, не погибнетъ.

„Вы знаете поводъ къ войнѣ. Раздираемая внутренними неурядицами, Австро-Венгрія рѣшила выйти изъ нихъ какимъ-нибудь ударомъ, который создалъ бы впечатлѣніе ея силы, нанеся въ то же время Россіи униженіе. Для этой цѣли была выбрана Сербія, съ которой связываютъ насъ узы исторіи, происхожденія и вѣры.

„Вамъ извѣстны условія, при которыхъ Сербіи былъ предъявленъ ультиматумъ. Согласившись на него, Сербія стала бы вассаломъ Австріи.

„Было ясно, что для насъ не вступиться въ дѣло — значило бы не только отказаться отъ вѣковой роли Россіи, какъ защитницы балканскихъ народовъ, но и признать, что воля Австріи и стоящей за ея спиной Германіи для Европы есть законъ.

„На это не могли согласиться ни мы, ни Франція, ни Англія.

„Не менѣе насъ наши доблестныя союзницы прилагали всѣ усилія къ укрѣпленію мира въ Европѣ. Наши враги ошиблись, принявъ эти усилія за проявленіе слабости. И послѣ вызова, брошеннаго Австріей, Россія не отвергла ни одной попытки, которая могла бы привести къ мирному разрѣшенію конфликта.

„Въ этомъ направленіи были до конца исчерпаны всѣ усилія наши и нашихъ союзницъ.

„Вы убѣдитесь въ этомъ изъ документовъ, которые будутъ обнародованы и которые излагаютъ послѣдовательный ходъ переговоровъ.

„Мы твердо стояли на одномъ условіи. Готовые принять всякій компромиссъ, способный, безъ умаленія ея достоинства, быть принятымъ Австріей, мы исключали все, что могло задѣть самостоятельность и независимость Сербіи.

„Съ самаго начала мы не скрывали нашей точки зрѣнія отъ Германіи.

„Несомнѣнно, что если бы берлинскій кабинетъ захотѣлъ, онъ могъ бы во-время однимъ властнымъ словомъ остановить свою союзницу такъ же, какъ онъ сдѣлалъ это во время балканскаго кризиса.

„Между тѣмъ Германія, до самыхъ послѣднихъ дней не переставая высказывать на словахъ свою готовность воздѣйствовать на Вѣну, отвергала одно за другимъ дѣлавшіяся предложенія и съ своей стороны выступала съ пустыми завѣреніями.

„Время шло. Переговоры не подвигались, Австрія подвергла Бѣлградъ ожесточенной бомбардировкѣ. Это былъ организованный правительствомъ погромъ, естественное продолженіе погрома беззащитнаго сербскаго населенія Сараева послѣ извѣстнаго злодѣянія 16-го іюня.

„Явной цѣлью всего этого было выиграть переговорами время, поставить насъ и Европу передъ совершившимся фактомъ униженія и уничтоженія Сербіи.

„При такихъ условіяхъ мы не могли не принять естественныхъ мѣръ предосторожности, — тѣмъ болѣе, что Австрія уже мобилизовала половину своей арміи и флота.

„Когда въ Россіи была объявлена мобилизація арміи и флота, Государю Императору благоугодно было Своимъ Царственнымъ словомъ поручиться передъ германскимъ императоромъ, что Россія не приступитъ къ примѣненію силы, пока есть надежда на мирный исходъ переговоровъ.

„Этотъ голосъ не былъ услышанъ.

„Германія объявила войну сначала намъ, потомъ — нашей союзницѣ. Потерявъ всякое самообладаніе, она стала попирать права государствъ, нейтралитетъ которыхъ обезпеченъ торжественной подписью ея самой наравнѣ съ другими государствами.

(Слова эти встрѣчены были возгласами: „позоръ! позоръ!")

„Нельзя не преклониться передъ героизмомъ бельгійскаго народа, борющагося противъ огромной германской арміи.

(При бурныхъ аплодисментахъ на всѣхъ скамьяхъ, депутаты встали съ мѣстъ и съ энтузіазмомъ привѣтствовали находившагося въ дипломатической ложѣ представителя Бельгіи).

„Образъ дѣйствія Германіи не можетъ не вызвать глубокаго негодованія всего цивилизованнаго міра и, прежде всего, благородной Франціи, которая вмѣстѣ съ нами встала на защиту попранныхъ правъ и справедливости.

У храма Воскресенія на Крови, послѣ молебствія о ниспосланіи побѣды русскому оружію, отслуженнаго по единодушному желанію болгарской колоніи въ Петербургѣ. По фот. Ю. Штейнберга.

(При аплодисментахъ и возгласахъ: „Да здравствуетъ Франція!" депутаты встали съ мѣстъ и устроили овацію французскому послу).

„Нужно ли говорить, что тѣ же чувства одухотворяли Англію, которая, какъ одинъ человѣкъ, воплотилась въ общемъ чувствѣ необходимости дать отпоръ Германіи въ ея стремленіи наложить на Европу тяжелую руку своей гегемоніи.

(Съ бурными рукоплесканіями на всѣхъ скамьяхъ депутаты, стоя, привѣтствовали англійскаго посла).

„Теперь тотъ поводъ, изъ-за котораго началась война, отступаетъ передъ значеніемъ, которое она пріобрѣла для каждаго изъ насъ и нашихъ союзниковъ.

„Германія намъ объявила войну 19-го іюля, а черезъ пять дней послѣ нея — и Австрія, мотивировавшая свое рѣшеніе нашимъ вмѣшательствомъ въ ея споръ съ Сербіей, а также тѣмъ, что мы открыли враждебныя дѣйствія противъ Германіи. Этимъ будто бы и вызвана война послѣдней противъ насъ.

„Непріятельскія войска вступили на русскую землю. Мы боремся за нашу родину, мы боремся за свое достоинство и положеніе великой державы.

Народное моленіе и манифестація въ Москвѣ, у памятника Минину и Пожарскому, на Красной площади. По фот. А. Савельева.

„Владычества Германіи и ея союзницы въ Европѣ мы допустить не можемъ.

„Тѣ же побужденія руководятъ нашими союзниками.

„Мы не предавались пустому тщеславію. Мы знаемъ, что на нашемъ пути могутъ быть тяжелыя испытанія.

„Они уже учитываются нашими врагами. Не зная Россіи, они разсчитываютъ на возможность малодушія съ нашей стороны. Но Богъ, не оставлявшій Россіи въ самыя тяжелыя годины ея исторіи, не покинетъ и теперь нашей родины, которая вся сплотилась вокругъ своего Царя въ чувствѣ любви и самопожертвованія".

Слова эти вызвали бурныя рукоплесканія на скамьяхъ и возгласы: „вѣрно, вѣрно, вѣрно!"

С. Д. Сазоновъ, сильно взволнованный, закончилъ свою рѣчь повышеннымъ голосомъ:

„Со смиреннымъ упованіемъ на помощь Божію, съ непоколебимой вѣрой въ Россію, правительство съ горячимъ довѣріемъ обращается къ вамъ, народнымъ избранникамъ, убѣжденное, что въ вашемъ лицѣ отражается образъ нашей великой родины, надъ которой да не посмѣются наши враги!"

Послѣднія слова С. Д. Сазоновъ произнесъ съ еле сдерживаемыми рыданіями и, сойдя съ трибуны, медленно, при царившей еще одну минуту тишинѣ, опустился въ свое кресло.

Вся еще подъ впечатлѣніемъ рѣчи, вмѣстѣ съ своимъ министромъ пережившая въ теченіе часа всю исторію міровыхъ событій, совершившихся только-что на нашихъ глазахъ, Гос. Дума встала, какъ одинъ человѣкъ, передъ величіемъ истины, провозглашенной министромъ, и отвѣтила ему такой же бурной оваціей, какъ и передъ его рѣчью.

Послѣ рѣчи С. Д. Сазонова съ глубокимъ вниманіемъ выслушана была и многократно привѣтствовалась рукоплесканіями дѣловая, содержательная рѣчь министра финансовъ П. Л. Барка, сообщившаго о блестящемъ состояніи нашихъ финансовъ, огромномъ фондѣ золотой наличности, хранящемся въ Россіи и въ дружественныхъ государствахъ, и предложившаго принять тутъ же единогласно безъ преній вотированные законопроекты о мѣрахъ денежнаго обращенія въ виду военнаго времени и о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ усиленію рессурсовъ на веденіе военныхъ дѣйствій.

Рѣчь министра финансовъ была послѣднимъ словомъ представителей правительства Гос. Думѣ, и затѣмъ послѣ перерыва раздался отвѣтъ представителей народа на призывъ Царя и правительства. Всѣ партіи поочередно выступали на трибунѣ съ своими деклараціями. Особенно ярко было то, что начало положили крайніе лѣвые: трудовики (Керенскій) и соціалъ-демократы (Хаустовъ), затѣмъ слѣдовали: прибалтійскіе нѣмцы (баронъ Фелькерзамъ), поляки (Яронскій), латыши и эстонцы (Гольдманъ), литовцы (Ичасъ), евреи (Фридманъ), русскіе нѣмцы (Люцъ), татары (Годневъ), партія народной свободы — к.-д. (Милюковъ), націоналисты (Балашовъ), группа центра (гр. Мусинъ-Пушкинъ); крайніе правые (Марковъ 2-й) и октябристы (Протопоповъ) замкнули тѣсный кругъ, объединившій въ лицѣ присутствовавшихъ всю 150-милліонную Россію, говорившую и слушавшую въ этотъ великій историческій день великія, незабвенныя слова любви и преданности общей родинѣ.

Заключительнымъ гармоничнымъ аккордомъ была единогласно при шумныхъ одобреніяхъ принятая формула перехода къ очереднымъ дѣламъ:

„Выслушавъ объясненія правительства и съ чувствомъ удовлетворенія убѣдившись, что были исчерпаны всѣ средства для сохраненія мира, отвѣчающія достоинству Россіи, какъ великой державы, Государственная Дума выражаетъ непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что въ тяжелый часъ испытанія, передъ начинающейся военной грозой, всѣ народы Россіи, объединенные единымъ чувствомъ любви къ родинѣ, твердо вѣря въ правоту своего дѣла, по призыву своего Государя, готовы встать на защиту родины, ея чести и достоянія. Въ сознаніи этого Государственная Дума черпаетъ спокойную увѣренность въ несокрушимой силѣ и славномъ будущемъ Россіи.

„Переходя къ очереднымъ дѣламъ и выражая полную готовность содѣйствовать дѣлу обороны страны и обезпеченія семействъ за-

пасныхъ, Государственная Дума посылаетъ свой братскій привѣтъ доблестнымъ защитникамъ родины, самоотверженно приступившимъ къ выполненію геройскаго своего долга".

Государственная Дума достойно выполнила свой долгъ передъ Царемъ и родиной. По приглашенію В. М. Родзянко, члены Гос. Думы стоя выслушали Высочайшій указъ о перерывѣ занятій Гос. Думы и назначеніи срока ихъ возобновленія не позднѣе 1 февраля 1915 г. въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Громкіе крики „ура" и священные звуки народной молитвы „Боже, Царя храни" заключили это историческое засѣданіе.

Продолженіемъ его было состоявшееся вечеромъ торжественно-величавое засѣданіе Государственнаго Совѣта. На засѣданіи присутствовалъ Совѣтъ Министровъ во главѣ съ И. Л. Горемыкинымъ; ложи дипломатическая, сенаторская, для членовъ Гос. Думы и для публики были совершенно переполнены. Первую рѣчь произнесъ и. о. предсѣдателя Государственнаго Совѣта И. Я. Голубевъ. Отъ правительства произнесъ рѣчь (ту же, что̀ и въ Гос. Думѣ) И. Л. Горемыкинъ. Отъ группъ Государственнаго Совѣта выступили преосвященный Арсеній, кн. Голицынъ-Муравлинъ, А. Б. Нейдгардтъ, изъ выборныхъ членовъ — отъ академической группы — Д. Д. Гриммъ, отъ польскаго народа — А. Э. Мейштовичъ, отъ прибалтійскихъ нѣмцевъ — бар. А. А. Пиларъ фонъ-Пильхау.

Вслѣдъ затѣмъ Государственный Совѣтъ единогласно принялъ слѣдующую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ:

„Вѣроломствомъ и злобой врага нашего Россія вызвана на смертный бой, грозящій потрясти въ основаніи благосостояніе западныхъ народовъ, остановить на долгое время ихъ мирное развитіе и нарушить политическое равновѣсіе во всей вселенной. Но, сильная сознаніемъ правоты своей, въ единеніи съ доблестными своими союзниками, Россія спокойно и безропотно принимаетъ ниспосланное ей Всевышнимъ испытаніе и вѣритъ, что жертва ея Богу угодна для торжества правды и мира всего міра. Отечеству нашему не впервые ополчаться за угнетаемыхъ и преслѣдуемыхъ, не впервые защищать свои святыни и очаги отъ дерзновенныхъ посягательствъ ослѣпленнаго жаждою захвата и господства врага. Пережила Россія не одно лихолѣтье, но, израненная, она всегда выходила изъ боя одухотворенная новыми силами, славная и могущественная, и нынѣ русскій Царь, Предвозвѣстникъ всеобщаго мира, въ единеніи со Своими вѣрными подданными, — та несокрушимая твердыня, о которую разобьется бѣшеная волна насильниковъ права и закона.

„Съ упованіемъ на милость Божію Государственный Совѣтъ переходитъ къ очереднымъ дѣламъ".

Единогласно принявъ внесенные правительствомъ и уже одобренные Гос. Думой законопроекты, Государственный Совѣтъ единогласно вотировалъ предложеніе В. И. Карпова:

„Прежде чѣмъ закроется засѣданіе чрезвычайной сессіи Государственнаго Совѣта, мы чувствуемъ потребность передать черезъ военнаго и морского министровъ нашимъ доблестнымъ арміи и флоту увѣренность Государственнаго Совѣта, что армія и флотъ въ теперешнемъ ихъ составѣ явятся преемниками всѣхъ тѣхъ подвиговъ, которые всегда совершали русская армія и флотъ, передать арміи и флоту отъ Государственнаго Совѣта увѣренность, что о семьяхъ, которыя оставлены здѣсь, будутъ заботиться и государство и общество".

Это предложеніе соотвѣтствовало единогласно принятому предложенію въ Государственной Думѣ С. И. Шидловскаго о томъ, чтобы, въ дополненіе предусмотрѣнныхъ закономъ 25 іюня 1912 г. мѣръ, были „привлечены къ дѣлу обезпеченія семействъ запасныхъ земскія и городскія учрежденія и общественныя силы въ тѣсномъ единеніи съ административными органами".

Чтеніемъ Высочайшаго указа о перерывѣ занятій Государственнаго Совѣта до 1 февраля 1915 г. было закрыто засѣданіе. Троекратно исполненнымъ всѣми хоромъ гимномъ заключенъ былъ день 26 іюля, начертанный отнынѣ на скрижаляхъ русской исторіи.

И. Э.

СМѢСЬ.

Продолжительность войны. Европейская война, въ которой приняли уже участіе восемь державъ (Россія, Франція, Англія, Бельгія, Сербія, Черногорія — противъ Германіи и Австро-Венгріи), врядъ ли можетъ быть продолжительной въ силу тѣхъ военныхъ потрясеній народнаго организма, которыя вызоветъ эта титаническая борьба вооруженныхъ націй. Предположеніе это основывается на опытѣ предыдущихъ войнъ, въ которыхъ рѣшительныя событія, исходъ которыхъ опредѣлялъ судьбу всей войны, обыкновенно происходили не позже двухъ мѣсяцевъ со времени начала военныхъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, въ 1870 г. седанская катастрофа разразилась на 46-й день послѣ объявленія войны, пораженіе турецкой арміи у Вардара — на 16-й, занятіе греками Салоникъ — на 22-й, битва при Люле-Бургасѣ, рѣшившая участь войны на ѳракійскомъ театрѣ, — на 17-й день послѣ начала враждебныхъ дѣйствій. Изъ прежнихъ кампаній можно указать еще на войну 1866 г., въ которой отъ вступленія прусскихъ войскъ въ Саксонію до битвы при Кениггрецѣ протекло всего 18 дней.

Эта подневольная непродолжительность европейской войны вызывается главнымъ образомъ тѣмъ, что никакія, даже богатѣйшія, финансовыя средства страны не могутъ долго выдержать современной войны. Какъ извѣстно, франко-прусская война 1870—71 гг., не считая выплаченной контрибуціи, обошлась Франціи приблизительно около 3.200 милліоновъ рублей: — около 500 милліоновъ въ мѣсяцъ или 17 милліоновъ въ день. Несомнѣнно, что нынѣшняя европейская война обойдется во много разъ дороже, т.-е. болѣе милліарда рублей въ мѣсяцъ, и къ этому должна быть готова каждая изъ воюющихъ великихъ державъ. Кромѣ того, милліонныя арміи Франціи, Бельгіи и Германіи вынуждены сосредоточиваться на довольно тѣсномъ пространствѣ, самое большее — въ нѣсколько сотенъ верстъ, и такое скопленіе войскъ не можетъ не столкнуть грудь съ грудью большія массы армій, и заставить военачальниковъ дать рядъ рѣшительныхъ боевъ и тѣмъ приблизить исходъ войны.

Солнечное затменіе и война. Солнечное затменіе 8 августа произойдетъ главнымъ образомъ въ полосѣ военныхъ дѣйствій.

Прежде такія явленія дѣйствовали на впечатлительность народа. Распускались слухи о кончинѣ міра и Страшномъ Судѣ.

Теперь нашъ народъ больше знакомъ съ этимъ явленіемъ. Школы сдѣлали свое дѣло.

Къ тому же, знаменія небесныя были намъ во благо въ самые трудные моменты нашей исторической жизни.

Во время Куликовской битвы, когда была одержана величайшая побѣда надъ несмѣтными полчищами татаръ, было солнечное затменіе.

Было оно и въ самый разгаръ Великой Сѣверной войны, въ которую Петръ Великій разгромилъ могущественнѣйшую тогда державу шведовъ.

Чего лишится Германія. Уже въ настоящее время самое объявленіе Германіей войны державамъ тройственнаго согласія создаетъ для нея огромныя экономическія потери. Съ момента объявленія Англіей блокады германскихъ портовъ нѣмцы оказались отрѣзанными отъ внѣшняго міра.

Ни единой крупинки зерна, ни капли молока, ни грамма селитры, ни одного фунта мяса Германія съ ея 50 милліонами чисто-промышленнаго населенія болѣе не получитъ.

40 лѣтъ строила Германія свой торговый флотъ и заняла одно изъ первыхъ мѣстъ по числу и качеству торговыхъ судовъ. Къ 1912 году общій тоннажъ ея коммерческаго флота равнялся 5.537.391 тоннѣ, распредѣляясь между 6.741 судномъ.

Этотъ колоссальный флотъ теперь долженъ или стоять и прятаться въ нейтральныхъ портахъ, или сдѣлаться добычей англійскихъ крейсеровъ.

Чрезвычайно быстрое рѣшеніе начать войну не дало Германіи возможности убрать большую часть своего флота, и въ ближайшее время тысячи германскихъ торговыхъ судовъ стали военными призами Англіи. Самыя суда пойдутъ для усиленія англійской боевой силы, а ихъ грузы покроютъ часть англійскихъ убытковъ отъ войны.

Въ то же время блокада береговъ Германіи выбрасываетъ ее со всѣхъ рынковъ міра. Она теряетъ Китай, куда ввозила товаровъ на 50 милліонъ рублей ежегодно, Соединенные Штаты, куда ввозила на 400 милліоновъ, Аргентину съ 184 милліонами ввоза, Бразилію съ 160 милліонами, Австралію съ 124 милліонами, Чили съ 74 милліонами, Остъ-Индію съ 44 милліонами, Бельгію съ 156 милліонами ввоза ежегодно; нечего говорить о полномъ закрытіи ввоза въ Россію, Англію и Францію.

Невозможно подсчитать всю сумму убытковъ Германіи. Утраченные заморскіе рынки большею частью никогда къ ней не вернутся, и ударъ, теперь ей нанесенный, надолго подорветъ ея мощь.

Другимъ неисчислимымъ послѣдствіемъ войны будетъ потеря Германіей всѣхъ ея заморскихъ колоній. Въ одной Африкѣ она имѣетъ 2.347.752 кв. версты съ населеніемъ въ 15 милліоновъ человѣкъ. Эту огромную черную массу держали въ повиновеніи и безчеловѣчной эксплоатаціи 20.000 нѣмцевъ, посланныхъ метрополіей. Теперь Германія неминуемо лишится этихъ безпредѣльныхъ площадей Того, Камеруна, юго-западной и восточной Африки. Она утратитъ также и свои важнѣйшія стратегическія станціи: Каролинскіе, Маршальскіе, Соломоновы, Маріанскіе острова и архипелагъ Пелау и Самоа.

Эти важнѣйшія стратегическія и экономическія базы Германіи будутъ подѣлены между Англіей и Японіей, которая правильно учитываетъ моментъ и намѣрена присоединиться къ Англіи, какъ ея союзникъ. Между тѣмъ въ эти свои колоніи Германія уже вложила милліарды.

Огромнымъ экономическимъ ударомъ для Германіи будетъ потеря ея пріобрѣтеній въ Малой Азіи. Въ одну Багдадскую дорогу Германіей вложено болѣе 2 милліардовъ марокъ, а на всю Турцію она израсходовала 20 милліардовъ марокъ. Къ этой суммѣ теперь прибавится еще новый, сравнительно небольшой, долгъ Турціи за «купленныя» ею у Германіи два крейсера «Goeben» «Breslau».

Та же участь постигнетъ, въ случаѣ пораженія Германіи, и ея стратегическую станцію Александретту на Средиземномъ морѣ и всѣ ея экономическія вліянія въ Месопотаміи.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 16".

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. — г. XLV

№ 33 — 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 16 августа 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого № — 15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова" кн. 6.

Воззванія Верховнаго Главнокомандующаго.

Поляки! Пробилъ часъ, когда завѣтная мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться.

Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступитъ часъ воскресенія Польскаго народа, братскаго примиренія его съ Великой Россіей.

Русскія войска несутъ вамъ благую вѣсть этого примиренія.

Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части Польскій народъ. Да возсоединится онъ воедино подъ скипетромъ Русскаго Царя.

Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи.

Одного ждетъ отъ васъ Россія — такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала насъ исторія.

Съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой идетъ вамъ навстрѣчу Великая Россія. Она вѣритъ, что не заржавѣлъ мечъ, разившій врага при Грюнвальдѣ.

Отъ береговъ Тихаго океана до Сѣверныхъ морей движутся Русскія рати.

Заря новой жизни занимается для васъ.

Да возсіяетъ въ этой зарѣ знаменіе Креста — символъ страданія и воскресенія народовъ!

Верховный Главнокомандующій, Генералъ-Адъютантъ *Николай.*

1/14 августа 1914 года.

Русскому народу.

Братья.

Творится судъ Божій.

Терпѣливо, съ христіанскимъ смиреніемъ, въ теченіе вѣковъ томился Русскій народъ подъ чужеземнымъ игомъ, но ни лестью, ни гоненіемъ нельзя было сломить въ немъ чаяній свободы.

Какъ бурный потокъ рветъ камни, чтобы слиться съ моремъ, такъ нѣтъ силы, которая остановила бы Русскій народъ въ его порывѣ къ объединенію.

Да не будетъ больше подъяремной Руси. Достояніе Владиміра Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даніила и Романа, сбросивъ иго, да водрузитъ стягъ единой, великой нераздѣльной Россіи.

Да свершится Промыслъ Божій, благословившій дѣло великихъ собирателей Земли Русской.

Да поможетъ Господь Царственному Своему Помазаннику Императору Николаю Александровичу всея Россіи завершить дѣло великаго князя Ивана Калиты.

А ты, многострадальная братская Русь, встань на срѣтеніе русской рати!

Освобождаемые русскіе братья!

Всѣмъ вамъ найдется мѣсто на лонѣ Матери — Россіи. Не обижая мирныхъ людей, какой бы они ни были народности, не полагая своего счастья въ притѣсненіи иноземцевъ, какъ это дѣлали швабы, обратите мечъ свой на врага, а сердца свои къ Богу съ молитвой за Россію, за Русскаго Царя.

Верховный Главнокомандующій, Генералъ-Адъютантъ *Николай.*

5 августа 1914 года.

Верховный Главнокомандующій — Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1914 г.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова“ кн. 6.

Воскресшая Польша и объединенное славянство.

Еще до начала крупныхъ военныхъ дѣйствій Августѣйшій Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ одержалъ уже крупную политическую побѣду: двумя воззваніями онъ приковалъ къ русскимъ знаменамъ пламенное сочувствіе всѣхъ поляковъ и славянъ, не забывшихъ о своемъ славянскомъ происхожденіи. Эти воззванія—крупнѣйшіе правительственные акты—помѣщены на первой страницѣ этого нумера рядомъ съ возвѣстившимъ ихъ Россіи.

Быть-можетъ, никогда еще за все существованіе Россіи и Польши русско-польскія отношенія не достигали такой моральной чистоты и ясности, какъ въ настоящее время. Общій врагъ заставилъ насъ почувствовать себя родными братьями, общая опасность заставила забыть мелкую рознь и соединиться въ братской самозащитѣ. Насталъ часъ, когда должны быть искуплены такіе тяжкіе историческіе грѣхи, какъ раздѣлъ Польши и ея вѣковая борьба съ единоплеменной Россіей. Отдача славянскихъ областей въ порабощеніе тевтонамъ является такимъ же преступленіемъ противъ славянства, какъ и все братоубійственное междоусобіе родныхъ по крови и духу народовъ. Просвѣтленные совѣстью и разумомъ потомки, почувствовавшіе свое родство въ мукахъ и подъ угрозою тяжкаго нѣмецкаго ига, искупятъ грѣхи предковъ. Какъ въ дни Грюнвальда, они обнажаютъ мечъ уже не другъ противъ друга, а противъ общаго недруга. Пережитыя несчастія заставили обѣ стороны взглянуть на жизнь не подъ угломъ узкаго племенного эгоизма, а съ точки зрѣнія права и справедливости. Иллюзіи слѣпого честолюбія и племенного властолюбія вносили между братскими народами кровавую ненависть и непримиримую вражду, нравственная же оцѣнка вопросовъ политической жизни, столь свойственная національному духу всѣхъ славянскихъ народовъ, открыла передъ ними радостную и свѣтлую перспективу примиренія. Братскій миръ, купленный столь дорогою цѣною вѣковыхъ страданій, отнынѣ будутъ бережно хранить, какъ зѣницу ока. Политическому воскресенію Польши предшествовало ея нравственное воскресеніе.

Воскреснувшая изъ мертвыхъ Польша не можетъ быть ни поработительницей ни порабощенной, она должна быть независимой и единой. Она уже не будетъ смѣшивать свою національную свободу съ угнетеніемъ другихъ народностей, не будетъ простирать свои требованія за предѣлы своихъ этнографическихъ границъ. Быть рабовладѣльцами могутъ только рабы въ душѣ, свободный же человѣкъ всегда свято чтитъ свободу другого.

Судьбы Польши тѣсно слиты съ судьбою всего славянства. Какъ вѣтка дерева, отрѣзанная отъ родного ствола, она погибла въ разъединеніи со своимъ славянскимъ корнемъ и начинаетъ возрождаться по мѣрѣ того, какъ возстановляется порванная связь. Не слѣпой капризъ исторіи, а внутренняя логика событій слила воедино участь Польши съ участью Прикарпатской Руси. И славянскій и польскій вопросы разрѣшаются исходомъ одной и той же войны, потому что исторически они сплелись въ одинъ узелъ, который разрубитъ мечъ русскаго витязя. Безъ объединенія славянства возстановленіе Польши было бы невозможнымъ, безъ возстановленія Польши объединеніе славянства было бы неполнымъ. Побѣда русскаго оружія принесетъ свободу всѣмъ порабощеннымъ народамъ. На картѣ Европы не останется ни подъяремной Руси ни угнетенной Польши. Великая семья свободныхъ славянскихъ народовъ соберется подъ главенствомъ своего старшаго брата, и на развалинахъ сокрушеннаго тевтонскаго насильничества установится свѣтлое царство всеобщей свободы и права.

Перспективы войны.

(Политическое обозрѣніе).

Въ обыкновенное время объявленіе войны какою-нибудь одною державою другой заставило бы говорить о себѣ весь міръ, но теперь, когда Европа раздѣлилась на два враждующихъ лагеря, объявленіе войны Англіей Австро-Венгріи прошло почти никѣмъ не замѣченнымъ, какъ простая формальность, продиктованная общимъ положеніемъ вещей. И понятно: въ томъ морѣ крови, котораго потребуетъ отъ человѣчества искупленіе отъ германскаго ига, много ли значитъ какая-нибудь лишняя капля, которая будетъ пролита при столкновеніи англо-австрійскихъ отрядовъ на сушѣ или на морѣ? Да и гдѣ можетъ произойти это столкновеніе? Средиземное море, въ бассейнъ котораго входятъ порты Австріи, охраняется французскимъ флотомъ, уже потопившимъ нѣсколько австрійскихъ миноносцевъ и одинъ австрійскій броненосецъ, а въ германскомъ наступленіи на Бельгію, которому противостоитъ англійскій дессантъ, австрійскія сухопутныя силы, какъ извѣстно, никакого участія не принимаютъ. Такимъ образомъ, за отсутствіемъ театра для столкновенія военныхъ силъ, война между Англіей и Австріей, строго говоря, остается чисто теоретической. Реально она по всей вѣроятности выразится развѣ только въ отъѣздѣ изъ Лондона и Вѣны аккредитованныхъ пословъ да въ англійскомъ захватѣ австрійскихъ коммерческихъ судовъ, если они попадутся англійскимъ крейсерамъ гдѣ-нибудь въ открытомъ морѣ.

Другое дѣло объявленіе войны Японіей Германіи. Оно имѣетъ совершенно спеціальный смыслъ и значеніе. Предъявляя Германіи ультиматумъ съ требованіемъ немедленнаго отказа отъ владѣнія Кіао-Чао, Японія становится какъ бы формальной участницей дѣлежа германскаго наслѣдства. Она желаетъ захватить азіатскія владѣнія императора Вильгельма и хоть скромную крупицу богатаго германскаго коммерческаго флота. Формальный поводъ къ выступленію съ оружіемъ въ рукахъ ей далъ захватъ

Сербскій королевичъ Георгій, раненый въ голову при бомбардировкѣ Бѣлграда австрійскими войсками.

Объявленіе командира нѣмецкаго отряда, занявшаго Калишъ.

Листы этого объявленія, напечатанные на красной бумагѣ, на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ, были расклеены по городу. Указываемые въ объявленіи, какъ поводъ къ строгостямъ по отношенію къ населенію, выстрѣлы изъ домовъ были, по словамъ лицъ, бѣжавшихъ изъ города, произведены самими нѣмцами, чтобы придраться къ населенію, изъ мести за неудачу, постигшую нѣмецкій отрядъ на развѣдкахъ за Калишемъ. Приводимъ переводъ объявленія:

Комендантство. Калишъ, 4. 8. 1914.

Калишскому Магистрату.

Въ виду того, что въ нынѣшнюю ночь многократно стрѣляли изъ домовъ по гарнизону Калиша, съ населеніемъ больше церемониться не стану.

Запрещаю всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ и объявляю недѣйствительными выданные разрѣшительные билеты.

Всѣ гостиницы должны быть закрыты. Единственное исключеніе—«Европейскій Отель», въ которомъ я живу.

Всякое пребываніе безъ нужды на улицахъ и площадяхъ запрещено; вообще не разрѣшено останавливаться.

Невыполненіе военныхъ приказаній карается смертью.

Арестованные сегодняшней ночью 6 гражданъ остаются въ моемъ распоряженіи и будутъ при малѣйшемъ сопротивленіи разстрѣляны.

Для искупленія происшествій сегодняшней ночи городъ долженъ сегодня до 5 час. пополудни уплатить сумму въ 50 (пятьдесятъ) тысячъ рублей.

При повтореніи непріязненныхъ дѣйствій со стороны населенія будетъ разстрѣлянъ каждый 10-й житель.

Съ 8 часовъ вечера всѣ дома должны быть закрыты и всѣ окна освѣщены.

Магистратъ долженъ распорядиться немедленнымъ опубликованіемъ сего.

Запрещаю выпускъ газетъ.

Комендантъ Калиша

(подп.) Прейскеръ

Маіоръ и командиръ 11/155.

Kommendentur Kalisz, den 4. 8. 1914

An der Magistrat Kalisch.

Nachdem in der heutigen Nacht vielfach auf die Besatzung von Kalisch aus den Häusern geschossen worden ist, hört jede Rücksichtnahme auf die Bevölkerung auf.

Ich verbiete jeden Verkehr nach auswärts und erkläre die Ungültichkeit der ausgestellten Erlaubniskarten

Sämtliche Wirtschaften werden geschlossen. Ausnahme (Europäisches Hotel), woselbst ich wohnen bleibe.

Jeder unnötige Aufenthalt auf den Strassen und Plätzen ist verboten, ein Stehbenbleiben überhaupt nicht gestattet

Nichtbefolgung der militaerischen Befehle wird mit dem Tode bestraft

Die heute Nacht festgenommenen 6 Bürger bleiben im meinem Gewahrsam und werden bei geringstem Widerstand erschossen.

Zur Sühne der Vorkommnise der heutigen Nacht hat die Stadt **bis heute 5 Uhr Nachm.** die Summe von

50000 (fünfzigtausend) Rubel zu zahlen

Bei Wiederholung der Feindseligkeiten seiten der Einwohnerschaft wird jeder 10 Bürger erschossen. Von 8 Uhr Abends ab sind die Häuser geschlossen und sämtliche Fenster erleuchtet

Der Magistrar hat die **sofortige** Bekanntgabe zu veranlassen.

Ich verbiete das Erscheinen der Zeitungen.

Kommandant von Kalisch.

(gez.) Preusker

Maior u. Komandeur. II/155.

германскимъ миноносцемъ еще до объявленія войны парохода Русскаго Добровольнаго Флота „Рязань“. Такъ какъ захватъ произошелъ въ Японскомъ морѣ, то Японія разсматриваетъ его, какъ нарушеніе японскаго нейтралитета. Она выступаетъ какъ бы мстительницею за своего недавняго врага,—въ сущности же, конечно, пользуется только благопріятнымъ случаемъ ликвидировать разъ навсегда коммерческое и политическое соперничество Германіи въ Китаѣ. Такимъ образомъ всѣ дерзостныя и беззаконныя нарушенія международнаго права, чинимыя германцами, въ концѣ концовъ обращаются на нихъ самихъ.

Насильственная конфискація частнаго автомобиля лейбъ-медика С. П. Федорова въ Берлинѣ дала право русскому правительству конфисковать множество автомобилей, принадлежащихъ находившимся въ Россіи германскимъ и австрійскимъ автомобильнымъ фирмамъ. Нѣмцы выгадали какихъ-нибудь десять тысячъ рублей, а потеряли цѣлые милліоны. Близорукая жадность жестоко наказана огромными потерями. Точно такъ же и захватъ „Рязани“ будетъ возмѣщенъ потерею цѣлой колоніи и по крайней мѣрѣ всей военной флотиліи, сосредоточенной въ портѣ Кіао-Чао. Нарушая основныя требованія международнаго права, ослѣпленные самомнѣніемъ и иллюзіей своего всемогущества, германцы не замѣтили, что они тѣмъ самымъ уничтожаютъ гарантіи своихъ собственныхъ интересовъ и правъ.

Единственнымъ утѣшеніемъ въ скорбной долѣ императора Вильгельма является пока только Турція да отчасти офиціальная Болгарія, выжидающая случая сосчитаться съ сербами изъ-за Македоніи. Турція въ лицѣ Энвера-паши и его друзей выразила легкомысленную готовность примкнуть къ Германіи и Австріи, не могущей имѣть никакого иного объясненія мобилизацией арміи на границахъ Россіи и Болгаріи и возмутительнымъ укрыватель-

Группа чеховъ (42 человѣка), присоединившихся къ православію. Торжество присоединенія происходило въ Казанскомъ соборѣ и совершено было архіепископомъ Геннадіемъ въ сослуженіи съ настоятелемъ Казанскаго собора протоіереемъ Ѳ. Орнатскимъ. По фот. Я. Штейнберга.

Польскіе крестьяне-рабочіе, преимущественно жители Варшавской, Плоцкой и Калишской губерній, застигнутые войной въ Германіи и послѣ цѣлаго ряда притѣсненій вернувшіеся нынѣ черезъ Торнео въ Петербургъ. По фот. Я. Штейнберга.

ствомъ преслѣдуемыхъ англійской эскадрой двухъ германскихъ крейсеровъ, нашедшихъ защиту подъ прикрытіемъ Дарданелльскихъ укрѣпленій. Она объявила, что оба крейсера, только что обстрѣлявшіе французскіе порты, якобы еще раньше были куплены ею у Германіи, и подняла надъ ними флагъ съ полумѣсяцемъ. Но разъ покупка ихъ состоялась еще до обстрѣла французскихъ портовъ, то въ такомъ случаѣ Турція является участницей военныхъ дѣйствій, и всѣ берега ея подлежатъ обстрѣлу англо-французскихъ судовъ, къ чему, вѣроятно, и будетъ приступлено въ томъ случаѣ, если младо-турки не откажутся отъ своей слишкомъ опасной игры. Турецкій народъ, страшно истощенный двумя неудачными войнами, не хочетъ и не можетъ воевать, и новая попытка вовлеченія его въ политическую авантюру можетъ легко привести къ новому внутреннему перевороту въ Турціи. Что же касается Болгаріи и Румыніи, то ихъ колебанія объясняются только недостаточно ясной постановкой этническихъ задачъ нынѣшней войны: какъ только будетъ рѣзко подчеркнутъ и всенародно заявленъ верховный принципъ этнографическаго раздѣла территоріи, разрѣшающій македонскій и трансильванскій вопросы, болгары и румыны, даже вопреки желанію ихъ монарховъ, сдѣлаются самыми пылкими нашими союзниками, сербы въ предвосхищеніи огромныхъ и безспорныхъ пріобрѣтеній, на которыя они имѣютъ право на всемъ югѣ Австріи, не будутъ ссориться съ болгарами изъ-за маленькаго спорнаго клочка, и всѣ славянскіе народы снова сойдутся на полѣ чести, какъ братья и союзники, для одолѣнія общаго врага.

Польскіе крестьяне-рабочіе, преимущественно жители Варшавской, Плоцкой и Калишской губерній, застигнутые войной въ Германіи и послѣ цѣлаго ряда притѣсненій вернувшіеся нынѣ черезъ Торнео въ Петербургъ. За безплатнымъ обѣдомъ, предоставленнымъ имъ польскимъ благотворительнымъ обществомъ „Огниско Польске“.

Полкъ отправляется на войну. Молитва передъ походомъ.
По фот. А. Оцупа.

* *
*

Еще вчера твоею страстью
Была душа моя пьяна,
А нынче—звѣрь съ кровавой пастью,
Тебя похитила война.
Гдѣ-бъ ни былъ ты: въ пылу ли брани,
Гдѣ блекнутъ жизни, какъ цвѣты,
Или подъ дуломъ въ вражьемъ станѣ,
Въ стократъ меня счастливѣй ты.
Меня влечетъ и манитъ сѣча
И боевыхъ орудій громъ.
Мой прадѣдъ атаманъ былъ въ Сѣчи
И на враговъ леталъ орломъ.
И вижу я: во шракѣ ночи
Въ гнѣздо тевтоновыхъ вождей
Сторожко онъ вперяетъ очи
Изъ подъ насупленныхъ бровей,
И слышу я: шумятъ знамена,
Бѣгутъ тевтонскіе полки,—
Славянскихъ братьевъ изъ полона
Ведутъ съ собою казаки.

Наталія Грушко.

Его Величество Черногорскій Король Николай.

До свиданья на позиціяхъ!

Разсказъ **Ивана Островного**.

I.

Что жъ, прежде всего надо сказать, что Катерина Ивановна была женщина. Да, онѣ какъ-то умѣютъ это совмѣщать. Только-что, минуту назадъ—да, а вотъ ужъ, смотришь,—и нѣтъ. И то и другое не только искренно, а даже пламенно, съ горящими глазами, отъ всего сердца. Такія ужъ у нихъ многогранныя души, и на все у нихъ хватаетъ огня и слезъ.

Когда по Петербургу съ быстротой пули разнеслась вѣсть о войнѣ, Катерина Ивановна была у знакомыхъ — Тростниковыхъ. Милое семейство, съ которымъ она была, какъ своя. Старикъ — важный чиновникъ, но безъ всякой важности, жена — хлопотунья, вѣчно занятая заботой, чтобы въ домѣ и свои и гости какъ можно вкуснѣе и сытнѣе были накормлены, сынъ Костя, студентъ, товарищъ ея мужа, и дочь, съ которой она училась въ гимназіи и вмѣстѣ кончили.

Пили чай съ пятью сортами вареній и съ домашними булочками; было еще трое знакомыхъ—жена доктора, студентъ-технологъ и молодой, всего только годъ тому назадъ выпущенный изъ школы, офицеръ. Окна квартиры въ первомъ этажѣ выходили въ садъ, откуда вѣяло свѣжестью и запахомъ сосны. Благодаря этому саду, Тростниковы лѣтомъ никогда не ѣздили на дачу и только въ августѣ на мѣсяцъ отправлялись въ Крымъ, гдѣ глава семьи, Петръ Степановичъ, страдающій катарромъ желудка, ѣлъ лѣчебный виноградъ.

Они и теперь уже понемногу готовились къ отъѣзду. Петра Степановича не было дома, его потребовали въ какую-то комиссію. Равговоръ шелъ самый мирный: о Крымѣ. о тамошнихъ лунныхъ ночахъ, о виноградѣ. о прогулкахъ въ горы. Костя Тростниковъ, разумѣется, шутя, такъ какъ онъ вовсе не былъ и влюбленъ въ Катерину Ивановну и привыкъ смотрѣть на нее, какъ на товарища, уговаривалъ ее бросить Андрюшу (это мужа-то ея, Андрея Васильевича Комарвицкаго) и укатить съ нимъ въ Крымъ. Самъ Андрюша не могъ ѣхать, потому что онъ, будучи студентомъ, служилъ гдѣ-то секретаремъ и этимъ зарабатывалъ деньги на жизнь. Катерина Ивановна чуточку кокетничала и съ Костей, и съ технологомъ, и съ офицеромъ, а хозяйка, Варвара Михайловна, ко всѣмъ приставала, чтобы побольше ѣли варенья и домашнихъ булочекъ.

Генералъ-лейтенантъ Н. Н. Янушкевичъ.

Въ это время пріѣхалъ Петръ Степановичъ и сообщилъ о войнѣ. Боже, что̀ тутъ сдѣлалось! Тихій ангелъ мира какъ будто выпорхнулъ въ раскрытое окно и улетѣлъ въ небеса. Крымъ, море, лунныя ночи, прогулки, виноградъ и даже милое кокетство Катерины Ивзновны—все отошло на Богъ знаетъ на какой планъ, спряталось, было забыто, у всѣхъ загорѣлись глаза, и поднялись воинственные разговоры.

Офицеръ, впрочемъ, сейчасъ же началъ прощаться, такъ какъ ему послѣ такихъ извѣстій надо было мчаться въ свою военную часть. Но и среди штатскихъ вдругъ не оказалось ни одного мирнаго человѣка. Петръ Степановичъ отмѣнилъ Крымъ. Какое теперь лѣченіе, какой виноградъ! Онъ разсказывалъ, казавшіяся невѣроятными, вещи о поведеніи народа, вдругъ ставшаго нашимъ врагомъ. Не хотѣлось вѣрить, подымалось чувство негодованія, и, Богъ знаетъ, почему, всѣхъ потянуло на улицу.

Впрочемъ, Варвара Михайловна осталась дома, но не потому, чтобы у нея патріотизма было меньше, чѣмъ у другихъ, а потому, что у нея болѣли ноги, и она могла только ѣздить на извозчикахъ, а объ этомъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Что̀ же касается Петра Степановича, важнаго чиновника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, обладавшаго знаками отличія на шеѣ и въ петлицѣ и чуть ли даже не владѣющаго звѣздой, то онъ, гордо неся свою почти бѣлую бороду, шелъ впереди всѣхъ, и глаза его были нисколько не меньше юны и горящи, чѣмъ у молодежи. Костя объявилъ, что „ну, его къ чорту—университотъ и всякія тамъ науки“, что онъ все это броситъ и пойдетъ на войну, и Катерина Ивановна горячо одобряла его и крѣпко жала его руку. Когда же замѣтила, что технологъ какъ будто мямлитъ и колеблется, продолжать ли ему ученье, или итти въ солдаты, она набросилась на него съ такой горячностью, такъ пристыдила его за трусость и недостатокъ любви къ родинѣ, что онъ тутъ же далъ честное слово, что завтра же запишется въ вольноопредѣляющіеся.

А на улицѣ она смотрѣла на толпу возбужденныхъ людей, которая росла и росла. Раздавались воинственные клики, говорились призывныя рѣчи, и Катерина Ивановна отъ всего сердца кричала, пѣла гимнъ, пожимала протягивавшіяся къ ней незнакомыя людьми руки и плакала отъ умиленія.

— Конечно,—говорила она:—всѣ должны итти на войну и грудью защищать родину. Да, да, съ этой минуты никто уже не принадлежитъ себѣ, и каждый долженъ отдать свою жизнь!

Петръ Степановичъ, который до сихъ поръ зналъ ее только какъ милую и веселую молоденькую женщину, которая любила попѣть, повеселиться, потанцовать, ну, иногда и почитать занимательную книжку и пойти въ театръ, былъ пріятно изумленъ, когда услышалъ отъ нея такой горячій, сердечный призывъ къ общественному дѣлу.

— Ахъ, Катерина Ивановна,—восторженно воскликнулъ онъ:—право же, вы насъ, мужчинъ, воодушевляете! Когда вы такъ говорите, мнѣ, старику, стыдно оставаться въ штатскомъ платьѣ. Вотъ такъ бы и надѣлъ сейчасъ солдатскую шинель и подставилъ голову подъ вражескія пули!

И главное—что Катерина Ивановна была безконечно искренна. Если бы какой-нибудь врачъ въ тѣ минуты послушалъ ея сердце и сосчиталъ пульсъ, то онъ сказалъ бы, что у нея лихорадка, можетъ-быть, даже горячка,—такъ пламенно было ея увлеченіе.

Ея Императорское Высочество Великаи Княгиня Ольга Александровна.

Медицинсній и служебный составъ госпиталя Общины св. Евгеніи (на 200 ироватей), во главѣ съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великой Княгиней Ольгой Александровной. По фот. А. Оцупа.

II.

Когда вечеромъ она пришла домой, Андрей Васильевичъ, безъ пиджака, въ жилеткѣ, сидѣлъ за небольшимъ столикомъ и копался надъ какими-то цифрами, которыя навязали ему на службѣ. Лицо его, всегда имѣвшее нѣсколько утомленный видъ, было очень спокойно. При ея появленіи онъ улыбнулся.

— Навѣрно, у Тростниковыхъ была? Я хотѣлъ-было туда направиться прямо съ службы, да вотъ работу навязали мнѣ. Эксплоатируютъ меня, подлецы, да ничего не подѣлаешь: — сто рублей платятъ, и я долженъ еще почитать ихъ благодѣтелями.

Говоря это, онъ продолжалъ что-то высчитывать и писать цифры. Но Катерина Ивановна почти не слышала его словъ. Она спѣшно сняла съ головы шляпу, скинула синюю кофточку, поцѣловала мужа въ голову и сказала:

— Ты работаешь... Какія-то цифры... И такъ спокоенъ, какъ будто ничего не произошло...

Тутъ Андрей Васильевичъ поднялъ голову и посмотрѣлъ ей въ глаза. Глаза ея горѣли, а лицо сохраняло всѣ слѣды недавняго, еще и теперь владѣвшаго ею, волненія.

— Да, у тебя такое лицо... Я вижу теперь, что произошло что-то... Ну?

— Гм... Такъ, стало-быть, придется оставить службу, и сто рублей уплывутъ отъ насъ... Ну, что̀ жъ, это неизбѣжно и—въ концѣ концовъ каждый долженъ исполнить свой долгъ.

Тутъ ужъ наступила очередь Катерины Ивановны не понимать. Она сдѣлала большіе глаза:

— Почему оставить службу? Не понимаю.

— Какъ же ты не понимаешь? Это ясно. Это совершенно неизбѣжно.

— Но почему? Почему? Всѣ говорятъ, что Петербургу не угрожаетъ ни малѣйшая опасность... Кронштадтъ, ну, и тамъ все другое...

— О, да, я въ этомъ не сомнѣваюсь—ни въ надежности Крондштадта ни всего другого. Но ты же знаешь, что я, какъ и всякій гражданинъ, долженъ служить въ войскѣ...

— Какъ долженъ? Да вѣдь ты же студентъ. У тебя отсрочка...

— Во время войны отсрочекъ не бываетъ, милая Катя. Непріятель не даетъ намъ отсрочки, какъ и мы ему. Онъ не станетъ ждать, пока я кончу курсъ и получу дипломъ... И такъ какъ я по жребію долженъ служить, то, значитъ, придется итти на войну.

Лицо Катерины Ивановны, до сихъ поръ еще сохранившее

Попечительница Общины М. Н. Зиновьева. Товарищъ попечительницы—А. А. Ридигеръ. Казначей—докторъ А. А. Эберманъ. Старшая сестра Емельянова. Докторъ А. Л. Маршандъ.

Отрядъ сестеръ милосердія Александровской общины Краснаго Креста.

слѣды волненія, вдругъ потускнѣло, и глаза потухли и сейчасъ же загорѣлись другимъ огнемъ—жгучей тревоги. Она какъ будто растерялась.

— Какъ? Ты не знаешь? Ты ничего не знаешь? Да это ужо перевернуло вверхъ дномъ весь Петербургъ и всю Россію!..

— Голубчикъ, ничего не знаю. Пришелъ домой, засѣлъ за работу... Откуда же мнѣ знать?

Ну, Катерина Ивановна все и сообщила ему — и о томъ, что объявлена война, и что̀ дѣлается на улицахъ столицы.

— Это такое одушевленіе, такой подъемъ!.. Я, знаешь, плакала... Ахъ, Андрюша, какъ ты можешь сидѣть и писать какія-то цифры!..

Но Андрей Васильевичъ, человѣкъ хотя и неглупый, но не умѣвшій скоро разбираться въ слишкомъ сложныхъ вещахъ, не сразу даже понялъ.

— Война? Что̀ ты говоришь? Какая война? Съ кѣмъ? Почему?

— Господи! Какой ты непонятливый, Андрюша! Значитъ, я должна все объяснить тебѣ сначала...

И разсказала все сначала. Но странно было то, что лицо Андрея Васильевича не только не свидѣтельствовало о воодушевленіи, а скорѣе было подавлено.

— Ты, Андрюша, совсѣмъ какой-то вялый. Съ этими цифрами ты потерялъ всякую впечатлительность и отзывчивость. Ну, право же, какъ будто я сообщила тебѣ, что у Варвары Михайловны сегодня не удались сдобныя булочки къ чаю...

— Это не совсѣмъ такъ, Катя... Я впечатляюсь, и даже, можетъ-быть, гораздо больше, чѣмъ ты думаешь...

— Ну, это ни изъ чего не видно... Все-таки подобное извѣстіе должно вызывать острое чувство...

— Погоди-ка, Катя, тутъ надо разобраться... Такъ, говоришь, объявлена война?

— Ну, да, да, да! Тысячу разъ да!—уже даже съ легкой досадой подтвердила Катерина Ивановна.

— Но какъ же такъ? Что̀ ты говоришь Андрюша?.. Этого не можетъ быть... Ужъ если отсрочка, такъ отсрочка... Не могутъ же прервать ученье... И наконецъ... наконецъ... тебѣ итти на войну... подъ пули... Это же ужасно!..

И когда ея живое воображеніе нарисовало картину: ея милый и безконечно любимый Андрюша въ передовыхъ рядахъ... Пули свистятъ надъ головой, съ визгомъ пролетаютъ мимо ушей... Разрывается граната, ему отрываетъ руку, голову... О Боже!.. Слезы подступили къ горлу и она зарыдала:

— Тебя могутъ убить!.. А я... какъ же я? Я такъ люблю тебя!.. Я безъ тебя ничто!.. Это невозможно!.. Невозможно!..

Андрей Васильевичъ успокаивалъ ее, какъ могъ, но объ одномъ просилъ: чтобы она выбросила изъ головы мысль, что это невозможно. Съ этой мыслью ей необходимо разстаться, потому что это не только возможно, но и неизбѣжно.

Но она не могла примириться съ этимъ, она страшилась даже представить это. Какъ? Его? Андрюшу, и вдругъ убьютъ? Это невозможно!.. Нѣтъ, нѣтъ, это было бы слишкомъ жестоко.

— Но послушай, Катя, вѣдь я же не одинъ; такихъ, какъ я, навѣрно десятки тысячъ. И каждый можетъ быть убитъ. И такъ какъ это долгъ каждаго, то тутъ нечего разсуждать.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—твердила Катерина Ивановна и ничего не хотѣла слушать. И, къ стыду ея, надо сказать, что, обливаясь слезами при мысли о томъ, что Андрюша можетъ быть убитъ, она подумала также и о томъ, что онъ потеряетъ съ такимъ трудомъ добытую секретарскую должность, и у нихъ не будетъ ста рублей, у нихъ ничего не будетъ. Впрочемъ, мысль

объ этомъ только промелькнула въ ея головѣ и даже не была высказана.

Но вдругъ она перестала плакать и подняла голову:

— Постой, — я придумала... Ну, да, конечно, онъ это можетъ сдѣлать... Онъ сдѣлаетъ непремѣнно... У него тамъ связи... И ему ничего не стоитъ...

— Кто это? О комъ ты, Катя?—спросилъ Андрей Васильевичъ.

— Да какъ о комъ! Боже мой! О дядѣ твоемъ, Алексѣѣ Семеновичѣ... О дядѣ Лешѣ... Онъ самъ военный, положимъ, хотя въ отставкѣ... Но у него тамъ знакомства...

— Да при чемъ же онъ тутъ, дядя Леша?

— Онъ тебя очень любитъ, и ему ничего не стоитъ выхлопотать, чтобы тебя какъ-нибудь освободили...

— Что? Ты съ ума сошла, Катя! Не говоря ужъ о томъ, что подобныя хлопоты неприличны, и дядю просить объ этомъ просто нельзя,—но о такихъ вещахъ хлопотать невозможно! Это непорядочно и постыдно!

— Ну, пожалуйста, оставь. Я увѣрена, что очень многіе это дѣлаютъ... Да наконецъ ты долженъ пожалѣть меня. А если ты этого не сдѣлаешь, то это только покажетъ, что ты вовсе меня не любишь и мое спокойствіе ни въ грошъ не ставишь! Ну, да, и это, должно-быть, такъ и есть. Я тебѣ надоѣла. Я до того тебѣ противна, что ты предпочитаешь смерть!..

И ужъ тутъ пошли такія слова и такое множество словъ, что Андрею Васильевичу только и оставалось въ тревожномъ волненіи слушать и ходить по комнатѣ.

А когда наступилъ его чередъ, онъ возражалъ, и надо это сказать—долго держался довольно стойко. Но Катерина Ивановна была такъ несчастна, и такъ трогательны были ея слезы, и такъ обильно орошали онѣ бѣлую наволочку ея подушки, что онъ, отъ природы мало устойчивый въ такого рода атакахъ, въ концѣ концовъ сдался и обѣщалъ Катеринѣ Ивановнѣ завтра же отправиться къ дядѣ Лешѣ.

Всего же замѣчательнѣе въ этой исторіи было то, что дома она была нисколько не меньше искренна, чѣмъ у Тростниковыхъ и потомъ на улицѣ, когда, вмѣстѣ съ толпой взволнованныхъ гражданъ, она считала, что каждый долженъ отдать свою жизнь на защиту отечества. Но еще замѣчательнѣе, что въ этомъ она не видѣла и не чувствовала ни малѣйшаго противорѣчія.

Да, женщины это умѣютъ.

III.

Дядя Леша, онъ же Алексѣй Семеновичъ Комарницкій, полковникъ въ отставкѣ, былъ родной братъ покойнаго отца Андрюши. Не такъ еще давно, передъ японской войной, онъ занималъ мѣсто въ ряду способныхъ, стоящихъ на виду, боевыхъ офицеровъ, и его ожидала блестящая будущность. Во время войны онъ отличился не разъ, но въ одной изъ стычекъ былъ раненъ въ плечо и, оставшись во всѣхъ отношеніяхъ невредимымъ, потерялъ способность владѣть правой рукой. Пришлось ему прервать карьеру, онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника.

Одинокій, нетребовательный, довольствующійся малымъ, онъ жилъ на скромную пенсію, рылся въ книгахъ и что-то писалъ. За годы отставки онъ усердно упражнялъ свою лѣвую руку и научился при помощи ея не только владѣть вилкой, ножомъ, топоромъ, но и перомъ. Теперь онъ писалъ лѣвой рукой такъ же свободно, какъ раньше правой. Мало того, онъ не оставилъ и военныхъ привычекъ и, когда лѣтомъ уѣзжалъ на свой маленькій хуторокъ въ Екатеринославской губерніи, упражнялся въ стрѣльбѣ изъ револьвера въ цѣль и научился даже какимъ-то образомъ владѣть охотничьимъ ружьемъ.

Ему было немного больше пятидесяти лѣтъ, но рана, которая и теперь еще давала себя чувствовать, порядочно измучила его, и онъ казался значительно старше. Густая борода его посѣдѣла, голова облысѣла, спина нѣсколько сгорбилась. Къ Андрюшѣ онъ относился съ теплымъ родственнымъ чувствомъ и въ трудныя минуты помогалъ ему. Въ свое время, года два тому назадъ, когда Андрей, будучи еще первокурсникомъ, задумалъ жениться, онъ отговаривалъ его, но не потому, чтобы что-нибудь имѣлъ противъ его невѣсты, а потому, что былъ вообще противъ женитьбы, особенно же въ слишкомъ молодомъ возрастѣ, еще во время ученья. Онъ говорилъ: „Это, братъ, все равно, какъ если бы цыпленокъ-курочка недѣли черезъ три послѣ того, какъ вылупилась, вздумала нести яйца“. Но когда Андрей по неудержимой любви женился, онъ не только примирился съ фактомъ, но еще и помогъ имъ устроиться въ двухъ комнатахъ.

Связи, о которыхъ говорила Катерина Ивановна, у него дѣйствительно были, такъ какъ онъ сохранилъ наилучшія отношенія съ прежними товарищами по службѣ, ушедшими далеко впередъ.

Къ нему-то и собрался Андрей Васильевичъ, но на другой день никакъ не успѣлъ.

А въ этотъ день обстоятельства развернулись такъ, что поступленіе его на военную службу вышло изъ области предположеній,—оно стало неизбѣжностью.

Самъ Андрей Васильевичъ былъ человѣкъ не особенно сильной воли. Въ своемъ студенческомъ дѣлѣ онъ работалъ усердно, не ограничиваясь лекціями, но читая источники. Даже частная служба, которая вслѣдствіе его ранней женитьбы сдѣлалась необходимостью, не уменьшала его рвенія. Онъ только мало спалъ и замѣтно утомлялся. Но здоровье у него было крѣпкое и организація выносливая. „Кончу курсъ, тогда и отдохну“,—говорилъ онъ Катеринѣ Ивановнѣ, когда та печаловалась о его здоровьѣ.

Отдѣлъ Склада Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны для сбора пожертвованій и работъ на раненыхъ и солдатъ въ квартирѣ супруги военнаго министра, Е. В. Сухомлиновой. По фот. Я. Штейнберга.

Но во всемъ, что выходило изъ круга его занятій, онъ подчинялся вліянію своей молоденькой жены и почти безъ критики принималъ всѣ ея рѣшенія.

Въ этомъ вопросѣ однако было не совсѣмъ такъ. Если тогда, ночью, во время слезныхъ припадковъ, онъ согласился съ нею, то это произошло единственно отъ неспособности переносить ея слезы. Внутреннее же убѣжденіе его не было нисколько поколеблено. Онъ ни на минуту не переставалъ считать, что военная служба—его нравственный долгъ, и что, стараясь уклониться отъ нея, онъ дѣлаетъ преступленіе.

И эта двойственность подавляла его и лишала увѣренности въ дѣйствіяхъ. Весь день, предшествовавшій посѣщенію дяди, онъ ходилъ хмурый и какъ бы чѣмъ-то обиженный. На службѣ, гдѣ, вмѣсто работы, всѣ занимались горячимъ обсужденіемъ событій, онъ почти не принималъ въ этомъ участія. Половина его сослуживцевъ въ томъ или иномъ качествѣ призывалась на военную службу, и рѣшительно никого это не печалило и не подавляло. А нѣкоторые, болѣе пылкіе, даже выражали нетерпѣніе, рвались къ опасному дѣлу.

И это еще больше углубляло его въ себя, отъ этого онъ становился еще угрюмѣе. Вечеромъ же, дома, мрачность его была до того очевидна, что обезпокоила Катерину Ивановну, и она съ чистымъ сердцемъ начала приставать къ нему съ вопросами о причинахъ. Она предполагала, что угодно: утомленіе, нездоровье, какая-нибудь непріятность на службѣ или въ университетѣ, но только не то, что дѣйствительно томило его.

— Ахъ, Боже мой... Но въ чемъ же дѣло, Андрюша? Ты молчишь, а смотришь угрюмо, какъ волкъ... Нѣтъ, право, я начну думать, что просто я надоѣла тебѣ. Ну, что жъ, конечно, пора... Уже два года... А я такая пустенькая, ужь навѣрно вся исчерпалась. Мужчины любятъ, чтобы женщина каждый день представляла для нихъ что-нибудь новое.

И многое въ такомъ родѣ собиралась сказать Катерина Ивановна, но Андрей пресѣкъ потокъ ея рѣчей:

— Полно говорить вздоръ, Катя. Ты очень хорошо знаешь, что ничего подобнаго быть не можетъ. А знаешь ли, я сегодня встрѣтилъ Костю Тростникова и технолога Вахтина. Они оба идутъ на войну: Костя—по призыву, а Вахтинъ—по своей волѣ. Вѣдь онъ—единственный сынъ при матери и былъ освобожденъ. И если бы ты видѣла, какое у нихъ настроеніе: словно они именинники.

— Ну, конечно! Какъ же иначе! Костя и вчера уже собирался, а Вахтина—такъ я уговорила. Онъ колебался, а я начала стыдить его... Вотъ онъ и воодушевился. Я сказала ему, что каждый долженъ отдать свою жизнь...

Андрей съ величайшимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на жену:

— Но, Катя, если каждый, то, стало-быть, и я...

— Ахъ, что ты говоришь, Андрюша! Какое же сравненіе! Они свободны, а ты...

— Что значитъ—свободны? У Кости родные, которые его обожаютъ, у Вахтина—мать, у которой онъ одинъ...

— Андрюша, Андрюша!.. Да какъ же тебѣ не стыдно! Ты сравниваешь... Родные, мать... Ну, да, конечно, имъ тяжело... Но они уже прожили свою жизнь, а я... а мы... мы только начинаемъ!.. Нѣтъ, нѣтъ,—заговорила она уже голосомъ „опаснымъ“, въ которомъ дрожали слезы:—объ этомъ нечего и думать. Костя и Вахтинъ... Конечно, они должны отдать жизнь, но ты, ты отдалъ ее уже мнѣ и не имѣешь права отнять!.. И я тебѣ говорю, Андрюша, что если ты уйдешь, то я... я умру!..

И не зналъ Андрей, какъ быть съ нею и съ собой самимъ. Нисколько не согласенъ онъ былъ съ нею въ этомъ вопросѣ. Все въ душѣ его протестовало противъ подобнаго образа дѣйствій. Сознаніе долга ярко вставало передъ нимъ. И между тѣмъ онъ чувствовалъ, что не въ силахъ противостоять вліянію нѣжной подруги.

Андрею Васильевичу Комарницкому было уже двадцать четыре года; но въ школѣ онъ слишкомъ много предавался учебникамъ, а въ университетѣ, женившись, зарылся въ работу и добываніе средствъ. Въ душѣ его были зачатки твердыхъ нравственныхъ началъ, но какъ-то не было у него времени привести свое міровоззрѣніе въ ясность, все было разрознено, онъ какъ будто еще не вполнѣ выросъ и не созрѣлъ. А чувство къ Катѣ, сильное и еще до сихъ поръ пылкое, болѣе всего размягчало его волю. И вотъ онъ, чувствуя по внутреннимъ побужденіямъ, что ему нужно дать отпоръ рѣшительный и твердый, не могъ этого сдѣлать.

Мало зная жизнь и людей, а въ особенности женщинъ, онъ не зналъ и того, что слезы далеко не всегда являются результатомъ глубокаго страданія, и когда женщина, обливаясь слезами, говоритъ: „я умру“, то отъ этого еще очень далеко до похоронъ. Онъ вѣрилъ всему этому, какъ факту, думалъ, что его горячо любимая Катенька глубоко несчастна и страдаетъ, и полагалъ, что высшимъ проявленіемъ любви съ его стороны будетъ уступка ей во всемъ, что для него самого составляетъ долгъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Манифестаціи чеховъ и моравовъ въ Москвѣ, на Тверской улицѣ. По фот. А. Савельева.

Варвары.

(Нѣмцы во Франціи въ 1870 году).

Очеркъ **Н. Денисюка**.

Каждый день газеты приносятъ намъ извѣстія о тѣхъ жестокостяхъ и оскорбленіяхъ, которымъ нѣмцы подвергаютъ нашихъ соотечественниковъ безъ различія пола, возраста и общественнаго положенія. Ни посолъ, огражденный законами международнаго права, ни ученый, ни министръ, ни женщина, ни простой путешественникъ, ни больной, лѣчащійся въ курортѣ Германіи, не избѣгли униженій всѣхъ видовъ, включительно до грубой расправы, оскорбленія словомъ и дѣйствіемъ, незаконнаго задержанія и лишенія свободы.

Въ то время, какъ одни негодуютъ, другіе недоумѣваютъ. Какъ это,—говорятъ недоумѣвающіе:—могла позволить себѣ страна порядка, дисциплины, страна культуры, науки, высоко развитой техники и промышленности, страна многовѣковыхъ университетовъ, страна Гёте и Шиллера? Подыскиваютъ самыя разнообразныя объясненія поведенію нѣмцевъ, видимо, не допуская,

Манифестація рабочихъ въ Москвѣ. По фот. А. Савельева.

чтобы весь тотъ кошмаръ жестокости, какой происходитъ сейчасъ, былъ проявленіемъ германской натуры.

Лучшее объясненіе — факты, взятые изъ дѣйствительности. „Прошлое—мать настоящаго", — говоритъ мудрое изреченіе.

Наши соотечественники, продолжавшіе оставаться въ предѣлахъ Германіи, несмотря на тревожное время, и претерпѣвшіе невѣроятные ужасы со стороны самого нѣмецкаго населенія, жестоко ошиблись въ своемъ представленіи о культурности и человѣчности нѣмцевъ, потому что забыли яркую, характерную страничку изъ прошлаго Германіи,—забыли о томъ, какъ вели себя нѣмцы въ качествѣ побѣдителей Франціи.

Правда, съ тѣхъ поръ прошло болѣе 40 лѣтъ, и можно было думать, что успѣхи нѣмцевъ въ различныхъ отрасляхъ умственной и общественной жизни сдѣлали ихъ иными, но такой взглядъ свидѣтельствовалъ бы только о незнаніи внутренней жизни Германіи.

Германская имперія, созданная съ мечомъ въ рукахъ, на полѣ битвы, „на желѣзѣ и крови", не могла измѣнить нравовъ, не могла стать на путь уваженія права, личности, солидарности и доброжелательства къ другимъ націямъ. Эпоха насилія, времена „огня и желѣза" наложили свое неизгладимое клеймо на характеръ народа, на весь строй политической и общественной жизни Германіи и дали этой жизни ту острую закваску, на которой поднялись сила и могущество Германіи, вызвавшія къ нѣмцамъ общую ненависть всѣхъ культурныхъ народовъ. Германія осталась по существу такой же, какой она была во время Бисмарка, и такой, какой мы знаемъ ее въ періодъ войны 1870 года.

Въ такой моментъ, какъ моментъ войны, сказываются всѣ положительныя и отрицательныя стороны націи. Дурные инстинкты въ мирное время сдерживаются страхомъ передъ карой закона, но когда армія вступила на непріятельскую землю, когда надъ нею нѣтъ правовой угрозы, когда она является властителемъ страны, когда она пишетъ законы побѣжденнымъ остріемъ меча, тогда душа народа, поскольку она проявляется въ своей арміи, обнажается вся.

Какъ же обнаружили себя нѣмцы въ 1870 году? Они показали міру, что они способны на величайшія жестокости, что вѣка цивилизаціи прошли надъ головой германцевъ, не загрубивъ ихъ души и не измѣнивъ ихъ нравственныхъ идеаловъ. Поведеніе нѣмцевъ въ предѣлахъ Франціи тогда же показало Европѣ, чего можно ждать отъ восходящей звѣзды нѣмецкаго народа. Еще не закончилась эта война, какъ у насъ, въ Россіи, и въ другихъ странахъ всѣ тѣ, кто умѣлъ понимать и анализировать событія, всѣ тѣ, кто обладалъ политическимъ смысломъ, не ждали ничего хорошаго для будущности Европы отъ громкихъ побѣдъ Германіи. Въ началѣ этой войны и у насъ, и въ Англіи, и въ Америкѣ, и даже въ родственныхъ Франціи государствахъ южной Европы симпатіи общества сильно раздѣлились между обѣими воюющими сторонами, и въ то время, какъ одни желали побѣды французамъ, другіе рукоплескали удачамъ нѣмцевъ. Но по мѣрѣ того, какъ шли событія, какъ нѣмцы превращались въ повелителей, а Франція, разгромленная, лежала у ногъ Бисмарка и Мольтке, по мѣрѣ того, какъ тонъ Германіи становился все болѣе угрожающимъ и надменнымъ, по мѣрѣ того, какъ нѣмцы получали власть и силу, народы Европы поняли, что между ними нежданно выросло новое государство, которое станетъ поперекъ дороги тѣмъ политическимъ и правовымъ идеаламъ, къ которымъ такъ мучительно тянутся руки и сердца народовъ.

Война 1870 года вызвала во Франціи массу сочиненій, въ которыхъ описываются дѣйствія нѣмецкихъ войскъ въ разныхъ провинціяхъ и городахъ. Книги эти рисуютъ бѣдствія, выпавшія на долю французскаго населенія, и то, что пришлось испытать ему подъ бременемъ непріятельскаго нашествія. Литература эта цѣнна для насъ тѣмъ, что она принадлежитъ исключительно лицамъ, видѣвшимъ собственными глазами все, что они описываютъ, а частью передающимъ слова очевидцевъ. Огромная часть этихъ сочиненій прямо и называется „Воспоминаніями" и „Впечатлѣніями".

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ разгрома Франціи, въ Парижѣ появилась книга, въ которой авторъ дѣлаетъ сводку всему тому, что вышло изъ-подъ пера очевидцевъ о пребываніи нѣмцевъ въ предѣлахъ имперіи Наполеона III. Книга эта принадлежитъ Жюлю Лермина и озаглавлена: „La France-Martyre. Documents pour servir à l'histoire de l'invasion de 1870". („Франція-Мученица. Документы для исторіи нашествія 1870 года").

Теперь для насъ эта книга представляетъ большой интересъ и рисуетъ намъ нѣмцевъ при свѣтѣ и въ условіяхъ войны, т.-е. при тѣхъ условіяхъ, которыя теперь повторяются на нашихъ

глазахъ и объясняютъ тѣ событія, которыя изумили и возмутили весь міръ.

Но могутъ возразить, что поведеніе арміи еще не есть поведеніе страны, и что нравы казармы еще не есть нравы даннаго общества. Но для нѣмцевъ нѣтъ и этого оправданія. Послѣ войны 1870 г. на ряду съ отдѣльными мнѣніями нѣмцевъ, высказанными печатно, съ болью въ душѣ говорившихъ о позорномъ поведеніи германской арміи, появилось въ германской печати масса статей, хвастливо и цинично восхваляющихъ грубый произволъ и насилія надъ беззащитнымъ населеніемъ Франціи.

Воспользоваться вполнѣ содержаніемъ книги г. Лермина мы, конечно, не можемъ за недостаткомъ мѣста, но и тѣ нѣсколько фактовъ, которые мы заимствуемъ оттуда, будутъ достаточны для нашей цѣли.

Говоря о поведеніи нѣмцевъ во Франціи, прежде всего приходится обратить вниманіе на то, что они расширили предѣлы войны и разсматривали ее не какъ борьбу нѣмецкой арміи съ французской, а какъ истребленіе французскаго народа. Сплошь и рядомъ нѣмцы избивали мирное населеніе, не исключая женщинъ и дѣтей. Уже съ первыхъ шаговъ войны нѣмцы стали вести себя такъ, какъ вели себя древніе гунны въ войнѣ съ врагомъ. Избіеніе населенія началось со Страсбурга.

Когда нѣмцы 8 августа начали бомбардировку Страсбурга, то мѣстныя власти обратились къ генералу Вердеру съ просьбой позволить вывести изъ города женщинъ и дѣтей. Просьба уважена не была. Бомбы летѣли въ городъ и производили тамъ страшное опустошеніе. Одна изъ первыхъ же бомбъ попала въ дѣвичій пансіонъ, и семь дѣвочекъ было убито наповалъ, а у четырехъ были оторваны ноги.

Правила Женевской конвенціи подписаны были вмѣстѣ съ другими державами и Германіей въ 1864 г. задолго до войны. Кто станетъ возражать противъ того, что раненые и больные воины—уже не боевые враги, что они выбыли изъ строя и не могутъ причинить вреда противникамъ? Женевская конвенція сдѣлала благородную попытку смягчить ужасы войны и оградила госпитали и лазареты отъ выстрѣловъ и нападенія. Но нѣмцы, къ ихъ стыду, при бомбардировкѣ Страсбурга и впослѣдствіи стрѣляли въ госпитали, въ родильные дома, въ церкви, и обезумѣвшіе отъ страха раненые, больные, родильницы не знали, гдѣ найти убѣжище.

Молебствіе о дарованіи побѣды русскому оружію въ новосооруженной мусульманской мечети въ Петербургѣ, на Кронверкскомъ проспектѣ. По фот. Я. Штейнберга.

Когда Страсбургъ сдался (27 сентября), то въ немъ оказались разрушенными 700 домовъ, 16.000 жителей бродили по улицамъ, лишенные крова, и большое количество ихъ погибло подъ выстрѣлами. Городъ во время осады загорѣлся, и когда онъ уже былъ объятъ пламенемъ, президентъ Швейцарскаго Союза усиленно просилъ прусскаго короля, чтобы тотъ позволилъ вывести изъ пылающаго города женщинъ и дѣтей. Когда президентъ входилъ 11 сентября въ осажденный городъ, то городской голова Страсбурга, г. Кюссъ, со слезами въ голосѣ сказалъ ему: „Сообщите Европѣ о томъ зрѣлищѣ, котораго вы будете свидѣтелемъ въ стѣнахъ нашего города; разскажите ей, какъ могутъ вести войну въ XIX столѣтіи. Не противъ стѣнъ и фортовъ Страсбурга, не противъ нашихъ солдатъ непріятель направляетъ свой огонь, а противъ беззащитнаго населенія. Женщины и дѣти — вотъ главныя жертвы германцевъ! Наши твердыни,—вы это видѣли, остаются нетронутыми, а жилища наши сожжены. Наши церкви, вѣковые и историческіе памятники постыднымъ образомъ обезображены и разрушены, и наша превосходная библіотека уничтожена навсегда. Допуститъ ли совѣсть Европы, чтобы цивилизація отступила назадъ до такого пункта вандализма, и чтобы мы снова подпали подъ господство варварскихъ законовъ?"

Многіе могутъ сказать, что война, конечно, жестока, но что, по французской поговоркѣ, „на войнѣ, какъ на войнѣ". Страсбургъ былъ укрѣпленнымъ городомъ и защищался регулярной арміей, а поэтому избіеніе жителей могло вестись параллельно съ разрушеніемъ крѣпости и уничтоженіемъ арміи. Но нѣмцы избивали населеніе и по окончаніи боя съ арміей. Яркій возмутительный фактъ такой безчеловѣчной расправы происходилъ въ Базейлѣ, деревнѣ подъ Седаномъ. Когда защитники деревни, принадлежавшіе къ морской пѣхотѣ, пали, а оставшіеся въ живыхъ положили оружіе, тогда вошедшіе въ Базейль баварцы накинулись на жителей, которые совсѣмъ не принимали участія въ сраженіи, и стали избивать ихъ безъ всякой пощады. Г. Лермина приводитъ, между прочимъ, списокъ разстрѣлянныхъ и изрубленныхъ стариковъ и больныхъ. Когда убивать было уже некого, ворота домовъ были обмазаны керосиномъ, дома были обложены пуками соломы, и деревня была зажжена. Въ живыхъ оставалось лишь 30 раненыхъ, лежавшихъ въ каретномъ сараѣ г. Тома. Нѣмцы не пощадили и этихъ несчастныхъ, безпомощныхъ людей. Сарай былъ подожженъ, и всѣ раненые погибли въ пламени.

Неподалеку отъ того мѣста находился старинный замокъ и при немъ вѣрный сторожъ Безэ Бертранъ. Старикъ пытался оказать сопротивленіе варварству нѣмцевъ и за это былъ разстрѣлянъ, а дочь его подверглась насилію. Въ книгѣ г. Лермина приведенъ длинный списокъ лицъ, разстрѣлянныхъ, убитыхъ и заживо сожженныхъ въ этой деревнѣ; среди послѣднихъ — двѣ старухи, одна 78 лѣтъ, другая 69, а также одна дѣвочка.

Инквизиціонную казнь — сожженіе заживо на кострахъ — нѣмцы предпочитали всѣмъ другимъ способамъ истребленія врага. Больше всего они предавали сожженію пойманныхъ французскихъ вольныхъ стрѣлковъ, при чемъ каждой казни предшествовало издѣвательство и примѣнялись утонченные пріемы мучительства.

Звѣрства и неистовства, какія были произведены баварцами въ Базейлѣ, произведены были германскими войсками и надъ жителями города Шатодэна: избіеніе всѣхъ безъ разбора пола и возраста, сожженіе живыми раненыхъ, истребленіе пожаромъ города послѣ предварительнаго, впрочемъ, его разграбленія, — все это происходило послѣ битвы, когда была одержана нѣмцами полная побѣда надъ національной гвардіей и вольными стрѣлками. Въ довершеніе всего, на другой день послѣ битвы 75 человѣкъ изъ числа жителей были взяты въ плѣнъ и отправлены въ Германію. Въ приведенномъ авторомъ книги поименномъ спискѣ варварски убитыхъ и сожженныхъ жителей упоминается не мало дряхлыхъ стариковъ.

Звѣрства и неистовства германскихъ войскъ совершались во всѣхъ округахъ, городахъ и деревняхъ Франціи, и списокъ ихъ занялъ бы цѣлый томъ. Пытали, сжигали и звѣрски избивали, насиловали и издѣвались и въ Ножанѣ, и Фонтенуа, и въ Клери, и въ Фукокурѣ, словомъ—во всѣхъ уголкахъ страны. Достаточно было затѣять жителю ссору съ солдатомъ, оказать хотя бы слабое сопротивленіе капризу какого-нибудь капрала или офицера, не угодить чѣмъ-нибудь фельдфебелю или поручику, и это влекло за собой не только побои, не только увѣчья, но и смерть.

Смерть, грабежи, убійства и пожары всегда неминуемо сопровождаютъ войну, но война нѣмцевъ 1870 года сопровождалась систематическимъ грабежомъ, утонченными издѣвательствами надъ мирными гражданами и истребительными пожарами, имѣвшими цѣлью въ конецъ разорить и уничтожить страну. Грабежъ Франціи былъ организованъ, и награбленныхъ вещей никто не скрывалъ отъ глазъ начальства: все это увозилось открыто въ повозкахъ, заранѣе приготовленныхъ и имѣвшихъ при себѣ людей, нарочито для этого назначенныхъ. Грабили все, что представлялось мало-мальски цѣннымъ: мебель, бронзу, стѣнные часы, шелковыя матеріи, фарфоръ, шали, всевозможныя матеріи, полотно, платье, драгоцѣнныя украшенія, породистыхъ лошадей и даже собакъ.

Г. Лермина приводитъ большой списокъ нѣмецкихъ генераловъ и высокопоставленныхъ лицъ, которые оставались и жили въ замкахъ Франціи, а затѣмъ брали себѣ на память то цѣнныхъ лошадей, то дорогихъ охотничьихъ собакъ, а то просто нагружали корзины разными драгоцѣнными вещами, рѣдкостями и

художественными произведеніями и увозили все это къ себѣ. Почтовые денежные пакеты обыкновенно не доходили по назначенію и оставались въ рукахъ нѣмцевъ, а если и доходили, то вскрытыми, при чемъ въ конвертѣ оставалось только письмо, „вложеніе“ же исчезало.

Простые солдаты не брезгали ничѣмъ: брали и отнимали такія вещи, какъ туфли, ножницы, наперстки, однимъ словомъ—все, что можно было унести съ собой и спрятать въ мѣшкѣ. Иногда случались сцены комическо-простодушныя. Послѣ битвы при Кульмѣ французскіе врачи были удивлены тѣмъ, что тяжко раненые и находившіеся у нихъ въ лазаретѣ баварцы старались всячески скрыть свои мѣшки отъ глазъ наблюдателей. Оказалось, что въ этихъ мѣшкахъ находилась всевозможная мелкая добыча незначительной цѣнности. Видя, какъ имъ дорога эта добыча, имъ объяснили, что она останется при нихъ, и для успокоенія ихъ мѣшки были положены подъ изголовье. Статистическія данныя, собранныя въ 34-хъ подвергшихся непріятельскому нашествію департаментахъ, опредѣлили общую сумму цѣнности украденныхъ и награбленныхъ вещей, не считая въ томъ числѣ офиціальныхъ реквизицій, въ 259 милліоновъ франковъ.

Находясь въ завоеванной странѣ и вызвавъ противъ себя острую ненависть, нѣмцы боялись взрывовъ поѣздовъ при передвиженіяхъ и умышленнаго разрушенія пути. Для того, чтобы обезопасить себя въ этомъ отношеніи, они установили своеобразный, недопустимый международнымъ правомъ, способъ парализовать дѣйствія враговъ. По приказу Мольтке, нѣмцы брали на локомотивъ каждаго поѣзда, въ какую бы сторону онъ ни направлялся, одного изъ уважаемыхъ и значительныхъ лицъ города; съ требованіемъ о командировкѣ такихъ лицъ Мольтке велѣлъ обращаться въ городскія думы. Города протестовали и указывали, что это неслыханно въ исторіи международнаго права, но городскіе совѣты должны были покориться и поочередно исполнять эту печальную обязанность, посылая заложниковъ, какъ это дѣлалось въ суровыя времена средневѣковья.

Впрочемъ, заложники брались не только въ видахъ безопасности хода поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ, но и просто для глумленія надъ непріятелемъ. Такъ, напримѣръ, 13 ноября Бисмаркъ сдѣлалъ распоряженіе: захватить 40 человѣкъ французовъ и отправить ихъ въ Германію. Все это были не рядовые люди, не бульвардье, не лавочники, а члены академіи и выдающіеся общественные дѣятели.

Мы уже говорили, что нѣмцы грубо и возмутительно занесли руку на постановленія Женевской конвенціи и этимъ оскорбили не только человѣческія чувства Европы, но и европейскихъ государей, скрѣпившихъ своими подписями ненарушимость международныхъ правилъ войны. Мало того, что нѣмецкія войска обстрѣливали зданія, на которыхъ развѣвался флагъ Краснаго Креста, не говоря о томъ, что французскіе и иностранные походные лазареты встрѣчали со стороны нѣмецкихъ властей самыя придирчивыя требованія, притѣсненія и непріятности, не говоря о томъ, что со священниками и врачами этихъ лазаретовъ обращались грубо, оскорбляли ихъ, а иногда даже и убивали,—нѣтъ, нѣмцы на этомъ не остановились. Занявъ непріятельскій городъ, не зная ни жалости, ни укоровъ совѣсти, ни простого человѣколюбія, они выбрасывали изъ госпиталей и лазаретовъ французскихъ раненыхъ, а на ихъ кровати клали своихъ. Такъ было въ Орлеанѣ, такъ было въ Понтарлье, такъ было также въ Версалѣ, гдѣ они отняли у голландцевъ организованный ими лазаретъ для раненыхъ, выгнали изъ него французовъ и помѣстили на ихъ мѣсто вновь прибывшихъ нѣмецкихъ раненыхъ. Начальникъ лазарета, г. Вандервельде, тщетно указывалъ на то, что онъ со своимъ врачебнымъ персоналомъ и госпитальными принадлежностями присланъ для врачеванія въ одинаковой степени раненыхъ той и другой воюющей стороны; на его протесты пруссаки отвѣчали угрозами, которыя и не замедлили привести въ исполненіе: г. Вандервельде со своими врачами былъ выгнанъ изъ Версаля, а привезенныя ими лазаретныя принадлежности были оставлены въ рукахъ пруссаковъ.

Корреспондентъ „Кёльнской Газеты“, Веккеде, бывшій очевидцемъ войны, писалъ о ней въ своей исторіи этой войны слѣдующее: „война тотчасъ приняла жестокій характеръ, который былъ иногда безчеловѣчнымъ. Находились офицеры, которые старались дать почувствовать самымъ жестокимъ образомъ мирному населенію Франціи свою враждебную грубость и высокомѣрное нахальство. Примѣры этой грубости и произвола, которыхъ мы были свидѣтелями, внушаютъ ужасъ человѣчеству и безчестятъ германское имя. Они безполезно возбуждали къ намъ ненависть Франціи“.

Слыша объ этихъ жестокостяхъ, Бисмаркъ, какъ свидѣтельствуютъ сами нѣмцы, сказалъ: „Чѣмъ больше будетъ число обиженныхъ французовъ, тѣмъ сильнѣе они будутъ желать мира на какихъ бы то ни было условіяхъ. Слѣдовало бы сжигать всѣ деревни, въ которыхъ проявилась измѣна, и вѣшать мужчинъ“.

Конечно, подобныя заявленія Бисмаркъ дѣлалъ не офиціально: онъ ихъ высказывалъ за столомъ, среди приближенныхъ къ себѣ людей, но эти люди находили, что ихъ „глава“ высказываетъ мысли, достойныя быть переданными потомству, да и самъ Бисмаркъ никогда не протестовалъ противъ нескромности своего секретаря, опубликовавшаго такое интересное заявленіе своего „патрона“.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 40 лѣтъ, и мы снова видимъ Германію во всеоружіи, и она доказала міру свою жестокость и кровожадность въ еще болѣе сильной степени. Система Бисмарка и Вильгельма II дала свои плоды, и идеалы кулака сроднились съ душой германцевъ.

Нынѣшняя война съ первыхъ же шаговъ обнаружила предъ всѣмъ міромъ обѣ Германіи: офиціальную—правительство и армію, и частную—горожанъ и поселянъ.

Европа узрѣла и оцѣнила по достоинству эту офиціальную Германію, которая сдѣлала британскому правительству такія предложенія въ отношеніи дружественныхъ государствъ, что премьеръ-министръ Англіи вынужденъ былъ съ парламентской трибуны назвать ихъ „гнусными“, а исполненіе ихъ—„позоромъ и безчестьемъ“. Но такими же гнусными въ своихъ поступкахъ оказались и германскіе интеллигентные классы и горожане. Единогласное сообщеніе десятковъ тысячъ частныхъ лицъ, пріѣхавшихъ изъ Германіи въ Россію, Францію и Англію, рисуютъ намъ все тѣ же факты нравственнаго одичанія и безсмысленной животной злобы, которые записаны на многочисленныхъ страницахъ воспоминаній 1870 года.

Все тѣ же отвратительныя сцены избіенія женщинъ и дѣтей, все то же жестокое, безчеловѣчное выбрасываніе на улицу тяжкихъ больныхъ, дерзкое оскорбленіе пословъ и расправа съ уважаемыми и занимающими почетное положеніе лицами. Мы видимъ, какъ германцы ведутъ себя съ жителями занятыхъ городовъ нашей Польши: избіеніе до смерти городского головы, провокаціонные выстрѣлы и наложеніе на жителей контрибуціи въ десятки тысячъ рублей, безразсудныя, наглыя выходки германскихъ офицеровъ—все это подтверждаетъ намъ, что германцы утратили свои былыя нравственныя качества и даже не въ состояніи уже понимать, что теперешнее ихъ поведеніе толкаетъ народы къ еще большему сплоченію, къ еще болѣе глубокой рѣшимости освободиться навсегда отъ первобытнаго варварства и казарменнаго духа нѣмцевъ.

Высочайшій Указъ о правилахъ веденія войны Россіей.

Для сравненія съ дѣйствіями Германіи, представляющими вопіющее нарушеніе незыблемыхъ основъ международнаго права, хранить и оберегать которыя обязались всѣ державы, помѣщаемъ только-что опубликованный Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату объ установленіи правилъ, коими Россія будетъ руководствоваться во время настоящей войны.

28 іюля с. г. Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ:

„Соблюдать подъ условіемъ взаимности, сверхъ установленныхъ въ законѣ на случай войны правилъ, постановленія нижеслѣдующихъ международныхъ договоровъ: Парижской морской декларацiи 4 (16) апрѣля 1856 г.; С.-петербургской декларацiи 29 ноября (11 декабря) 1868 г. объ исключеніи изъ употребленія взрывчатыхъ пуль; декларацій, подписанныхъ на первой конференціи мира въ Гаагѣ 17 (29) іюля 1899 г., а именно: декларацiи о неупотребленіи снарядовъ, имѣющихъ единственнымъ назначеніемъ распространить удушающіе и вредоносные газы; декларацiи о неупотребленіи пуль, легко разворачивающихся или сплющивающихся въ человѣческомъ тѣлѣ, къ каковымъ относятся оболочечныя пули, коихъ твердая оболочка не покрываетъ всего сердечника или имѣетъ надрѣзы; Женевской конвенціи 23 іюня (6 іюля) 1906 г. объ улучшеніи во время сухопутной войны участи раненыхъ и больныхъ воиновъ; договоровъ, подписанныхъ на второй конференціи мира въ Гаагѣ 5 (18) октября 1907 г., а именно: конвенціи о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны; конвенціи о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ и лицъ въ случаѣ сухопутной войны; конвенціи о положеніи непріятельскихъ торговыхъ судовъ при началѣ военныхъ дѣйствій; конвенціи объ обращеніи торговыхъ судовъ въ военныя суда; конвенціи о бомбардированіи морскими силами во время войны; конвенціи о примѣненіи въ морской войнѣ началъ Женевской конвенціи и конвенціи о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ въ случаѣ морской войны“.

Хасибэ.

Разсказъ **Бориса Лазаревскаго**.

(Окончаніе).

V.

Когда я проснулся, солнце уже давно встало, и моихъ сожителей по каютѣ не было. На палубѣ раздавались оживленные человѣческіе голоса. Послышался чей-то крикъ и сразу оборвался.

„Вѣроятно, снова удалось зацѣпить канатъ за второй якорь, а можетъ-быть, мы уже и сдвинулись“,—подумалъ я и быстро началъ одѣваться.

Снова донесся какой-то гулъ, въ родѣ солдатскаго „ура“.

Не умываясь, безъ фуражки, я побѣжалъ наверхъ и увидѣлъ, что нашъ всегда владѣющій собою капитанъ стоитъ посреди третьеклассныхъ пассажировъ. Это уже не были неподвижные, похожіе на каменныя изваянія, люди. У всѣхъ глаза горѣли, руки жестикулировали. Тѣснымъ кольцомъ они окружили капитана, и всѣ сразу говорили. Нѣсколько болгаръ сзади вдругъ повалились на колѣни. Одинъ изъ нихъ поцѣловалъ доски палубы.

Албанцы въ гордыхъ и живописныхъ позахъ стояли, опершись спинами о бортъ.

Капитанъ покраснѣлъ, пощипалъ себя за усъ, вынулъ сигару, закурилъ ее, потомъ поднялъ руку и сдѣлалъ знакъ замолчать, обернулся къ стоявшему возлѣ матросу и коротко отдалъ какое-то приказаніе. Матросъ ткнулъ въ грудь пяти самымъ здоровымъ туркамъ и сказалъ по-итальянски:

— Avanti!

Они поняли, и толпа вдругъ успокоилась. Пять турокъ пошли за матросомъ и скоро вернулись. У каждаго изъ нихъ за спиною было по огромному мѣшку съ мукой.

Я только теперь замѣтилъ, что на спардэкѣ стоитъ, глядитъ на меня и улыбается Хасибэ. Затѣмъ мы вмѣстѣ съ нею наблюдали какъ турки здѣсь же, на палубѣ, выскребли чисто-начисто доски, закатали рукава и принялись мѣсить тѣсто.

Получившіе свою, не меньшую, долю болгары ходили и о чемъ-то просили всѣхъ, кто получше одѣтъ. Съ двѣнадцати часовъ камбузъ *) былъ предоставленъ хлѣбопекамъ. Въ каютъ-компаніи я подѣлился съ Хасибэ своимъ завтракомъ. Она вздумала отказываться, но мать почти приказала ей съѣсть макаронъ и выпить кофе, а сама не дотронулась ни до чего, какъ я ни упрашивалъ, и точно еще похудѣла за эту ночь.

Послѣ завтрака мы съ Хасибэ опять долго бесѣдовали. Она разспрашивала, правда ли, что въ Россіи до сихъ поръ увѣрены, будто среди турчанокъ нѣтъ интеллигентныхъ женщинъ, что онѣ ходятъ въ шароварахъ и закрываютъ лицо?

Потомъ прибавила:

— Это только жены и дочери простолюдиновъ до сихъ поръ такъ одѣваются...

Говорили мы сегодня о самыхъ простыхъ вещахъ, но какъ иногда въ письмѣ между строкъ можно прочесть многое, такъ и среди словъ Хасибэ читалъ я безнадежную тоску,—тоску человѣка, который знаетъ, что скоро ему предстоитъ пожизненное заключеніе.

И я не ошибся.

Позже она разсказала, что скоро должна выйти замужъ за какого-то эффенди,—богатаго и немолодого, хотя не любитъ его. Должна, чтобы обезпечить покой матери, и чтобы братъ могъ окончить образованіе.

— Кисмэтъ...—закончила она съ грустной улыбкой.

Я не сталъ ее больше разспрашивать объ этомъ и не сталъ уговаривать не выходить замужъ за эффенди, а только спросилъ:

— Ну, а чего бы вы хотѣли теперь, сейчасъ?

Она вдругъ разсмѣялась, покраснѣла и какъ-то по-дѣтски отвѣтила:

— Теперь бы я хотѣла, чтобы нашъ пароходъ просидѣлъ на мели какъ можно дольше. У людей столько хлѣба, сколько не будетъ на берегу. Да...

Я отвѣтилъ, что желалъ бы того же.

Въ это время со стороны носовой части парохода послышались крики, затѣмъ бѣготня и шумъ. Оставивъ Хасибэ, я бросился туда и увидѣлъ окровавленное лицо одного изъ грековъ; онъ прижималъ къ груди нѣсколько свѣжихъ пшеничныхъ лепешекъ. Задыхаясь, съ обнаженною грудью, передъ нимъ стоялъ турокъ и хрипѣлъ какія-то полныя негодованія слова. Вокругъ уже сгрудилась толпа. Оказалось, что грекъ спряталъ свою долю муки и укралъ у турокъ три лепешки.

Болгары тоже не умѣли или не хотѣли печь хлѣба и были не прочь воспользоваться чужимъ добромъ.

Капитанъ, наблюдавшій эту сцену съ мостика, приказалъ разъединить турокъ и болгаръ, а всѣхъ грековъ перевести въ отдѣльный носовой трюмъ.

Албанцы молча улыбались.

Какъ разъ въ это время кто-то закричалъ сверху радостно и неистово:

— Vapore! Vapore!

Я бѣгомъ вернулся на спардэкъ и прильнулъ къ стекламъ бинокля.

Справа изъ-за лиловаго холма ясно былъ виденъ синій дымъ. Пришлось довольно долго ждать, пока пароходъ неизвѣстной національности обогнулъ мысъ и началъ приближаться. На „Porto di Smirne“ подняли сигнальные флаги. Чужой пароходъ показалъ греческій флагъ и замедлилъ ходъ, но не остановился до тѣхъ поръ, пока нашъ капитанъ не подалъ нѣсколькихъ тревожныхъ гудковъ.

Команда и пассажиры, особенно греки, ликовали. Одни турки оставались равнодушными. На ихъ лицахъ было написано: „Что же тутъ необыкновеннаго, такъ и должно было случиться“.

Не радовались и мы съ Хасибэ. Зато ея мать сразу ожила и не отрывалась отъ бинокля.

Старшій помощникъ капитана отправился въ шлюпкѣ на бросившій якорь въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ насъ пароходъ. Капитанъ, видимо, волнуясь, ходилъ взадъ и впередъ по мостику. Ожидать пришлось долго, не менѣе часа.

Наконецъ стало видно, какъ отваливаетъ отъ борта греческаго парохода шлюпка. Кромѣ нашего помощника и гребцовъ, въ ней сидѣлъ еще кто-то. Черезъ десять минутъ уже можно было различить крохотную физіономію съ длинными тараканьими, но только черными усами.

Этотъ человѣкъ быстро взбѣжалъ по трапу и, встрѣченный нашимъ капитаномъ, ушелъ вмѣстѣ съ нимъ въ рубку.

Совѣщались долго.

Черезъ механика я узналъ, что грекъ запросилъ за снятіе съ мели сто двадцать пять тысячъ лиръ. Чуть не со слезами нашъ капитанъ долженъ былъ согласиться.

Хасибэ презрительно поджала губки и съ непонятной увѣренностью пробормотала:

— Они не получатъ этихъ денегъ!

— Почему?

— А такъ, не получатъ!—повторила она и блеснула глазами.

Но уже было отдано распоряженіе вытащить якорь съ уцѣлѣвшимъ концомъ, послѣ чего капитанъ долженъ былъ подписать договоръ, а греческій пароходъ приблизиться къ намъ кормой и приступить къ дѣлу. Чтобы не порвать каната, механикъ приказалъ поворачивать лебедку—adagio...

Поршень медленно заработалъ, конецъ натянулся. Черезъ пять-шесть оборотовъ я замѣтилъ, что не брошенный якорь идетъ къ намъ, а какъ будто мы къ нему. Съ верхней палубы нашего „Porto di Smirne“ раздалось громкое „ура“. Уже не было никакого сомнѣнія, что мы сдвинулись своими силами. Ночью небольшой вѣтеръ качалъ „Porto di Smirne“, и главная точка опоры измѣнилась, о чемъ никто не подозрѣвалъ.

— Ну, видите, я говорила, что они не получатъ этихъ денегъ,—спокойно произнесла Хасибэ и повела въ каюту обрадовавшуюся до полусмерти мать.

Я побѣжалъ наверхъ поздравлять капитана и былъ свидѣтелемъ, какъ взбѣшенный, сначала покраснѣвшій, а затѣмъ поси-

*) Кухня.

нѣвшій грекъ спускался по трапу въ шлюпку. Онъ уѣхалъ, что называется, съ носомъ, провожаемый улыбками и многозначительнымъ покашливаніемъ итальянцевъ.

VI.

Черезъ часъ нашъ винтъ уже спокойно обращалъ синія волны въ бѣлую, чуть зеленоватую, пѣну. Горѣла вверху первая звѣзда, точно хризолитъ, и потемнѣли Балканы.

Необыкновенная дѣвушка снова была возлѣ меня. Полушутя, она говорила:

— Знаете, съ мамой почти истерика сдѣлалась, она мнѣ призналась, что все время не сомнѣвалась въ неминуемой гибели нашего парохода. А я знала навѣрное, что ничего худого не произойдетъ.

— Но какъ же вы могли это знать?

— Такъ, знала, и больше ничего.

Въ эту минуту и я не сомнѣвался, что Хасибэ дѣйствительно знаетъ многое сердцемъ, знаетъ то, до чего мы, европейцы, додумаемся еще не скоро. И вспомнились мнѣ ея слова о томъ, что наступитъ время, когда не войной будутъ народы добывать свое счастье.

— Послушайте,—сказалъ я:—не сочтите мою просьбу банальной, но мнѣ... Послушайте, я дамъ вамъ адресъ, а вы мнѣ пришлите свою фотографію, я буду ее хранить, какъ...

— Этого нельзя,—перебила меня Хасибэ.

— Почему?

— Изображеніе мусульманской женщины можетъ быть только или у ея отца, или у мужа, и сниматься она можетъ только въ особой фотографіи, а негативъ сейчасъ же отбирается... У насъ такъ... Законъ такой...

— Странный законъ.

— Нѣтъ, не странный. Если идешь жить для одного, такъ ужъ для одного.

Я не сталъ возражать, а если бы и возразилъ, то неискренно. Я не подозрѣвалъ, что на земномъ шарѣ еще гдѣ-нибудь остались такіе взгляды. Эти взгляды были мнѣ по душѣ, вѣроятно, потому, что кто-нибудь изъ предковъ моихъ былъ такимъ же азіатомъ, какъ и отецъ Хасибэ.

Она почувствовала мои мысли и, какъ бы желая утѣшить, произнесла:

— Если вы будете меня помнить, такъ будете и видѣть... А пока—спокойной ночи, нужно итти къ мамѣ.

Я молча пожалъ горячую ручку. Въ эту ночь я совсѣмъ не ложился спать и просидѣлъ съ сигарой въ зубахъ на палубѣ, пока мы не пришли въ греческій городъ Каваллу. Здѣсь смотрѣть было нечего: Кавалла очень похожа на нашу Балаклаву, увеличенную въ пять разъ.

На берегъ съѣхали почти всѣ греки, отправился съ ними и нашъ буфетчикъ; черезъ часъ онъ возвратился въ шлюпкѣ, нагруженной хлѣбомъ, рыбой, мясомъ и чудеснымъ виноградомъ.

Въ девять часовъ утра „Porto di Smirne“ опять снялся съ якоря, чтобы итти въ Салоники, гдѣ мы должны были разстаться навсегда съ милой, необыкновенной Хасибэ.

Изъ моей головы не выходила ея фраза:

— Если вы меня будете помнить, такъ будете и видѣть...

„Какъ же такъ? Какъ же это нужно понимать?“—спрашивалъ я самого себя и не умѣлъ ничего отвѣтить, но зналъ, что это не пустыя слова. Какой-то арабской, мало понятной намъ, мудростью вѣяло отъ нихъ.

И когда Хасибэ вышла и поздоровалась со мною, я не попросилъ ее объяснить подробнѣе эту фразу.

Блѣдная и невеселая была Хасибэ въ этотъ день, но зато до самыхъ Салоникъ не отходила отъ меня.

Я приказалъ Джузеппе подать имъ завтракъ и обѣдъ. Хасибэ не отказывалась, но ѣла очень мало, а ея мать и совсѣмъ ни къ чему не прикоснулась, только взяла кисточку винограда.

Когда впереди уже бѣлѣли дома и минареты Салоникъ, Хасибэ ушла въ каюту, затѣмъ вернулась съ небольшимъ сверткомъ въ рукахъ. На палубѣ, когда мы остались одни, она спросила:

— У васъ есть дочери?

— Есть,—отвѣтилъ я.

— Такъ вотъ, передайте имъ на-память. Это—единственное, чѣмъ я могу выразить вамъ свою благодарность за вниманіе ко мнѣ и мамѣ,—и она протянула мнѣ свертокъ.

— Спасибо. Хорошо, передамъ.

Я развернулъ бумагу и увидѣлъ нѣчто въ родѣ дамскаго отложного воротничка изъ тончайшаго кружева, сплетеннаго руками: это была удивительная ажурная, чисто артистическая работа, которой можно любоваться, но надѣть на себя жаль.

И я не исполнилъ своего слова. Это художественное кружево до сихъ поръ хранится у меня, и я его никогда и никому не отдамъ.

Въ Салоникахъ мы распрощались просто и коротко. Хасибэ и ея мать сошли съ парохода раньше меня. Я съѣхалъ на берегъ только черезъ часъ. Сумерки уже сгустились. Я взялъ извозчика и поѣхалъ въ мечеть Айя-Софія.

Великолѣпный храмъ былъ уже наполовину православнымъ. Грекамъ удалось снять краску, покрывавшую мозаику, и передъ чудеснымъ образомъ Христа уже горѣли безчисленныя лампады.

Вмѣсто иконостаса алтарь былъ отдѣленъ еще шелковой красной занавѣсью. Темный, глубокій куполъ казался необъятнымъ и напоминалъ о вѣчности, одинаковой для всѣхъ людей.

Хотѣлось молиться.

VII.

Переходъ отъ Мессины до Палермо былъ тяжкій. Все время мотало. Воздухъ былъ раскаленный, настоящій африканскій. Дулъ сирокко. Вся вершина Этны покрылась облаками. Наступала гроза. Волны прыгали, какъ будто подъ каждой изъ нихъ взрывалась небольшая мина.

Меня не укачивало, но все время давила особенная предсердечная тоска.

Мы вышли изъ порта въ восьмомъ часу. Внизу по всей линіи берега свѣтились яркія линіи электрическихъ огней. Зато въ небѣ было совсѣмъ темно, иногда прорѣзывала его молнія, и страшный грохотъ, отражаясь отъ горъ, катился далеко въ темноту, и дѣлалось всему организму больно отъ этихъ басовыхъ, ни съ чѣмъ несравнимыхъ, звуковъ.

Разболѣлась голова.

Около полуночи я ушелъ въ свою, теперь пустую, каюту и легъ на койку, не раздѣваясь. Такъ, не раздѣваясь, и заснулъ.

Въ четыре часа ночи я открылъ глаза и почувствовалъ, что качаетъ уже меньше и ровнѣе. Захотѣлось покурить. Я долго искалъ спичекъ и не нашелъ. Рѣшилъ пойти на палубу и попросить ихъ у вахтеннаго матроса.

Поднявъ воротникъ тужурки, я прошелъ черезъ кормовую часть палубы и по трапу поднялся на спардэкъ.

Возлѣ рубки при слабомъ освѣщеніи фонаря я увидѣлъ темную женскую фигуру...

Хасибэ стояла, прислонившись къ стѣнѣ, чуть опустивъ голову.

„Какимъ же образомъ она здѣсь?“—подумалъ я, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и остановился. Затѣмъ громко спросилъ:

— Хасибэ, это вы?

Женская фигура утвердительно и медленно еще ниже опустила голову.

Я обрадовался до слезъ и бросился къ ней, мигнулъ глазами, чтобы увидѣть ее яснѣе, и увидѣлъ, что надо мною потолокъ каюты, что въ рукахъ у меня папироса, и услышалъ черезъ стѣнку мѣрный храпъ Джузеппе.

Старался понять, какъ все это произошло,—и не могъ. Ясно было одно: она не солгала, когда говорила:

— Если вы будете меня помнить, такъ будете и видѣть...

Буря.

Разсказъ **А. Грузинскаго.**

(Окончаніе).

VII.

Холодныя волны рѣки съ мутными гребнями каждую секунду подкатываются къ берегу, высоко взбѣгаютъ вверхъ и лижутъ пожелтѣвшую траву и прибрежные камни. Гдѣ дорогу имъ загораживаетъ старое дупло или большой, обросшій мхомъ, камень, онѣ отскакиваютъ назадъ, разсыпаются тысячами брызгъ въ воздухѣ, и только небольшія, обезсиленныя струйки встрѣчаются дальше камня и, лѣниво шепчась, пробѣгаютъ какой-нибудь аршинъ, чтобы вернуться обратно.

Дождь идетъ цѣлый вечеръ, и, кажется, ему не будетъ конца; большіе и маленькіе ручьи сбѣгаютъ съ обрывистаго берега, путаются между обнаженными корнями деревьевъ, между низенькой желтой травой и летятъ водопадами прямо въ рѣку.

Глухо шумятъ деревья; въ ихъ шумѣ слышна жалоба на судьбу, печаль по быстро пролетѣвшему лѣту съ синимъ небомъ, солнечнымъ зноемъ и пѣніемъ соловьевъ въ прибрежныхъ рощахъ. Деревья вспоминаютъ, какъ сладко было тихимъ шелестомъ листвы отъ предразсвѣтнаго вѣтра встрѣчать восходъ солнца, блѣдно-розовыя, постепенно красиѣвшія, облака; какъ хорошо было въ полдень стоять въ нѣмой истомѣ подъ жаркими лучами и дремать въ тихіе вечера и короткія ночи. Теперь кончились хорошія времена; непогода треплетъ ихъ полунагія вѣтви, тучи поливаютъ ихъ потоками холоднаго дождя. И завтра и послѣзавтра будетъ то же,—до тѣхъ поръ, пока не придетъ зима съ морозомъ, не засыплетъ лѣсъ снѣгомъ и не скуетъ деревьевъ тяжелымъ сномъ.

На берегу стоитъ шалашъ перевозчика; шалашъ сплетенъ подъ большими деревьями, густо засыпанъ опавшими листьями и обмазанъ глиной; близъ шалаша въ берегъ рѣки вбитъ колъ, и къ нему желѣзной цѣпью прикрѣплена большая лодка, которая пляшетъ по рѣкѣ какой-то бѣшеный танецъ, хотя дождь наполнилъ ее водой почти наполовину; рѣка посылаетъ къ ней волну за волной, и часто грязныя брызги окачиваютъ лодку отъ узкаго носа до широкой кормы.

Перевозчикъ Кузьма Артамоновъ дремлетъ въ шалашѣ: шумъ непогоды, лай собакъ и бой часовъ въ церкви села онъ слышитъ, какъ сквозь сонъ; пригрѣвшись подъ теплымъ тулупомъ съ свѣжими заплатами на старой овчинѣ, онъ думаетъ, что скоро перевозу—аминь, что скоро нужно будетъ итти къ давыдовскому барину Ильѣ Тимоѳеевичу въ сторожа—сторожить хуторъ, такъ какъ Илья Тимоѳеевичъ зиму проводитъ въ городѣ и на время своего отсутствія беретъ лишнихъ сторожей. Кузьма Артамоновъ думаетъ и о томъ, что прежде, чѣмъ закабалиться въ сторожа, онъ пойдетъ въ городъ, а путь туда не близокъ для его старыхъ ногъ. Въ городѣ Кузьма Артамоновъ повидаетъ внучковъ; черноглазая Маша живетъ въ ученьѣ у мадамъ, а внучекъ Васютка—у сапожника Шигалева, у котораго на Прудовой улицѣ есть собственный ветхій домишко, съ прибитымъ къ калиткѣ жестянымъ сапогомъ, густо выкрашеннымъ въ черную краску. Старикъ похоронилъ всѣхъ близкихъ—Богъ не послалъ имъ долгаго вѣку, и если бы не внучекъ и внучка, у него совсѣмъ бы не было родни. А бойкій Васютка и черноглазая Маша ждутъ не дождутся дѣда,—они не видали его съ самой весны. Дѣдъ купитъ имъ въ городѣ по фунту пряниковъ, сводитъ на карусели и, уходя, дастъ по полтинѣ денегъ. А разговору у нихъ будетъ столько—хоть отбавляй.

Понемногу дрема перевозчика переходитъ въ сонъ; онъ не знаетъ, долго ли спитъ подъ шумъ дождя, но, когда просыпается, до его слуха долетаютъ совсѣмъ новые звуки: чьи-то тяжелые шаги быстро приближаются отъ села къ берегу; человѣкъ бѣжитъ, тяжело дыша, шлепая по водѣ и разбрызгивая грязь во всѣ стороны.

Старикъ приподнимается на локтѣ и слушаетъ.

Долго ничего не слышно въ ночной тьмѣ, кромѣ шаговъ; затѣмъ дождь, непогоду и тьму прорѣзаетъ крикъ:

— Эй, кто тамъ!

И такъ какъ перевозчикъ молчитъ, и кругомъ все тихо, неизвѣстный голосъ спрашиваетъ еще громче:

— Кто тамъ въ шалашѣ? Есть перевозчикъ?

Старикъ поднимается и высовываетъ изъ шалаша голову.

— Что надо, добрый человѣкъ?—спрашиваетъ онъ.

— Ты перевозчикъ?

— Я.

— Перевези меня на ту сторону.

Кузьма Артамоновъ качаетъ головой.

Непогода набирается новыхъ силъ, шалашъ дрожитъ, и даже высокія деревья вздрагиваютъ, какъ вздрагиваютъ подсѣченные топоромъ стволы передъ тѣмъ, какъ упасть. Кто въ такую пору

С. Бакаловичъ. Послѣдніе лучи. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

С. Ледневъ-Щукинъ. У монастырской ограды.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

поѣдетъ черезъ рѣку? Развѣ такой человѣкъ, у котораго помутился разумъ.

— Ну, что жъ?—нетерпѣливо спрашиваетъ изъ тьмы тотъ же голосъ.

Кузьма Артамоновъ пристально оглядываетъ неизвѣстнаго человѣка; насколько ночь позволяетъ его разсмотрѣть—это высокій юноша въ короткомъ пальто и длинныхъ охотничьихъ сапогахъ, измазанныхъ глиной и грязью. Голосъ у него хриплый отъ простуды или гнѣва, и глаза блестятъ, какъ уголья, когда онъ смотритъ на смущеннаго старика.

— Долго ли ты поворачиваться будешь? — топаетъ онъ ногой по липкой грязи.

Перевозчикъ вздыхаетъ.

— Развѣ можно въ такую погоду, батюшка, черезъ рѣку переѣзжать?—говоритъ онъ.

— Почему же нельзя?

— Съ лодкой не справиться, лодку завертитъ. Рѣка у насъ бурливая, нравная рѣка, а вѣтеръ-то вонъ какъ гудетъ... на рѣкѣ—стонъ стономъ.

— Испугался? Вѣтра испугался? Какой же ты перевозчикъ?

— Всякому, батюшка, жизнь дорога. Я—человѣкъ старый, не хочу безъ покаянія помереть.

Юноша стряхиваетъ съ шапки дождевые потоки — вода начинаетъ течь ему на плечи—думаетъ и молчитъ минуту.

— Какъ же быть?—спрашиваетъ онъ.

— Подождите до утра, батюшка. Можетъ, буря угомонится.

— До утра? — раздраженно говоритъ неизвѣстный. — До утра, когда мнѣ нужно сейчасъ! Можетъ, дня два посидѣть на перевозѣ? Баба, ворона старая, трусъ!

Кузьма Артамоновъ молчитъ.

— Какъ тамъ тебя?! Можетъ, кто на селѣ перевезти возьмется?

Перевозчикъ машетъ рукой:

— Кому взяться? Кому жизнь-то не надоѣла? Никто не возьмется, батюшка. Могу васъ завѣрить, не возьмется никто.

— Ахъ, чортъ побери!

Юноша садится на пень и хватается за голову.

Дождь поливаетъ его, и вѣтеръ налетаетъ каждую минуту съ новою силой, точно старается сбить его съ пня, но онъ не замѣчаетъ ни дождя ни вѣтра.

— Рѣка...—бормочетъ онъ.—Рѣка, какъ рѣка... Выдумали тоже.

Перевозчикъ думаетъ, что выгнало этого человѣка въ непогоду и дождь на рѣку, почему загорѣлось ее переѣзжать въ эту бурю, но ничего не придумываетъ: чужая душа — потемки; мало ли можетъ быть причинъ.

Такъ сидятъ они молча, какъ двѣ модели для скульптора, если бы онъ вздумалъ лѣпить пылкую молодость, которую тянетъ, несмотря на опасности и препятствія, въ безвѣстную даль, и осторожную старость, которая взвѣшиваетъ каждый свой шагъ и старается не итти туда, гдѣ путь тревоженъ, гдѣ есть опасность, и силенъ вѣтеръ, и бурлива рѣка.

— Подите въ шалашъ, батюшка! — предлагаетъ Кузьма Артамоновъ.

— Убирайся ты къ чорту съ своимъ шалашомъ!

Перевозчикъ вздыхаетъ; тяжело на душѣ, должно-быть, если такъ бѣсится человѣкъ.

— Изъ какихъ будете?—спрашиваетъ онъ робко.

— Молчи!..

Кузьма Артамоновъ смолкаетъ: дождь прыгаетъ по лужамъ и съ шумомъ полощится о мутныя волны рѣки; церковные часы въ селѣ бьютъ двѣнадцать разъ; ихъ бой глухо и боязливо разлетается въ мокромъ воздухѣ и чуть-чуть долетаетъ до рѣки; но его слышатъ и старый перевозчикъ и этотъ пришедшій изъ ночной тьмы человѣкъ.

— Полночь... — бормочетъ онъ.— Поѣздъ уходитъ въ половинѣ второго... Если переѣхать сейчасъ, я еще могу поспѣть къ поѣзду... До станціи только шесть верстъ. И ждать, сидѣть здѣсь, и ждать до утра, когда все будетъ кончено, когда поѣздъ мнѣ будетъ не нуженъ, когда я не смогу ни увидать ни догнать ихъ! О, чортъ!

Онъ думаетъ и останавливается на какой-то мысли.

— Послушай, ты...—говоритъ онъ болѣе спокойно.—Я забылъ сказать: перевези меня на тотъ берегъ, и я отдамъ тебѣ... вотъ все, что тутъ есть.

Онъ подходитъ къ шалашу, зажигаетъ спичку и освѣщаетъ золотые кружки на днѣ кошелька.

— Разъ, два, три, пять... шесть... здѣсь семьдесятъ рублей, старина. Я себѣ только на билетъ оставлю. Мнѣ по желѣзной дорогѣ, быть-можетъ, ѣхать придется, я оставлю себѣ десять рублей... только десять рублей, а ты бери остальные шестьдесятъ. Хочешь? Ну, отвѣчай!

Шестьдесятъ рублей! Такихъ денегъ еще отъ роду не бывало въ рукахъ Кузьмы Артамонова. Чего, чего на эти деньги нельзя сдѣлать, чего нельзя накупить. Шестьдесятъ рублей! Да это цѣлое состояніе, цѣлый капиталъ!

Бѣсъ корысти начинаетъ смущать перевозчика.

„Развѣ попробовать? — думаетъ онъ. — Правда, непогода большая, да Богъ милостивъ и бѣды не попуститъ“.

Теперь у старика ослабѣли руки, и нѣтъ прежней силы въ груди, а въ молодости случалось ему переѣзжать рѣку и не въ такую непогодь. И ничего, Богъ хранилъ.

— Ну, хочешь, что ли?—спрашиваетъ юноша съ тоской, и глаза его вспыхиваютъ надеждой.—Хочешь везти за шестьдесятъ рублей?

Случай ужъ очень необыкновенный, и плата за перевозъ черезчуръ велика: эта плата пугаетъ Кузьму Артамонова, и перевозчикъ впадаетъ въ раздумье; довольно минуты, чтобы мысли старика приняли иной оборотъ.

„Кто его знаетъ, что онъ за человѣкъ? — робѣетъ Кузьма Артамоновъ.—Можетъ, убивецъ... Ишь, глаза горятъ, какъ впотьмахъ у кошки. Наживешь съ нимъ бѣды. Перевезешь, а потомъ и не раздѣлаешься: „зачѣмъ, спросятъ, старый, убивца перевозилъ? Засадить его, стараго, въ острогъ“. На желѣзную дорогу спѣшитъ. Зачѣмъ ему въ такую-то ночь загорѣлось ѣхать? А можетъ, ограбилъ кого... Эхъ, совсѣмъ, было, засмутьянилъ мою душу, смутьянъ! Грабительскія деньги-то не очень идутъ на разживу, съ грабительскихъ денегъ не будетъ пути. Ну, его, оглашеннаго, къ бѣсу!“

— Что жъ, старикъ, повезешь? — угрюмо спрашиваетъ неизвѣстный.

— Нѣтъ, не повезу. Пускай другой кто везетъ, а мнѣ... несподручно, — отвѣчаетъ Кузьма Артамоновъ, и въ голосѣ его слышна злоба—онъ золъ на человѣка, чуть-чуть не соблазнившаго его „проклятыми“ деньгами, ибо кто же будетъ платить за перевозъ „чистыми“ деньгами по шестидесяти рублей?—Нѣтъ, не повезу.

— Почему же?

— Да такъ.

— Вѣдь шестьдесятъ рублей много денегъ, старикъ!

— Богъ съ ними, батюшка. Душа мнѣ дороже шестидесяти рублей. Не смущайте: не повезу.

Неизвѣстный хватается за голову; безполезно говорить старику, что есть любовь, безуміе ревности, есть многое, что дороже души, дороже жизни: старикъ не пойметъ этихъ словъ: старикъ не знаетъ, что есть муки, передъ которыми муки ада—ничто.

— Мнѣ нужно быть на томъ берегу, и никто, кромѣ тебя, не можетъ перевезти меня!—говоритъ онъ съ отчаяніемъ.

— Дойдите до мосту, до мосту пять верстъ, не болѣ.

— До моста пять, да отъ моста пять, да до станціи шесть — шестнадцать верстъ, когда до поѣзда часъ съ четвертью только! Не поспѣю.

— Не поспѣете. Гдѣ поспѣть!—вздыхаетъ Кузьма Артамоновъ.

— Кромѣ тебя—некому. Вези!

— Я ужъ сказалъ, батюшка: не повезу. Не охота мнѣ помирать безъ покаянья.

Послѣдняя надежда рушится, и это переполняетъ чашу.

Высокій человѣкъ вскакиваетъ съ пня, на который онъ опять сѣлъ, и въ бѣшенствѣ топаетъ ногой: во взглядѣ его — безуміе, видъ его страшенъ.

— А, ты не повезешь?!—кричитъ онъ.—Ты не повезешь? Выходи и отвязывай лодку, старый сычъ, не то я вытрясу изъ тебя твою поганую душу!

У Кузьмы Артамонова душа уходитъ въ пятки; что-то говоритъ ему, что теперь ни отказываться ни спорить уже нельзя. Какъ побитый песъ, онъ выползаетъ изъ шалаша, кряхтя, натягиваетъ на плечи полушубокъ и идетъ къ лодкѣ.

— Поворачивайся!—говоритъ Басаргинъ у него надъ ухомъ.— Вода въ лодкѣ. Вычерпывай! Ну, скорѣе!

Старыя руки дрожатъ; Басаргину кажется, что Кузьма Артамоновъ работаетъ черезчуръ медленно, онъ хватаетъ ведро изъ его рукъ, и вода цѣлыми каскадами вылетаетъ за бортъ.

— Готово!—говоритъ онъ черезъ минуту, бросая ведро на дно лодки.—Ползи!

Кузьма Артамоновъ влѣзаетъ въ лодку, юноша прыгаетъ въ нее, и скоро старая лодка летитъ по волнамъ, какъ одряхлѣвшая птица, которую треплятъ и вѣтеръ и волны, и которая не въ силахъ плыть черезъ рѣку наперерѣзъ.

— Господи Іисусе Христе! — бормочетъ старикъ, дрожа отъ холода и страха.—Мать Пресвятая Богородица!

Видя, что лодка пляшетъ среди волнъ, юноша беретъ рулевую лопату и начинаетъ работать такъ сильно, что кажется, что они бѣгутъ впередъ больше отъ рулевой лопаты, чѣмъ отъ веселъ Кузьмы Артамонова. И перевозчикъ думаетъ, что безъ помощи безумнаго человѣка ему, несмотря на его опытность, ни за что бы не доѣхать до другого берега рѣки.

Богъ знаетъ, сколько времени скрипитъ старая лодка среди мутныхъ волнъ, холодныхъ брызгъ и грязной пѣны; юношѣ кажется, что безконечно долго, Кузьма же Артамоновъ знаетъ, что они плывутъ не больше десяти минутъ; противоположный берегъ уже вырѣзывается изъ темноты, и надежда на спасеніе забирается въ старческое сердце; Басаргинъ зорко вглядывается въ тьму.

— Эге,—берегъ.—говоритъ онъ, на мгновеніе бросая работу.

Высокая, похожая на гору, волна пользуется этимъ и подхватываетъ лодку: Кузьма Артамоновъ не можетъ справиться съ ней: волна выбиваетъ весла изъ обезсилѣвшихъ, старыхъ рукъ: перевозчикъ думаетъ, что пришелъ его конецъ, и вскрикиваетъ жалобно, какъ подстрѣленный заяцъ.

Приходитъ въ себя онъ на берегу, возлѣ выброшенной на песокъ лодки и юноши, который тащитъ ее по песку, дальше отъ набѣгающихъ волнъ.

— Ну, вотъ, и переѣхали, а ты, старикъ, говорилъ, что переѣхать нельзя!—кричитъ высокій человѣкъ, отряхивая руки отъ воды и песку.

Онъ достаетъ кошелекъ съ деньгами и бросаетъ его Кузьмѣ Артамонову.

Ѳ. Бухгольцъ. Мать.
XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

— Получай,—говоритъ онъ:—и не поминай лихомъ. Только и всего, что придется тебѣ пережидать погоду не на томъ, а на этомъ берегу.

Черезъ минуту отъ него остается неясный силуэтъ, который все болѣе и болѣе сливается съ тьмой ночи, да кошелекъ, который медленно ощупываетъ старый перевозчикъ.

Пылкая молодость уходитъ черезъ бурю и тьму въ безвѣстную даль, куда зовутъ ее горячая кровь, гнѣвъ, безуміе страсти: осторожная старость глядитъ въ хмурое небо, темную воду и шепчетъ въ ужасѣ:

— Господи, грѣхъ-то какой! Чуть-чуть было не потопъ безъ покаянья. —

Старости ничего не говорятъ ни безуміе страсти ни горячая кровь...

VIII.

Проходитъ два съ половиною года.

Однажды, читая газету за утреннимъ чаемъ, Басаргинъ натыкается на телеграмму изъ Кисловодска: прекрасная мельничиха убита, — убита гнусно, изъ-за угла, какимъ-то помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, ея возлюбленнымъ, всадившимъ въ ея прекрасное тѣло пять револьверныхъ пуль.

Басаргинъ тихо откладываетъ газету.

И передъ нимъ проходитъ буря, налетѣвшая на него и смявшая его два съ половиною года назадъ. Басаргинъ вспоминаетъ поцѣлуи прекрасной мельничихи и ту дьявольскую ночь, когда, добѣжавъ до станціи, онъ узналъ, что поѣздъ ушелъ уже полчаса назадъ, что она уѣхала съ этимъ поѣздомъ,—ночь, когда въ отчаяніи, въ мукахъ ревности онъ стрѣлялъ въ себя и на себя истратилъ тѣ пули, которыя Исайка и старый мельникъ предназначали не ему: Басаргинъ вспоминаетъ, что очнулся онъ недѣли черезъ двѣ послѣ дьявольской ночи въ „Дубкахъ“, гдѣ Тиночкой все было прощено и забыто.

Да, налетѣвшая буря только смяла его; та же, что налетѣла на прекрасную мельничиху, раздавила, стерла ее въ прахъ.

Тиночка спрашиваетъ его: — О чемъ задумался? — но онъ отвѣчаетъ: — Такъ, ни о чемъ, — и прячетъ отъ жены газету.

А. Гирвъ. Заяцъ. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Война въ пятой стихіи.

Очеркъ **Н. Инсарова**.

(Окончаніе).

III.

Когда во Франціи производились маневры съ участіемъ летчиковъ, генералъ Бональ по окончаніи этихъ маневровъ сказалъ: „C'est un regard infaillible, jeté dans l'armée ennemie" („Это безошибочный взглядъ, направленный въ непріятельскую армію"). А русскій генералъ, тоже присутствовавшій на французскихъ маневрахъ и слѣдившій за тѣмъ, какую помощь оказывали летчики командирамъ частей, сказалъ: „Съ летчиками слѣпой командующій становится зрячимъ".

И въ самомъ дѣлѣ, невозможность знать мѣсто нахожденія и силы непріятеля парализуютъ соображенія и дѣйствія даже геніальныхъ полководцевъ. Одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ летчиковъ, Н. Поповъ, приводитъ интересный случай изъ боевой дѣятельности Наполеона. Мы знаемъ, что Наполеонъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе подъ Ватерлоо, но, имѣй онъ въ своемъ распоряженіи хотя бы одинъ аэропланъ и хотя бы одного летчика, результаты этого знаменитаго боя были бы, вѣроятно, другими. Во время боя подъ Ватерлоо Наполеонъ увидѣлъ облако пыли на горизонтѣ. Очевидно, оттуда шли войска, но это могъ быть и прусскій генералъ Блюхеръ и генералъ Наполеона Груши. Въ первомъ случаѣ надо было принять мѣры обороны, во второмъ же можно было разсчитывать на серьезную помощь. Если бы кто-нибудь могъ разрѣшить Наполеону этотъ вопросъ, то великій полководецъ могъ бы принять соотвѣтствующія мѣры и извѣстнымъ образомъ направить бой. Но онъ былъ слѣпъ и долженъ былъ рѣшить вопросъ при помощи догадки. Наполеонъ рѣшилъ, что къ нему на помощь идетъ Груши, но это былъ не Груши, а врагъ, и Наполеонъ проигралъ сраженіе.

Конечно, и сейчасъ производятся развѣдки при помощи кавалеріи, но, какъ показалъ опытъ войны, эти развѣдки крайне несовершенны, а иногда прямо-таки вводятъ въ заблужденіе военачальниковъ. Говорятъ, что Ляоянскій бой былъ бы блестяще выигранъ нами, если бы генералъ Куропаткинъ не былъ введенъ въ заблужденіе донесеніями командировъ корпусовъ и дивизій, которые сами добросовѣстно заблуждались и не могли составить себѣ яснаго представленія о дѣйствительномъ положеніи вещей. Несомнѣнно, летчики должны были бы ясно видѣть ходъ боя, блестяще отбитыя нами атаки японцевъ, ихъ большія потери, разстроенную обходящую колонну генерала Куроки, и бой остался бы за нами. Боя подъ Шахэ мы тоже не проиграли бы, потому что летчики, облетѣвъ передъ боемъ фронтъ, донесли бы Куропаткину, что на лѣвомъ флангѣ имѣются неприступныя и защищенныя сопки, а на правомъ—отличная для обходнаго движенія нашихъ войскъ долина. Мы же не имѣли тогда мало-мальски удовлетворительныхъ картъ мѣстности и начали наступленіе и обходное движеніе какъ разъ именно на лѣвомъ флангѣ. Бой подъ Мукденомъ тоже могъ бы быть не такимъ, какимъ онъ оказался вслѣдствіе нашей полной неосвѣдомленности о расположеніи силъ непріятеля. „Этотъ бой, — говоритъ Н. Поповъ:— былъ настоящая каша, толчея, смятеніе всего. Японцы показывались всюду, гдѣ ихъ не ждали, съ боковъ и съ тыла. Военные знаютъ, что, когда враги нежданно-негаданно появляются какъ разъ тамъ, гдѣ ихъ не ждутъ, гдѣ къ ихъ приходу не готовы, то происходитъ не бой, а побоище, какимъ и былъ для нашихъ войскъ злосчастный бой подъ Мукденомъ".

Японцы при помощи шпіоновъ были несравненно болѣе освѣдомлены обо всемъ, чѣмъ мы, по самой натурѣ своей мало способные къ шпіонству. Развѣдки нашихъ кавалеристовъ были малоуспѣшны, и это, быть-можетъ, и послужило одной изъ главныхъ причинъ нашего пораженія въ послѣднюю войну. Теперь, надо полагать, претящее нравственному чувству шпіонство замѣнится развѣдками летчиковъ, глаза которыхъ и днемъ и ночью будутъ слѣдить за каждымъ движеніемъ врага, и при ихъ помощи главнокомандующій и его штабъ будутъ освѣдомляемы обо всемъ несравненно быстрѣе и точнѣе, чѣмъ посредствомъ шпіоновъ. Ночныя развѣдки и кавалеріи и даже шпіоновъ, понятно, не могутъ быть сравниваемы съ идеальными развѣдками аэроплановъ, снабженными электрическими прожекторами, ярко освѣщающими мѣстность на огромномъ пространствѣ.

Еще не такъ давно, какихъ-нибудь 20 лѣтъ тому назадъ, никому и въ голову не приходило, что военный флотъ можетъ занять въ дѣлѣ войны первенствующее положеніе. Теперь мы видимъ, что траты европейскихъ державъ на увеличеніе своихъ флотовъ колоссальны, и что военныя суда начинаютъ играть въ ходѣ войны незамѣнимую, выдающуюся, а иногда и рѣшающую роль. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ мы и вмѣстѣ съ нами Франція ждали рѣшенія англійскаго парламента относительно участія Англіи въ начавшейся войнѣ. Когда намъ стало извѣстно, что Англія, вѣрная союзу съ Франціей, объявила войну Германіи, то всѣ свободно вздохнули, и для всѣхъ стало ясно, что вѣсы войны склонились въ сторону тройственнаго соглашенія. Ни для кого не секретъ, что Англія не имѣетъ значительной сухопутной арміи, и все, что она можетъ дать своимъ европейскимъ союзникамъ,—это десантный отрядъ въ 150.000—200.000 человѣкъ. Но у Англіи есть сильный, многочисленный флотъ, и это является огромнымъ преимуществомъ въ рукахъ тройственнаго соглашенія.

Но и флотъ въ наше время уже вооружился летчиками и спеціальными воздушными аппаратами. И здѣсь услуги аэронавтовъ будутъ, надо полагать, громадны.

Въ февралѣ 1912 года командиръ французской эскадры Средиземнаго моря адмиралъ Буэ-де-Лапейреръ внимательно слѣдилъ за эволюціями летчиковъ около Каннъ и любовался, какъ Поланъ и Робинсонъ вились надъ эскадрой, слетали съ берега, садились на волны моря, снова взлетали съ гребней волнъ, снова подымались ввысь, возвращались на берегъ и по пути кидали на палубы броненосцевъ и къ ногамъ адмирала бомбы, заключавшія въ себѣ... привѣтствія и любезныя приглашенія на завтракъ. Врядъ ли послѣ этого адмиралъ могъ бы скептически отнестись къ значенію своихъ морскихъ воздушныхъ аппаратовъ и летчиковъ. Адмиралъ Лапейреръ тутъ же, обращаясь къ окружающимъ, сказалъ: „Да, я теперь совершенно убѣжденъ, что воздушный аппаратъ, это—крейсеръ близкаго будущаго, способный плавать и надъ моремъ и надъ сушей. Съ увѣренностью могу сказать, что очень скоро эти воздушные корабли станутъ страшной силой".

Надо полагать, что мнѣніе адмирала возымѣло свое дѣйствіе, потому что съ 1912 года французское правительство обзавелось большимъ количествомъ самолетовъ для своего флота.

Услуги морскихъ самолетовъ (гидроплановъ) несомнѣнны, и флоты европейскихъ державъ стали снаряжать ими всѣ броненосцы. По легкому скату, сдѣланному на носу броненосца, самолеты скользятъ на колесахъ или на полозьяхъ и затѣмъ подымаются въ воздухъ, если нужно, садятся на волны, то тихо, то быстро плывутъ по водѣ, точно морскія птицы, а въ минуты надобности снова взлетаютъ вверхъ. Такимъ образомъ морской самолетъ является соединеніемъ летательнаго аппарата съ моторной лодкой, въ которой сидятъ 5—6 человѣкъ. „Настоящій, понимающій дѣло боевой морякъ, — сказалъ одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ адмираловъ: — не можетъ не цѣнить самолетовъ, удесятеряющихъ силу флота". И это удесятереніе обойдется очень дешево, потому что цѣлая эскадра аэроплановъ стòитъ столько же, сколько одинъ морской крейсеръ. Японскій морякъ, лейтенантъ Канеко, посланный во Францію для изученія вопроса о пригодности морскихъ самолетовъ, внимательно изучилъ предметъ и сдѣлалъ экстренное сообщеніе о своихъ наблюденіяхъ своему начальству. И Японія тотчасъ же заказала 23 морскихъ самолета.

Въ томъ же 1912 году въ маневрахъ англійскаго флота впервые принимали участіе гидро-аэропланы, и спеціалисты-моряки сразу поняли значеніе этого новаго орудія войны. На маневрахъ присутствовалъ и самъ король Георгъ, который вполнѣ согласился съ необходимостью создать спеціальный морской воздушный флотъ, способный работать рука объ руку съ дредноутами. Маневры окончились знаменательными словами морского министра: „Отнынѣ всѣ суда нашего флота и большіе контръ-миноносцы будутъ снабжены морскими самолетами". Слова эти немедленно перешли въ дѣло, и уже въ 1912 году Англія приступила къ постройкѣ 203 морскихъ гидро-аэроплановъ.

Мы уже сказали, что летчикъ и его летательный аппаратъ не только станутъ глазами морской и сухопутной артиллеріи, не только возвратятъ артиллеріи ея мѣткость и всю ея страшную разрушительную силу, но что они станутъ глазами и всей арміи вообще. Русская кавалерія считается превосходной, но сила орудійнаго и оружейнаго огня теперь такъ велика, что думать о кавалерійскихъ атакахъ—это значитъ воскрешать невозвратное и красивое прошлое. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе стремительное, полное жизни, чѣмъ картина удалой атаки нашихъ казаковъ, драгуновъ или гусаръ. Еще недавно по старой памяти мы послали въ японскую кампанію нашу кавалерію, но она оказалась мало пригодной. У японцевъ, какъ извѣстно, было очень мало конницы, да они и не заботились о ней, такъ какъ они раньше насъ поняли, что роль кавалеріи при обстановкѣ настоящей войны сводится только къ развѣдочной службѣ. Но и эту часть программы войны нынѣшняя конница выполнить съ былымъ блескомъ и успѣхомъ не можетъ.

Теперь, при наличности воздушныхъ развѣдчиковъ, конница утрачиваетъ и это свое послѣднее значеніе. Во время послѣднихъ маневровъ во Франціи былъ сдѣланъ опытъ пользованія услугами кавалеристовъ и летчиковъ для доставки приказаній военачальниковъ. Кавалеристы доставляли приказанія на протяженіи 12 верстъ въ 1 часъ, а летчики—въ 5 минутъ.

Такимъ образомъ аэропланъ пріобрѣтаетъ еще и значеніе летающаго коня, при чемъ четвероногому животному никогда не удастся сравниться съ желѣзо-парусиннымъ конемъ.

Въ то время, какъ на одномъ заводѣ, напримѣръ, Круппа спѣшно изготовляются новыя пушки, превосходящія своей силой существовавшія до того, на другомъ заводѣ, напримѣръ, Армстронга, уже отливается новая броня, способная противостоять

В. Фендрихъ. Отказала. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

Р. Зоммеръ. Табунъ. XXII выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ.

силѣ этого новаго крупповскаго орудія. То же самое происходитъ и съ воздушнымъ флотомъ. Въ то время, какъ спеціальные заводы воздухоплавательныхъ аппаратовъ выпускаютъ свои цеппелины, аэростаты и аэропланы, въ это время на заводѣ Круппа уже ломаютъ голову надъ новой артиллеріей, способной поражать врага въ небесахъ. И въ самомъ дѣлѣ, у Круппа уже вырабатываются особыя пушки, стрѣляющія въ воздухъ и способныя уничтожить высоко рѣющихъ летчиковъ. Орудія эти снабжены снарядами, заключающими въ себѣ не ядра, а взрывчатыя вещества. Послѣ выстрѣла такой снарядъ летитъ вверхъ, разрывается на извѣстномъ разстояніи и производитъ сильное сотрясеніе воздуха близъ самолета, нарушаетъ его устойчивость, опрокидываетъ его и роняетъ на землю. Такія орудія поставлены на быстрые автомобили и гоняются за самолетами, выпуская снарядъ за снарядомъ. Такимъ образомъ низко опустившійся летчикъ можетъ быть разстрѣлянъ ружейными пулями, а поднявшійся на боевую высоту можетъ быть пораженъ снарядомъ крупповскаго орудія.

Трудно сказать, насколько дѣйствительно это орудіе. ибо опыты мирнаго времени производились далеко не въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ придется дѣйствовать крупповскому дѣтищу на войнѣ. Во всякомъ случаѣ, надо сказать, что крупповскій снарядъ имѣетъ много общаго съ тѣми бомбами, которыя будутъ бросаться летчиками сверху. Надо, чтобы этотъ снарядъ разорвался очень близко отъ летчика, а это не такъ легко сдѣлать, потому что угнаться и попасть въ эту механическую птицу, летящую съ быстротою 100—170 верстъ въ часъ, довольно мудрено. Попробуйте попасть пулей въ ласточку.

Вотъ почему намъ кажется, что работа Круппа пропала даромъ.

Изъ всего предыдущаго можно сдѣлать выводъ, что воздушный флотъ неуязвимъ и неотразимъ. Но это правильно лишь постольку, поскольку непріятель не построитъ своего воздушнаго флота. На войнѣ летчики станутъ уничтожать летчиковъ, воздушные корабли будутъ низвергать на землю воздушные же корабли непріятеля. Надо полагать, что увертюрой ко всякому серьезному бою будетъ предварительный бой въ воздухѣ. Военачальники враждующихъ армій прежде всего постараются освободить себя отъ зоркаго глаза воздушныхъ соперниковъ и пошлютъ въ бой съ ними свою воздушную армію, понимая, что побѣда въ воздухѣ предрѣшитъ побѣду на землѣ. Можетъ ли сражаться слѣпой великанъ со зрячимъ человѣкомъ? Мы уже имѣемъ единичный примѣръ уничтоженія воздушнаго корабля нѣмецкой арміи самоотверженнымъ французскимъ авіаторомъ Гарро. Нѣчто подобное будетъ свершаться при войнѣ въ воздухѣ и одиночныхъ летательныхъ аппаратовъ и цѣлыхъ флотилій. Самолеты-истребители должны быть быстры и нести достаточное количество летчиковъ. Приближаясь другъ къ другу, они станутъ палить изъ ружей, бросать другъ въ друга бомбы, быть-можетъ, итти на абордажъ, таранить другъ друга, опрокидывать другъ друга и низвергать со страшной высоты на землю.

Мы уже сказали, что для воздушнаго боя нужны быстро двигающіеся, способные быстро подыматься вверхъ, опускаться внизъ, отклоняться въ стороны летательные аппараты. Отсюда, намъ кажется, можно сдѣлать выводъ, что тихолеты, т.-е., значитъ, прежде всего цеппелины и вообще дирижабли наименѣе пригодны и наиболѣе уязвимы. Пока такой левіаѳанъ успѣетъ повернуться, быстроходный самолетъ подымется надъ этой тушей, броситъ въ нее десятокъ-другой бомбъ—и чудовище погибло.

Такова въ общихъ чертахъ предстоящая роль въ войнѣ воздушнаго флота. Конечно, трудно быть пророкомъ, а въ этомъ дѣлѣ почти все гадательно, и только опытъ покажетъ намъ, въ какой мѣрѣ воздушные корабли, воздушная артиллерія, воздушная кавалерія и воздушные развѣдчики заслуживаютъ вниманія и тратъ государственныхъ средствъ. Во всякомъ случаѣ летчики не могутъ не сыграть болѣе или менѣе замѣтной роли.

Гроза.

Пусть скрылося солнце, не видно лазури,
Пусть тучи—темнѣй и темнѣй,
Пусть клонятся ивы подъ натискомъ бури
И пѣнятся волны бѣлѣй.

Пусть гордая молнія въ небѣ заблещетъ,
И гнѣвно раскатится громъ,
Въ объятьяхъ грозы пусть земля затрепещетъ,
И все озарится огнемъ.

Пусть старая роща съ корнями простится,
Не жаль мнѣ: я вѣрю, съ зарей
Разсѣятся тучи, гроза усмирится,
И выростетъ лѣсъ молодой.

Н. Власовъ.

Костеръ.

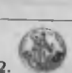
Разгорается яркій костеръ на бугрѣ,
На высокомъ бугрѣ въ обезлюдившемъ полѣ;
Кто-то пѣсню поетъ «о загубленной долѣ»
За рѣкой въ одинокомъ шатрѣ.

Въ небѣ звѣзды и мѣсяца сумрачный ликъ;
Пахнетъ сѣномъ и сладкою мятой,
А изъ темныхъ лощинъ, изъ травы непримятой—
Коростельный плыветъ перекликъ...

Тихо полемъ иду, по вечерней зарѣ,
По широкой межѣ, какъ по ровной аллеѣ...
Разгораясь, горитъ все сильнѣй и сильнѣе
Искрометный костеръ на бугрѣ.

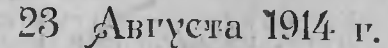
Я. Тисленко.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29 Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

№ 34

23 Августа 1914 г.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай II.

Его Императорское Величество Король Великобританіи и Ирландіи, Императоръ Индіи Георгъ V.

Его Королевское Величество Король бельгійскій Альбертъ I.

Августѣйшіе Братья по оружію.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Эдмонда Ростана“ кн. 4.

Рѣчь Государя Императора

представителямъ дворянства, города, земства и купечества, произнесенная въ Москвѣ, въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ, 5 августа с. г.

„Въ часъ военной грозы, такъ внезапно и вопреки Моимъ намѣреніямъ, надвинувшейся на миролюбивый народъ Мой, Я, по обычаю Державныхъ Предковъ, ищу укрѣпленія душевныхъ силъ въ молитвѣ у святынь московскихъ. Въ стѣнахъ древняго Московскаго Кремля, въ лицѣ вашемъ, жители дорогой Мнѣ Первопрестольной Москвы, Я привѣтствую весь вѣрный Мнѣ русскій народъ, повсюду—и на мѣстахъ, въ Государственной Думѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ—единодушно откликнувшійся на Мой призывъ встать дружно всей Россіей, откинувъ распри, на защиту родной земли славянства. Въ могучемъ всеобщемъ порывѣ слились воедино всѣ безъ различія племена и народности великой Имперіи Нашей, и вмѣстѣ со Мной никогда не забудетъ этихъ историческихъ дней Россія. Такое единеніе Моихъ чувствъ и мыслей со всѣмъ Моимъ народомъ даетъ Мнѣ глубокое утѣшеніе и спокойную увѣренность въ будущемъ. Отсюда, изъ сердца Русской Земли, Я шлю доблестнымъ войскамъ моимъ и мужественнымъ иноземнымъ союзникамъ, заодно съ Нами поднявшимся за попранныя начала мира и правды, горячій привѣтъ! Съ нами Богъ!“

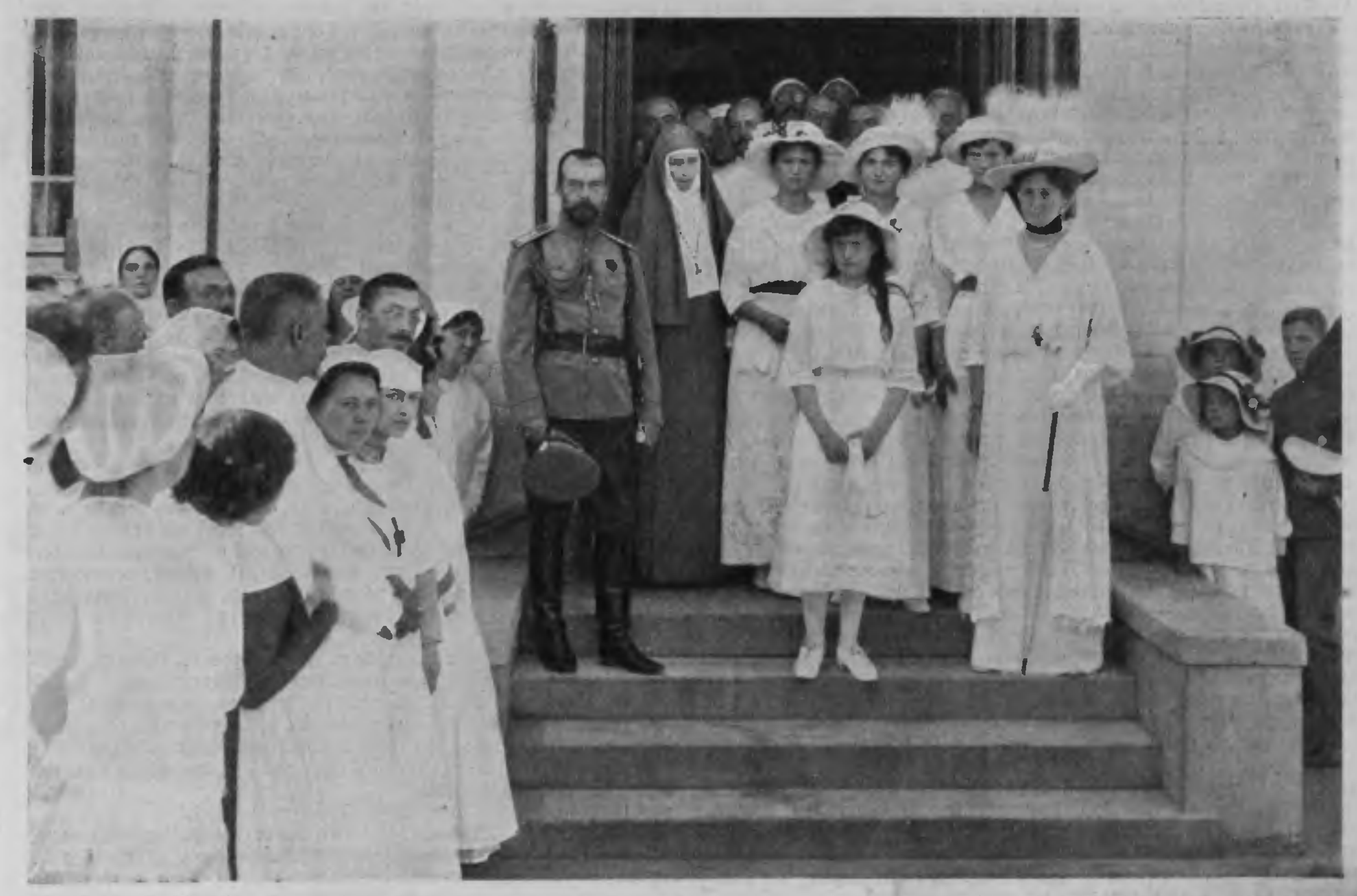

На пути слѣдованія Ихъ Величествъ у городской думы.—Ихъ Императорскія Величества при выходѣ изъ часовни Иверской Божіей Матери

Высочайшее посѣщеніе Москвы. По фот. С. Смирнова.

Высочайшее шествіе изъ Успенскаго собора въ Николаевскій дворецъ.

Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ Августѣйшими Дочерьми и Ея Императорскимъ Высочествомъ Великой Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной, посѣтившіе Солдатенковскую больницу 7 августа с. г. По фот. К. Фишера.

Высочайшее посѣщеніе Москвы. По фот. С. Смирнова.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Болѣе или менѣе рѣшительныя событія на театрѣ военныхъ дѣйствій начались несравненно скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Сосредоточеніе огромныхъ армій прошло чрезвычайно быстро, и въ какія-нибудь 2 — 3 недѣли онѣ уже успѣли созрѣть для важныхъ операцій, которыя еще не рѣшаютъ вопроса о побѣдѣ, но несомнѣнно отразятся на всемъ дальнѣйшемъ ходѣ войны. Разсчитывая на медленность нашей мобилизаціи, Германія выставила на нашей границѣ только 6 корпусовъ, остальные же 20 корпусовъ бросила на Бельгію и Францію въ надеждѣ однимъ ударомъ сокрушить нашу союзницу и затѣмъ направить на насъ всѣ свои силы, перебросивъ побѣдоносные полки въ теченіе какой-нибудь недѣли съ запада на востокъ. Для того, чтобы выиграть время и по возможности помѣшать нашей мобилизаціи и сосредоточенію нашихъ силъ, германскіе корпуса должны были вторгнуться возможно глубже въ наши предѣлы, внести сумятицу высадкой дессанта на Балтійскомъ побережьѣ гдѣ-нибудь возможно ближе къ столицѣ и затѣмъ ужъ постепенно отступать подъ напоромъ нашей арміи до подхода разгромившихъ Францію корпусовъ.

Къ счастью для Европы, выполненіе нѣмецкаго плана оказалось неудачнымъ во всѣхъ его частяхъ. Вмѣсто того, чтобы пройти въ шесть дней Бельгію, армія генерала Эммиха потеряла двѣ недѣли подъ стѣнами Льежа и понесла рядъ опустошительныхъ пораженій по всей линіи первоначальнаго, плохо подготовленнаго, наступленія. Только тогда, когда маленькая Бельгія была затоплена полумилліонной арміей, бельгійцы, по соглашенію съ союзниками, сняли живой заслонъ своихъ полковъ и, не использовавъ для защиты холмистыхъ окрестностей Брюсселя изъ опасенія обхода, отвели свою армію въ огромный укрѣпленный лагерь Антверпена. Занятіе столицы нѣмцы отпраздновали, какъ побѣду, и тотчасъ же обложили Брюссель огромной контрибуціей въ 200 милліоновъ франковъ, но, въ сущности, никакой побѣды они не одержали, такъ какъ уступка незащищеннаго Брюсселя вызвана только стратегическими соображеніями. Бельгійская армія сдѣлала свое дѣло, блестяще исполнила назначеніе перваго заслона, подъ прикрытіемъ котораго безпрепятственно совершалось сосредоточеніе французскихъ силъ, и будетъ теперь висѣть за неприступными укрѣпленіями Антверпена, какъ угроза, въ тылу праваго фланга нѣмецкаго наступленія. Въ своемъ движеніи впередъ нѣмцы встрѣтятъ теперь живую стѣну французскихъ и англійскихъ штыковъ. Даже при необходимости оставить заслонъ противъ Антверпена численность нѣмецкихъ полчищъ на этомъ фронтѣ все-таки нѣсколько превышаетъ силы союзниковъ, но это преимущество нѣсколько уравновѣшивается возможностью использованія обороняющимися укрѣпленій Намюра и преимуществъ оборонительной тактики, позволяющей всюду вести бой изъ-за земляныхъ окоповъ.

Въ настоящую минуту сраженіе между главными силами нѣмцевъ и французовъ идетъ уже по всей линіи съ яснымъ перевѣсомъ счастья на сторонѣ обороняющихся. Имъ много помогла удачная диверсія генералиссимуса Жоффра въ видѣ вторженія въ Лотарингію, которое станило французскій корпусъ въ тылу германскаго наступленія. Нѣмцы вытѣснили слабый отрядъ французовъ изъ Лотарингіи обратно почти къ самой границѣ, но для этого они были вынуждены отвлечь отъ главнаго театра военныхъ дѣйствій четыре или пять корпусовъ и ослабить свое численное преимущество. Французское вторженіе въ Эльзасъ не имѣло характера стратегической диверсіи и было поведено съ большими силами. Вынужденные первоначально уступить занятые слабыми отрядами Кольмаръ и Мюльгаузенъ подъ напоромъ двухъ германскихъ корпусовъ, французы сосредоточили затѣмъ здѣсь болѣе значительныя силы и послѣ рѣшительныхъ боевъ снова заняли и Кольмаръ и Мюльгаузенъ и оттѣснили нѣмцевъ къ самому Рейну. Однако рѣшающее значеніе для перваго періода войны имѣетъ исходъ сраженій не въ Эльзасѣ и не въ Лотарингіи, а на бельгійскомъ театрѣ войны по линіи расположенія нѣмецкихъ и англо-французскихъ войскъ. Повидимому, нѣкоторый перевѣсъ въ первыхъ бояхъ, особенно подъ Намюромъ, передовая линія котораго была взята атакующими, склоняется на сторону Германіи. Офиціальная реляція французскаго правительства говоритъ о неизбѣжности общаго отступленія французовъ и англичанъ не только въ Бельгіи, но также и въ Эльзасъ-Лотарингіи. Армія генерала Жоффра будетъ отступать на заранѣе подготовленныя позиціи, безпрерывно получая новыя подкрѣпленія. Для того, чтобы добраться до Парижа, представляющаго собою огромную крѣпость, обложеніе которой требуетъ милліонной арміи, нѣмцамъ потребуется огромный притокъ силъ и не менѣе трехъ мѣсяцевъ времени, но необходимость вести борьбу на восточномъ фронтѣ не дастъ имъ ни того ни другого.

Расчеты нѣмецкихъ стратеговъ на медлительность русской мобилизаціи тоже оказались совершенно ошибочными. Быстрый ходъ ея не позволилъ генералу Притвицу развить наступленіе на нашу границу. Занятіе Калиша, Ченстохова, Сувалокъ, Вержболова, Плоцка получило характеръ мимолетнаго набѣга. Русскія силы сами быстро перешли въ наступленіе и во многихъ пунктахъ вторглись въ территорію противника. Отбивъ Вержболово, они заняли Эйдкуненъ, разрушили кавалерійскими набѣгами питающія его желѣзнодорожныя линіи и съ самаго начала заложили здѣсь основу для прочнаго развитія своихъ удачныхъ наступательныхъ операцій. Послѣ троекратнаго отраженія усиленнаго нѣмецкаго наступленія на Эйдкуненъ мы сами перешли въ наступленіе и нанесли рѣшительное пораженіе тремъ германскимъ корпусамъ на широкомъ фронтѣ въ 40 верстъ. Въ разгаръ боя германцы пытались охватить нашъ правый флангъ и, съ цѣлью усилить обходныя колонны, ослабили свой центръ; но желѣзная стойкость праваго фланга позволила намъ благополучно выдержать бѣшеный натискъ, а рѣшительная атака на Гумбиненъ побѣдоносно прорвала германскій центръ.

Уже 4 августа потрясенный огромными потерями непріятель началъ общее отступленіе по всему фронту, оставляя намъ много плѣнныхъ, раненыхъ, пушекъ, пулеметовъ, боевыхъ запасовъ и провіантскихъ складовъ. Купленная кровавою цѣною блестящая побѣда при Гумбиненѣ имѣетъ огромное стратегическое значеніе. Она отдаетъ въ нашу власть всю восточную привислинскую Пруссію и открываетъ дорогу для движенія на западъ въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ укрѣпленными перешейками. Разбитые германскіе корпуса лишились способности къ энергичному сопротивленію и спѣшно отходятъ на сѣверо-западъ, частью къ Кёнигсбергу; на поддержку имъ двинутъ данцигскій корпусъ, и даже, можетъ-быть, будутъ спѣшно двинуты тѣ имперскіе резервы изъ Лейпцига, Берлина и западной Германіи, которые должны были бы усилить наступленіе на Бельгію и Францію. Понятно, почему наша побѣда вызываетъ такую шумную радость у нашихъ союзниковъ. Ея стратегическое значеніе усиливается еще тѣмъ, что съ юга въ обходъ первой линіи тѣхъ же Леценскихъ озеръ изъ Ломжинской и Плоцкой губ. въ предѣлы германской территоріи вторглась другая русская армія, занявшая рядъ городовъ: Зольдау, Найденбургъ, Виленбергъ и Ортельсбургъ. Она идетъ наперерѣзъ отступленію разбитыхъ нѣмецкихъ войскъ, открываетъ для удара флангъ второй и третьей линій озерныхъ укрѣпленій и грозитъ отрѣзать сообщеніе всѣхъ нѣмецкихъ силъ восточной Пруссіи съ имперіей. Германскіе корпуса сжимаются съ двухъ сторонъ желѣзными тисками и будутъ вынуждены или спѣшно отступать, бросая всѣ свои, считавшіяся неприступными, укрѣпленія съ громадными складами оружія и провіанта, или же рисковать очутиться въ плѣну. Двойное наступленіе широкимъ фронтомъ въ сто верстъ, начавшееся уже на 17-й день со дня объявленія войны, угрожая въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи центру Германіи, страшно невыгодно отзовется на германскихъ операціяхъ западнаго фронта.

Одновременно мы очень удачно перешли въ наступленіе и противъ сѣверной части Австріи, открывающее пути для еще болѣе глубокихъ вторженій въ незащищенную со стороны Австріи германскую территорію въ тылъ и флангъ оборонительныхъ армій. До сихъ поръ сопротивляемость австрійскихъ войскъ въ рядѣ мелкихъ столкновеній была довольно слабой. Австрійцы легко отступаютъ и охотно сдаются въ плѣнъ. Трудно предположить, чтобы въ предстоящихъ болѣе крупныхъ бояхъ они обнаружили большую устойчивость. Объявленный въ Австріи призывъ къ поголовному ополченію увеличитъ, можетъ-быть, численность австрійской арміи, но не ея боевую мощь.

Какъ и предвидѣли спеціалисты, Австрія не способна оказать значительной поддержки Германіи. Уже въ первый же мѣсяцъ войны она понесла рѣшительныя пораженія отъ сербовъ въ районѣ Шабаца, между Дриной и Савой. Разгромъ австрійской арміи, потерявшей свыше 30.000 убитыми и ранеными, 5.000 плѣнными, около 100 орудій и до 40.000 ружей, множество боевыхъ припасовъ и даже полковыя кассы, былъ несравненно болѣе жестокій и полный, чѣмъ знаменитое пораженіе подъ Садовой.

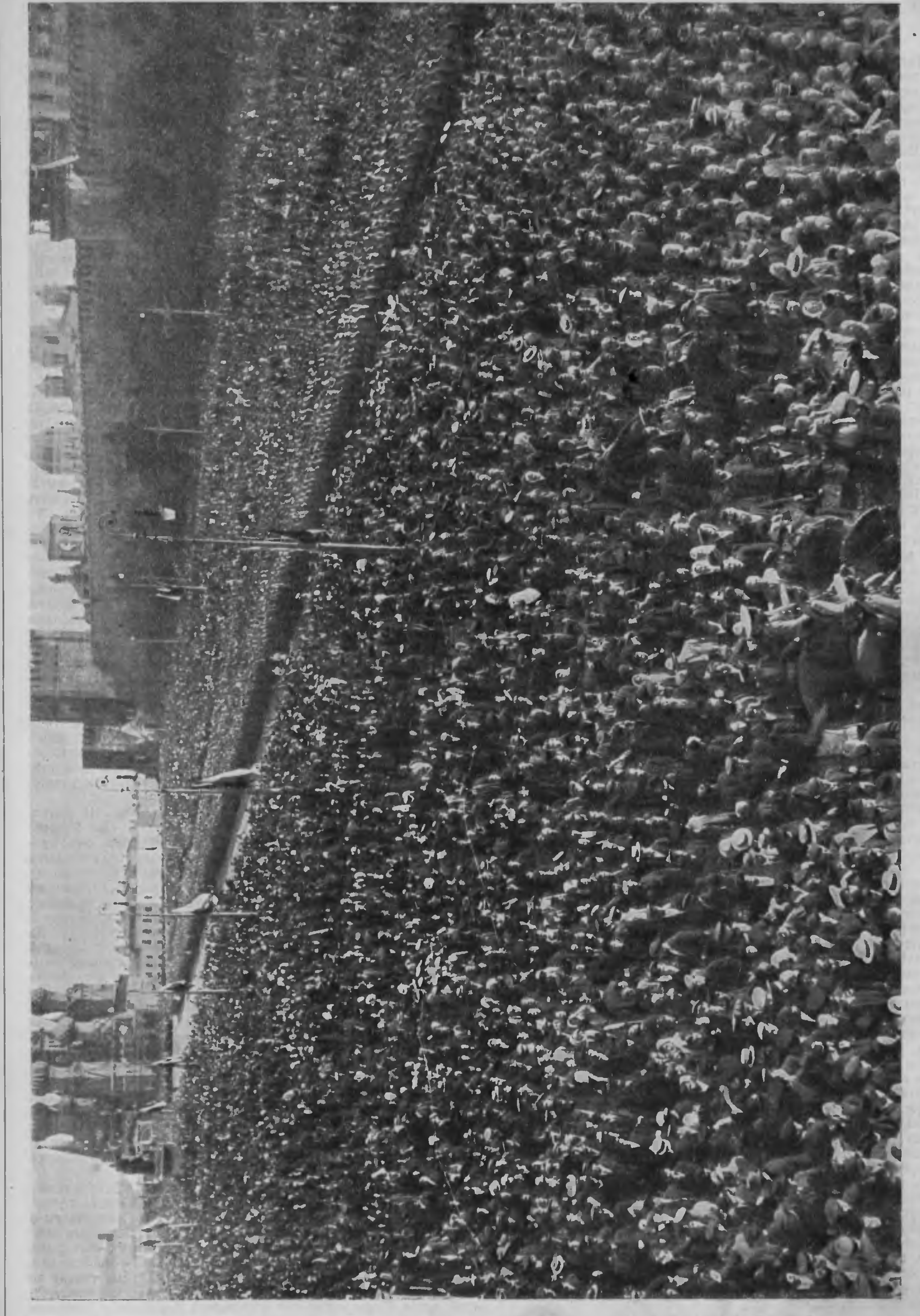
Австрійской арміей командовалъ фельдмаршалъ Франкъ, сербской—воевода Путникъ, находившійся въ Крагуевацѣ.

Путникъ крайне скупъ на реляціи, и въ теченіе восьми дней онъ томилъ Сербію. Всѣ его донесенія правительству ограничивались одной фразой: „На театрѣ войны все благополучно".

Только на восьмой день онъ сообщилъ подробности боя, начавъ свое донесеніе такъ:

„Сербское войско одержало большую побѣду."

Взятіе штурмомъ Шабаца, это—уже начало конца. Знаменательно, что въ Шабацкомъ сраженіи участвовала только одна треть дѣйствующей сербской арміи. Остальныя части, еще нетронутыя огнемъ, готовы вступить въ австрійскіе предѣлы и защищать свою родину отъ всякихъ попытокъ со стороны Балканъ. Вмѣстѣ съ русской побѣдой при Гумбиненѣ сербская побѣда при Шабацѣ знаменуетъ собою благопріятный оборотъ начавшейся европейской борьбы въ пользу славянъ.

Москва встрѣчаетъ Царя. У Кремля, на Красной площади. По фот. А. Савельева.

Кто виноватъ?

Очеркъ **Н. Инсарова.**

Трудно предугадать, чѣмъ кончится война Германіи и Австріи со всей почти Европой и даже съ Японіей, но если опираться на логику вещей и событій, сравнить и подвести итоги, то нельзя не признать, что начавшаяся война грозитъ Австріи и Германіи чрезвычайными послѣдствіями. Уже подсчетъ количества армій и флотовъ, морского и воздушнаго, говоритъ самъ за себя.

Нѣмцы, конечно, какъ одинъ человѣкъ, станутъ въ ряды своей арміи и исполнятъ свой долгъ до конца, но у нихъ нѣтъ теперь того сліянія, того подъема, того окрыленія, которое несло ихъ по полямъ битвъ во времена Седана, Вёрта и Садовой. Ихъ встрѣтитъ теперь неисчислимый, многоплеменный врагъ, идущій во имя самообороны, во имя избавленія Европы отъ нѣмецкаго засилья, отъ грубаго попранія права и человѣчности, отъ вѣчной угрозы нарушенія мира и отъ постояннаго страха за свои владѣнія, къ которымъ простиралась безцеремонная рука изъ Берлина.

Но вся ли Германія такова? Всѣ ли нѣмцы только и думаютъ о безпредѣльномъ расширеніи своего отечества и о подчиненіи Пруссіи всѣхъ частей свѣта? Врядъ ли это такъ. Въ своей послѣдней статьѣ, озаглавленной: „Der Krieg“ („Война“), извѣстный журналистъ Максимиліанъ Гарденъ обращается къ благоразумнымъ, не потерявшимъ равновѣсія, нѣмцамъ. Онъ говоритъ, что теперь наиболѣе разумная и сознательная часть націи повторяетъ на всѣ лады: „Германія обезумѣла“. Но не слѣдуетъ отождествлять Германіи съ тѣми, кто руководитъ ея судьбой. Гарденъ предостерегаетъ Европу отъ такого умозаключенія и говоритъ, что это было бы огромной ошибкой, и послѣдствія этой ошибки могутъ отравить всю жизнь Европы на цѣлыя десятилѣтія.

„Германія не исчерпывается прусскимъ юнкерствомъ, взявшимъ надъ ней команду и готовымъ безоглядно вести ее къ пропасти. Есть Германія сознательная и разумная, умѣющая понять и оцѣнить положеніе. Ея голоса мы не слышимъ,—да и смѣетъ ли она его подать? Но подавить его въ своемъ сознаніи она не можетъ. Игра начата съ безумнымъ легкомысліемъ, и каждый новый шагъ свидѣтельствуетъ о немъ. Точно попавшій въ капканъ, ощетинившійся, дрожащій отъ безсильнаго бѣшенства, звѣрь, лязгающій зубами направо и налѣво, чуя въ каждомъ зрителѣ врага и поздно догадываясь о непоправимой бѣдѣ“.

Гарденъ недоумѣваетъ передъ тѣмъ, что̀ происходитъ сейчасъ въ Германіи, и, вглядываясь въ событія послѣднихъ дней, онъ съ грустью вопрошаетъ: „Неужели ослѣпленіе правящихъ круговъ Германіи такъ велико, что они не видятъ, что за рубежомъ все то, что̀ дѣлается въ Германіи, производитъ впечатлѣніе ряда оглушительныхъ нравственныхъ ударовъ? Неужели эти удары,—говоритъ онъ:—были предусмотрѣны, и на нихъ шли сознательно? Но тогда это какой-то неистовый порывъ безграничной самоувѣренности. Нѣмецкій народъ не сдѣлалъ бы этого безумнаго шага, если бы онъ не былъ загипнотизированъ, если бы ему не лгали, если бы его не обманывали и не дурачили. „Смотрите,—обращается онъ къ своимъ соотечественникамъ:—на то, что̀ есть, а не на то, чѣмъ васъ морочатъ“. Зло смѣется талантливый публицистъ надъ всѣми, кто думаетъ, будто Россію, „выдержавшую татаръ и турокъ, Бонапарта и Наполеона“,—эту Россію, не изолированную за Байкаломъ, а стоящую въ замкнутой боевой линіи рядомъ со своими друзьями, можно „такъ вѣрно поразить въ сердце, что она будетъ обезсилена хотя бы на 10 лѣтъ“. „Неужели,—спрашиваетъ Гарденъ:—кто-нибудь считаетъ британцевъ настолько слѣпыми и ожидаетъ отъ нихъ, что они съ благоговѣйно сложенными руками останутся спокойно сидѣть въ своихъ клубныхъ креслахъ до тѣхъ поръ, пока ни одна континентальная держава и даже ни одинъ союзъ державъ не будетъ въ состояніи оспаривать господство нѣмецкой имперіи, чьи дредноуты скоро сравняются по числу съ англійскими, отъ чьей милости тогда будетъ зависѣть судьба Индіи?“

Германія обезумѣла, Германію толкаютъ въ пропасть, но „горе тому, кто игралъ такими высокими предметами и вмѣсто того, чтобы выяснить цѣль борьбы и значеніе ея, только услаждалъ свое тщеславіе!“ Кто же этотъ вдохновитель политики авантюръ, политики, не принимающей въ расчетъ дѣйствительныхъ интересовъ страны, а видимо тѣшащій свое личное тщеславіе? Конечно, тотъ, въ рукахъ котораго находятся по законамъ страны война и миръ, т.-е. императоръ Вильгельмъ II. Онъ бросилъ сейчасъ перчатку Европѣ, и бросилъ ее кичливо, легкомысленно и дерзко. Но бросить перчатку еще не значитъ выиграть поединокъ. Гарденъ говоритъ, что французы готовы обѣщать корону побѣдоносному вождю. А побѣжденный Гогенцоллернъ — не рискуетъ ли онъ той же короной?

Центральной фигурой этой роковой войны является фигура Вильгельма II. Онъ приковываетъ теперь къ себѣ взгляды всего міра, и всякій поступокъ его прошлаго и настоящаго, всякое его слово имѣетъ несомнѣнное значеніе и уясняетъ событія и политику Германіи, а вмѣстѣ и причины, вызвавшія европейскую войну.

Вотъ почему мы задались цѣлью привести нѣсколько рѣчей и фактовъ изъ жизни императора Вильгельма, дополняющихъ его портретъ и объясняющихъ, почему онъ велъ Германію, а вмѣстѣ съ нею и Австро-Венгрію, по торному пути неустаннаго вооруженія и милитаризма и привелъ всю Европу къ войнѣ.

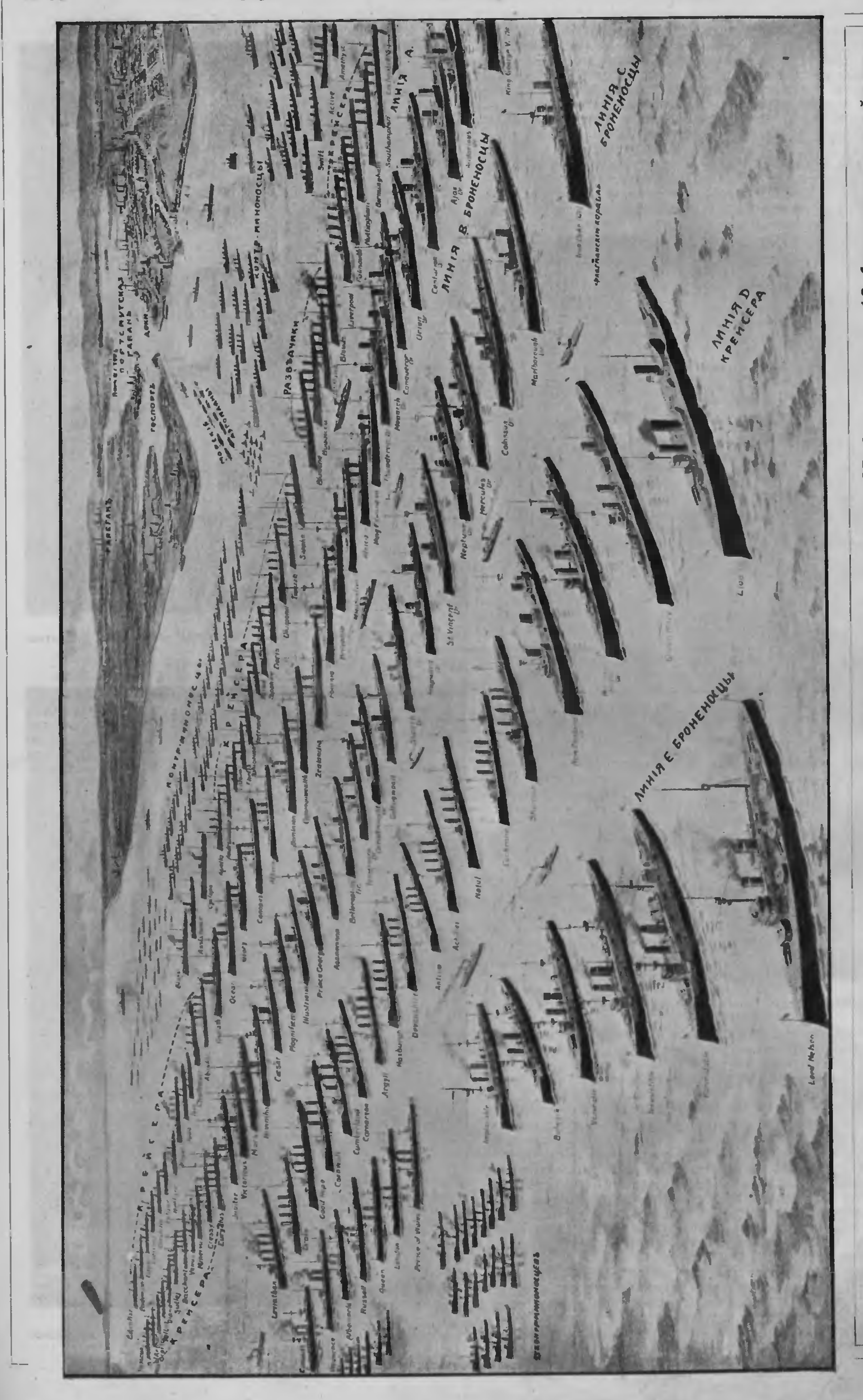
Вильгельмъ II получилъ хорошее образованіе, много работалъ, учился, и нѣмецкій народъ возлагалъ на него большія надежды, предполагая въ лицѣ молодого императора встрѣтить сына Фридриха III. При вступленіи на престолъ Вильгельма II печать Германіи и Европы говорила, что эпоха „огня и желѣза“ наложила свое неизгладимое клеймо на весь строй политической и соціальной жизни Германіи, и что теперь нѣмецкому народу предстоитъ длинный рядъ усилій, чтобы устранить изъ общественной и государственной жизни ту острую политику, которая внесена была людьми, много и славно поработавшими для осуществленія идеи нѣмецкаго единства. Но задача эта можетъ быть выполнена безъ глубокихъ внутреннихъ потрясеній только въ томъ случаѣ, если новый императоръ Вильгельмъ II сознаетъ, что та внутренняя и внѣшняя политика, которая была пригодна и, быть-можетъ, даже необходима въ періодъ созиданія имперіи, вовсе непримѣнима тогда, когда государственная жизнь вошла или должна была войти въ болѣе или менѣе нормальныя условія существованія.

Къ сожалѣнію, надежды нѣмецкаго народа и Европы не оправдались, и въ лицѣ Вильгельма II союзныя государства Германіи получили императора, стремящагося къ безграничной власти, человѣка тщеславнаго, склоннаго преувеличивать свои положительныя качества, человѣка задорнаго, неспокойнаго, не считающагося ни съ волей народа ни съ достоинствомъ союзныхъ государей. Рядъ фактовъ, рѣчей императора и отдѣльныхъ его выраженій даетъ основаніе для подобной характеристики его, какъ правителя и человѣка.

Во время восшествія на престолъ Вильгельма II нѣмецкіе чиновники всѣхъ классовъ, во всѣхъ союзныхъ государствахъ носили на фуражкахъ кокарды цвѣта своего государства. Это не понравилось юному императору, не считавшемуся уже съ первыхъ шаговъ своего царствованія съ тѣмъ, что Германія представляетъ собою союзъ нѣмецкихъ государствъ; онъ приказалъ, чтобы выше федеральной кокарды была другая, для всѣхъ однородная: кокарда императорскихъ цвѣтовъ. Но и на этомъ онъ не остановился и выжидалъ только момента, чтобы окончательно устранить всѣ федеральные значки. Событія въ Китаѣ дозволили ему добиться въ этомъ направленіи новаго успѣха. Германскимъ войскамъ на Дальнемъ Востокѣ была дана особая форма и при ней широкополая шляпа, одинъ изъ краевъ которой былъ залихватски приподнятъ на манеръ шляпъ буровъ. Вотъ на этотъ-то плоскій бокъ шляпы императоръ и налѣпилъ громадную императорскую кокарду и, не рѣшаясь окончательно покончить съ федеральной кокардой, помѣстилъ ее подъ своей кокардой, сдѣлавъ ее еле замѣтной и рѣшивъ, видимо, ждать случая уничтожить и послѣдніе слѣды этого знака федераціи.

Съ удивительной послѣдовательностью Вильгельмъ II вытравляетъ все, что̀ мѣшаетъ ему выдвинуть себя и свой императорскій титулъ на первое мѣсто. Въ концѣ 1899 года онъ приказалъ уничтожить изображеніе орла на германскихъ почтовыхъ маркахъ, а вмѣсто орла помѣстилъ свое изображеніе. Однако союзные государи остались недовольны этимъ приказомъ, идущимъ въ разрѣзъ съ духомъ германской конституціи, и скромно, но однако рѣшительно запротестовали. Дѣлать было нечего; Вильгельму II пришлось уступить, но уступилъ онъ только наполовину. На маркахъ была изображена вмѣсто орла виньетка съ фигурой Германіи; однако лицо Германіи получило такое огромное сходство съ императрицей, супругой Вильгельма, что императоръ почти утѣшился въ томъ, что ему не удалось замѣнить собою орла. Впрочемъ, и до сихъ поръ императоръ не оставляетъ въ покоѣ нѣмецкія марки, и не такъ давно онъ избралъ слѣдующій девизъ для новыхъ марокъ: „Nur einig, einig, einig“ („Только союзны, союзны, союзны“). Все это, конечно, мелочи, но мелочи очень показательныя, свидѣтельствующія о томъ, что нѣмецкія государства мѣшаютъ Вильгельму, и что его стремленіе:—уйти отъ „союзности“ къ цезаризму. Одинъ писатель говоритъ, что „онъ (императоръ) желалъ бы видѣть въ союзныхъ государяхъ только свой блестящій генеральный штабъ; титулъ императора союза кажется ему мелкимъ, и нѣтъ сомнѣнія, что именоваться повелителемъ „германцевъ“ пріятнѣе для его слуха, нежели именоваться повелителемъ „нѣмцевъ“.

Австрію Вильгельмъ II, раздѣляющій взгляды пангерманцевъ, разсматриваетъ, какъ часть своей имперіи, пока еще не вошедшую въ составъ Германіи. Онъ зорко слѣдитъ за австрійцами и особенно за ихъ арміей. Состоя въ спискахъ полковникомъ венгерскихъ гусаръ, Вильгельмъ пользуется ежегоднымъ полковымъ праздникомъ для того, чтобы являться въ Вѣну и производить тамъ военный смотръ. Однако ведетъ онъ себя на смотру не какъ „почетный полковникъ“, а какъ главнокомандующій австрійской арміи. Такое отношеніе императора всполошило наконецъ австрійскій дворъ и австрійскій генеральный штабъ. Чтобы пре-

Англійскій флотъ, расположенный близъ Портсмута, заключающій въ себѣ 24 дредноута, 35 броненосцевъ, 18 броненосныхъ крейсеровъ и свыше 100 другихъ судовъ.

кратить ежегодные визиты императора и его тщательные смотры, гусарскій полкъ былъ внезапно перемѣщенъ въ глубь Венгріи, и уже съ 1898 года Вильгельмъ II пересталъ совершать свои традиціонныя поѣздки въ Вѣну. Но равнодушнымъ къ этому онъ не остался, и престарѣлому Францу-Іосифу пришлось въ маѣ 1900 года самолично явиться въ Берлинъ, извиниться передъ Вильгельмомъ, свалить все на графа Туна и произвести германскаго императора въ самый высокій чинъ австрійской арміи.

Въ своихъ рѣчахъ императоръ Вильгельмъ проявляетъ себя въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ въ своихъ поступкахъ. Слѣдя за рѣчами императора изъ года въ годъ, мы видимъ, какъ онѣ становятся все болѣе и болѣе властными и указываютъ на быстрый ростъ притязаній нѣмецкаго государя. Началъ онъ свои многочисленныя рѣчи относительно скромно, а уже въ началѣ 1896 года гордо заявилъ: „Германская имперія сдѣлалась имперіей міровой“ („Aus dem deutschen Reich ist ein Weltreich geworden“. Тостъ, провозглашенный императоромъ Вильгельмомъ II въ Берлинѣ 18 января 1896 года).

Англійскій король Георгъ V и адмиралъ Каллаганъ.

Генералъ Джонъ Френчъ, главнокомандующій англійской десантной арміей.

Фельдмаршалъ лордъ Робертсъ, главнокомандующій англійской колоніальной арміей.

Но почему Германская имперія такъ быстро выдвинулась на первое мѣсто? Усиліями народнаго учителя, успѣхами промышленности и торговли, трудолюбіемъ населенія, любознательностью и бережливостью? Ничуть. Императоръ прекрасно знаетъ, что все это пустяки, и что только сила позволяетъ расширять, поддерживать и развивать великую имперію. Въ своей рѣчи къ гвардіи въ 1898 году онъ громко провозглашаетъ это: „Опираясь на армію, — говоритъ императоръ: — и надѣясь на нашего Всемогущаго Бога, я предпринялъ свою трудную задачу, прекрасно зная, что армія—главная опора моей страны и самый прочный оплотъ прусскаго трона“.

При такомъ взглядѣ на вещи надо ли удивляться тому, что Вильгельмъ II съ первыхъ же лѣтъ своего царствованія сталъ готовиться къ войнѣ и нападенію, намѣчая себѣ жертву среди государствъ Европы. Въ чемъ угодно можно упрекнуть Вильгельма II, но только не въ скупости расходованія государственныхъ средствъ, когда вопросъ касался военныхъ издержекъ.

Е. И. В. Великій Князь Дмитрій Павловичъ.

Е. И. В. Великій Князь Борисъ Владиміровичъ.

Е. И. В. Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ.

Е. И. В. Великій Князь Петръ Николаевичъ.

Е. И. В. Великій Князь Николай Михаиловичъ.

Е. В. Князь Александръ Георгіевичъ Романовскій Герцогъ Лейхтенбергскій.

Е. В. Князь Гавріилъ Константиновичъ.

Е. В. Князь Константинъ Константиновичъ.

Е. В. Князь Іоаннъ Константиновичъ.

Е. В. Князь Игорь Константиновичъ.

Е. В. Князь Олегъ Константиновичъ.

Члены Императорской Фамиліи, находящіеся въ рядахъ арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Французскій адмиралъ Буэ-де-Лапейреръ, командующій соединеннымъ англо-французскимъ флотомъ въ Средиземномъ и Адріатическомъ моряхъ.

Высчитано, что въ восемь первыхъ лѣтъ своего царствованія Вильгельмъ II издержалъ на армію и на флотъ 5,926 милліоновъ марокъ, тогда какъ дѣдъ его, побѣдитель при Седанѣ, въ послѣднія 8 лѣтъ своей жизни истратилъ только 4,114, что составляетъ излишекъ въ 1,812 милліоновъ марокъ.

Въ унисонъ съ пангерманцами Вильгельмъ II считаетъ, что всѣ нѣмцы, какъ живущіе въ Австріи, такъ и въ другихъ странахъ, суть граждане единой Германской имперіи, а глава этой имперіи и монархъ — Вильгельмъ II. Начиная съ 1898 года, мы можемъ замѣтить, что въ своихъ рѣчахъ императоръ все чаще и чаще говоритъ объ „единеніи и соединеніи всѣхъ германскихъ племенъ“ („Dazu bedarf es der Einigkeit und Mitwirkung aller deutschen Stämme“).

Кто сталъ бы сомнѣваться въ томъ, что подъ „германскими племенами“ Вильгельмъ II разумѣлъ и австрійскихъ нѣмцевъ, тотъ пусть обратитъ вниманіе на рѣчь императора, сказанную 3 февраля 1899 года въ Бранденбургскомъ ландтагѣ. „Мы желаемъ дѣйствовать, — сказалъ императоръ: — такимъ образомъ, чтобы всѣ мы, германцы, могли по меньшей мѣрѣ соединиться въ одну плотную массу. Объ эту бронзовую скалу нѣмецкаго народа на далекихъ моряхъ и у насъ, въ Европѣ, будутъ разбиваться всѣ волны, угрожающія миру“. Миролюбивое окончаніе рѣчи не смутило пангерманцевъ, и поэтому черезъ нѣсколько дней въ ихъ органѣ, руководимомъ докторомъ Гассе, рѣчь императора была комментирована съ восторгомъ и глубокой радостью. „Императоръ считаетъ, что имперія еще не закончена... Онъ желаетъ, чтобы дубъ Германской имперіи разросся еще шире. Онъ, какъ и его предки, исходитъ изъ точки зрѣнія государственной пользы. Сначала Бранденбургская марка, затѣмъ Пруссія, наконецъ Германская имперія. Что же дальше? *Если онъ говоритъ обо всѣхъ германцахъ, то, быть-можетъ, думаетъ и объ англо-саксахъ?*“ (Рѣчь въ Барменѣ доказываетъ, что предположеніе это имѣетъ несомнѣнное основаніе). „Намъ невозможно, — продолжаетъ газета: — перескочить черезъ промежуточную ступень расширенной Германіи, которая объединяетъ всѣхъ нѣмцевъ... германскій императоръ станетъ внѣ всякаго сомнѣнія императоромъ всѣхъ германцевъ“.

Подъ этой статьей могъ бы подписаться самъ императоръ. Послѣдующіе поступки его подтверждаютъ это предположеніе. Вильгельмъ II несомнѣнно начерталъ себѣ опредѣленный политическій планъ, который неукоснительно и преслѣдуетъ. „Я нисколько не боюсь будущаго, — сказалъ онъ въ своей рѣчи въ Штеттинѣ въ сентябрѣ 1900 года: — я убѣжденъ, что планъ мой удастся. Моя воля непреклонна, я иду твердымъ шагомъ, не взирая ни на какое сопротивленіе, по тому пути, который я разъ навсегда призналъ правильнымъ“. (Рѣчь въ Билефельдѣ, іюль 1899 года).

На кого же будетъ опираться императоръ при выполненіи своего „плана“, и почему онъ „нисколько не боится будущаго“ и не страшится сопротивленія? На армію. „Если на свѣтѣ желаютъ рѣшить что-нибудь, — сказалъ императоръ: — то перо могущественно только тогда, когда его поддерживаетъ сила меча“. (Рѣчь къ гвардіи, январь 1900 года).

Несомнѣнно, что когда императоръ станетъ „рѣшать“ вопросы силою меча, то первый вопросъ, который будетъ разрѣшенъ этимъ способомъ, коснется Австріи. Это соображеніе императоромъ было тонко подчеркнуто въ августѣ 1900 г., когда въ Берлинскомъ арсеналѣ происходило освященіе знаменъ, предназначавшихся для отправляемыхъ въ Китай войскъ. Вильгельмъ II по этому случаю въ первый разъ явился съ фельдмаршальскимъ жезломъ, который онъ пожаловалъ себѣ по просьбѣ своихъ генераловъ. Жезлъ этотъ имѣлъ видъ трости, длиной около метра; онъ былъ покрытъ желтой шелковой матеріей и перевитъ красной лентой съ вышитыми на ней черными императорскими орлами. Въ Германіи часто и не безъ основанія замѣчали эти три цвѣта: желтый, красный и черный: это цвѣта не Германской имперіи, а прежняго Германскаго союза и тѣхъ флаговъ, которые австрійскіе пруссофилы употребляютъ теперь въ знакъ протеста противъ знамени Габсбурговъ.

Тѣсно Вильгельму II не только въ своей Пруссіи, но и въ своей Германіи, тѣсно ему даже и тогда, когда пылкое воображеніе присоединяетъ Австрію къ его владѣніямъ. Тоскуетъ его душа по могуществу римскихъ императоровъ, повелѣвавшихъ всѣмъ міромъ и не знавшихъ предѣла ни своимъ владѣніямъ ни своей власти. Достаточно для этого прочесть рѣчь Вильгельма при закладкѣ перваго камня Заальбургскаго римскаго музея 4 октября 1900 года. „Въ нынѣшній день, — сказалъ императоръ: — первая моя мысль, первое мое, полное тихой скорби, воспоминаніе посвящены незабвенному родителю моему императому Фридриху III. Заальбургскій замокъ обязанъ своимъ возсозданіемъ его энергіи, его творческой волѣ. Подобно тому, какъ на западѣ монархіи колоссальный замокъ рыцарей, насадившихъ тамъ нѣкогда нѣмецкую цивилизацію, былъ возстановленъ и скоро будетъ оконченъ по его повелѣнію, такъ на вершинѣ очаровательнаго Таунуса, точно фениксъ, возрождающійся изъ пепла, возвышается древняя римская твердыня. Она была свидѣтелемъ римскаго могущества, звеномъ этой крѣпкой мѣдной цѣпи, которая связала легіоны Рима съ мощной имперіей, — тѣ легіоны, которые, по повелѣнію римскихъ императоровъ Цезарей-Августовъ, предписывали свою волю всему свѣту и открывали весь міръ римской цивилизаціи, оказавшейся особенно благодѣтельной для германцевъ“.

Въ этой рѣчи изъ каждой фразы брыжжетъ страстное и увѣренное желаніе расширить имперію до размѣровъ, ставящихъ германскаго императора въ положеніе божественнаго Цезаря-Августа.

Приведенные здѣсь отрывки изъ рѣчей императора вполнѣ достаточно выясняютъ стремленія Вильгельма II. Несомнѣнно, что этотъ государь надѣленъ нестерпимымъ воинственнымъ честолюбіемъ, и какъ онъ ни пытается не переступать границъ необходимой въ его положеніи осторожности, онъ не можетъ не выдать себя. Увѣренный и настойчивый, не знающій сомнѣній и колебаній, онъ вѣритъ въ свою звѣзду. Онъ безповоротно считаетъ себя призваннымъ возстановить древнюю Германскую имперію и соединить Гамбургъ съ Тріестомъ. Онъ вѣритъ, что его смѣлое предпріятіе превратитъ его въ императора всѣхъ германцевъ, и онъ сдѣлается современнымъ Карломъ Великимъ. (Депеша къ Моммзену, октябрь 1900 года).

Наблюдавшіе настроеніе умовъ въ Германіи говорятъ, что идеи и поведеніе императора находятъ благопріятный откликъ въ общественномъ мнѣніи и согласуются съ вожделѣніями „истинно нѣмецкихъ нѣмцевъ“. Полковника Бернгарди поддержали всѣ и рукоплескали, когда онъ произнесъ свою рѣчь въ Берлинскомъ военномъ собраніи. „Главный вождь, — сказалъ онъ: — будетъ признавать единственнымъ закономъ свои планы и свою волю. Только свободно зачатая мысль, примѣненная на дѣлѣ твердой и смѣлой волей, можетъ породить великія дѣла, которыя обезпечиваютъ или измѣняютъ условія существованія людей и государствъ“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что о миролюбіи Вильгельма II не можетъ быть рѣчи. Его планъ — нападеніе и расширеніе своихъ владѣній. Даже его одноплеменный сосѣдъ — Австрія — обреченъ въ жертву честолюбія Цезаря изъ Берлина. Вильгельмъ II рѣшилъ къ извѣстному сроку быть настолько сильнымъ, чтобы однимъ ударомъ сразить своихъ сосѣдей и сѣсть на тронъ Великой Германіи. Съ 1899 года онъ начинаетъ рѣшительную ломку арміи и внезапно вноситъ въ рейхстагъ военный законъ. Начинается лихорадочная работа, и производятся крупныя фортификаціонныя сооруженія.

Въ Страсбургѣ, и безъ того прекрасно защищенномъ, произведены новыя работы. Въ Мюльсхеймѣ возведены два могучихъ форта. Ней-Бризакъ, близъ Кольмара, сталъ первоклассной крѣпостью. Въ Гитранжѣ, близъ Тріонвиля, возводится фортъ. Вокругъ Меца сооружаютъ четыре форта: фортъ „Пуанъ-дю-Журъ“, на самомъ полѣ сраженія при Гравелоттѣ; фортъ „Анси“, орудія котораго господствуютъ надъ французской пограничной станціей Батильи, на линіи Верденской желѣзной дороги; фортъ „Хэзелеръ“ на вершинѣ Сенъ-Блэза и фортъ „Имперскій Принцъ“ на вершинѣ Горжимона. Такія же постройки одновременно стали производиться и на русской границѣ, а именно въ Торнѣ, Кёнигсбергѣ и Бреславлѣ.

Вся эта спѣшная работа свидѣтельствовала и свидѣтельствуетъ несомнѣнно о томъ, что императоръ Вильгельмъ подготавливалъ событія, наступленіе которыхъ онъ считалъ близкими. Росъ военный флотъ, реформировалась и увеличивалась армія, дрессировались почтовые голуби, производились фортификаціонныя работы, поспѣшно создавался воздушный флотъ.

Вильгельмъ II быстрыми шагами шелъ къ своей кровавой цѣли, и это въ то время, когда ни со стороны Франціи ни со стороны Россіи ничего не предпринималось такого, что бы могло встревожить берлинское правительство. Наоборотъ, Гаагская конференція привлекла всеобщее вниманіе, и народамъ казалось, что они смогутъ облегчить бремя милитаризма. Даже въ самой Германіи военный законъ поразилъ всѣхъ, а увеличенные налоги встрѣчены были народными массами съ нескрываемымъ неудовольствіемъ. Но императоръ Вильгельмъ II былъ глухъ ко всему и продолжалъ шагать къ своей цѣли.

Если бы на этомъ остановиться, то картина подготовленія Вильгельма II къ войнѣ со своими сосѣдями была бы неполной. Теперь развернулась передъ всѣмъ міромъ та сѣть коварной, двуличной, построенной на обманѣ, политики, которой Вильгельмъ II старался опутать Францію и Россію и, готовя имъ гибель, игралъ на ихъ довѣріи и вѣковыхъ традиціяхъ родства и дружбы. Возводя все новыя и новыя укрѣпленія на французской границѣ, Вильгельмъ II сумѣлъ сдѣлать такъ, что Франція одно время склонялась къ союзу съ нѣмцами. Германскій императоръ сумѣлъ усыпить бдительность министровъ на берегахъ Сены, и они носились съ мечтой осуществить франко-русско-германское соглашеніе противъ Англіи.

Въ іюлѣ 1899 года Вильгельмъ II очутился въ гостяхъ у французовъ! Это было настолько необычайно, что газета „Berliner Tageblatt“, протирая глаза отъ изумленія, воскликнула: „Германскій императоръ на суднѣ французскаго государства! Французскіе гардемарины, маневрирующіе передъ прусскимъ королемъ! Это — первое официальное дѣйствіе Франціи, совершенное съ цѣлью засвидѣтельствовать желаніе установить дружественныя отношенія съ Германіей...“

Удивительно, какъ Франція не замѣтила, что Вильгельмъ II употребляетъ совершенно тотъ же пріемъ, какъ и всѣ Гогенцоллерны. Если бы правящіе круги порылись въ исторіи своихъ отношеній къ Германіи, то увидѣли бы, что передъ каждымъ крупнымъ политическимъ событіемъ Гогенцоллерны усыпляли ее. Такъ же поступилъ съ Франціей и дѣдъ Вильгельма II. Какъ извѣстно, Вильгельмъ I въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тянулъ дружескіе переговоры съ парижскимъ дворомъ и якобы налаживалъ союзъ, а въ то же самое время готовилъ страшный ударъ Наполеону III и странѣ.

Въ отношеніи Россіи политика Вильгельма II была такою же, хотя пріемы ея иные. Германскій императоръ официально завѣрялъ въ Петербургѣ, что онъ преисполненъ добрыхъ чувствъ по отношенію къ Россіи. Но въ эти сладкія рѣчи какъ-то само собою вкрапливалось пожеланіе объ обязательномъ разрушеніи франко-русскаго союза. Надо отдать справедливость Вильгельму II, что дѣлалъ онъ это чрезвычайно ловко. Искусно разставленныя ловушки, по крайней мѣрѣ временно, лишили франко-русскій союзъ его первоначальнаго характера и позволили парижскимъ органамъ интернаціональной печати поднять вопросъ о томъ, существуетъ ли въ дѣйствительности союзъ Царя съ Франціей. Писались статьи о разстроенныхъ, якобы, русскихъ финансахъ, а банкиры маленькихъ провинціальныхъ городковъ совѣтовали своимъ кліентамъ продавать русскія бумаги. Надо сказать, что банкиры эти дѣйствовали, не понимая, на чью мельницу они льютъ воду. Они были лишь отголоскомъ столичныхъ крупныхъ финансовыхъ тузовъ, которые, повидимому, направляли свою дѣятельность, повинуясь чьему-то таинственному приказу. Все это захватило общественное мнѣніе Франціи и вызвало антирусскую кампанію. Но въ то время, какъ агенты Вильгельма старались расшатать франко-русскій союзъ и наладить отношенія съ Германіей, вдругъ Франція узнала, что между Германіей и Англіей состоялось соглашеніе, направленное противъ Франціи. 24 октября 1900 года императоръ Вильгельмъ II произнесъ рѣчь, въ которой торжественно провозгласилъ о новомъ соглашеніи и его прочности: „Соглашеніе съ величайшимъ изъ германскихъ государствъ, исключая Германіи, — сказалъ онъ: — сдѣлается въ будущемъ могучимъ вспомогательнымъ средствомъ для совмѣстныхъ усилій обоихъ народовъ на всемірномъ рынкѣ, гдѣ они могутъ дружественно конкурировать другъ съ другомъ, *безо всякаго враждебнаго между собою столкновенія*“.

Поль Дешанель въ своей рѣчи при пріемѣ во Французскую Академію совершенно вѣрно сказалъ, что Вильгельмъ II еще разъ примѣнилъ по отношенію къ Франціи все ту же политику, къ которой прибѣгалъ Бисмаркъ, и еще разъ попытался осуществить планъ „желѣзнаго канцлера“: „поссорить насъ съ Англіей, затѣмъ круто повернуть, сблизиться съ нею и оставить насъ болѣе одинокими, чѣмъ когда-либо...“

Это постоянное лавированіе Вильгельма II между тремя величайшими державами привело послѣднія къ сознанію, что онъ одновременно готовитъ ковы противъ всѣхъ трехъ, замышляя поражать ихъ по очереди, временно усыпляя остальныхъ то традиціями родственныхъ узъ правителей, то кровной близостью германской и англо-саксонской расы, то наконецъ всеисцѣляющей силой времени, заживляющаго глубокія народныя раны, нанесенныя сорокъ лѣтъ тому назадъ. И постепенно создались франко-русскій союзъ и франко-англійское и англо-русское соглашенія.

Тѣсно сомкнувшееся кольцо мира разрушало всѣ завоевательные планы Вильгельма II, и онъ, очевидно, не вѣря въ крѣпость этихъ союзныхъ отношеній, рѣшилъ, что уже наступило время дѣйствовать, и обрушился сначала на сильнѣйшаго врага — на Россію.

Тотъ, кто обращался недавно къ народамъ Европы съ призывомъ оберегать свои культурныя блага противъ „желтой опасности“, надвигавшейся съ Востока, самъ превратился въ истребителя культуры, Атиллу Запада.

Варвары.

II. Нѣмецкіе офицеры во Франціи въ 1870 г.

Очеркъ **Б. Никонова.**

Въ предыдущемъ очеркѣ мы дали картину звѣрствъ и жестокостей нѣмцевъ въ 1870 г. на основаніи воспоминаній очевидцевъ. Здѣсь мы приводимъ рядъ яркихъ картинъ той же эпохи, изображенныхъ въ художественныхъ произведеніяхъ. Въ нихъ мы встрѣчаемъ, такъ сказать, коллективный портретъ воинствующаго нѣмца. Мы нарочно взяли художественныя изображенія, потому что они ярче и правдивѣе простыхъ реляцій и сообщеній. Художникъ даетъ намъ детально разработанныя фигуры, взятыя прямо съ натуры. И намъ остается лишь избрать художника, наиболѣе объективнаго и наименѣе склоннаго къ тенденціознымъ преувеличеніямъ.

Такимъ художникомъ именно является Мопассанъ. Непосредственный свидѣтель всей эпохи франко-германской войны 70-го года, Мопассанъ всегда отличался рѣдкой уравновѣшенностью, какъ художникъ-беллетристъ. И, что всего цѣннѣе для насъ въ данный моментъ, Мопассанъ никогда ничего не „придумывалъ“: по собственному признанію, онъ всѣ свои разсказы, всѣ типы и образы бралъ прямо изъ жизни.

Страшная и величавая страница изъ французской исторіи — семидесятый годъ — вызвала крупную и многостороннюю литературу во Франціи. Ея изобразителями и истолкователями были, кромѣ Мопассана, А. Додэ, Э. Зола и многіе изъ второстепенныхъ художниковъ. Иные изъ писателей черезчуръ поддавались настроенію ненависти къ пруссакамъ и скорби по поводу разгрома отчизны. Всѣхъ трезвѣе былъ Мопассанъ, но и его упрекали въ тенденціозности. Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ разсказовъ французскаго новеллиста — и пусть наши читатели сами рѣшаютъ, „преувеличивалъ“-ли Мопассанъ. Достаточно сопоставить съ его изображеніями все то, что мы за послѣднее время читаемъ и слышимъ о „подвигахъ“ нѣмцевъ, чтобы притти къ убѣжденію, какъ правдивы его образы и какъ неизмѣнна душа тевтонца.

На литературное поприще Мопассанъ выдвинулся своимъ разсказомъ „Пышка“ (Boule de suif). Содержаніе этого разсказа цѣликомъ взято изъ эпохи разгрома Франціи. Небольшая компанія французскихъ путешественниковъ застряла на маленькой станціи по капризу нѣмецкаго лейтенанта. Лейтенантъ не желаетъ пропустить путниковъ, пока одна изъ путешественницъ — „Пышка“ — не подчинится его безобразной прихоти. За „Пышку“ вступаются остальные пассажиры, люди съ большимъ общественнымъ положеніемъ. Они являются депутатами къ лейтенанту, и вотъ какъ принимаетъ ихъ лейтенантъ:

„Онъ растянулся на креслѣ, положивъ ноги на каминъ и куря длинную фарфоровую трубку. На немъ былъ халатъ яркихъ цвѣтовъ, очевидно, принадлежавшій прежнимъ хозяевамъ этого жилища. Онъ не всталъ, не поздоровался съ вошедшими, даже не глядѣлъ на нихъ. Онъ представлялъ собою великолѣпный образчикъ прирожденной грубости.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ наконецъ промолвилъ:

— Чего вамъ надо?

Графъ началъ:

— Мы желали бы уѣхать отсюда.

— Нельзя!

— Могу я узнать причину этого отказа?

— Я не желаю этого. Вотъ и все. Вы можете уходить“.

Въ этомъ разсказѣ Мопассанъ даетъ „образчикъ прирожденной грубости“ нѣмецкаго офицера. Въ другихъ разсказахъ мы встрѣчаемъ кое-что неизмѣримо худшее. Такъ, въ „Безумной“ знаменитый новеллистъ рисуетъ возмутительный по безцѣльной жестокости поступокъ офицера, не отступившаго въ своихъ жестокихъ издѣвательствахъ даже предъ завѣдомо больной женщиной. Нѣмецкія войска расквартированы среди мѣстныхъ жителей-французовъ. Нѣсколько солдатъ во главѣ съ лейтенантомъ, „грубымъ насильникомъ“, попали на постой къ больной дамѣ. Эта дама, впавшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ тихое сумасшествіе, все время лежитъ въ постели и молчитъ. Попавшій къ ней на жительство пруссакъ считаетъ ея „поведеніе“ оскорбительнымъ для себя: ему кажется, что хозяйка не показывается и не появляется къ нему изъ гордости. И хотя ему говорятъ, что она больна, онъ не вѣритъ и отправляется къ ней самолично „поднимать ее съ постели“.

— Я прошу васъ, мадамъ, встать и пожаловать ко мнѣ внизъ!—промолвилъ онъ грубымъ тономъ.

Она повернула къ нему свой блуждающій взглядъ и ничего не отвѣтила.

Онъ продолжалъ:

— Я не выношу заносчивости. Если вы не встанете по доброй волѣ, я найду способъ заставить васъ прогуляться.

Она не отвѣтила ему ни единымъ жестомъ; она была все время неподвижна, какъ будто не видѣла его предъ собой.

Онъ выходилъ изъ себя, принимая это спокойное молчаніе за выраженіе высшаго презрѣнія...

На другое утро больная осталась попрежнему лежать. Офицеръ опять явился и въ гнѣвѣ хотѣлъ силой стащить ее съ кровати. Но потомъ онъ впалъ въ раздумье и вдругъ, расхохотавшись, отдалъ какое-то приказаніе своимъ солдатамъ по-нѣмецки.

Спустя нѣсколько минутъ, больную вмѣстѣ съ ея постелью положили на носилки, и солдаты понесли ее въ лѣсъ. Офицеръ смѣялся и потиралъ отъ удовольствія руки:

— Посмотримъ, не пожелаете ли вы теперь наконецъ одѣться и совершить маленькую прогулку...

Солдаты оставили больную въ лѣсу и вернулись обратно. И съ той поры уже никто не видѣлъ несчастной женщины. Оккупаціонный нѣмецкій отрядъ былъ уведенъ. Наступила зима. Въ лѣсахъ бѣгали и выли волки.

И лишь весной былъ найденъ обглоданный волками трупъ несчастной жертвы лейтенанта-шутника... Она такъ и лежала на своемъ матрасѣ".

Необычайно яркій и любопытный типъ нѣмецкаго офицера Мопассанъ даетъ въ знаменитомъ разсказѣ „Мадемуазель Фифи". Здѣсь фигурируетъ уже цѣлая компанія нѣмецкихъ варваровъ, которые хозяйничаютъ въ покинутомъ французскомъ зàмкѣ, портятъ камины, ковры, вытаскиваютъ спрятанное столовое серебро, пьянствуютъ и насильничаютъ. Это—истинные варвары; во главѣ ихъ—маркизъ Вильгельмъ Эйрикъ.

„Съ момента вступленія во Францію товарищи маркиза называли его не иначе, какъ „мадемуазель Фифи". Это прозвище возникло благодаря кокетливой фигуркѣ маркиза, его тонкой таліи, которую онъ затягивалъ въ корсетъ, его блѣдному лицу, на которомъ едва пробивались усики, и въ особенности благодаря его манерѣ употреблять для выраженія наивысшаго презрѣнія французское выраженіе: „fi, fi donc".

Этотъ кокетливый маленькій офицеръ съ тонкой, какъ у женщины, таліей, развлекается въ зàмкѣ тѣмъ, что устраиваетъ въ комнатахъ взрывы и разрушаетъ драгоцѣнную посуду, хрусталь, старинный фарфоръ, статуэтки и картины. Остальные офицеры съ удовольствіемъ и съ выраженіемъ какого-то ребяческаго любопытства участвуютъ въ этихъ взрывахъ. Увидѣвъ на стѣнѣ портретъ какой-то дамы, маркизъ прицѣливается въ него изъ револьвера и пробиваетъ пулями оба глаза. Другіе портреты въ фамильной галлереѣ зàмка носятъ такіе же варварскіе слѣды — дѣло рукъ того же маленькаго женственнаго маркиза: къ мужскимъ портретамъ пририсованы углемъ длинныя трубки и сигары, а у женщинъ намалеваны усы и бороды.

Скучающіе въ зàмкѣ офицеры устраиваютъ пиршество съ участіемъ женщинъ. Изъ сосѣдняго города привозятъ пять дѣвушекъ. И въ видѣ перваго привѣта „мадемуазель Фифи" вмѣстѣ съ поцѣлуемъ пускаетъ одной изъ нихъ табачный дымъ въ носъ и ротъ, такъ что та едва не задыхается. Далѣе во время кутежа „Фифи" кусаетъ до крови губы своей дамѣ, щиплетъ ее... Затѣмъ начинается ссора изъ-за того, что пьяные офицеры стали кричать оскорбительныя фразы по адресу французовъ и Франціи. Молоденькая Рахиль не вытерпѣла и вступилась за оскорбляемую родину. Тогда храбрый нѣмецкій офицеръ, маркизъ Эйрикъ или, иначе, „мадемуазель Фифи" ударилъ съ размаху по щекѣ дѣвушку... Та схватила столовый ножъ и убила его."

Въ разсказѣ „Два друга" онъ изображаетъ двухъ парижанъ, страстныхъ рыболововъ, принужденныхъ отказаться отъ этого удовольствія въ осажденномъ пруссаками Парижѣ. Оба друга — Мориссо и Соважъ—простоватые, средней руки люди, далекіе отъ какой бы то ни было политики и отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ вооруженную борьбу съ врагомъ. Имъ только бы порыбачить! И вотъ въ одинъ прекрасный день пріятели находятъ возможность пробраться съ удочками за французскіе аванпосты на берегъ Сены. Забывъ все на свѣтѣ отъ наслажденія, дорвавшись до любимаго занятія, Соважъ и Мориссо не замѣчаютъ, что какъ разъ противъ нихъ, на островѣ, находятся нѣмцы. И вотъ оба пріятеля схвачены и приведены къ нѣмецкому офицеру.

— Хорошо ли вы рыбачили, господа? — насмѣшливо спросилъ ихъ офицеръ.

Нѣмецкій солдатъ, арестовавшій пріятелей, положилъ къ ногамъ офицера мѣшокъ съ живыми угрями—результатъ рыбаченья.

Пруссакъ улыбнулся: „Ага, я вижу, что дѣло шло хорошо... Но дѣло, собственно, не въ этомъ. По-моему, вы не что иное, какъ шпіоны. Я васъ поймалъ и я васъ разстрѣляю. Но такъ какъ вы прошли черезъ аванпосты, то вы должны знать пароль для возвращенія. Сообщите мнѣ этотъ пароль, и я васъ помилую.

Соважъ и Мориссо молчали. Офицеръ продолжалъ запугивать ихъ разстрѣломъ: „Черезъ пять минутъ вы будете на днѣ рѣки... Подумайте объ этомъ! У васъ навѣрное есть родители?.." Затѣмъ онъ пытался узнать пароль по одиночкѣ у каждаго изъ пріятелей. Но французы молчали. И тогда „четырнадцать выстрѣловъ слились въ одинъ залпъ"... Нѣмецкіе солдаты привязали къ трупамъ камни и бросили бѣдныхъ рыболововъ-героевъ въ рѣку...

Затѣмъ произошло самое отвратительное... Офицеръ замѣтилъ въ травѣ сѣтку съ блестящими угрями. Онъ поднялъ сѣтку, разсмотрѣлъ ее, улыбнулся и крикнулъ:

— Вильгельмъ!

Прибѣжалъ солдатъ въ бѣломъ передникѣ. И пруссакъ, бросивъ ему сѣтку съ угрями, пойманными тѣми, кого онъ только что приказалъ разстрѣлять, скомандовалъ:

— Изжарь мнѣ ихъ, пока они еще живы. Это будетъ отлично!

И онъ опять принялся спокойно курить свою трубку..."

Эта сценка, какъ и все, что изображалъ Мопассанъ, очевидно, взята прямо изъ жизни.

Предъ нами наконецъ еще одинъ разсказъ, характеризующій съ необычайной яркостью нѣмецкую „шутливость"... Вспомнимъ о тѣхъ издѣвательствахъ и насмѣшкахъ, которымъ подвергались теперь въ Германіи русскіе. Вспомнимъ о томъ, какъ нѣмцы потѣхи ради раздѣвали до-нага женщинъ, угрожали разстрѣломъ дѣтямъ, морили русскихъ голодомъ и въ присутствіи голодныхъ людей пили и ѣли — „шутки ради"... И, вспомнивъ все это, прочитайте разсказъ Мопассана „Дуэль".

Дѣйствіе происходитъ въ поѣздѣ. Господинъ Дюбюи, французскій купецъ, толстый и миролюбивый человѣкъ, ѣдетъ изъ Парижа по окончаніи войны домой къ женѣ и дѣтямъ. На одной изъ станцій въ купэ къ нему входитъ прусскій офицеръ. Вначалѣ все идетъ благополучно. Тутъ же сидятъ два англичанина-туриста и разсматриваютъ поля недавнихъ сраженій. Нѣмецъ обращается къ нимъ:

— Я убилъ двѣнадцать французовъ въ этой деревнѣ. Я взялъ въ плѣнъ болѣе ста французовъ.

Г. Дюбюи закрылся газетой, чтобы не принимать участія въ разговорѣ, но нѣмецъ, замѣтивъ, что предъ нимъ французъ, сталъ забавляться:

— Я взялъ этихъ негодяевъ-французовъ за уши.

И онъ поглядывалъ на г. Дюбюи и горделиво посмѣивался себѣ въ бороду.

— Если бы я имѣлъ надлежащую власть,—продолжалъ онъ:— я взялъ бы Парижъ и сжегъ бы все и убилъ бы всѣхъ. Долой всю Францію!

Дюбюи молчалъ. Молчали и англичане.

— Черезъ двадцать лѣтъ вся Европа,—да вся Европа,—будетъ принадлежать намъ. Пруссія будетъ сильнѣе всѣхъ.

Нѣмецкій офицеръ принялся смѣяться. Откинувшись на спинку дивана, онъ издѣвался надъ всѣмъ: надъ побѣжденной Франціей, надъ ея защитниками, которыхъ онъ ругалъ самыми скверными словами, надъ упорной, но неудачной защитой провинцій, надъ французской арміей, надъ ея оружіемъ. Онъ заявилъ, что Бисмаркъ построитъ желѣзный городъ, укрѣпленный отвоеванными у французовъ пушками. И внезапно онъ положилъ свои ноги прямо на диванъ къ Дюбюи, почти на колѣни къ послѣднему. Французскій купецъ покраснѣлъ отъ негодованія, но молчалъ.

Нѣмецъ вынулъ изо рта трубку и обратился къ нему:

— У васъ есть табакъ?

— Нѣтъ, сударь.

— Когда поѣздъ остановится, я прошу васъ пойти и купить мнѣ табаку.

И прибавилъ, смѣясь:

— Я вамъ дамъ на водку.

Когда поѣздъ остановился, нѣмецъ отдернулъ портьеру и, взявъ Дюбюи за руку, промолвилъ:

— Ступайте, исполните мое порученіе. Скорѣе, скорѣе!

Дюбюи вырвался отъ него и бросился въ другое отдѣленіе вагона. Но нѣмецъ послѣдовалъ за нимъ и туда.

— Вы не исполнили моего приказанія?—началъ онъ.

— Нѣтъ, сударь!

— Въ такомъ случаѣ я отрѣжу ваши усы, чтобы набить мою трубку.

Нѣмецъ протянулъ руку къ лицу г. Дюбюи. Но тотъ вспыхнулъ и бросился на своего врага. Онъ повалилъ его на диванъ и сталъ бить. Явившіеся сюда же англичане съ интересомъ наблюдали, чѣмъ это кончится. А кончилось тѣмъ, что избитый нѣмецкій офицеръ вызвалъ французскаго коммерсанта на дуэль. Дуэль состоялась на одной изъ слѣдующихъ станцій, при чемъ секундантами были любопытствующіе англичане. Г. Дюбюи, не цѣлясь, выстрѣлилъ въ своего противника и наповалъ убилъ его. Англичане взяли его подъ руки, торжественно провели обратно къ поѣзду и тамъ троекратно прокричали въ его честь:

— Hip, hip, hurra!

Этотъ разсказъ Мопассана въ прежнее время производилъ впечатлѣніе тенденціознаго пересола. Но кто же теперь послѣ всѣхъ тѣхъ издѣвательствъ, которыя были продѣланы нѣмцами надъ русскими людьми, будетъ придерживаться этого прежняго мнѣнія? Мопассанъ, очевидно, и здѣсь срисовывалъ все съ натуры.

Наглость, жестокость, безсмысленная надменность и грубость сквозятъ въ каждой чертѣ нѣмцевъ, изображенныхъ геніальнымъ французскимъ художникомъ.

До свиданія на позиціяхъ!

Разсказъ **Ивана Островного.**

(Окончаніе).

IV.

Полковникъ въ отставкѣ Алексѣй Семеновичъ Комарницкій жилъ на Петербургской Сторонѣ, занимая свѣтлыя, уютно обставленныя комнаты. Служилъ ему Корнѣй, когда-то до войны, состоявшій у него денщикомъ, а потомъ, по выходѣ въ запасъ, явившійся къ нему и изъявившій готовность состоять при немъ. И онъ дѣлалъ въ домѣ все, не допуская участія какой бы то ни было другой прислуги: варилъ обѣдъ, убиралъ комнаты, ходилъ на посылкахъ и со всѣмъ справлялся какъ нельзя лучше.

Такъ какъ въ этотъ день Андрею и на службу надо было притти раньше обыкновеннаго, то онъ вышелъ изъ дому въ девять и въ половинѣ десятаго былъ уже около квартиры Алексѣя Семеновича. Къ его удивленію, на звонъ въ квартирѣ никто не откликнулся. Это было очень странно: полковникъ никогда раньше полудня не выходилъ изъ дома. Но если даже и вышелъ, то въ квартирѣ долженъ бы находиться Корнѣй.

И такъ какъ Андрей не видался съ своимъ дядей уже недѣли три, то у него явилась мысль, не уѣхалъ ли онъ куда-нибудь изъ Петербурга. Въ послѣднее время онъ что-то сталъ жаловаться на плечо. Могъ уѣхать для лѣченья грязевыми ваннами, которыя ему помогали, или на свой хуторокъ, — и ужъ въ такомъ случаѣ, конечно, взялъ бы съ собой Корнѣя.

И когда въ головѣ его возникло это предположеніе, мгновенно онъ почувствовалъ такъ, какъ будто у него была мучительная боль и вдругъ прошла. „Дяди нѣтъ, и ни о чемъ просить его нельзя, значитъ—все будетъ такъ, какъ должно", — мелькнуло у него въ головѣ. Но увѣренности не было: поэтому онъ спустился въ дворницкую и тамъ спросилъ о дядѣ.

— А они ушли съ утра! — отвѣтили ему.—Куда—не знаю, а только, должно-быть, по военному дѣлу, потому даже ордена свои надѣли.

— А Корнѣй? Его вѣдь тоже нѣтъ...

— Корнѣй пошелъ записываться.

— Куда записываться?

— А извѣстно, куда: на призывъ. Онъ запасной. Вотъ и у насъ обоихъ младшихъ дворниковъ берутъ. Нынче всѣ идутъ. Да вы извольте подождать. Алексѣй Семенычъ навѣрно скоро будутъ.

Андрей остался ждать. Онъ бродилъ по улицѣ, не отходя на большое разстояніе отъ дома. „Облегченіе", которое онъ почувствовалъ на минуту, смѣнилось еще большей тяжестью. „Всѣ идутъ... Корнѣй, который уже отслужилъ свое и чуть ли даже не воевалъ, идетъ... Два дворника пошли... Костя, Вахтинъ... Идутъ безъ принужденія, съ охотой, съ воодушевленіемъ, отдаютъ свои силы и жизнь... А я пришелъ клянчить дядиной протекціи, чтобы увильнуть... Этого хочетъ Катенька, которую я люблю. Да знаетъ ли она, чего хочетъ? Не долженъ ли я пойти наперекоръ ей, хотя бы она стала отъ этого и несчастной?"

Конечно, онъ отвѣчалъ себѣ, что долженъ, но не уходилъ, поджидалъ дядю и зналъ, что все-таки будетъ „клянчить".

„Эхъ, — говорилъ онъ себѣ:— какъ было бы хорошо, если бъ дядя спустилъ меня съ лѣстницы".

— Стой-ка, стой!—послышался невдалекѣ знакомый голосъ.

Андрей оглянулся и увидѣлъ только-что вынырнувшій изъ-за угла извозчичій экипажъ. Въ немъ сидѣлъ полковникъ, который, увидѣвъ его, схватилъ извозчика за плечо, тотъ потянулъ возжи — и экипажъ остановился.

Полковникъ соскочилъ на мостовую, ткнулъ извозчику деньги и обратился къ Андрею:

— Ты ко мнѣ, голубчикъ? Ну, вотъ, хорошо, что я тебя нагналъ... Идемъ!

— Да я уже тутъ минутъ двадцать шагаю, дядя. Звонилъ къ вамъ, но никто не отвѣтилъ. Ни васъ ни Корнѣя.

— Да, да, Корнѣй ушелъ на явку. Но ничего, у меня есть ключъ. Давно не видались. Что забываешь меня? Ахъ, да, впрочемъ, у тебя есть служба... Нѣтъ, какіе порядки... — говорилъ онъ, когда они поднимались по лѣстницѣ.—Казенное учрежденіе. Пріѣзжаю въ девять часовъ, и мнѣ говорятъ, что только къ одиннадцати соберутся. Понимаешь? Народу тамъ, должно-быть, не одна тысяча ждетъ... А впрочемъ, это послѣ... Прежде всего я долженъ спросить тебя о женѣ. Какъ здоровье Катерины Ивановны?

Андрей довольно угрюмо отвѣтилъ и прибавилъ, что Катя кланяется ему. Они вошли въ квартиру.

— Эхъ, и угостить тебя ничѣмъ не могу. Безъ Корнѣя, какъ безъ рукъ. Этакій хитрецъ, пріучилъ меня къ себѣ, и сталъ —

Вѣсти съ войны. Рисунокъ И. А. Владимірова.

точно какая-нибудь часть моего тѣла. Бѣда, братъ, намъ, одиночкамъ. Есть много преимуществъ, но и бѣда... Какъ же твои дѣла? Разсказывай. Я совсѣмъ потерялъ тебя изъ виду. Э, я вспомнилъ: сливки кипяченыя есть, а кофе я сварю на машинкѣ. Вотъ и угостимся.

Андрей разсказывалъ о своихъ дѣлахъ,—они были самыя заурядныя, и даже больше въ нихъ было пріятнаго, а тонъ у него былъ такой похоронный, какъ будто все это были несчастья.

— Ну, что жъ, отлично. Все недурно. И если еще прибавить, что у тебя есть жена, которая тебя любитъ, то и окажется, что ты одинъ изъ счастливцевъ... А видъ у тебя, между тѣмъ, неважный. Не то заработался, не то съ женой поссорился...

Андрей принужденно усмѣхнулся:

— Нѣтъ, дядя, ничего такого...

— Ну, такъ тѣмъ лучше. А дѣла-то, дѣла каковы! Ну, можно ли было думать, что міръ, послѣ того, какъ онъ такъ далеко ушелъ въ наукахъ и искусствахъ, самъ себя, свои великолѣпные города и парки начнетъ обращать въ груды развалинъ... Ты былъ вчера на улицѣ?

— Нѣтъ, дядя, я не былъ. Катя была и разсказывала.

— А, Катя; ну, такъ она молодецъ! А я попалъ въ самую гущу... Да что со мной сдѣлалось, даже самъ не понимаю. Есть, братъ Андрюша, что-то такое, что сильнѣе насъ. Вѣдь вотъ я—инвалидъ, съ одной дѣйствующей рукой, съ вѣчно ноющимъ плечомъ. Ужъ думалъ: никуда не гожусь. А вчера воодушевился, вскочилъ гдѣ-то на заборъ около новой постройки и сказалъ рѣчь, да какую! Откуда слова взялись. И теперь ужъ кончено: больше мирно жить не могу. И вотъ сейчасъ ѣздилъ, да оказалось, что рано... Ну, такъ опять поѣду и своего добьюсь.

— Чего это, дядя?

— Какъ чего? На войну, въ строй, въ ряды! Если не согласятся, такъ хоть солдатомъ пойду. Понимаешь, такое чувство, что дома оставаться нельзя. Буду денно и нощно чувствовать себя преступникомъ. Да какъ же! Мои товарищи, да и всѣ остальные, нѣсколько милліоновъ людей моихъ соотечественниковъ, подставляютъ грудь подъ пули и ядра, а я тутъ буду сидѣть на пенсіи да пить кофе со сливками! Да ни за что!

— Но какъ же, дядя, вы будете воевать, когда у васъ правая рука не дѣйствуетъ?

— Что такое? Правая рука? А чѣмъ она лучше лѣвой? А я лѣвой теперь дѣйствую не хуже, чѣмъ всякій другой правой. Пусть попробуютъ, пусть сдѣлаютъ экзаменъ моей лѣвой рукѣ! Я, братецъ ты мой, сторонникъ мира. Что можетъ быть лучше мирной, спокойной работы каждаго за своимъ дѣломъ! Но когда этой работѣ мѣшаютъ, когда у моего родного народа изъ-подъ носа хотятъ вырвать кусокъ земли, которую предки его добыли своею кровью, такъ ужъ тутъ — нѣтъ, братъ, шалишь! Мирная работа на время въ сторону; я захлопываю книжку и запираю въ шкапъ кофейную машинку. Надо обороняться... Что? Развѣ не такъ?.. Ну, а пока кофейная машинка не заперта, вотъ и кофе вскипѣлъ. Тащи-ка изъ кухни сливки, тамъ гдѣ-то Корнѣй ихъ поставилъ, — и давай кутить, — ха-ха-ха!.. Пока мирно, а потомъ посмотримъ!.. Черезъ часъ я опять поѣду туда и ужъ вернусь домой не иначе, какъ зачисленнымъ на дѣйствительную службу.

V.

И Андрей пилъ кофе и слушалъ воинственныя рѣчи дяди Леши, и ему даже въ голову не приходило сказать ему о цѣли своего посѣщенія. Ну, какъ же въ самомъ дѣлѣ! Человѣкъ, прожившій уже главную и значительно бо̀льшую часть жизни, лишенный руки, вѣчно страдающій отъ боли въ плечѣ, — и вотъ онъ при извѣстіи о войнѣ весь зажегся и горитъ, какъ костеръ. Глаза его блестятъ, голосъ звучитъ, какъ труба, явилась какая-то, несвойственная ему, подвижность, лицо оживилось, даже станъ выпрямился. Прямо чудо какое-то.

И этотъ человѣкъ, до сихъ поръ такъ любившій покой и свою уютную квартирку и свое безмятежное одиночество, рвется на войну, готовъ стать хоть на передовыя позиціи. И такому человѣку, въ такомъ настроеніи предъявить просьбу, чтобъ онъ хлопоталъ объ освобожденіи отъ военной службы, — кого?—его, Андрея, молодого, здороваго, сильнаго!

Нѣтъ, это невозможно. Онъ не пойметъ, онъ просто не станетъ слушать. Да и кромѣ того, Андрею самому съ каждой минутой становилось все болѣе и болѣе стыдно своего намѣренія. Оно не отъ него исходило, оно было навязано ему,—но развѣ это не все равно? Человѣку убѣжденному нельзя навязать рѣшеніе, противорѣчащее его убѣжденію. И если онъ скажетъ дядѣ, то будетъ отвѣчать передъ нимъ онъ, а не Катя.

А полковникъ ударился въ воспоминанія о прошлой войнѣ, которая сыграла такую роковую роль въ его жизни. Но ни малѣйшей горечи не было въ его словахъ. Онъ потерялъ руку, но это случайность,—онъ исполнялъ свой долгъ. Другіе, столь же храбрые, ничего не потеряли, а иные отдали жизнь. И всѣ равны передъ родиной, потому что всѣ съ одинаковой готовностью несли ей свою жизнь.

Андрюшѣ уже было пора итти на службу, но онъ не двигался. Разсказы дяди были такъ интересны и живы, что ему хотѣлось слушать ихъ безъ конца.

Въ кухнѣ щелкнулъ ключъ въ замкѣ, и кто-то вошелъ.

— Это—Корнѣй!—сказалъ полковникъ и громко черезъ дверь прибавилъ:—Ну, что, вояка, записался?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе! — зычнымъ голосомъ отвѣтилъ изъ кухни Корнѣй:—все сдѣлано, какъ слѣдуетъ быть

— А не забраковали тебя? Не нашли, что ты отпустилъ слишкомъ большой животъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

— Ну, иди сюда!

И Корнѣй вошелъ и своимъ видомъ изумилъ полковника.

— Какъ! Ты уже въ военномъ?

— Такъ точно. Сразу и обрядили!..

На немъ дѣйствительно была солдатская шинель, подъ нею тоже что-то военное, а на ногахъ новые большіе сапоги.

— Ну, скажите, пожалуйста!—говорилъ полковникъ, со всѣхъ сторонъ разглядывая его.—Онъ уже готовъ! Вишь, какъ ему повезло. Ну, такъ ѣду и устраиваю свои дѣла. Ахъ, Андрюша, вѣдь и ты тоже пойдешь. Льгота твоя кончилась. Эхъ, если бъ намъ всѣмъ троимъ въ одно мѣсто. Весело было бы.

— Да,—сказалъ Андрей:—я пойду.

— Только ужъ, ваше высокоблагородіе,—промолвилъ Корнѣй:—ежели что, такъ я въ строй. Денщика ужъ, пока что, другого возьмите. А опосля, ежели останусь цѣлъ, всю жизнь буду служить вамъ.

— Э, милый, какіе же на войнѣ денщики. Тамъ, братъ, генералы должны сами для себя печь картофель. Ну, а пока мы еще не на войнѣ, помоги-ка мнѣ одѣться. А когда тебѣ приказано явиться?

— Завтра къ полудню.

— Ну, идемъ же, Андрей... Тебѣ еще въ штатскомъ погулять придется до призыва, но, кажется, не долго. Призывъ навѣрно будетъ нынче раньше. А изъ тебя хорошій солдатъ выйдетъ, право! Правда, Корнѣй? Этакихъ немного найдется.

— Андрей Васильевичъ на васъ похожи, какъ ваше высокоблагородіе до войны были. Такіе же бравые...

— Вишь, хитрецъ, косвеннымъ образомъ комплименты мнѣ говоритъ.

— Скорѣе мнѣ, дядя,—сказалъ Андрей, и они направились въ переднюю.

Корнѣй уже былъ тамъ. Онъ распахнулъ плащъ и накинулъ его на плечи полковника, у Андрея же не было пальто. Они вышли на улицу. Полковникъ позвалъ извозчика, усадилъ Андрея и довезъ его до мѣста службы.

— А знаешь что,—сказалъ онъ, прощаясь съ племянникомъ:—я давно не видалъ твоей жены, а она милая, и я ее люблю. Пригласи-ка меня сегодня обѣдать.

— Но, дядя, неужели надо приглашать? Мы съ Катей всегда рады вамъ.

— Ну, вотъ и прекрасно. Значитъ, буду.

И онъ уѣхалъ. Андрей, придя на службу, сейчасъ же послалъ Катеринѣ Ивановнѣ записку о томъ, что сегодня у нихъ будетъ обѣдать дядя Леша, и чтобы она къ этому приготовилась. Но о своемъ свиданіи и о томъ, былъ ли у него тотъ разговоръ съ дядей, онъ не сообщилъ ни слова. Да и какъ было сообщить? Въ запискѣ онъ могъ только упомянуть о фактѣ: не просилъ дядю. Но все то сплетеніе обстоятельствъ, какое случилось, и тѣ переживанія, что онъ испыталъ, и что остановило его, на бумагѣ онъ не могъ описать.

Нѣкоторое время послѣ прощанія съ дядей состояніе его души было подавленное. Самъ за себя онъ уже рѣшилъ, какъ поступить: подчиниться непосредственному движенію своего сердца. Оно, это движеніе, было ясно съ самаго начала, съ того момента, какъ жена сообщила ему о войнѣ. И онъ уже пообѣщалъ себѣ, что такъ и поступитъ. Послѣ разговора съ полковникомъ онъ понялъ, что, несмотря ни на какую горячую любовь, тутъ нельзя сдѣлать уступки.

Но для него было еще неясно, какой оборотъ примутъ его отношенія къ Катенькѣ. Будутъ огорченіе, обида, слезы, упреки,—все это онъ приготовился мужественно перенести. Но вѣдь можетъ быть и хуже. Она сдѣлаетъ выводъ, что онъ разлюбилъ ее, и вотъ—драма.

Да, онъ слишкомъ былъ неопытенъ и вовсе не зналъ женщинъ. Если бы это было не такъ, то онъ сообразилъ бы, что, поступи онъ по ея совѣту, она же впослѣдствіи, когда пройдетъ опасность, упрекнула бы его за слабость, и всѣ тѣ, что исполнили свой долгъ, котораго онъ по ея настоянію не исполнилъ, казались бы ей героями, а онъ трусомъ.

Но потомъ подавленное настроеніе прошло. Причиной этого были несмолкаемые разговоры его сослуживцевъ, которые всѣ неожиданно оказались большими патріотами и воинственными людьми.

Работать никто не хотѣлъ. Всякія тамъ конторскія книги и цифры въ сравненіи съ тѣмъ огромнымъ всенароднымъ дѣломъ, которое заполонило всѣ умы, казались такими нестоящими пустяками, о которыхъ не хотѣлось думать.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему работать, громоздить цифры, подводить итоги, если завтра все можетъ измѣниться, можетъ-быть — новая карта Европы будетъ, и все будетъ по-новому, и вся эта работа пойдетъ на смарку.

Все это, конечно, было только въ первые дни неизвѣстности и тревоги, а потомъ все успокоилось, и всѣ поняли, что до новой карты Европы еще очень далеко.

Но на Андрея это общее настроеніе произвело отрезвляющее дѣйствіе. Если все такъ неопредѣленно, неизвѣстно и непрочно, то нечего тревожиться изъ-за какой-то личной драмы. Сколько людей сегодня улыбаются, мечтаютъ объ устроеніи своей жизни, а черезъ недѣлю, быть-можетъ, уста ихъ сомкнутся навсегда. Такъ, по крайней мѣрѣ, у каждаго должно быть сознаніе, что онъ исполняетъ свой долгъ.

И тутъ ему снова вспомнились и Костя, и технологъ (котораго, какъ это ни странно, уговорила Катя), и дядя Леша, и Корнѣй, особенно эти двое, которые уже однажды исполнили свой долгъ, а теперь съ горящими глазами идутъ исполнять его вторично.

И стало стыдно даже за минуты колебанія, и какъ-то само собою рѣшилось, что Катѣ надо сказать это прямо, безъ всякихъ оговорокъ, и съ такой твердостью, чтобы она даже не рѣшилась отговаривать.

VI.

Катерина Ивановна, получивъ записку отъ мужа, принялась за усиленныя хлопоты. Она поняла дѣло по-своему: полковникъ на просьбу Андрея откликнулся не особенно охотно. Онъ вообще терпѣть не можетъ просить своихъ знакомыхъ, которые прежде были его товарищами, а теперь ушли далеко и стали важными персонами. И вотъ его надо задобрить.

Поэтому она купила его любимыхъ анчоусовъ, бутылку краснаго французскаго вина, а въ качествѣ сладкаго достала меренги, словомъ—сдѣлала, что могла, и порядочно-таки разорилась.

Прислуга, служившая и горничной и кухаркой, узнавъ, что дѣло идетъ о полковникѣ, приложила все свое искусство, чтобы обѣдъ вышелъ получше.

Обѣдали обыкновенно въ половинѣ шестого, когда приходилъ со службы Андрей. Къ этому времени Катерина Ивановна и ждала полковника. И хорошо еще, что она раньше принарядилась, такъ какъ полковникъ, сверхъ ожиданія, позвонилъ, когда еще и пяти часовъ не было.

Но что за лицо у него было, когда онъ вошелъ! Катерина Ивановна въ первое мгновеніе даже не узнала его. Онъ сбрилъ свою довольно длинную бороду и оставилъ только густые, закрученные кверху, усы и совершенно преобразился.

— Что? Не узнали? Помолодѣлъ? А?—говорилъ онъ, цѣлуя ея маленькую ручку.— Да ужъ, знаете, время такое, что не до бороды. Съ нею еще возись да расчесывай, да еще нѣмецъ какой-нибудь за бороду тебя таскать вздумаетъ... А мужа нѣтъ еще?

— Онъ скоро придетъ, — отвѣтила Катерина Ивановна, пристально разсматривая его и дивясь перемѣнѣ.—Безъ всякой лести скажу, — прибавила она:—что вы помолодѣли на десять лѣтъ,—ужъ это самое меньшее.

— Ага! Такъ и надо. Нынче стариковъ нѣтъ въ Россіи. Всѣ стали молоды. Всѣ горимъ молодымъ огнемъ... Ну, дорогая моя,—говорилъ онъ, усаживаясь на диванѣ:—вы можете меня поздравить: меня приняли на службу, и я ѣду на войну!

— Какъ? Вы? Какимъ же это образомъ? Это въ какомъ-нибудь переносномъ смыслѣ?

— Что? Въ переносномъ? Въ самомъ прямомъ, голубушка. Не хотѣли. Косились на мою правую руку; а я, знаете, какъ сталъ лѣвой-то продѣлывать имъ разныя штуки — и съ ружьемъ, и съ шашкой, и съ чѣмъ хотите, такъ они ахнули. Ну, однимъ словомъ, послѣзавтра ѣду туда, въ дѣйствующую армію.

И не только отъ снятія бороды помолодѣлъ полковникъ, а молодыми стали его глаза и движенія и голосъ. И теперь Катерина Ивановна видѣла, что между нимъ и Андреемъ ужасно много общаго. Такая же фигура и то же лицо. Только Андрей отъ конторской работы нѣсколько какъ будто завялъ, и дядя казался, пожалуй, даже моложе его.

И, должно-быть, отъ повышеннаго настроенія онъ все время говорилъ, такъ что ей оставалось только слушать. Когда онъ вышелъ, она начала-было обдумывать, какъ бы перевести разговоръ на Андрея и поискуснѣе перейти къ той просьбѣ, съ которой онъ сегодня ѣздилъ къ нему. И вначалѣ нѣсколько разъ порывалась перевести на это разговоръ.

Но полковникъ заглушалъ ее своимъ зычнымъ „командирскимъ“ голосомъ. А потомъ она забыла объ этомъ и совсѣмъ не вспоминала. Рѣчи полковника были такъ интересны, столько было въ нихъ подъема и воодушевленія, что просто пріятно было ихъ слушать.

Онъ разсказывалъ о томъ, что дѣлается въ призывныхъ пунктахъ, какое нетерпѣніе выражается на лицахъ у призванныхъ. Никто не хочетъ ждать, а всѣмъ нестерпимо хочется, чтобы ихъ поскорѣе записали и отправили воевать.

— Да, милая,—говорилъ онъ:—эта война особенная. Воевать будутъ не спеціалисты-военные только, а вся Россія. Ну, просто вотъ вся сдвинется съ мѣста, помолится на востокъ и пойдетъ на западъ. Нѣмцы этого не знаютъ, и въ этомъ вся ихъ бѣда. Если бъ знали, то, можетъ-быть, поудержались бы. Они вѣдь все по цифрамъ, все у нихъ на математикѣ основано. Шпіоны имъ доложили, что у насъ столько-то войска и столько-то пушекъ да ружей, они и дѣлаютъ тамъ свои выкладки. Мы, дескать, на десятокъ солдатъ погонимъ полтора, на одну пушку поставимъ двѣ... А у насъ-то не въ пушкахъ дѣло, а въ духѣ. Русскій духъ поднялся. Вся Русь, почуявъ смертельнаго врага, встала и идетъ всей своей неукротимой мощью. Вотъ оно въ чемъ дѣло, голубушка!

Слушала эти рѣчи Катерина Ивановна и чувствовала, какъ у нея въ груди словно что-то зажигается. И не только ей страннымъ казалось, что можно думать иначе, и что она иначе думала, а самой ей хотѣлось надѣть военную шинель, взять въ руки ружье и итти вмѣстѣ съ полковникомъ въ первые ряды.

— Какъ это досадно, что насъ, женщинъ, не берутъ на войну!—воскликнула она въ порывѣ воодушевленія.—Я пошла бы и научилась бы владѣть ружьемъ. Вотъ вы говорите: вся Русь идетъ. А насъ, женщинъ, оставляютъ. Развѣ это справедливо?

Полковникъ улыбнулся.

— И вы пойдете, дитя мое. Ружье? Но развѣ для войны нужно только ружье? Къ сожалѣнію, столько же нужны бинты, нѣжный уходъ и утѣшающая улыбка. Вы сдѣлаете все это лучше, чѣмъ мы, а для ружья ваши ручки слишкомъ малы и слишкомъ красивы... А!—воскликнулъ онъ, когда изъ передней въ комнату вошелъ Андрей.— Вотъ настоящій вояка! Ужъ не знаю, какимъ онъ тамъ послѣ войны будетъ юристомъ, а солдатъ изъ него выйдетъ прекрасный.

Когда они сѣли обѣдать, то выяснилось, что Катерина Ивановна завтра же поступаетъ на курсы для подготовки въ сестры милосердія.

— Нѣтъ, нѣтъ,—говорила она:—нельзя такъ сидѣть, сложа руки, читать газеты да сочувствовать! Всякій долженъ что-нибудь сдѣлать! Вы, господа, будете сражаться, подставлять свою грудь подъ удары непріятеля, а я буду лѣчить и утѣшать васъ.

Такъ и прошелъ весь обѣдъ. О томъ, что такъ удручало ее вчера и утромъ и заставило послать мужа къ полковнику, она даже и не вспоминала. Это такъ не совмѣщалось съ тѣмъ подъемомъ, который охватилъ ихъ всѣхъ троихъ.

И потомъ, на слѣдующій день и послѣ, ни о чемъ подобномъ не было и рѣчи. Она даже не хотѣла вспоминать о своей слабости. Андрей ждалъ призыва, а Катерина Ивановна начала ходить на курсы.

Полковникъ же уѣхалъ на западъ вмѣстѣ съ Корнѣемъ и, уѣзжая, предоставилъ Катеринѣ Ивановнѣ свою квартиру, которая была предусмотрительно оплачена за полгода, да кромѣ того вручилъ ей нѣкоторую сумму изъ своихъ сбереженій.

— Когда научитесь ухаживать за больными, и если въ этомъ будетъ надобность—можете у меня въ кабинетѣ и въ гостиной устроить маленькій лазаретъ. Вамъ на это хватитъ, да я еще и оттуда пришлю,—разумѣется, если нѣмецкая пуля не прошибетъ мнѣ лобъ.

А Андрея онъ на прощанье горячо обнялъ и сказалъ:

— До свиданія на позиціяхъ!

Галиційская пѣсня.

Неподвижны крылья мельницъ.
Что молоть-то! Хлѣбъ не сжатъ.
Грустно вѣтки липъ-отшельницъ
Надъ Галиціей дрожатъ.

Горько, братья, тошно, братья,
Посылать своихъ дѣтей
Подъ австрійскія проклятья,
Подъ удары ихъ плетей!

Въ день суровый бабы выли—
Не излѣчится тоска,
Если въ рекруты забрили
И сынка и муженька.

Да велятъ итти сражаться
Съ братомъ русскимъ, какъ съ врагомъ...
Какъ же сердцу тутъ не сжаться
Тайной мыслью о другомъ!

Съ Богомъ, братья! Рабство сбросимъ,
Смѣло воспрянемъ безъ оковъ,
Мы недаромъ имя носимъ
Угро-руссовъ отъ вѣковъ.

Пусть война встаетъ пожаромъ —
Въ немъ свободы намъ заря,
Тамъ трепещетъ въ блескѣ яромъ
Знамя Бѣлаго Царя.

Прочь кокарды и погоны
Швабовъ! Выше русскій стягъ!
Мы австрійскіе патроны
Не истратимъ на пустякъ!

Пусть не сняли урожая,
Но зато нашъ мирный край,
Австріяковъ поражая,
Сниметъ славы урожай!

Георгій Ивановъ.

Женевская конвенція.

Къ 50-лѣтію со дня ея подписанія.

Среди грома орудій, въ потокахъ крови, обагрившей всю Европу, исполняется юбилей одного изъ величайшихъ актовъ милосердія — 50-лѣтіе Женевской конвенціи.

На языкѣ международнаго права война есть борьба двухъ или нѣсколькихъ вооруженныхъ и организованныхъ силъ, т.-е. армій. Борьба ведется только между этими силами и не должна затрагивать жизнь и имущество мирныхъ гражданъ. Военно-плѣннымъ считается только лицо, принадлежащее къ воюющей арміи. Военный плѣнъ является только временнымъ лишеніемъ свободы, но самъ плѣнникъ неприкосновененъ. Плѣнные могутъ быть употреблены на работы, но съ условіемъ, чтобы эти работы не были унизительны или тяжелы и не были военными. Плѣнникъ долженъ содержаться государствомъ на его средства, и приблизительно такъ же, какъ и солдаты арміи этого государства.

Гуманность нашего вѣка приняла въ расчетъ положеніе раненыхъ и путемъ соглашенія государствъ выработала и для нихъ условія, достойныя вѣка просвѣщенія и гуманности. Актъ международнаго соглашенія относительно защиты и нейтралитета раненыхъ называется „Женевской конвенціей" и выработанъ и принятъ въ 1864 г.

50 лѣтъ тому назадъ былъ созванъ международный съѣздъ представителей европейскихъ государствъ въ городѣ Женевѣ, и на немъ были выработаны основы того договора, который и носитъ названіе „Женевской конвенціи". Собравшіеся офиціальные представители 16 государствъ приняли этотъ договоръ, и съ тѣхъ поръ онъ дѣйствуетъ и понынѣ. Несмотря однако на то, что приглашеніе на Женевскую конференцію было послано всѣмъ государствамъ, на засѣданія прибыли, какъ мы уже сказали, только 16. Не прислали своихъ представителей Турція, Соединенные Штаты, Персія, Японія, Боливія, Чили, Аргентинская республика и Перу. Однако теперь къ договору всѣ они примкнули, и только одна Турція осталась свободной и не связанной Женевской конвенціей.

По точному смыслу этого договора всѣ госпитали съ ранеными, весь медицинскій персоналъ, всѣ перевязочные пункты считаются нейтральными до тѣхъ поръ, пока тамъ находятся больные и раненые. Такіе пункты не могутъ быть подвергнуты ни обстрѣлу, ни плѣненію, ни нападенію со стороны непріятельской арміи, и все, что обслуживаетъ раненаго, неприкосновенно въ смыслѣ враждебныхъ дѣйствій. Весь персоналъ госпиталей и походныхъ лазаретовъ (съ интендантами, санитарными и административными чинами, съ лицами, на которыхъ возложена перевозка раненыхъ, съ полковыми священниками и пр.) неприкосновененъ, подлежитъ защитѣ и обязуется тоже не принимать никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ непріятельской арміи, исполняя лишь обязанности подачи помощи и ухода за ранеными.

Если непріятель займетъ территорію, на которой находится госпиталь или перевязочный пунктъ, то персоналъ такого госпиталя можетъ продолжать свое дѣло, оставаясь на мѣстѣ, но можетъ и уходить. Раненые и больные воины должны быть принимаемы на перевязочные пункты, госпитали и лазареты и призираемы, не взирая ни на національность ни на вѣроисповѣданіе. Главнокомандующіе имѣютъ право всѣхъ раненыхъ во время даже сраженія передавать немедленно на непріятельскіе форпосты, т.-е. передовые пункты непріятельской арміи. Если такіе раненые оправятся отъ своихъ ранъ, то ихъ не задерживаютъ, а отпускаютъ на родину, и только съ нихъ берется слово, что они не подымутъ снова оружія противъ отпускающаго ихъ врага въ теченіе всей войны. Если раненый или больной воинъ принятъ въ частный домъ, то и домъ уже считается подъ охраной правилъ нейтралитета. Каждый житель, принявшій къ себѣ раненаго, получаетъ извѣстныя привилегіи (освобождается отъ постоя и отъ наложенной контрибуціи).

Для того, чтобы враждующія стороны знали, кто изъ лицъ непріятельской арміи подлежитъ нейтралитету, какъ причастный къ дѣлу ухода и лѣченія больныхъ и раненыхъ, — установленъ внѣшній отличительный знакъ: повязка на рукѣ съ краснымъ крестомъ на бѣломъ полѣ. Раздача такихъ знаковъ должна производиться только военной властью, а тотъ, кто надѣваетъ такую повязку, не имѣя на то права, подвергается строгой отвѣтственности. На всѣхъ лазаретахъ, госпиталяхъ и пунктахъ, занятыхъ ранеными, выставляется тоже флагъ съ краснымъ крестомъ. Турція вмѣсто краснаго креста употребляетъ красный полумѣсяцъ на бѣломъ же полѣ, а Японія, сохранивъ красный крестъ, разграфила его бѣлыми поперечными полосами въ четыре красныхъ четыреугольника.

Эмблемой Краснаго Креста могутъ пользоваться также всевозможныя общества, посвятившія себя уходу за больными и ранеными воинами въ періодъ войны, а также духовные рыцарскіе ордена (іоанниты, мальтійцы, орденъ св. Георгія и пр.).

До основанія Краснаго Креста и до постановленія Женевской конвенціи раненые оставались почти безъ всякаго призора, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда частныя лица брали на себя заботу о нихъ, они получали необходимый уходъ и лѣченіе. Такъ, напримѣръ, въ Крымскую войну миссъ Найтингаль путемъ воззванія къ гражданамъ Англіи собрала извѣстную сумму и, организовавъ свой отрядъ, отправилась на поле битвы. То же самое сдѣлали и Великая Княгиня Елена Павловна, миссъ Станлей и другія.

Положеніе раненыхъ было ужасно, и извѣстный швейцарскій писатель, путешественникъ и филантропъ Анри Дюнанъ вызвалъ своими сочиненіями съ описаніемъ бѣдственнаго положенія раненыхъ созывъ Женевской конференціи, а вмѣстѣ съ этимъ и Женевскую конвенцію. Книга Дюнана „Souvenirs de Solferino" съ описаніемъ положенія раненыхъ вызвала откликъ во всѣхъ уголкахъ цивилизованнаго міра и поставила вопросъ объ улучшеніи судьбы раненыхъ и больныхъ воиновъ. Это-то общее сочувствіе и дало возможность появиться на свѣтъ соглашенію всѣхъ европейскихъ государствъ и организовать учрежденіе Краснаго Креста.

Постановленія Женевской конференціи впослѣдствіи были дополнены новыми статьями, и расширены дѣйствія Краснаго Креста. Теперь Красный Крестъ можетъ участвовать и въ оказаніи помощи раненымъ при морской войнѣ. Для этого сооружаются особливыя суда-лазареты, и они пользуются такимъ же нейтралитетомъ, какъ и сухопутныя. Ихъ не могутъ обстрѣливать или захватить, какъ и весь персоналъ врачей и санитаровъ, находящихся на судахъ. Кромѣ того, санитаровъ не могутъ задержать даже и въ томъ случаѣ, если они находятся на судахъ, подлежащихъ захвату.

Хотя Общества Краснаго Креста и являются національными, но тѣмъ не менѣе они объединены въ международный союзъ; поэтому-то и существуетъ такъ называемый „Международный Комитетъ Краснаго Креста", находящійся въ Женевѣ и дѣйствующій съ 1864 г. Комитетъ объединяетъ дѣйствія Краснаго Креста и слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ правилъ конференціи и Женевскаго договора.

Комитетъ выдаетъ преміи за лучшія изобрѣтенія для уменьшенія страданій раненыхъ воиновъ. Преміи эти выдаются изъ капитала въ 100.000 рублей, оставленнаго на этотъ предметъ Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной.

Организованы Общества Краснаго Креста различно въ различныхъ государствахъ. Въ Россіи Общество Краснаго Креста возникло 3 мая 1867 г. по иниціативѣ фрейлины М. С. Сабининой и сейчасъ же было принято подъ покровительство Государыни Императрицы Маріи Александровны.

Въ мирное время наше Общество Краснаго Креста совершенно самостоятельно и не зависитъ отъ военнаго вѣдомства, а въ военное подчинено главнокомандующему арміей. Отдѣленія Общества находятся въ разныхъ мѣстахъ, и ихъ въ настоящее время около 640, но они всѣ подчинены Главному Управленію, находящемуся въ Петербургѣ. Въ Обществѣ насчитываютъ около 24.000 членовъ, и ими созданы многочисленныя больницы, общины, лѣчебницы для приходящихъ, пріемные покои и инвалидные дома, пріюты и санаторіи, какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей. Доходы общества слагаются изъ всякихъ сборовъ, а также постоянныхъ членскихъ взносовъ и одновременныхъ пожертвованій. Мѣстные отдѣлы Общества Краснаго Креста 10% всѣхъ своихъ доходовъ отправляютъ въ Главное Управленіе, а изъ остальныхъ 90% производятъ текущіе расходы. Остатокъ дѣлится съ такимъ расчетомъ, чтобы $^2/_3$ его перечислялись въ капиталъ на случай войны, а $^1/_3$ — въ капиталъ на содержаніе престарѣлыхъ и увѣчныхъ воиновъ.

Въ мирное время Общество занято приведеніемъ своихъ денежныхъ средствъ въ наибольшую готовность на случай войны, и съ момента объявленія мобилизаціи всѣ расходы производятся по распоряженію и усмотрѣнію Главнаго Управленія Краснаго Креста. Военная дѣятельность нашего Краснаго Креста началась съ момента похода нашихъ войскъ въ Туркестанъ, т.-е. съ 1868 г. Русско-турецкая война застала нашъ Красный Крестъ въ состояніи уже налаженномъ и хорошо организованномъ, и онъ показалъ, какую пользу арміи можетъ принести подобнаго рода учрежденіе. Въ эту войну Краснымъ Крестомъ было перевезено болѣе 100.000 раненыхъ и больныхъ воиновъ, а въ его лазаретахъ получили медицинскую помощь 134.000 раненыхъ и больныхъ солдатъ и офицеровъ.

Нашъ Красный Крестъ оказывалъ помощь обѣимъ воюющимъ сторонамъ и въ кровавую войну Германіи съ Франціей 1870—71 г.г., а также на абиссинско-итальянскомъ театрѣ войны, оказавъ помощь 30.000 раненымъ. Работалъ нашъ Красный Крестъ и въ англо-бурскую войну, и въ греко-турецкую, и въ испанско-американскую.

Такова организація и польза, принесенная учрежденіемъ, вызваннымъ гуманнымъ чувствомъ народовъ и правительствъ къ войнѣ и воинамъ. Теперь къ ихъ услугамъ десятки тысячъ врачей, сотни тысячъ сестеръ милосердія и громадныя средства, которыми располагаютъ всѣ организаціи Краснаго Креста въ Европѣ.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

НИВА

№ 35.

30 Августа 1914 г.

А. Рябушкинъ.
„Ѣдутъ".
Русскій Музей Императора Александра III.

Срѣтенье Царя.

1.

Народъ съ утра спѣшилъ на площадь
Къ Дворцу на срѣтенье Царя.
Тѣснилась флаговъ русскихъ роща,
Цвѣтами яркими горя.
Національныхъ пѣснопѣній
Опять катился мощный валъ,
И Александра вѣщій геній
Вѣнокъ побѣды поднималъ.

2.

Да, не бывало у столицы
Такого утра съ давнихъ лѣтъ!
Въ подъѣздъ влетали вереницы
Автомобилей и каретъ.
Примчались сербы, намъ родные,
Былъ пышенъ быстрый съѣздъ Двора,
И проходили запасные
Подъ клики дружнаго „ура“.

3.

До полдня близко было солнцу,
Когда раздался пушекъ гулъ.
Глазами къ каждому оконцу
Народъ съ мечтою жадной льнулъ.
Изъ церкви доносилось пѣнье...
Передъ началомъ битвъ, какъ встарь,
Свершивъ великое моленье,
Къ народу тихо вышелъ Царь.

4.

Что думалъ Онъ въ тотъ мигъ великій,
Что чувствовалъ, Державный, Онъ,
Когда восторженные клики
Неслись къ Нему со всѣхъ сторонъ?
Какая сказочная сила
Была въ благихъ Его рукахъ,
Которымъ мечъ судьба вручила
На славу намъ, врагамъ на страхъ!

5.

Какъ море въ мощный часъ прилива,
Народный хоръ не умолкалъ,
И Царь, внимая терпѣливо,
Главу отвѣтно наклонялъ.
Къ Нему невидимыя нити
Изъ всѣхъ сердецъ неслись, горя...
Такъ въ незабвенный часъ событій
Свершилось срѣтенье Царя.

Сергѣй Городецкій.

Маякъ.

Поэма **Б. Никонова.**

У меня на всю жизнь останется въ памяти этотъ день.

Въ этотъ день съ утра надъ землей нависли тяжелыя темныя тучи. Лѣто съ его солнечными днями, зноемъ и пылающей засухой куда-то исчезло, хотя стоялъ попрежнему іюль мѣсяцъ. Холодный вѣтеръ вздымалъ преждевременно опавшія листья и крутилъ ихъ въ саду и по дорогѣ. Какъ я ни старался внушить себѣ, что все это — простая случайность, мнѣ все казалось, что есть какая-то мистическая зависимость между надвигавшимся грознымъ событіемъ и настроеніемъ природы. Природа томилась, хмурилась и отвѣчала тяжкимъ и суровымъ безпокойствомъ на жуткій кличъ войны...

Въ этотъ день пришли газеты съ громадными черными, словно траурными, заголовками: „Германія объявила войну“. Отъ этихъ заголовковъ, отъ черныхъ огромныхъ буквъ вѣяло холодомъ и тьмою. Какъ будто именно война, черная, огромная, сама набирала и печатала ихъ... И сердце невольно сжала тоска, и низкія тучи стали какъ будто еще ниже и тяжелѣе.

Уже нѣсколько дней черный звѣрь тоски шмыгалъ у насъ между цвѣтущими куртинами, въ саду, въ полѣ, на берегу моря. Жуткое событіе надвигалось; мы почти видѣли его, мы знали, что оно наступитъ, но все не вѣрили въ него. Странно было подумать, что цивилизованные люди, христіане, вдругъ пойдутъ братъ на брата съ пушками и ружьями, съ огнемъ пожаровъ и крикомъ насилій, будутъ убивать другъ друга, жечь и истреблять имущество, топтать нивы. И что пойдутъ на это страшное дѣло многіе изъ моихъ знакомыхъ и ближнихъ и, быть-можетъ, и я самъ — и только потому, что нѣкій совершенно чужой мнѣ властный человѣкъ, отъ котораго, казалось, я былъ всегда совершенно независимъ, вдругъ вздумалъ послать своихъ солдатъ въ Россію, на наши поля и нивы, въ наши города и села... Все это было такъ странно и дико, что не хотѣлось вѣрить въ возможность войны. Но въ то же время нельзя было не думать о ней: она вторгалась въ нашу жизнь, еще не будучи сама приведена къ своему страшному бытію; она вливалась къ намъ сотнями мелкихъ струекъ, какъ вливается вода въ запертый и опорожненный шлюзъ.

Кучеръ, возвратясь со станціи, говорилъ:

— Поѣзда перестали ходить. Запасныхъ везутъ. Овсянниковскія барыни поѣхали въ городъ утромъ, сидѣли весь день на станціи да и назадъ вернулись ни съ чѣмъ...

Надвигавшаяся война обрѣзала одну жизненную ниточку за другой. Потомъ и кучеръ попалъ въ запасные и ушелъ отъ насъ. Потомъ кухарка съ ужасомъ говорила:

— У Самойловыхъ къ мясу приступу нѣту. Яйца расхватали въ одинъ день... Сказываютъ, скоро и вовсе никакой провизіи не достанешь...

Затѣмъ къ намъ пришла знакомая дачница — вся въ слезахъ. Говорила, что на дачѣ нельзя оставаться — страшно, да и провизія вздорожала. И просила дать ей лошадь, чтобы уѣхать въ городъ.

И не она одна: нѣсколько семействъ уѣхали въ городъ на лошадяхъ вмѣсто желѣзной дороги. Этого здѣсь не бывало уже лѣтъ тридцать. Невольно вспоминалось давно забытое время медлительныхъ поѣздокъ „на долгихъ“, когда стоверстное разстояніе проѣзжали въ три долгихъ дня съ безконечными отдыхами на остановкахъ, ломая экипажи на ухабахъ, томясь въ пыли, подъ вѣтромъ, подъ дождемъ... Повѣяло какой-то глубокой стариной отъ всего этого. И старину эту внесла съ собой война, которая сама по себѣ есть не что иное, какъ злой пережитокъ глубочайшей человѣконенавистнической старины...

Все тревожнѣе и тревожнѣе разсуждали газеты. Все тяжелѣе нависалъ Дамокловъ мечъ рокового вопроса: будетъ война или не будетъ? Съ каждымъ днемъ темнѣло вокругъ насъ: портилась погода, и сгущалась тоска. И когда наступалъ вечеръ, и тоска, какъ темное облако, вздымалась во всѣхъ уголкахъ въ домѣ и въ саду, я бродилъ по аллеѣ близъ моря и старался угадать, что таится сейчасъ за его темной далью.

А тамъ вдали ярко вспыхивалъ маякъ. Исчезалъ и снова вспыхивалъ. И его равномѣрное вспыхиванье почему-то ободряло меня. Мнѣ казалось, что, пока маякъ горитъ, ничего страшнаго и необычайнаго въ мірѣ не должно случиться. Ровный, спокойный огонь словно охранялъ насъ отъ грядущаго ужаса. Я вспоминалъ далекое дѣтство: темную дѣтскую и тусклый свѣтъ лампадки въ углу передъ иконами. Этотъ свѣтъ тогда успокаивалъ меня, и ночная темнота съ ея страхами и кошмарами переставала тогда пугать меня.

Такъ и нынче: пока я смотрѣлъ на вспыхивающій маякъ, пока маякъ горѣлъ — я переставалъ вѣрить въ неизбѣжность и близость страшной общественной катастрофы и, успокоенный, уходилъ домой и ложился спать. Далекая лампадка маяка отгоняла отъ меня надвигавшійся кошмаръ.

Такъ продолжалось до того рокового дня.

Повторяю, этотъ день навсегда останется въ моей памяти: точно какое-то черное покрывало надвинулось тогда на насъ и похоронило солнечные дни, зеленыя лужайки, беззаботность дѣтей и спокойную мирную работу взрослыхъ. Темное низкое небо словно закрыло до поры, до времени тусклымъ чехломъ все то, чѣмъ мы жили въ обычное время, и что составляло нашу радость жизни. Такъ въ дни тревоги мы прячемъ въ темный ящикъ наши драгоцѣнности и хранимъ ихъ во тьмѣ до наступленія лучшихъ дней...

Весь день съ утра тянулись низкія темныя тучи, и никто изъ насъ не находилъ мѣста отъ тоски. А вечеромъ ко мнѣ прибѣжали дѣти и кричали:

— Папа, маякъ погасъ! Маякъ не горитъ!

Я вышелъ на берегъ. Море разстилалось холодной темной пеленой. Я тщетно прождалъ нѣсколько минутъ. Знакомый спокойный свѣтъ не вспыхивалъ вдали. Лампадка погасла.

Это было самое тяжелое впечатлѣніе въ теченіе всего этого тягостнаго дня.

Яркій свѣтъ нашего маяка, вспыхивавшій такъ же размѣренно и неуклонно, какъ вспыхиваетъ отъ приливающей крови живое сердце, освѣщалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ мои вечера и ночи. Онъ освѣщалъ многія радости, и много мыслей, новыхъ для меня, возникало при его свѣтѣ. Казалось, онъ самъ зажигаетъ въ моей душѣ и въ моемъ умѣ такія же яркія точки, какъ онъ самъ. По ночамъ, когда я гулялъ по берегу или сидѣлъ у себя на балконѣ, я невольно обращался взглядомъ въ его сторону и искалъ его — и огненный взоръ маяка всегда отвѣчалъ мнѣ: „Я здѣсь. Я бодрствую. Я стою на стражѣ покоя“. И не было ни разу, чтобы онъ измѣнилъ, промолчалъ, не взглянулъ мнѣ въ отвѣтъ.

Двадцать лѣтъ — съ той поры, какъ я поселился на здѣшнемъ побережьѣ, — маякъ былъ мнѣ другомъ. Солнце иногда пряталось за тучи, луна цѣлыми днями не показывалась на небѣ. Маякъ же никогда не скрывалъ отъ меня своего свѣта. И въ самыя счастливыя мгновенія моей жизни онъ былъ неизмѣннымъ участникомъ моего счастья.

Я помню тотъ вечеръ, когда я впервые познакомился съ моей будущей женой. Мы катались по морю на яхтѣ. Стояла темная

августовская ночь. По небу тянулись облака, скрывая звѣзды. Было темно и тихо, — такъ особенно тихо, какъ бываетъ передъ дождемъ въ теплую лѣтнюю ночь. Но несмотря на тишину, море было неспокойно — откуда-то изъ темной дали катились крутые валы — отголоски какой-то отдаленной бури. Яхта въ темнотѣ быстро неслась навстрѣчу имъ. Неслышно подбѣгалъ темный валъ и вздымалъ ее вверхъ. Мгновеніе — и онъ прокатывался мимо, а вслѣдъ за нимъ подкрадывался другой неслышный валъ. И когда яхта падала въ пучину, мнѣ становилось невольно жутко. Казалось, что тьма сію минуту поглотитъ насъ, и намъ уже никогда не выбраться изъ холодныхъ объятій внезапно и предательски налетѣвшаго на насъ морского разбойника. Такое же настроеніе испытывала и моя будущая жена. Она робко взглядывала на меня и съ тревожнымъ смѣхомъ спрашивала: „А мы не потонемъ?“ И въ эти мгновенія минутной робости надъ темными грядами волнъ загорался маякъ. И мы чувствовали тогда, что мы не только не потонемъ, но что будемъ счастливы, какъ еще никогда не бывали, и маякъ будетъ свѣтить долгіе годы нашей радости.

Я помню вечеръ нашей свадьбы. Іюньскій, теплый и свѣтлый, вечеръ. Было много огней и на берегу, и въ небѣ, и въ морѣ. Мимо плыли красиво освѣщенные пароходы, горѣлъ костеръ на мысу, сіяли крупныя и рѣдкія звѣзды, точно капли небесной росы. Такъ же много звѣздъ было и въ моей душѣ. Но всего ярче сіялъ въ моей душѣ вѣчный свѣтъ любви — и всего ярче горѣлъ въ морской дали огонь маяка. „Я сторожу твое счастье, — говорилъ онъ мнѣ. — Угаснутъ другіе огни, но я все буду свѣтить тебѣ, какъ свѣтилъ тебѣ и твоей возлюбленной тогда, въ тихую ночь подкрадывавшейся бури“. Я стоялъ рука объ руку съ моей женой, и мнѣ казалось, что въ ея затуманенныхъ глазахъ сіяетъ отблескъ яркаго далекаго огня. И я понялъ, что этого огня уже не погаситъ никакая ночь и никакая бѣда. И яркій огонь нашего маяка вошелъ съ того времени въ нашу жизнь.

Я помню вечеръ, когда я узналъ о своемъ первомъ большомъ успѣхѣ въ жизни. Мнѣ подали письмо съ радостной вѣстью позднимъ вечеромъ. Я долго не могъ успокоиться и до ночи ходилъ по берегу, стараясь осмыслить свое новое положеніе. Съ моря надвигалась гроза, разорванныя лохмотья тучъ протягивались къ зениту словно щупальцы какой-то страшной твари. Падали молніи, струясь, какъ потокъ воды, по одному и тому же мѣсту. Деревья тревожно шелестѣли, по морю пробѣгала темная крупная зыбь, словно кто-то невидимый убѣгалъ отъ грозы по морю и по сушѣ, тревожа волны и деревья... Но на горизонтѣ спокойно загорался маякъ. И свѣтъ его, непреклонный и ровный, не смущавшійся предъ грозою, какъ будто говорилъ мнѣ: „Въ твоей жизни будутъ грозы и волненія и бури, но они не страшны, если твоя жизнь и твоя дѣятельность будутъ озарены вѣчными огнями идеаловъ добра и правды“... И мнѣ казалось, что огонь маяка и есть именно огонь этихъ идеаловъ, и мнѣ было радостно думать, что огонь этотъ никогда не погаснетъ въ жизни...

И много разъ нашъ маякъ свѣтилъ мнѣ въ незабываемыя мгновенія моей жизни. Я сроднился съ нимъ и не могъ представить нашего тихаго побережья безъ него. И вдругъ произошло нѣчто странное и жуткое: нашъ маякъ погасъ.

Злая чужеземная рука опустилась на него и погасила. Эта же рука опустилась на другіе огни — на яркіе маяки человѣчества — любовь, справедливость, истину — и ожесточенно пыталась погасить и ихъ. Желѣзный кулакъ обезумѣвшаго нѣмца, казалось, разбилъ всѣ свѣтильники міра, и всюду полилась густыми струями тьма, имѣвшая тысячи образовъ и именъ: Жестокость, Насиліе, Ложь, Ненависть... Казалось, навсегда угасли всѣ маяки земли и огни неба.

Я стоялъ на холодномъ и пустынномъ прибрежьѣ и тщетно ожидалъ, что маякъ опять загорится. Мнѣ казалось, что я вижу какой-то жуткій и мутный сонъ. Стоитъ сдѣлать усиліе, постараться проснуться, понять, что это не явь, а кошмаръ — и я проснусь. И все окажется ложнымъ ночнымъ страхомъ, и окажется, что никакой войны нѣтъ, и маякъ горитъ попрежнему, и все окружающее освободится отъ страшныхъ потемокъ. Но сонъ не проходилъ...

Мнѣ вспоминалось прошлое: наше катанье на яхтѣ, далекая, еще незримая буря, подкрадывавшіеся темные валы... Не такъ ли неслышно подкрался къ намъ и грозный валъ войны? Мы еще не знали и не видѣли, что гдѣ-то, за предѣлами горизонта, вскипаетъ буря — но вотъ подкатились темные гребни валовъ, и вся жизнь перевернута самымъ страннымъ и непостижимымъ образомъ. Не сегодня-завтра сюда придутъ враги, сожгутъ нашъ домъ, вытопчутъ поле, разграбятъ имущество, будутъ разстрѣливать людей... И никакія облака не спрячутъ отъ нихъ наши лужайки, наши тропинки, наши цвѣты... Если бы можно было свернуть все это, какъ свертываютъ ковры, и спрятать въ сохранномъ мѣстѣ отъ насилія и оскверненія!

Темный валъ разбойнически-предательски подкатился къ намъ. Но что же маякъ? Гдѣ же онъ?

Никогда не забыть мнѣ этого вечера, когда всюду, во всемъ цивилизованномъ мірѣ гасли маяки, и ползла холодная тьма... Смерть стучалась въ окна къ человѣчеству. Зачѣмъ? Отчего? Кто вызвалъ ее? Кто предательски и самовольно открылъ лазейку въ ея заповѣдной клѣткѣ и выпустилъ ее на міръ? Она проходила уже гдѣ-то вблизи, и отъ ея мертвящаго дыханія умерло лѣто, ниспадалъ холодный осенній дождь, леденѣла земля. Какое великое преступленіе свершилось въ мірѣ!

Съ тяжестью въ сердцѣ, весь разбитый, я ушелъ къ себѣ. Жена не спала. Она сидѣла въ полутьмѣ на балконѣ и тоже смотрѣла въ сторону моря.

— Маякъ погасъ, — сказалъ я.

— Да, погасъ, — отвѣтила она. — Это ничего. Потомъ онъ опять загорится.

Эти простыя слова ободрили меня. Я взглянулъ въ ея глаза, и мнѣ вдругъ показалось, что въ ея глазахъ сіяетъ отблескъ нашего милаго маяка. Нѣтъ, маякъ не погасъ... Онъ затаился въ нашей душѣ. Мы сохранимъ его сіянье подъ пепломъ нашихъ жуткихъ переживаній и не дадимъ никакой бѣдѣ погасить въ нашихъ глазахъ и нашихъ сердцахъ искорку того огня, который свѣтилъ намъ въ дни нашего счастья. Маякъ въ былое время охранялъ насъ — теперь мы будемъ охранять его, какъ самую лучшую драгоцѣнность. Въ дни тревоги мы спрячемъ наше сокровище, а когда придетъ день свѣта и радости, сбереженные огни загорятся краше и ярче прежняго.

Я пересталъ тосковать и бояться будущаго. Я теперь вѣрю, что нѣтъ такой силы въ мірѣ, какъ бы она ни была грозна и жестока, которая могла бы погасить вѣчные маяки человѣчества. Безумный насильникъ, открывшій лазейку Смерти, только на время затуманилъ эти вѣчные огни. Но развѣ облака дыма могутъ уничтожить солнце? Оскорбленное человѣчество уже поднимается грозной силой на насильниковъ, и кто знаетъ, быть-можетъ, уже близокъ часъ торжества, такого же неожиданнаго и скораго, какъ неожиданны были черныя слова объявленія о войнѣ...

Сегодня я спокойно ходилъ по берегу. Вдали бѣлѣлъ тонкой бѣлой черточкой на солнцѣ нашъ маякъ. Я знаю, что онъ опять загорится и будетъ опять освѣщать нашу жизнь и сіять намъ въ мгновенья счастья... Нужно только сберечь его огонь въ сердцѣ. И если всѣ мы будемъ въ эти смутные дни беречь въ душѣ дерзновенно погашенные насильниками огни человѣческихъ идеаловъ — то побѣда будетъ еще ближе и еще полнѣе!

Подвигъ войны.

1.

Не первый вечеръ пѣли волны
Въ народномъ морѣ, и стоналъ
Стихійный вѣтеръ, мощи полный.
И къ небу гимнъ летѣлъ, какъ валъ;
Опять на небѣ пламенѣла
Заря, невиданно ясна,
Когда изъ вражьяго предѣла
Домчалась вѣсть войны. Война!

2.

Война! Война! Такъ вотъ какія
Отверзлись двери предъ тобой,
Любвеобильная Россія,
Страна съ Христовою судьбой!
Такъ пріими жъ вѣнецъ терновый
И въ адъ убійственный сойди
Въ рукѣ съ мечомъ своимъ суровымъ,
Съ крестомъ, сіяющимъ въ груди!

3.

Прости, несжатый, мирный колосъ!
Земля родимая, прости!
Самой судьбы громовый голосъ
Зоветъ Россію въ бой итти.
Не празденъ будетъ подвигъ бранный,
Въ крови родится новый вѣкъ,
И къ пашнѣ, славой осіянный,
Вернется русскій человѣкъ.

4.

Какъ по нѣмому уговору,
Среди внезапной тишины
Текли къ Казанскому собору
Россіи вѣрные сыны.
Колонны гордаго портала,
Казалось, выше поднялись.
Какъ изумрудъ, надъ всѣмъ сіяла
Небесъ торжественная высь.

5.

Сѣдой священникъ тихо вышелъ...
Изъ тысячъ вспыхнувшихъ сердецъ
Молитва вырвалась... Услышалъ
Ее въ раю Своемъ Творецъ.
Блаженъ, кто пѣлъ въ народномъ хорѣ,
Кто встрѣтилъ съ вѣрою грозу,
Кто видѣлъ силу въ русскомъ взорѣ
И чудотворную слезу!

Сергѣй Городецкій.

А. Рябушкинъ. Семья купца въ XVII вѣкѣ. Изъ собранія В. А. Фролова.

Намѣстникъ .Святого Петра.

(Къ кончинѣ папы Пія X).

Умеръ папа римскій... Умеръ глава римско-католической церкви и духовный повелитель 300.000.000 католиковъ. Грохотъ пушекъ европейской войны заглушилъ это событіе и отвлекъ отъ него вниманіе міра, но тѣмъ не менѣе смерть папы является событіемъ міровымъ и по своему значенію даже въ этотъ историческій моментъ не можетъ пройти неотмѣченнымъ. Если въ лицѣ почившаго папы католическій міръ и не имѣлъ выдающагося главу церкви, то все же онъ представлялъ собою того намѣстника Святого Петра, голосъ котораго былъ слышенъ во всѣхъ уголкахъ міра, и волѣ котораго подчинялись сотни милліоновъ людей.

Правда, въ наше время значеніе и власть папскаго престола не тѣ, какими они были въ Средніе Вѣка и даже въ послѣдующее время, но и теперь воля Ватикана не можетъ быть игнорируема почти ни однимъ государствомъ. Съ папой римскимъ и посейчасъ считается весь міръ, и государи согласуютъ свою политику съ директивами, идущими изъ Ватикана.

Смерть папы всегда и невольно вызываетъ передъ мысленнымъ взоромъ величественную историческую картину папства и снова заставляетъ любоваться вѣковымъ зданіемъ папской теократіи. На протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ папская власть вела, руководила и повелѣвала міромъ. И религіозная, и государственная, и общественная, и семейная, и нравственная, и экономическая, и правовая стороны жизни людей направлялись римскимъ первосвященникомъ. Въ силу своей духовной власти, папа ставилъ патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ и приматовъ, въ силу же своей царской власти онъ назначалъ сенаторовъ, префектовъ, судей и нотаріевъ и наконецъ свергалъ съ троновъ и самихъ королей. Какъ носитель императорской власти, римскій первосвященникъ надѣвалъ царскую корону (utitur regno), какъ носитель же духовной власти, онъ пользовался митрой. Однако духовная власть папы стоитъ выше власти его, какъ „царя царей“. Поэтому митрой онъ пользовался всегда и вездѣ, царскую же корону носилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Священническая власть папы и по достоинству и по обширности преобладала надъ императорской, такъ какъ „священство предшествовало у Божьяго народа — евреевъ — царству, и Ааронъ, первый первосвященникъ, былъ раньше перваго царя, Саула“.

Намѣстникъ Св. Петра — папа Пій X († 7 августа с. г.).

Уже со времени папы Иннокентія III папская власть является не преемственной властью Святого Петра, и папа становится не намѣстникомъ этого апостола, а намѣстникомъ Самого Бога. Высоко былъ поставленъ апостолъ Петръ надъ людьми, но все же онъ былъ человѣкъ: правда, авторитетъ святого Петра данъ ему свыше, но все же при такихъ условіяхъ викарій апостола, т.-е. папа, получаетъ блѣдное отраженіе божественной власти. Поэтому онъ долженъ подняться выше и заимствовать свое призваніе, свою власть непосредственно изъ божественнаго источника. „Римскій первосвященникъ, — провозгласилъ папа Иннокентій: — воистинѣ есть намѣстникъ не человѣка, не апостола, а истиннаго Бога. Ибо хотя мы и преемники главы апостоловъ, однако мы не его и не какого-либо апостола или человѣка, но Самого Іисуса Христа намѣстники...“

Такимъ образомъ былъ указанъ путь для преемниковъ Петра, и званіе „викарія Христа“ сдѣлалось привилегіей и офиціальнымъ титуломъ римскихъ епископовъ.

Это духовное возвышеніе папы вполнѣ соотвѣтствовало расширенію его власти. Какъ и всякая монархическая власть, власть папы расширилась въ двухъ направленіяхъ — въ теоретическомъ и въ практическомъ — т.-е. въ области права и въ области управленія. Папа управлялъ церковью, а церковь управляла государствомъ. Государство издавало законы, но законы, изданные папой, стояли выше законовъ государства, и папскіе „декреты“ или „декреталіи“ приравнивались къ „канонамъ“, т.-е. къ правиламъ, установленнымъ апостолами и святыми отцами церкви. Папа не только издавалъ законы, но и пользовался правомъ диспенсаціи ante factum, т.-е. правомъ разрѣшать напередъ отъ обязанности соблюдать извѣстный законъ. Такимъ образомъ папа сталъ выше закона и началъ издавать законы для всѣхъ государствъ.

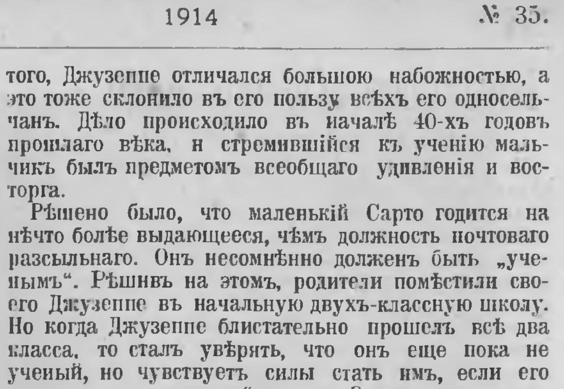
Весь католическій міръ благоговѣйно-торжественно проводилъ къ мѣсту вѣчнаго упокоенія папу Пія X, жизнь котораго сложилась необычайно, и дѣятельность котораго, а также и его нравственныя качества заслуживаютъ подробнаго описанія.

Въ 1903 году умеръ блестящій, гордый, изнѣженный, утонченно воспитанный поэтъ и аристократъ Левъ XIII, и на его мѣсто конклавъ кардиналовъ долженъ былъ избрать новаго римскаго первосвященника. Никто не сомнѣвался, что на этотъ высокій постъ будетъ возведенъ умный, тонкій политикъ, пользовавшійся симпатіями широкихъ круговъ Италіи, кардиналъ Рамполла. Но несмотря на то, что Рамполлѣ обезпечено было большинство голосовъ кардиналовъ, онъ все же папой не сталъ. Австрія, имѣющая право протеста при избраніи папы, вспомнила объ этомъ правѣ, и краковскій кардиналъ Пузына отъ имени императора Франца-Іосифа возсталъ противъ избранія Рамполлы. Австрія знала, что Рамполла — горячій итальянскій патріотъ, вѣрный другъ Франціи, желавшій примиренія съ итальянскимъ правительствомъ, а все это было не на руку Австріи. Она знала, что Рамполла, выдающаяся личность, блестяще образованный князь церкви, поведетъ католическую церковь по пути, который грозитъ Австріи распадомъ, потому что эта „лоскутная монархія“, враждующая съ Франціей, держится только Францемъ-Іосифомъ и ортодоксальнымъ католицизмомъ. Австрійскій императоръ зналъ, что Рамполла, ставъ папой, будетъ меньше всего считаться съ интересами Австріи.

Устраненный кардиналъ Рамполла долженъ былъ уступить свое мѣсто Джузеппе Сарто, который при избраніи, совершенно неожиданномъ для него, могъ только, потрясенный, пролепетать формулу:

— Accepto in crucem...

— На вопросъ: „Quomodo vis vocari?“ (Какъ желаешь называть себя?) — Сарто отвѣтилъ, что онъ хотѣлъ бы именоваться Піемъ X. Затѣмъ два кардинала провели новаго папу къ алтарю,

Кончина папы Пія X.

облекли въ новую одежду, надѣли бархатныя красныя туфли съ золотымъ крестомъ, бѣлую сутану и поясъ, бѣлую шапочку и пурпурнаго цвѣта бархатную пелерину съ лебяжьимъ пухомъ: кардинальское кольцо было замѣнено „кольцомъ Рыбака", и кардиналы распростерлись передъ Піемъ X, цѣлуя его ноги и руки. Около 2½ часовъ дня въ центральной большой галлереѣ открылось окно, и Пій X въ первый разъ благословилъ народъ...

Во время 10-лѣтняго папства Пія X о немъ много писали, но среди всего написаннаго трудно найти похвалы этому папѣ. Его изображали то человѣкомъ недалекаго ума, то слѣпымъ фанатикомъ, то изувѣромъ. Теперь, послѣ смерти, односторонность оцѣнки должна отпасть. И справедливость требуетъ сказать, что въ лицѣ покойнаго совмѣщались два человѣка: высокой нравственности и евангельской доброты монахъ и папа, надѣлавшій много политическихъ ошибокъ по своей неспособности къ сложнымъ обязанностямъ главы католической церкви.

Въ маленькой, сверкавшей подъ лучами южнаго солнца, деревушкѣ Ріезэ жила семья бѣднаго крестьянина, владѣвшаго тремя гектарами „неудобной" земли. Въ дѣйствительности бо̀льшая часть земли старика Сарто представляло болото. Но имѣя мало земли, Сарто имѣлъ большую семью, и эти два обстоятельства заставили его въ концѣ концовъ поступить посыльнымъ въ коммуну. Но и это не спасло семью отъ жизни впроголодь. Сарто сдѣлался почтальономъ; жена Сарто, насколько могла, помогала своему мужу: превратившись въ деревенскую швею, шила рубахи по 40 сантимовъ за штуку.

Въ числѣ дѣтей почтаря Сарто былъ и будущій папа, а пока что̀—большой шалунъ, веселый и жизнерадостный Джузеппе. Казалось бы, что внѣшняя обстановка, условія жизни и принадлежность къ бѣдной крестьянской семьѣ заранѣе опредѣляли карьеру Джузеппе. Выборъ жизненнаго поприща для Джузеппе былъ неразнообразенъ: Джузеппе могъ стать либо крестьянскимъ батракомъ, либо почтовымъ разсыльнымъ. Несомнѣнно, это и случилось бы, если бы сосѣди стараго Сарто не обратили вниманія на то, что его сынъ необыкновенно любознателенъ, прилеженъ въ умственномъ трудѣ и страстно любитъ чтеніе. Кромѣ того, Джузеппе отличался большою набожностью, а это тоже склонило въ его пользу всѣхъ его односельчанъ. Дѣло происходило въ началѣ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, и стремившійся къ ученію мальчикъ былъ предметомъ всеобщаго удивленія и восторга.

Рѣшено было, что маленькій Сарто годится на нѣчто болѣе выдающееся, чѣмъ должность почтоваго разсыльнаго. Онъ несомнѣнно долженъ быть „ученымъ". Рѣшивъ на этомъ, родители помѣстили своего Джузеппе въ начальную двухъ-классную школу. Но когда Джузеппе блистательно прошелъ всѣ два класса, то сталъ увѣрять, что онъ еще пока не ученый, но чувствуетъ силы стать имъ, если его пошлютъ въ „высшую" школу. Эта высшая школа отстояла отъ деревни Джузеппе въ 7 верстахъ. Ребенку предстояло, такимъ образомъ, дѣлать ежедневно 14 верстъ, да еще высиживать четыре часа на занятіяхъ. Приходилось раннимъ утромъ уходить изъ дому, а домой возвращаться только къ вечеру, съѣдая за все это время ломоть хлѣба и головку лука. Но Сарто мужественно преодолѣлъ четыре года учёбы въ школѣ и голодовокъ и за все это время не явился въ классъ лишь одинъ разъ.

Школа окончена. Что̀ дѣлать дальше? Глубокая религіозность и любовь къ церкви опредѣлили карьеру мальчика. Его отвезли въ Падую и опредѣлили въ семинарію. Въ 1858 году молодой Сарто окончилъ курсъ семинаріи и пріѣхалъ въ родную деревушку, чтобы тамъ подъ сводами старенькой, бѣдной церкви отслужить свою первую мессу...

Такъ началась „карьера" Сарто: онъ назначается капелланомъ въ Томболо, и назначеніе это рѣшаетъ дальнѣйшую судьбу молодого священника. Въ Томболо настоятелемъ тогда былъ человѣкъ большого ума и хорошаго образованія. Настоятель Кастальтини, полюбивъ сразу своего капеллана, беретъ его подъ свою защиту и обучаетъ его произнесенію проповѣдей, что̀ такъ важно для карьеры католическаго священника. Кромѣ того, Кастальтини руководитъ имъ и въ наукѣ жизни, воспитываетъ его характеръ и знакомитъ его съ тѣми терніями и препятствіями, которыя приходится преодолѣвать католическимъ патерамъ.

У Кастальтини была опредѣленная мысль: сдѣлать изъ своего молодого капеллана блестящаго проповѣдника и открыть ему дорогу къ высшимъ духовнымъ должностямъ. Но самъ Сарто мало объ этомъ думалъ и мало этого желалъ. Его мечты витали въ другой области, и вскорѣ онъ ихъ частью осуществилъ. На свои скромныя средства въ 1859 году онъ открылъ школу для крестьянскихъ дѣтей. Тратя все на школу, самъ Сарто принужденъ былъ питаться хлѣбомъ и сыромъ, имѣя при этомъ только три перемѣны бѣлья. Симпатіи Сарто и склонности, такимъ образомъ, обнаружились: онъ хотѣлъ служить тому народу, изъ среды котораго вышелъ, и надо было видѣть, съ какой благодарностью впослѣдствіи ученики его школы относились къ своему бывшему учителю. Частенько въ Венецію, гдѣ Сарто былъ уже патріархомъ, пріѣзжали крестьяне и выкладывали на столъ патріаршихъ покоевъ деревенскій сыръ, корзинки съ яйцами и незатѣйливое вино. Кардиналъ радостно принималъ своихъ учениковъ, любовно цѣловалъ ихъ въ губы, усаживалъ, разспрашивалъ о деревнѣ, вспоминалъ о быломъ и съ юморомъ, никогда не оставлявшимъ Сарто, разсказывалъ имъ сценки изъ деревенской жизни.

Въ 1884 году Сарто былъ назначенъ каноникомъ каѳедральной церкви въ Тревизо профессоромъ тревизской семинаріи и одновременно руководителемъ „спеціальныхъ конференцій" для семинаристовъ. Не проходитъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ Сарто переводятъ въ Ломбардію, въ городъ Мантую, но уже епископомъ. И здѣсь Сарто остается такимъ же демократомъ и такимъ же горячимъ сторонникомъ народнаго образованія. Онъ прежде всего по собственному побужденію принимаетъ на себя должность ректора семинаріи, а также и профессора морали и догматики. Свободные часы отъ своего упорнаго труда онъ посвящаетъ начальной школѣ, ходитъ по бѣднымъ кварталамъ и трущобнымъ квартирамъ, помогаетъ, чѣмъ можетъ, бѣднотѣ и наставляетъ паству въ вѣрѣ. Мантуанцы никогда до того не видѣли такого простого, такого доступнаго и такого скромнаго епископа, какимъ былъ Сарто. Привыкшіе къ пышной жизни католическихъ епископовъ, мантуанцы поражались тѣмъ, что Сарто вставалъ въ 5 часовъ утра, наскоро одѣвался и самъ бѣжалъ въ сосѣднюю лавочку за хлѣбомъ и коробкой сардинокъ. Но что̀ же было дѣлать епископу, если онъ все раздавалъ бѣднымъ и тратилъ на школы, оставаясь самъ безъ гроша.

Сарто прозвали „бѣднымъ епископомъ". Но и тогда, когда онъ сталъ кардиналомъ, эта кличка осталась за нимъ, съ тою только разницею, что онъ сталъ уже „бѣднымъ кардиналомъ".

Насколько Сарто былъ бѣденъ и неприхотливъ, видно изъ того, что онъ всегда ѣздилъ въ III-мъ классѣ, мирно и запросто бесѣдуя съ крестьянами, даже и не подозрѣвавшими, что рядомъ сидящій толстый патеръ, добродушно улыбающійся и удачно вставляющій въ рѣчь простонародныя словечки, епископъ Мантуи.

Черезъ девять лѣтъ Сарто изъ епископа дѣлается кардиналомъ и въ 1894 году въѣзжаетъ въ Венецію, какъ ея патріархъ. И здѣсь Сарто остается такимъ же, какъ и въ Ріезэ и Мантуѣ: открываетъ школы, учреждаетъ общества взаимопомощи и рабочіе дома.

Проходитъ съ этого момента еще девять лѣтъ, и Сарто занимаетъ папскій престолъ. И здѣсь онъ, ставъ выше всѣхъ, ушелъ изъ повседневной жизни скромно, тихо и просто. Надо ли говорить, что такой человѣкъ, какъ Пій X, не понималъ и не видѣлъ разницы между положеніемъ пастуха и кардинала. Онъ самъ никогда „не дѣлалъ" карьеры, терпѣть не могъ карьеристовъ и точно такъ же относился и къ своей роднѣ. Горячо любя своихъ братьевъ и кузеновъ и часто съ ними видаясь, онъ не повышалъ ихъ и не старался вытянуть изъ безызвѣстнаго положенія. Они, какъ были, такъ и остались почтарями, землеробами и разсыльными. Его сестру прекрасно зналъ весь Римъ,—но эта старушка до самой своей смерти ходила по-деревенски, въ платочкѣ и черномъ простомъ платьѣ

Таковъ былъ покойный папа Пій X. Чистый душою, евангельски добрый, отказавшійся отъ жизни, глубоко, искренно вѣрующій, отдавшій всѣ силы души служенію у алтаря, онъ былъ не на мѣстѣ, какъ папа.

Простой, безхитростный, не умѣющій выбирать людей, непосвященный въ тонкости политической интриги, неумѣющій разбираться въ политическихъ комбинаціяхъ и итти, когда надо, на уступки духу времени, Пій X представлялъ собою средневѣковаго монаха, опоздавшаго родиться на пять-шесть столѣтій. Его предшественникъ старался примирить церковь и науку, царство Божіе и царство земное, но Пій X круто повернулъ назадъ въ Средневѣковье и рѣшилъ подчинить свѣтское знаніе теологіи и превратить такимъ образомъ нашъ вѣкъ разума въ вѣкъ вѣры. Пій X требовалъ абсолютнаго подчиненія церкви и ея канонамъ, не допуская свободной мысли и современнаго прогресса. Стремясь возстановить во всей средневѣковой полнотѣ власть римскихъ папъ, папа Пій X добился какъ разъ обратнаго. Настаивая на усиленіи клерикализма во всѣхъ католическихъ странахъ, папа вызвалъ конфликтъ съ Франціей, закончившійся тамъ отдѣленіемъ церкви отъ государства.

Крестовые походы нашихъ дней.

(Изъ впечатлѣній военнаго корреспондента).

Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

На сербскомъ театрѣ.

Крестовый походъ нашихъ дней...

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ вся эта война, пылающимъ заревомъ охватившая Европу, не является крестовымъ походомъ славянства противъ самодовольнаго, все и вся попиравшаго германизма?..

Нѣмцы хотѣли задушить ненавистное имъ славянство. Въ послѣдніе годы съ успѣхами на Балканахъ сербовъ и черногорцевъ это желаніе обострилось. И вмѣстѣ съ нимъ росла черная, непримиримая ревность, именно ревность германизма къ славянству.

Вдохновляемая Германіей, Австрія „приказала" царю Фердинанду разрушить балканскій союзъ и напасть на сербовъ. Фердинандъ такъ и сдѣлалъ.

Результатъ получился неожиданный, принизившій Болгарію и возвеличившій Сербію.

Мнѣ вспоминается бесѣда съ престолонаслѣдникомъ сербскимъ королевичемъ Александромъ. Это было минувшимъ лѣтомъ, въ самомъ началѣ его, когда, казалось, никто и не помышлялъ о войнѣ. Въ окрестностяхъ Бѣлграда, на курортѣ Врыньячке-Баньѣ я провелъ два дня въ обществѣ будущаго монарха героической Сербіи. Съ горечью и тоскою вспоминалъ благородный королевичъ-рыцарь, королевичъ-солдатъ болгарскую войну:

— Какъ мучительно жаль разбитыхъ иллюзій! Какъ величаво-красива была идея балканскаго союза! И какъ грубо растоптали ее. Я не виню болгаръ. Болгарскій народъ ни при чемъ здѣсь. Онъ введёнъ былъ въ заблужденіе своимъ правителемъ и его министрами; которые, въ свою очередь, являлись маріонетками въ рукахъ искусно дергавшей ихъ за нитку Австріи. Ахъ, эта Австрія!.. Она всегда жгуче ненавидѣла Сербію. Ея завѣтною мечтою было погубить насъ... Вспыхнула война съ турками... Австрія потирала отъ удовольствія руки, въ надеждѣ, что турки разгромятъ насъ. Вышло наоборотъ. Австрія позеленѣла отъ разочарованія и натравила на насъ болгаръ, убѣжденная, что здѣсь ужъ не миновать намъ разгрома. Новое разочарованіе. Австрія вдохновляетъ и субсидируетъ возстаніе арнаутовъ, надѣясь, что годъ съ лишнимъ непрерывныхъ войнъ утомилъ Сербію, и албанцы, тѣ самые албанцы, которыхъ боялись турки даже въ лучшую свою пору, самую цвѣтущую, расшатаютъ насъ... Албанскій походъ явился для Сербіи лишь обыкновенной карательной экспедиціей,—и вотъ вамъ третье разочарованіе нашей доброжелательной сосѣдки!

— Теперь, надѣюсь, она оставитъ надолго въ покоѣ Сербію,—замѣтилъ я.

— Не думаю,—замѣтилъ королевичъ Александръ.—Не думаю. Хотя мы теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь нуждаемся въ покоѣ и отдыхѣ. Впереди намѣчена такая бездна культурной, созидательной работы. Надо залѣчивать раны, необходимо насаждать просвѣщеніе, государственность въ новыхъ завоеванныхъ областяхъ. Въ этомъ полудикомъ турецкомъ наслѣдствѣ, гдѣ сербъ чувствовалъ себя такимъ угнетеннымъ, и гдѣ съ большимъ трудомъ и съ крайними ограниченіями допускались сербскія школы... Австрія не можетъ остаться равнодушной созерцательницей, видя, какъ растетъ и ширится Сербія... Я не сомнѣваюсь, что завѣтная мечта монархіи Габсбурговъ возможно скорѣе напасть на насъ и разгромить, пока, подточенные цѣлымъ рядомъ войнъ, мы не успѣли еще оправиться и окрѣпнуть.

Слова королевича Александра оказались пророческими. Эта бесѣда происходила въ маѣ, а черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ Австрія послала Сербіи свою возмутительно наглую ноту, придравшись къ убійству въ Сараевѣ эрцгерцога Франца-Фердинанда,—убійству, къ слову сказать, до сихъ поръ еще темному и неясному. И хотя австро-мадьяры изо всѣхъ силъ старались обвинить въ заговорѣ сербское правительство, но есть основаніе предполагать, что если кто и былъ замѣшанъ въ заговорѣ, такъ это именно вѣнская придворная камарилья. Она не могла примириться съ мыслью, что на тронъ Габсбурговъ взойдетъ не сегодня-завтра вмѣстѣ со своимъ вѣнценоснымъ супругомъ простая чешская графиня. При этомъ такъ легко и удобно было свалить убійство на сербовъ и этимъ ускорить разгромъ небольшой славянской страны...

Австрія давно готовилась къ войнѣ съ Сербіей, вѣрнѣе—къ нападенію на нее. Еще за мѣсяцъ до сараевской катастрофы объявлена была Австріей всеобщая мобилизація. Сербія же, для которой война эта явилась нежданной, была совершенно не готова

Сербскій Престолонаслѣдникъ Королевичъ Александръ съ нашимъ сотрудникомъ Н. Н. Брешко-Брешковскимъ на курортѣ Врыньячке-Баньѣ, въ окрестностяхъ Бѣлграда.

Общій видъ Бѣлграда съ Дуная и Савы.

Мудрено ли, что въ первые дни послѣ объявленія войны растерянность охватила Сербію. Тѣмъ болѣе, что она еще не знала, въ какой формѣ и степени выразятся сочувствіе и помощь великой Россіи.

Моментъ объявленія войны засталъ меня въ Дураццо. Въ эту албанскую глушь, отрѣзанную отъ газетъ и отъ правильнаго телеграфнаго сообщенія, доходили фантастическіе слухи...

Сербскій посланникъ Гавриловичъ, отважный офицеръ запаса, храбрый солдатъ минувшихъ войнъ рыдалъ въ отчаяніи, повторяя:

— Что будетъ съ Сербіей!?.

Дѣйствительно, при всемъ своемъ героизмѣ, при всѣхъ своихъ боевыхъ качествахъ, 300-тысячная сербская армія не могла бы, пожалуй, выдержать натиска двухъ съ половиною милліоновъ австрійцевъ, первоначальный планъ которыхъ, не учитывавшій вмѣшательства Россіи, заключался въ томъ, чтобы однимъ стремительнымъ натискомъ задушить Сербію и заставить ее раздѣлить участь Босніи и Герцоговины.

Мнѣ вспомнились слова королевича Александра, давшаго мнѣ глубоко-психологическое объясненіе дѣйствій Австріи.

Когда онъ говорилъ о томъ, что Австрія послѣдовательно, этапъ за этапомъ, разочаровалась въ своихъ надеждахъ видѣть Сербію униженной и разбитой, меня это удивило, и я сказалъ:

— Вашему высочеству извѣстно, что Сербія всегда наводнена была австрійскими шпіонами. А разъ такъ — они должны были освѣдомить свое правительство объ истинныхъ качествахъ сербской арміи, справиться съ которой не такъ ужъ легко.

На это престолонаслѣдникъ возразилъ:

— Ненависть къ Сербіи такъ велика у Австріи, что она рѣшительно не желаетъ признавать за нами какихъ бы то ни было положительныхъ качествъ...

Солдаты сербской пѣхоты.

Дѣйствительно, Австрія была увѣрена до послѣдней минуты, что война съ Сербіей превратится въ легкую военную прогулку, въ карательную экспедицію, въ которой „крамольная" Сербія будетъ жестоко и примѣрно наказана.

Типъ сербскаго добровольца-комитаджія.

Австрійцы не сомнѣвались, что въ двадцать четыре часа займутъ Бѣлградъ и оттуда властно продиктуютъ свою волю Сербіи. Теперь мы уже знаемъ, сколько жестокихъ разочарованій принесъ этотъ кичливый планъ Австріи.

Повторяемъ, Сербію охватила растерянность лишь въ первую минуту. Но это не былъ страхъ передъ многочисленнымъ, хотя и подлымъ и трусливымъ, врагомъ. Это была отъ мала до велика, до послѣдняго человѣка готовность умереть, пядь за пядью, шагъ за шагомъ защищая родную землю.

— Австріи дорого обойдется ея торжество! — мрачно говорили сербы.

Но когда выяснилось, что Россія не дастъ въ обиду свою младшую славянскую сестру, и австрійцамъ придется воевать на два фронта, бурное праздничное ликованіе охватило всю Сербію. Люди обнимались на улицахъ, какъ въ Свѣтлый Праздникъ. Вѣра въ конечную побѣду охватила сербовъ, и весело, радостно, какъ на пиръ, шли они на войну, украшая свои винтовки полевыми цвѣтами.

Все способное носить оружіе двинулось на позиціи. Спѣшно мобилизованная армія — сама по себѣ, но къ ней присоединилось еще около двухсотъ тысячъ добровольцевъ или, какъ называютъ ихъ въ Болгаріи и Сербіи — „комитаджіевъ".

Среди комитаджіевъ найдете вы и глубокихъ стариковъ, правда, сухихъ, крѣпкихъ и бодрыхъ, и пятнадцатилѣтнихъ юношей, рвущихся встрѣтиться лицомъ къ лицу со швабомъ.

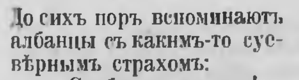
Одно изъ самыхъ цѣнныхъ качествъ сербскаго пѣхотинца, это — его невѣроятная физическая выносливость. Онъ можетъ дѣлать по семидесяти километровъ въ сутки въ полномъ походномъ снаряженіи, питаясь однимъ хлѣбомъ. Случалось, что въ дикихъ, непроходимыхъ мѣстностяхъ Албаніи, гдѣ горы мѣшали слѣдовать обозу, сербы по три дня ничего не ѣли, что не мѣшало имъ храбро и побѣдно драться съ непріятелемъ.

Разсыпной строй сербской пѣхоты достоинъ всяческаго вниманія. Она умѣетъ пользоваться малѣйшимъ прикрытіемъ, и огонь ея отличается убійственной мѣткостью. Штыковой ударъ сербской пѣхоты — нѣчто стихійное по своей безудержной стремительности. Даже болгарская армія и та не выдерживала рукопашныхъ атакъ сербовъ.

Походное снаряженіе сербскаго солдата отличается удобствомъ и простотою. Защитный цвѣтъ мундира, шароваръ и головного убора дѣлаетъ солдата невидимымъ даже сравнительно на небольшомъ разстояніи.

Вмѣсто сапогъ, жмущихъ ногу во время затяжныхъ маршей, сербы носятъ просторныя опанки — родъ мягкихъ лаптей изъ буйволовой кожи. Опанки — національная сербская обувь.

Что касается артиллеріи, то она вся французская, изготовленная на заводѣ Крезо. Сербская артиллерія какъ въ минувшія балканскія войны, такъ и теперь, на австрійскомъ фронтѣ, обнаружила свое несомнѣнное превосходство надъ артиллеріей противниковъ, сплошь нѣмецкой. Давно уже въ Сербіи въ каждомъ пѣхотномъ полку имѣется пулеметная рота. Своими пулетами сербы нагоняли паническій ужасъ на арнаутовъ во время албанскаго возстанія.

До сихъ поръ вспоминаютъ албанцы съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ:

— Сербы... така-така!..

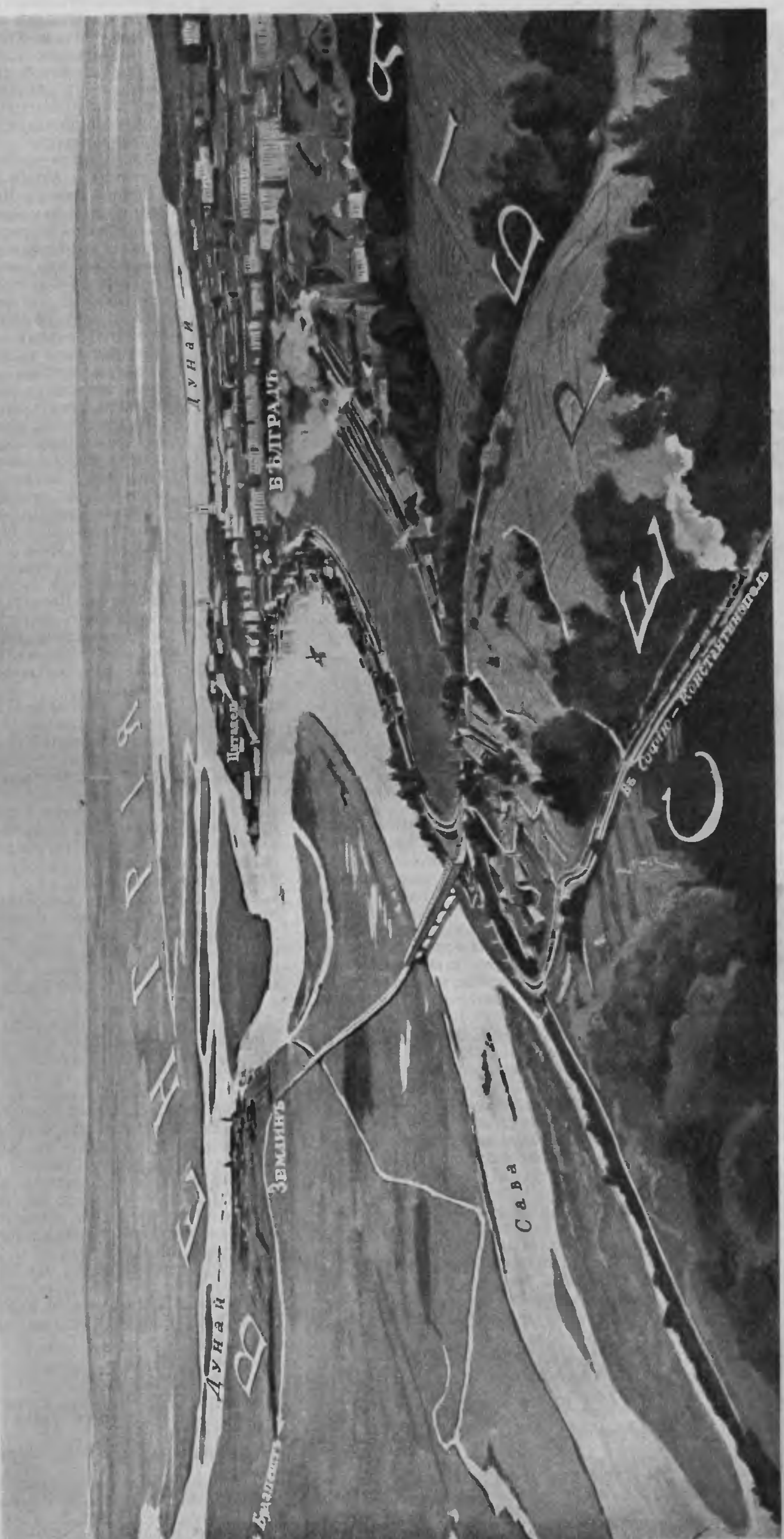
„Така-така" — это подражательный звукъ шуму пулемета въ дѣйствіи. Дѣйствительно, дорогою цѣною обошлось арнаутамъ ихъ возстаніе. Сербскіе пулеметы тысячами косили этихъ дикарей, не имѣющихъ понятія о разсыпномъ строѣ, хотя ими и руководили австрійскіе офицеры.

Комитаджіи — незамѣнимое по своей полезности партизанское войско. Эти балканскіе гверильясы положительно „универсальны". Они совмѣщаютъ въ себѣ рѣшительно всѣ роды оружія. Комитаджій — не знающій устали пѣхотинецъ, способный пробираться самыми головоломными козьими тропами. Комитаджій — солдатъ инженерныхъ войскъ. Онъ взрываетъ мосты, портитъ желѣзнодорожные пути, прерываетъ телеграфное и телефонное сообщенія. Комитаджій — пѣшая кавалерія. Развѣдочнымъ отрядомъ, отъ котораго ничто не ускользаетъ, движутся они впереди арміи. Наконецъ комитаджіевъ, чудесно владѣющихъ ручными бомбами — въ этомъ отношеніи они всѣ виртуозы — можно назвать артиллеристами.

Теперь, въ дни бомбардировки Бѣлграда, комитаджіи пользуются покровительствомъ ни на одинъ день не покидавшаго обстрѣливаемой столицы королевича Георгія. Онъ организовалъ изъ комитаджіевъ сильный отрядъ, причинившій австрійцамъ огромный уронъ.

Я провелъ двое сутокъ въ Бѣлградѣ во время самой ожесточенной бомбардировки. Вмѣстѣ съ отрядомъ королевскихъ войскъ несутъ на себѣ въ равной степени всю тяжесть обороны и комитаджіи. Не проходитъ ночи, чтобъ не добыли они десятокъ-другой плѣнныхъ австрійцевъ. Комитаджіи дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи, какъ майнъ-ридовскіе охотники за черепами. Покровительствуемые сумерками темной южной ночи, они безшумно переплываютъ на маленькихъ челнахъ Дунай и уже на австрійскомъ берегу тихо подползаютъ къ ничего не подозрѣвающимъ венгерскимъ пикетамъ...

Бомбардировка незащищеннаго и неукрѣпленнаго Бѣлграда — явленіе чрезвычайно характерное для австрійцевъ вообще и австрійской арміи въ частности. Въ этомъ цѣликомъ сказались ихъ трусость, ихъ ничтожность, ихъ полное неумѣнье вое-

Къ бомбардировкѣ Бѣлграда австрійцами. Рельефная карта мѣстности на границѣ Сербіи и Венгріи.

Албанскій вождь Исса-Болетинацъ (сидитъ) со своими арнаутами.

вать. Вотъ уже больше мѣсяца обстрѣливаютъ они осадными орудіями Бѣлградъ, день за днемъ превращая его въ развалины. Теперь, конечно, имъ уже не видать его. Сильный гарнизонъ Бѣлграда отразитъ какой угодно австрійскій дессантъ. Да они никогда и не посмѣютъ сунуться. Но въ первые дня, будь вмѣсто австрійцевъ кто-нибудь другіе,—незащищенный, неприготовившійся отразить непріятели, Бѣлградъ можно было бы взять безъ труда.

Яркимъ показателемъ прямо-таки классической никчемности австрійцевъ въ военномъ дѣлѣ является ихъ плачевная попытка высадить ночной дессантъ до объявленія войны, тотчасъ же послѣ того, какъ они послали Сербіи свой беззастѣнчивый, ихъ же самихъ погубившій, ультиматумъ.

Австрійцы думали обрушиться на спящій, ничего не подозрѣвающій, Бѣлградъ двумя баталіонами, въ общемъ больше двухъ тысячъ человѣкъ, нагруженныхъ,—именно „нагруженныхъ“,—ибо это былъ нелѣпый хаотическій грузъ,— на большія понтонныя барки. Часовые бѣлградской цитадели, замѣтивъ эту, медленно пересѣкающую Дунай, флотилію, поспѣшно донесли своему коменданту полковнику Пирочанацу. Полковникъ, герой турецкой войны, собралъ мигомъ все, что у него было подъ рукою. Жандармы, комитаджіи и чины пограничной стражи — все это въ общемъ дало лишь сотню стрѣлковъ. И эти 100 удальцовъ бѣшенымъ ружейнымъ огнемъ не только отбросили австрійскій дессантъ, но и нанесли ему чувствительныя потери... Много австрійскихъ труповъ плыло внизъ по теченію мутнаго Дуная...

Живописный, разметавшійся на крутомъ берегу Дуная и Савы, Бѣлградъ опустѣлъ, изъ обычныхъ ста пятидесяти тысячъ жителей теперь въ немъ едва ли наберется и десять. Трусливые лицомъ къ лицу съ врагомъ и храбрые на разстояніи, австрійцы продолжаютъ громить безотвѣтный городъ. Но о вторичномъ дессантѣ и думать боятся. Первая попытка отбила у нихъ всякую охоту „обѣдать въ Бѣлградѣ“,— какъ хвастались они вначалѣ.

Съ особеннымъ тщательнымъ удовольствіемъ обстрѣливаютъ австрійцы госпиталь, дѣтскіе пріюты, больницы. Нѣкоторые изъ этихъ учрежденій разворочены до тла, и подъ развалинами ихъ погибло не мало жертвъ.

Своеобразно мстятъ австрійцы Италіи за ея нейтралитетъ и Англіи за то, что „осмѣлились“ воевать противъ нѣмцевъ. Итальянское и англійское посольства подверглись самой ожесточенной бомбардировкѣ. Въ особенности пострадало отъ громадныхъ снарядовъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробуравившихъ крышу и стѣны, англійское посольство.

Теперь только, послѣ ихъ кошмарнаго разгрома при Шабацѣ, горькимъ опытомъ на собственной спинѣ своей убѣдились австрійцы, съ какимъ противникомъ имѣютъ они дѣло... Не надѣясь на собственныя силы въ этой борьбѣ, Австрія во что бы то ни стало, цѣною золота, которое она щедро раздаетъ албанцамъ, рѣшила инсценировать новое возстаніе арнаутовъ.

Вождь такъ называемыхъ коссовскихъ арнаутовъ Исса-Болетинацъ получилъ милліонъ кронъ, чтобъ двинуть своихъ головорѣзовъ на Призрѣнъ, Ускюбъ, Приштину и другіе пункты и города Новой Сербіи, недавно лишь отвоеванной у турокъ.

Исса-Болетинацъ—типичный балканскій кондотьеръ, продающій свою шпагу тому, кто лучше оплатитъ ея кровавыя услуги. Въ эпоху Абдулъ-Гамида онъ игралъ видную роль, умудряясь получать жалованье отъ Австріи, Турціи, Италіи, Сербіи и Черногоріи. Познакомился я съ Иссою-Болетинацомъ этимъ лѣтомъ въ Албаніи, гдѣ онъ служилъ князю Виду, сражаясь противъ своихъ же албанцевъ-мусульманъ... Секретъ весь въ томъ, что Видъ, не торгуясь, далъ арнаутскому вождю потребованную имъ сумму.

Исса производитъ впечатлѣніе лукаваго и вѣроломнаго человѣка. Да онъ такой и на самомъ дѣлѣ, этотъ балканскій кондотьеръ... Большого труда стоило мнѣ уговорить его сняться. Какъ правовѣрный мусульманинъ, Болетинацъ считаетъ фотографированіе грѣхомъ...

Конечно, имѣть у себя въ тылу враждебныя банды арнаутовъ непріятно, что и говорить! Но существеннаго вреда Сербіи выступленіе албанцевъ принести не можетъ. Два-три баталіона съ нѣсколькими пулеметами надолго отобьютъ охоту у дикихъ горцевъ переступать границу.

Сербы всегда хорошо относились къ русскимъ, гораздо сердечнѣе, чѣмъ болгары, нами цѣликомъ созданные и нами облагодѣтельствованные. Теперь же, когда русская и сербская арміи бьютъ каждая на своемъ фронтѣ швабовъ и, почемъ знать, быть-можетъ, встрѣтятся скоро въ Будапештѣ и Вѣнѣ, отношеніе сербовъ къ русскимъ исключительное по своей сердечности и пріязни.

Многія сотни злосчастныхъ русскихъ туристовъ, вынужденныхъ покинуть Германію, Австрію и Швейцарію, ѣхавшіе кружнымъ путемъ черезъ Солоники, очутились въ Сербіи. Многіе были безъ копейки денегъ. Сербы приняли въ нихъ самое трогательное участіе. Все, до полнаго пансіона включительно и проѣзда по сербской желѣзной дорогѣ, предоставлено было безплатно. Мало этого: каждый туристъ получилъ нѣкоторую сумму денегъ, обезпечивающую возвращеніе на родину. Покидая гостепріимные предѣлы Сербіи, русскіе увозили самое теплое, самое нѣжное чувство къ братьямъ, истинымъ братьямъ-славянамъ. Заслуживаетъ вниманіе то здѣсь, что нянчилась любовно Сербія съ нашими туристами не въ спокойное, безмятежное время, а вся охваченная порывомъ великой освободительной войны отъ швабско-мадьярскаго гнета,—войны, столь же прекрасной, сколь и героической. Священной войны, гдѣ на ряду съ мужчинами принимаютъ участіе и доблестныя сербскія женщины,—войны, въ которой въ концѣ концовъ на развалинахъ „лоскутной монархіи“ Габсбурговъ выраститъ великая свободная Сербія!

Отъ голода или на полѣ битвы?

Очеркъ **Н. Денисюка.**

Финансисты говорятъ, что для успѣшнаго веденія войны нужно раньше всего деньги и послѣ всего—деньги. Но они не предвидѣли такого положенія, при которомъ деньги теряютъ свою покупательную силу, потому что отсутствуетъ товаръ. Благодаря англійскому флоту, нейтралитету Италіи и тому обстоятельству, что остальныя границы Германіи на сушѣ заперты ея военными противниками, она, даже обладая вполнѣ достаточными покупательными средствами, можетъ очутится безъ пищи, т.-е. безъ возможности не только прокормить армію, но и населеніе страны.

Въ наше время страны міра подѣлились на страны, вывозящія хлѣбъ, и страны, ввозящія хлѣбъ. Сре[illegible] е мо[illegible]щихъ прокормить себя свои[illegible] [illegible]ъ, [illegible]чду

съ Англіей, Австріей и Италіей оказалась и Германія. Это даетъ поводъ многимъ публицистамъ дѣлать выводъ, что Германія раньше, чѣмъ быть побѣжденной на полѣ битвы, должна будетъ признать себя побѣжденной голодомъ. Многіе полагаютъ, что скоро въ Германіи нечѣмъ будетъ прокормить не только населеніе страны и армію, но и скотъ, такъ какъ Германія въ громадной массѣ получаетъ кормовыя средства для скота изъ тѣхъ же странъ, откуда получаетъ она и хлѣбъ.

Правда, Германія въ послѣднія десятилѣтія сильно индустріализировалась, и въ то время, какъ продукты ея фабрикъ все въ большемъ и большемъ количествѣ вывозились за границу, сама Германія все больше и больше принуждена была ввозить къ себѣ пищевыхъ продуктовъ и корма. Однако мы сильно преувеличиваемъ потребность со стороны Германіи въ привозномъ хлѣбѣ и переоцѣниваемъ это обстоятельство въ смыслѣ неспособности нѣмцевъ вести по этой причинѣ болѣе или менѣе продолжительный срокъ войну. Надо знать, что въ Германіи по вопросу о снабженіи населенія земледѣльческими продуктами на случай войны много писали, этому обстоятельству придавали большое значеніе, объ этомъ заботились и всяческими путями поддерживали національное сельское хозяйство. Надо помнить, что нѣмцы въ дѣлѣ сельскаго хозяйства достигли громадныхъ результатовъ, и хотя поля ихъ и не могутъ равняться по обширности съ полями нѣкоторыхъ земледѣльческихъ странъ, но зато они путемъ улучшенныхъ пріемовъ веденія своего сельскаго хозяйства добились высокихъ урожаевъ и сильно подняли продуктивность почвы.

Начиная съ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка, Германія живетъ жизнью земледѣльческихъ странъ съ тою только разницею, что дѣлаетъ попытки и усилія перейти къ болѣе усовершенствованнымъ способамъ полеводства. До 70-хъ годовъ она остается все въ томъ же положеніи страны землеробовъ, но доводитъ свое сельское хозяйство до замѣчательнаго расцвѣта и совершенства. Въ началѣ XIX вѣка Германія была въ состояніи не только прокормить свое населеніе своимъ хлѣбомъ, а свой скотъ — кормами, добытыми на нѣмецкой землѣ, но могла еще значительную часть этихъ продуктовъ вывозить за границу. Однако населеніе Германіи быстро росло, а вмѣстѣ съ этимъ росло и потребленіе пищевыхъ припасовъ, и, несмотря на успѣхи агрономической техники и на увеличеніе производства хлѣбовъ, внутренній рынокъ Германіи все же въ концѣ концовъ оказался не въ состояніи удовлетвориться національнымъ производствомъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Уже около середины прошлаго вѣка привозъ ржи въ страну начинаетъ превышать вывозъ ея, и Германія оказывается данницей чужихъ странъ, сначала благодаря ввозу ржи, а затѣмъ — пшеницы, ячменя, овса и кормовыхъ средствъ. Это влечетъ за собой необходимость ввоза и животныхъ—рогатаго скота, овецъ— и наконецъ, домашней птицы.

Начиная приблизительно съ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, благодаря развитію международныхъ сношеній, желѣзнодорожной сѣти и пароходному транспорту, во всей Западной Европѣ начинаетъ чувствоваться конкуренція новыхъ странъ, въ изобиліи производящихъ дешевый хлѣбъ: Россіи, Соединенныхъ Штатовъ, Румыніи, Аргентины, Остъ-Индіи и Урагвая. Наступаетъ длительный періодъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ, и Германія оказывается неспособной растить и продавать хлѣбъ по тѣмъ цѣнамъ, по которымъ предлагаютъ его поименованныя выше земледѣльческія страны, и нѣмецкому народу все труднѣе и труднѣе становится прокормить себя отъ доходовъ съ полей.

Правда, уже Бисмаркъ окружаетъ сельское хозяйство Германіи протекціонной политикой, удешевляетъ желѣзнодорожный тарифъ при провозѣ туземныхъ продуктовъ и всячески облегчаетъ имъ борьбу съ иностранной конкуренціей. Нѣмецкіе помѣщики рука объ руку съ государствомъ дѣлаютъ многое для развитія сельскаго хозяйства, но все же оно начинаетъ отставать отъ развитія нѣмецкой промышленности, и капиталъ, а вмѣстѣ съ этимъ и рабочія руки все больше и больше уходятъ отъ земледѣлія и приливаютъ къ фабрикамъ и заводамъ. Сельское хозяйство въ Германіи, такимъ образомъ, къ нашему времени потеряло большую долю своего значенія въ жизни народа. Еще въ 1830 году сельскимъ хозяйствомъ занимались четыре пятыхъ населенія страны. Въ 1860 г. мы уже видимъ, что только три пятыхъ населенія Германіи удержаны сельскимъ промысломъ, въ 1882 году отъ земли кормятся только уже двѣ пятыхъ населенія, а къ 1895 г. эта цифра падаетъ еще ниже и немногимъ превышаетъ одну треть жителей Германіи, а именно 35%. Послѣдняя промысловая перепись, произведенная въ 1907 году, показала, что доля населенія, живущаго доходами отъ сельскаго хозяйства въ Германіи, продолжаетъ падать, при чемъ падаетъ она не только относительно, но и абсолютно. Въ 1907 году населеніе Германіи оказалось равнымъ 61.720.529, а количество лицъ, живущихъ доходами отъ сельскаго хозяйства, выразилось въ цифрѣ 17.681.176 человѣкъ, что даетъ 28,6% ко всему населенію страны.

Словомъ, на нашихъ глазахъ Германія стала безусловно промышленной страной, и въ данный моментъ, по вычисленіямъ нѣмецкихъ статистиковъ, годичное производство нѣмецкаго сельскаго хозяйства достигаетъ шести милліардовъ марокъ, тогда какъ годичное производство фабрикъ и заводовъ равняется приблизительно двѣнадцати милліардамъ марокъ. Доходъ, получаемый нѣмецкимъ народомъ отъ своихъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, ежегодно достигаетъ трехъ милліардовъ марокъ, а доходъ отъ промышленности и торговли — почти четырнадцати милліардамъ марокъ.

Все это говоритъ за то, что Германія въ настоящее время живетъ не продуктами своей земли, а промышленной дѣятельностью своихъ жителей. Нѣмецкіе экономисты вычислили, что если бы Германія должна была извлекать изъ собственной земли всѣ тѣ пищевые продукты и сырые матеріалы, которые необходимы для прокормленія населенія и для промышленности, то она должна была бы обладать пространствами земли по крайней мѣрѣ вдвое и втрое бо̀льшими, чѣмъ та территорія, которою она владѣетъ въ данный моментъ.

Все это и дало поводъ предположить, что Германія абсолютно неспособна воевать въ данный моментъ, и что не пройдетъ и двухъ-трехъ мѣсяцевъ, какъ она должна будетъ положить оружіе. Извѣстія о томъ, что плѣнные нѣмецкіе солдаты оказываются изголодавшимися, а также и то, что въ первые дни объявленія войны цѣны на пищевые продукты въ Берлинѣ выросли до небывалыхъ размѣровъ,—какъ бы подтверждаютъ предположенія о томъ, что нѣмцы безъ привознаго хлѣба должны сдаться въ самый непродолжительный срокъ.

Но такъ ли это? Дѣйствительно ли Германія такъ плохо подготовлена къ войнѣ въ смыслѣ продовольствія населенія? Наша страна, какъ и Франція, не нуждается въ привозѣ пищевыхъ продуктовъ, и у насъ достаточно своихъ собственныхъ съѣстныхъ припасовъ, ибо мы сами ежегодно вывозимъ на милліардъ рублей хлѣба, масла, птицы, яицъ и мяса. Какъ бы ни былъ у насъ плохъ урожай, все же онъ вполнѣ достаточенъ для того, чтобы прокормить до новыхъ хлѣбовъ все населеніе нашей страны. Что̀ же касается Германіи, то она должна у насъ ежегодно покупать почти половину тѣхъ съѣстныхъ припасовъ, которые она потребляетъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы даемъ ей ихъ чуть ли не цѣликомъ. Такъ, напримѣръ, Германія ввозила къ себѣ 3.895.081 двойныхъ центнеровъ ржи, и изъ этого количества ржи Россія доставляла ей 3.580.760 двойныхъ центнеровъ (1912 г.): пшеницы Германія потребляетъ приблизительно $23^1/_2$ милліона двойныхъ центнеровъ, а изъ Россіи получала ея около 15 милліоновъ центнеровъ: изъ 28 милліоновъ центнеровъ ячменя Россія давала ей 27 милліоновъ.

Германія ввозитъ къ себѣ изъ разныхъ странъ около 2.488.000 тоннъ пшеницы, 614.000 тоннъ ржи, 628.000 тоннъ овса, 3.477.000 тоннъ ячменя, 743.000 тоннъ кукурузы, 22 милліона пудовъ картофеля и около 13 милліоновъ пудовъ бобовъ, гороха и чечевицы, не считая тѣхъ кормовыхъ средствъ, которыми питается и растится нѣмецкій скотъ. Ежегодное потребленіе Германіей кормовыхъ средствъ составляетъ 223 милліона двойныхъ центнеровъ, и изъ этого числа въ предѣлахъ Германіи производится не болѣе 167 милліоновъ центнеровъ, а остальные 66 милліоновъ привозятся изъ всѣхъ частей свѣта.

Если мы попробуемъ сопоставить цифры германскаго ввоза и вывоза главнѣйшихъ продуктовъ земледѣлія, то должны будемъ притти къ выводу, что Германія находится въ сильной зависимости отъ иностраннаго ввоза.

Вотъ эти цифры (въ тысячахъ тоннъ):

Ввозъ:	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
рожь	389,6	614,1	315,7	352,5
пшеница	2.343,7	2.488,3	2.297,4	2.545,9
ячмень.	3.000,6	3.636,1	2.969,4	3.238,2
овесъ	457,7	628.4	665,9	505,0
кукуруза	573,1	743,4	1.142,5	918,6
Итого . .	6.764,6	8.110,2	7.390,9	7.560,3

Вывозъ:	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
рожь	825,2	768,5	797,3	933,9
пшеница	281,3	309,9	322,6	535,4
ячмень.	2,1	1,8	1,2	6,0
овесъ	436,8	296,2	385,2	659,9
кукуруза. . . .	0,4	0,4	0,5	0,3
Итого. .	1.545,8	1.376,8	1.5008	2.135,5

Какъ видимъ, цифры ввоза въ Германію хлѣбовъ и кормовъ велики, но это еще не значитъ, что Германія производитъ своихъ хлѣбовъ и своихъ продуктовъ питанія такъ мало, что вопросъ о продовольствіи населенія долженъ представляться именно въ томъ видѣ, какъ онъ представляется нашей широкой публикѣ, а отчасти и нашей печати. Надо помнить, что Германія не только ввозитъ овесъ, рожь, пшеницу и пр., но, какъ видимъ, также и сама вывозитъ ихъ въ другія страны. Если Германія ввозитъ, напримѣръ, отъ 130—150 милліоновъ пудовъ пшеницы, то она въ то же самое время и вывозитъ ея около 17—18 милліоновъ пудовъ: если она ввозитъ къ себѣ около 30—40 милліоновъ пудовъ ржи, то вывозитъ тоже около этого же количества, а въ 1910 году она вывезла ржи свыше 50 милліоновъ пудовъ: если Германія ввозитъ къ себѣ отъ 30—50 милліоновъ пудовъ овса, то надо знать, что и вывозитъ она около 20—30 милліоновъ пудовъ. Германія вывозитъ около 2—3 милліоновъ пудовъ овощей, около 10 милліоновъ пудовъ ржаной муки и столько же пшеничной и пр. Все это теперь останется въ странѣ и увеличитъ общую сумму продуктовъ питанія. Къ этому надо прибавить, что, по увѣренію нѣмецкихъ сельскохозяйственныхъ журналовъ, нѣ-

мецкихъ сельскихъ хозяевъ, путешественниковъ и по даннымъ офиціальной статистики, урожай хлѣбовъ въ Германіи въ этомъ году оказался очень обильнымъ.

Если распредѣлить сумму привоза хлѣбныхъ товаровъ въ Германіи по числу жителей, то окажется, что на германскую душу въ годъ привозится пшеницы около $2\frac{1}{2}$ пудовъ, ржи — около $\frac{1}{2}$ пуда, столько же овса; около 3 пудовъ ячменя и около $\frac{1}{2}$ пуда кукурузы. Вотъ та нехватка, которая получится теперь, если предположить, что война затянется. Но здѣсь надо принять въ расчетъ, что эта недостача частью будетъ покрыта тѣмъ количествомъ пшеницы, ржи и овса, которое останется въ странѣ благодаря прекращенію вывоза товаровъ изъ Германіи.

Всѣ эти цифры однако говорятъ намъ, что все же Германія прокормиться своимъ хлѣбомъ, мясомъ и картофелемъ не будетъ въ состояніи, и что если все то количество хлѣба, которое Германія получитъ въ этомъ году отъ своихъ полей, раздѣлить на число жителей, то мы получимъ, что на каждую душу населенія придется немногимъ больше 14 пудовъ. Норма эта невелика, потому что для прокормленія человѣка необходимо по крайней мѣрѣ 22—25 пудовъ въ годъ. Однако надо принять въ соображеніе еще и то немаловажное обстоятельство, что нѣмцы, предвидя войну, усиленно закупали хлѣбъ за границей и у насъ. Такимъ образомъ надо полагать, что, помимо того хлѣба, который получатъ нѣмцы со своихъ полей, они имѣютъ въ своемъ распоряженіи значительные запасы хлѣба иноземнаго.

Въ какой мѣрѣ закупки иноземнаго хлѣба въ этомъ году были велики, сказать трудно, но можно предполагать, что во всякомъ случаѣ онѣ были значительны. Однако врядъ ли хлѣбъ, закупленный Германіей наканунѣ войны, могъ цѣликомъ достигнуть пунктовъ назначенія. Особенно много пшеницы было закуплено въ Сѣверной Америкѣ, но погрузка зерна происходила во второй половинѣ іюля по новому стилю, объявленіе же войны послѣдовало въ первыхъ числахъ августа, а надо сказать, что транспорты изъ американскихъ портовъ Атлантическаго океана идутъ въ Западную Европу на паровыхъ судахъ не менѣе двухъ недѣль. Что же касается Аргентины, изъ которой особенно много идетъ пшеницы въ Германію, то тутъ дѣло еще сложнѣе, такъ какъ рейсъ изъ Ла-Платы къ берегамъ Германіи длится 35 дней. Съ объявленіемъ Англіей войны Германіи упомянутыя количества хлѣба врядъ ли могли достигнуть портовъ Германіи, такъ какъ Англія стала хозяиномъ на морѣ.

Что касается продовольствія населенія мясомъ, то и съ этой стороны положеніе Германіи, къ сожалѣнію, не такъ трагично, какъ это было бы желательно. Хотя, какъ мы уже сказали, кормовыя средства привозятся въ Германію изъ другихъ странъ и главнымъ образомъ изъ Россіи и частью изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, все же и сама Германія производитъ ихъ не мало.

Произведенная 1 декабря 1913 г. перепись скота въ Германіи, по даннымъ имперскаго статистическаго бюро, обнаружила, что въ Германіи имѣется почти 21 милліонъ штукъ крупнаго рогатаго скота, почти 25.600.000 свиней, болѣе $3\frac{1}{2}$ милліоновъ козъ и $5\frac{1}{2}$ милліоновъ овецъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что послѣ Россіи въ Европѣ нѣтъ страны, которая имѣла бы такое количество скота, какъ Германія. Правда, что количество головъ скота на душу населенія въ Германіи уступаетъ многимъ странамъ и въ то время, какъ въ другихъ странахъ на 100 жителей приходится по 50—70 и даже 80 штукъ крупнаго рогатаго скота, въ Германіи на 100 жителей насчитываютъ 34 штуки скота и 36 свиней. Словомъ, если взять весь крупный рогатый скотъ Германіи, ея свиней, овецъ и барановъ, то получимъ около 420 милліоновъ пудовъ мяса. Теперь надо считать въ Германіи около 70 милліоновъ душъ населенія, а это значитъ, что если на каждую душу ежедневно выдавать по фунту мяса, то все населеніе можетъ питаться имъ около 240 дней, при чемъ оно не будетъ нуждаться ни въ какомъ ввозѣ. Принимая въ расчетъ, что грудныя дѣти и даже дѣти до 1—2 лѣтъ, а также многіе старики не ѣдятъ вовсе мяса, мы должны будемъ прійти къ выводу, что мяса въ Германіи хватитъ такъ же, какъ и хлѣба, приблизительно на годъ. Во всякомъ случаѣ тѣми запасами, которые имѣются тамъ въ данное время, нѣмецкій народъ можетъ безъ тяжкой голодовки вполнѣ свободно и въ достаточной мѣрѣ питаться отъ 6—8 мѣсяцевъ.

По этому вопросу уже давно, задолго до войны, нѣмцы написали многотомную литературу, взвѣсили всѣ обстоятельства и высчитали все количество пудовъ хлѣба и мяса, которое надо имъ для войны и прокормленія арміи и жителей. Но и здѣсь сказались самоувѣренность и переоцѣнка своихъ силъ и своихъ политическихъ связей. Насколько можно вѣрить знатокамъ этого дѣла, оказывается, что никогда ни одинъ нѣмецкій экономистъ не подымалъ вопроса, что будетъ дѣлать и какія мѣры приметъ Германія, если она будетъ окружена и съ суши и съ моря противникомъ. Вопросъ этотъ, конечно, возникалъ, но вызывалъ улыбки политиковъ и экономистовъ и самъ собою отпадалъ и не подвергался серьезному обсужденію. Такъ, напримѣръ, проф. Дитцель, трактуя вопросъ о продовольствіи въ Германіи на случай войны, категорически высказалъ мысль, что полное прекращеніе подвоза хлѣба въ Германію немыслимо, ибо Германія имѣетъ для этого достаточно сильный флотъ, способный помѣряться силами съ флотомъ Франціи и Россіи, а на сушѣ доставка хлѣба и пищевыхъ продуктовъ обезпечена нѣмцамъ актомъ союза съ Италіей.

„Если случится одновременно война и съ Франціей и съ Россіей,—пишетъ проф. Дитцель:—и флоты этихъ державъ будутъ блокировать наши морскія гавани, то кто же намъ помѣшаетъ получить хлѣбъ на Рейнѣ, Эльбѣ и Дунаѣ, черезъ Роттердамъ, Антверпенъ, Геную и Тріестъ („Міровое хозяйство)“? „Разумѣется, если всѣ страны преградятъ доступъ продуктамъ въ предѣлы Германіи, то тогда,—говоритъ профессоръ Риссеръ:—конечно, Германія очутится въ крайне затруднительномъ положеніи. Но развѣ это возможно?“ Такую комбинацію профессоръ рѣшительно отвергаетъ и считаетъ безусловно невозможной. „Для того, чтобы это случилось, надо, чтобы экспортъ хлѣба въ Германію былъ прекращенъ Англіей, Росссіей, Франціей, Бельгіей, Голландіей, Швейцаріей, Италіей и даже Австріей. Но развѣ это возможно?—говоритъ Риссеръ.—Развѣ возможно, чтобы Германія, имѣющая такъ много друзей и союзниковъ, оказалась настолько изолированной?“

Дѣйствительность показала, что расчеты нѣмецкихъ профессоровъ пали и, что то, что имъ казалось невозможнымъ, осуществилось. Мы видимъ, что Англія, Франція и Россія склонны скорѣе конфисковать хлѣбъ, идущій въ Германію, чѣмъ снабжать имъ нѣмцевъ; Австрія и сама нуждается въ хлѣбѣ, доставляемомъ ей Венгріей; Швейцарія нейтральна, да наконецъ у нея хлѣба нѣтъ, и она сама питается привознымъ хлѣбомъ въ теченіе 51 недѣли въ году. Италія и Голландія тоже нейтральны, а Бельгія объявила войну Германіи.

Надо отдать справедливость нѣмцамъ въ томъ, что голоса ихъ профессоровъ и экономистовъ, полагавшихъ, что Германія на случай войны неуязвима въ отношеніи продовольствія населенія, не усыпили ихъ бдительности и скептицизма. На ряду съ профессорами Дитцелемъ и Риссеромъ раздавались голоса осторожныхъ людей, настойчиво требовавшихъ, чтобы въ странѣ еще до войны накопить запасы хлѣба, который можетъ оказаться дороже золота. Эти люди рекомендовали соорудить колоссальныя цементированныя зернохранилища и всыпать въ нихъ продовольственный фондъ, равный приблизительно 125 милліонамъ пудовъ пшеницы. Эти запасы осторожные нѣмцы признали дѣломъ неотложной важности и крайней необходимости.

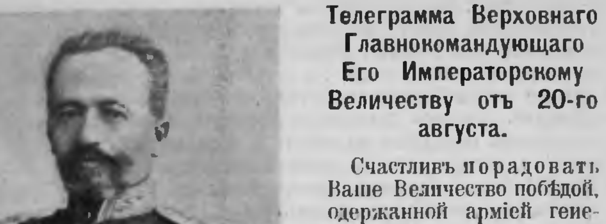
Надо надѣяться, что увѣренность въ успѣхѣ германскаго оружія и мощи нѣмецкаго флота такъ была сильна въ воинствующей и правящей партіи, на нихъ такъ надѣялся создатель военнаго закона 1899 года и „великій адмиралъ Атлантическаго океана“, какъ именовалъ себя открыто Вильгельмъ II, что планъ зернохранилищъ и хлѣбныхъ запасовъ не былъ осуществленъ.

Теперь и въ самомъ дѣлѣ, несмотря на собственное значительное производство пищевыхъ продуктовъ, вопросъ о продовольствіи во время войны грозно всталъ передъ страной, и она увидѣла, что гамбургскій банкиръ Варбургъ былъ только отчасти правъ, когда онъ сказалъ на съѣздѣ нѣмецкихъ финансистовъ, что Германія плохо подготовлена къ войнѣ въ финансовомъ отношеніи. Теперь, вѣроятно, раздаются голоса въ странѣ, что она плохо подготовлена скорѣе не въ финансовомъ, а въ экономическомъ отношеніи, что денегъ у нея больше, чѣмъ хлѣба, и что ей придется, сидя на грудахъ денегъ, умирать отъ голоду.

Но когда наступитъ этотъ заслуженный ею моментъ? Подсчеты и цифры говорятъ намъ, что моментъ этотъ въ Германіи не такъ близокъ, какъ увѣряютъ французскія газеты, сообщающія, что цѣны на съѣстные припасы въ Берлинѣ поднялись на сказочную высоту, и что Германія уже голодаетъ. Поднявшіяся цѣны объясняются пріостановкой въ подвоза изъ деревень и провинцій. Мобилизація захватила всѣ вагоны и всѣ паровозы, всю поѣздную прислугу и всѣ средства перевозки. Это значитъ, что Берлинъ, а можетъ-быть, и другіе крупные нѣмецкіе центры и большіе города временно лишились того притока пищевыхъ средствъ, къ которому они привыкли, и который имъ необходимъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ цѣны должны были сразу взлетѣть, но, по минованіи мобилизаціи, онѣ должны войти въ норму.

Кромѣ того, какъ ни тѣсна блокада береговъ Германіи, какъ ни великъ англійскій флотъ, и какъ ни труденъ подвозъ въ предѣлы Германіи на сушѣ, но все же нельзя ожидать, чтобы иностранный хлѣбъ не проникалъ вовсе туда. Внѣ всякаго сомнѣнія, Германія будетъ получать пищевые продукты черезъ Голландію, Данію и Италію, да наконецъ и Румынія сможетъ дать часть хлѣба нѣмцамъ. Но, конечно, все же эти доставки связаны будутъ съ большими затрудненіями, и врядъ ли Германія получитъ этимъ путемъ большое количество провіанта.

Трудно что-нибудь сказать относительно длительности начавшейся войны, но врядъ ли она будетъ продолжаться годъ, т.-е. столько времени, въ теченіе котораго Германія, отрѣзанная отъ всего міра, способна прокормить себя и свою армію. Расходы на войну будутъ такъ колоссальны, военныя операціи такъ рѣшительны, что война врядъ ли протянется дольше нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а это значитъ, что если суждено услышать Германіи то, что она сказала въ 1870 году Франціи: „горе побѣжденнымъ!“, то она услышитъ это не голодная и не сдавшаяся отъ недостатка пищевыхъ продуктовъ, а разбитая на полѣ битвы.

Генералъ-отъ-инфантеріи Н. Н. Мартосъ, павшій въ бою.

Телеграмма Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскому Величеству отъ 20-го августа.

Счастливъ порадовать Ваше Величество побѣдой, одержанной арміей генерала Рузскаго подъ Львовомъ послѣ семидневнаго непрерывнаго боя. Австрійцы отступаютъ въ полномъ безпорядкѣ, мѣстами бѣгутъ, бросая легкія и тяжелыя орудія, артиллерійскіе парки и обозы. Непріятель понесъ громадныя потери, и взято много плѣнныхъ. До этого же рѣшительнаго боя арміей генерала Рузскаго взято за семь дней сорокъ четыре орудія, множество ручного оружія, большое число пулеметовъ.

Телеграмма Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскому Величеству отъ 21-го августа 1914 г

Съ восторженной радостью и принеся благодареніе Богу, доношу Вашему Величеству, что побѣдоносная армія генерала Рузскаго сегодня, въ одиннадцать утра, взяла Львовъ, а армія Брусилова — городъ Галичъ. Ходатайствую о награжденіи за всѣ предыдущіе бои генерала Рузскаго Георгіемъ 4-й степени, а за взятіе Львова—Георгіемъ 3-й степени, генерала Брусилова за всѣ бои—Георгіемъ 4-й степени. Подробностей еще нѣтъ.

Отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

I.

Послѣ семидневнаго боя наша армія овладѣла передовыми, сильно укрѣпленными, позиціями Львова, вынесенными на 15—20 верстъ къ востоку отъ города, и приблизилась къ главнымъ Львовскимъ фортамъ. Послѣ крайне упорнаго боя австрійцы 19-го августа бѣжали въ безпорядкѣ, бросая легкія и тяжелыя орудія, артиллерійскіе парки, походныя кухни. Наши авангарды и конница преслѣдовали непріятеля, понесшаго огромныя потери убитыми и ранеными. Дѣйствовавшая на Львовскомъ направленіи австрійская армія состояла изъ третьяго, одиннадцатаго, двѣнадцатаго корпусовъ и частей седьмого и четырнадцатаго корпусовъ; она, повидимому, совершенно разбита. При преслѣдованіи отступавшихъ съ Гнилой Липы австрійскихъ корпусовъ непріятель былъ вынужденъ бросить еще тридцать одно орудіе. Наши войска находятъ всѣ дороги загроможденными брошенными австрійскими парками и обозами съ разными грузами. Общее количество взятыхъ нами орудій на Львовскомъ направленіи около полутораста.

II.

15-го августа у Лащова была совершенно разбита вся пятнадцатая австрійская дивизія, начальникъ дивизіи, командиръ бригады и начальникъ штаба убиты. Взяты въ плѣнъ: 100 офицеровъ, 4.000 солдатъ и 600 раненыхъ, захвачено знамя 65 полка и двадцать орудій. Все поле покрыто убитыми.

III.

19-го августа непріятельскія колонны пытались прорвать нашъ центръ на направленіи между Люблиномъ и Холмомъ. Успѣхъ однако перешелъ на нашу сторону. Преслѣдуемые нами остатки непріятельскихъ колоннъ поспѣшно отступаютъ на югъ, оставивъ намъ знамя, 8 пулеметовъ и болѣе 1.000 плѣнныхъ.

20-го августа упорные бои на всемъ фронтѣ возобновились съ новой силой.

Плѣнные показываютъ, что вторая австрійская армія, составлявшая заслонъ къ востоку отъ Львова, совершенно охвачена паникой. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Львова 20-го августа нами захвачено еще 20 орудій. Наши войска на этомъ фронтѣ безостановочно продвигаются впередъ.

Генералъ-маіоръ Е. Ф. Пестичъ павшій въ бою.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Истекшая недѣля ознаменовалась крупными событіями: гибелью германскаго крейсера „Магдебургъ“, сѣвшаго на мель у входа въ Финскій заливъ и разстрѣляннаго русскими судами, гибелью трехъ германскихъ крейсеровъ и нѣсколькихъ миноносцевъ въ морскомъ сраженіи съ англичанами подъ Гельголандомъ, уничтоженіемъ (по имѣющимся свѣдѣніямъ) послѣдняго германскаго крейсера, свободно плававшаго въ Атлантическомъ океанѣ у береговъ Африки, рядомъ новыхъ пораженій германцевъ и австрійцевъ при побѣдоносномъ движеніи русскихъ армій къ Кёнигсбергу, Грауденцу, Данцигу и Львову и долговременной задержкой всего германскаго наступленія на Францію черезъ Бельгію.

Послѣ общаго сосредоточенія бельгійской арміи къ укрѣпленному лагерю Антверпена, которое открыло германцамъ свободные пути для наступленія на него, англо-французскія войска смѣло встрѣтили грудью стремительный натискъ германскихъ силъ по всему фронту соприкосновенія. Нѣсколько дней велось генеральное сраженіе съ частичнымъ успѣхомъ въ отдѣльныхъ пунктахъ огромнаго фронта то на той, то на другой сторонѣ. Городъ Шарльруа неоднократно переходилъ то къ нѣмцамъ, то къ французамъ. Разъяренные полки бросались другъ на друга въ изступленіи и переходили даже въ рукопашную. При Рамильѣ послѣ штыкового боя изъ двухъ германскихъ полковъ осталось въ строю только 60 человѣкъ, англійскіе полки подъ натискомъ тройныхъ германскихъ силъ стояли каменной стѣной,—но въ концѣ концовъ численное превосходство наступающихъ оказало свое вліяніе, и города Намюръ, Шарльруа, старая крѣпость Лонгви остались въ германскихъ рукахъ, и англо-французская армія, нанеся непріятелю огромныя потери, отступила къ границамъ Франціи, на заранѣе выбранныя и укрѣпленныя позиціи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней на бельгійскомъ фронтѣ установилось затишье. Лѣвый флангъ англо-французскихъ силъ, находившійся между Монсомъ и Живе, 13 августа отошелъ верстъ на 60 въ юго-западномъ направленіи и занялъ укрѣпленныя позиціи въ долинѣ р. Соммы на французской территоріи. Германская армія была совершенно обезсилена достигнутыми успѣхами, доставшимися ей ужъ слишкомъ дорогою цѣною. Нѣмецкіе командующіе не жалѣли ни людей ни снарядовъ. О колоссальныхъ потеряхъ германцевъ можно судить по тому, что, напр., подъ Нанси на фронтѣ въ 3 километра найдено $2\frac{1}{2}$ тысячи убитыхъ нѣмцевъ. Въ области Витримонъ на фронтѣ въ 4 километра обнаружено $4\frac{1}{2}$ тысячи нѣмецкихъ труповъ, подъ фортами Намюра насчитано 10 тысячъ нѣмецкихъ труповъ.

Убійственную разрушительную силу обнаруживаетъ шрапнельный огонь фран-

Генералъ-отъ-кавалеріи А. В. Самсоновъ, павшій въ бою.

Генералъ-отъ-инфантеріи Н. В. Рузскій, разбившій австрійцевъ и взявшій Львовъ. За эти великія отличія представленъ къ награжденію орденами св. Георгія 4-й и 3-й степеней.

цузовъ: онъ выкашиваетъ сплошные ряды непріятеля. Въ одной траншеѣ былъ уничтоженъ цѣлый взводъ, при чемъ многіе изъ убитыхъ застыли въ позѣ прицѣла. Германцы, повидимому, до такой степени ослаблены своими побѣдами, что не въ силахъ воспользоваться ихъ плодами и даже удержать завоеванное положеніе.

Дальнѣйшія попытки наступленія ведутся ими крайне вяло и почти вездѣ кончаются неудачами, а сохранившій энергію противникъ въ разныхъ пунктахъ снова переходитъ въ наступленіе и отбираетъ уступленныя вчера позиціи. При новомъ натискѣ германцевъ на югъ оставшіеся въ тылу праваго фланга бельгійцы, выйдя изъ Антверпена, неожиданно напали на германскій заслонъ, опрокинули рѣшительнымъ ударомъ три сильныхъ отряда и заняли городъ Малинъ, захвативъ много нѣмецкихъ пушекъ. Наступающій бельгійскій отрядъ угрожаетъ тыловой линіи германцевъ и Брюсселю, который нѣмцы спѣшно укрѣпляютъ. Французы тоже перешли въ наступленіе, заняли обратно Люневиль и успѣшно продвигаются въ глубину Лотарингіи. На лѣвомъ флангѣ четыре французскихъ корпуса оттѣснили на востокъ отъ Гиза 10-й германскій корпусъ, поддержанный гвардіей. Въ Вогезахъ генералъ По разбилъ сильную армію противника и почти уничтожилъ цѣлый германскій корпусъ. Противъ Нанси французы значительно продвинулись впередъ, нанеся непріятелю чувствительныя потери. Принцъ Саксенъ-Мейнингенскій, тяжело раненый, взятъ въ плѣнъ. Убиты принцъ Леопольдъ Баварскій и германскій владѣтельный князь Липпе. Командующій арміею принцъ Рупрехтъ Баварскій взятъ въ плѣнъ въ полномъ здравіи. На Маасѣ французы отразили нѣсколько германскихъ атакъ и захватили нѣмецкое знамя. 14 августа разыгралось серьезное сраженіе на линіи Музонъ—Седанъ, кончившееся отступленіемъ нѣмцевъ за р. Маасъ. Энергичная активность обороны, вездѣ и всегда при сколько-нибудь благопріятныхъ условіяхъ переходящей въ наступленіе, даже при дальнѣйшемъ стратегическомъ отступленіи союзниковъ на вторую линію укрѣпленій свидѣтельствуетъ о томъ, что сопротивленіе союзниковъ еще не сломлено, что если германцы выиграли какихъ-нибудь 70—90 километровъ бельгійско-французской территоріи, то они еще не выиграли ни одного рѣшительнаго сраженія. Бомбардированіе Парижа съ аэроплановъ можетъ произвести извѣстный эффектъ, но не имѣетъ рѣшающаго стратегическаго значенія. Временный захватъ Брюсселя, Лонгви, Шарльруа, Люневиля и пр. не есть еще германская побѣда, точно такъ же, какъ временное отступленіе союзниковъ на ранѣе заготовленныя позиціи не есть еще ихъ пораженіе. Занимая цѣною огромныхъ потерь спѣшно укрѣпленныя позиціи и города для того, чтобы черезъ 2—3 дня отдать ихъ обратно, германцы только даромъ растрачиваютъ свою силу и кровь. Продвигаясь съ трудомъ два шага впередъ и шагъ назадъ, „побѣдоносныя" войска Вильгельма не скоро доберутся до Парижа, а тѣмъ временемъ, пока они топчутся въ Бельгіи чуть не по поясъ въ собственной крови, постепенно теряя силы и утрачивая способность къ дальнѣйшему наступленію, съ востока къ ихъ собственной столицѣ быстро приближается грозный непріятель, сокрушающій на своемъ пути всякія преграды.

Сраженія на франко-бельгійскомъ театрѣ войны до сихъ поръ носятъ нерѣшительный характеръ, рѣшающее же значеніе въ смыслѣ исхода всей войны пріобрѣтутъ бои, происходящіе на восточномъ фронтѣ. Необходимость строгаго соблюденія военной тайны вынуждаетъ Верховнаго Главнокомандующаго быть очень скупымъ въ сообщеніи свѣдѣній о ходѣ военныхъ дѣйствій. Если нѣмецкія военныя власти въ своихъ реляціяхъ описываютъ даже такія побѣды, какихъ не было, то нашъ Генеральный Штабъ умалчиваетъ иногда и о такихъ побѣдахъ, которыя были одержаны надъ противникомъ. Сухой и лаконичный перечень успѣховъ, одержанныхъ подъ Эйдкуненомъ, Сталупененомъ, Гумбиненомъ, съ захватомъ непріятельской батареи лихой кавалерійской атакой у Лиденталя, не даетъ достаточно полнаго представленія о томъ, что достигнуто нами въ Пруссіи. Естестественнымъ послѣдствіемъ этихъ тихихъ побѣдъ служитъ дальнѣйшее необычайно быстрое движеніе русскихъ отрядовъ съ двойнымъ обходомъ укрѣпленій линіи Мазурскихъ озеръ.

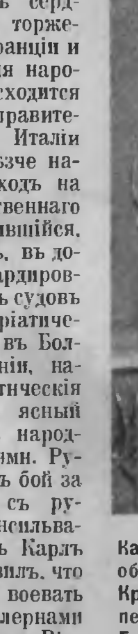
Обойдя преграды, считавшіяся неодолимыми, наша армія послѣ новыхъ столкновеній съ растерянными и деморализованными германскими корпусами захватила цѣлый рядъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ: города Инстербургъ, Тильзитъ, Аленштейнъ и приблизилась къ линіи нѣмецкихъ крѣпостей—Торну, Кёнигсбергу и Грауденцу. Въ послѣднихъ трехдневныхъ бояхъ кромѣ свѣжихъ германскихъ корпусовъ, стянутыхъ отовсюду и спѣшно переброшенныхъ изъ Бельгіи, приняли участіе и гарнизоны крѣпостей съ тяжелой артиллеріей, но остановить наше общее наступленіе они не могли. Только на путяхъ движенія южнаго нашего отряда нѣмцамъ удалось достигнуть нѣкотораго успѣха и временно задержать обходныя колонны генерала Самсонова, при чемъ самъ командующій, а также генералы Пестичъ и Мартосъ были убиты, страшно пострадалъ отъ артиллерійскаго огня штабъ, и русскимъ полкамъ были нанесены тяжелыя потери. Насколько можно судить по дальнѣйшимъ событіямъ, отъ этой прискорбной случайности наше стратегическое положеніе нисколько не пострадало, такъ какъ вся линія Мазурскихъ укрѣпленій все-таки осталась обойденной, а продолжающійся непрерывный притокъ силъ, прибывающихъ изъ Россіи, быстро измѣнилъ ихъ соотношеніе въ данномъ пунктѣ въ нашу пользу. Для того, чтобы удержать Самсонова, нѣмцамъ пришлось перебросить на 160 поѣздахъ два корпуса изъ Бельгіи. Такимъ образомъ энергичное движеніе генерала Самсонова какъ бы имѣло своимъ назначеніемъ оказать косвенную поддержку далекимъ союзникамъ, было кровавою жертвою, принесенною на алтарь боевого братства. Выяснившееся подъ Остероде, Орлау и Франкенау участіе въ полевомъ сраженіи крѣпостныхъ гарнизоновъ можетъ разсматриваться, какъ крайняя мѣра, неспособная усилить сопротивляемость самихъ крѣпостей.

Очевидно, германскія крѣпости будутъ или обложены, или же изолированы выставленіемъ соотвѣтствующихъ заслоновъ, но не смогутъ сыграть роль неодолимой преграды на путяхъ нашего побѣдоноснаго движенія къ Берлину. Еще большія перспективы въ томъ же направленіи открываетъ намъ побѣда надъ австрійскою арміею у Подгойцъ, въ районѣ города Томашева и при переправѣ черезъ Золотую и Гнилую Липы. У Лащова совершенно разбита 15-я австрійская дивизія, взято въ плѣнъ 4.000 солдатъ и 100 офицеровъ. Наше движеніе вглубь Галиціи вынудило австрійцевъ очистить занятую русскую территорію въ районѣ варшавскаго военнаго округа. Общія потери австрійцевъ въ генеральномъ сраженіи на трехсотверстномъ фронтѣ исчисляются десятками тысячъ убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ. Потери австрійцевъ въ общихъ цифрахъ указаны въ Высочайшей телеграмѣ Верховнаго Главнокомандующаго и сообщеніяхъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, помѣщенныхъ на стр. 695. Такъ какъ у Австріи нѣтъ больше резервовъ, и всѣ наличныя силы выдвинуты ею въ бой, то утеря генеральнаго сраженія на русскомъ фронтѣ уже предрѣшаетъ окончательный исходъ войны на этомъ фронтѣ. Генеральный разгромъ австрійцевъ не только оставляетъ беззащитной Вѣну, но также открываетъ намъ наиболѣе удобные, ничѣмъ не защищенные, подходы къ Берлину, а овладѣніе Берлиномъ положитъ желанный конецъ режиму германскаго насильничества надъ Европой и конецъ всей европейской войнѣ.

Турція и европейская война.

(Политическое обозрѣніе).

Война за освобожденіе Европы отъ тевтонскаго ига затрагиваетъ кровные интересы почти всѣхъ народовъ Европы. И поляки, и румыны, и итальянцы, и болгары, и греки всѣмъ сердцемъ желаютъ торжества Россіи, Франціи и Англіи, но воля народовъ часто расходится съ дѣйствіями правителей. Если въ Италіи все рѣзче и рѣзче намѣчается переходъ на сторону тройственнаго согласія, выразившійся, между прочимъ, въ допущеніи бомбардировки австрійскихъ судовъ и портовъ Адріатическаго моря, то въ Болгаріи и Румыніи, напротивъ, династическія связи берутъ ясный перевѣсъ надъ народными симпатіями. Румыны рвутся въ бой за возсоединеніе съ румынской Трансильваніей, но король Карлъ формально заявилъ, что онъ не можетъ воевать ни съ Гогенцоллернами ни съ Габсбургами. Рѣзкая оппозиція румынскаго общественнаго мнѣнія противъ нарушенія нейтралитета, выразившагося въ пропускѣ черезъ Румынію 500 германскихъ матросовъ для турецкихъ военныхъ судовъ, заставила короля Карла поднять вопросъ объ отреченіи отъ престола.

Казакъ Усть-Хоперской станицы, Донской области, хутора Нижне-Калмыкова, Косьма Крючковъ, за выдающуюся храбрость первый въ настоящую войну награжденный Георгіевскимъ крестомъ. По фотографіи, любезно доставленной редакціи подписчикомъ «Нивы», священникомъ о. В. Финляндскимъ.

И Румынія и Болгарія въ настоящую тревожную минуту ведутъ какіе-то таинственные переговоры съ чрезвычайною турецкою миссіею Талаатъ-бея, а Турція почти уже не скрываетъ своей вражды къ Россіи и ея союзницамъ: она арестовываетъ пароходы съ французскими резервистами, спѣшно мобилизуетъ свою армію на кавказской границѣ, укрѣпляетъ Дарданеллы подъ руководствомъ германскихъ инженеровъ и превращаетъ Чаталджу въ огромный укрѣпленный лагерь и готовитъ свои силы къ нападенію на насъ. Генералъ Сандерсъ уже появился въ Эрзерумѣ во главѣ цѣлаго штаба изъ 15 германскихъ офицеровъ. Все говоритъ за то, что намъ нужно ждать гостей на Кавказѣ и придется вести войну на новомъ фронтѣ. Весьма вѣроятно, что турецкая услуга Германіи не пойдетъ дальше простой демонстраціи, которая заставитъ насъ оттянуть часть войскъ на югъ, но это, надѣемся, не пройдетъ Турціи даромъ. Она должна понимать, что ея вмѣшательство въ европейскую войну въ такую тревожную минуту, какую переживаетъ теперь Европа, ставитъ на карту самое существованіе Турецкой имперіи.

Греки, какъ бы ни симпатизировалъ юный король нѣмцамъ, не удержатся отъ соблазна свести счеты съ турками и на островахъ и на мало-азіатскомъ, населенномъ эллинами, берегу. Арабы, послушные указаніямъ Англіи, сирійцы, армяне Кавказа и пр. народы пожелаютъ получить больше, чѣмъ сколько имъ дано,—и трудно сказать, что останется отъ нѣкогда всемогущей Оттоманской имперіи послѣ новой войны съ коалиціей тройственнаго согласія. Можно надѣяться, что первыя рѣшительныя побѣды сербовъ и русскихъ заставятъ образумиться азартныхъ константинопольскихъ политикановъ. Послѣ Шабаца и Гумбинена болгарскіе дипломаты, судя по газетнымъ извѣстіямъ, не захотѣли продолжать бесѣду съ Талаатъ-беемъ о новомъ балканскомъ союзѣ, опирающемся на разбитую Австрію и потрепанную Германію. Еще одинъ такой же рѣшительный ударъ — и вражьи происки сократятся сами собою. Легкомысліе Энвера-паши ставитъ на очередь окончательный раздѣлъ Турціи. При сколько-нибудь рѣшительной и дѣятельной политикѣ, способной согласовать интересы балканскихъ и малоазійскихъ народовъ, онъ намъ нисколько не страшенъ, но даже желателенъ.

Германское знамя, взятое въ бою французами и выставленное въ окнѣ зданія военнаго министерства въ Парижѣ.

Бельгійскіе кавалеристы отправляются на войну.

Къ рисункамъ.

(Картины А. Рябушкина).

Десять лѣтъ тому назадъ скончался А. П. Рябушкинъ. Въ видѣ иллюстраціи его творчества, мы воспроизводимъ здѣсь двѣ его картины: *„Ботъ"* и *„Семья купца въ XVII вѣкѣ"*.

Передъ походомъ. Французское знамя 102 пѣхотнаго полка.

Новообразованный отрядъ гусситовъ-чеховъ, принявшихъ православіе и отправляющихся на театръ военныхъ дѣйствій.

Добровольцы-евреи изъ Россіи, застигнутые войною во Франціи и вступившіе въ ряды французской арміи.

А. П. Рябушкинъ любилъ изображать въ своихъ картинахъ старую Русь, старинный русскій обиходъ, старые типы, костюмы, обряды. Тщательно изучивъ до-петровскій бытъ и укладъ на Руси, талантливый, преждевременно угасшій, художникъ такъ живо возстановлялъ все это въ своихъ картинахъ, что невольно казалось, будто онъ срисовываетъ съ натуры. Вѣрность стиля и колорита, знаніе мельчайшихъ деталей быта и обстановки, пониманіе самаго духа эпохи сквозятъ у него въ каждомъ штрихѣ. Воспроизводимыя двѣ картины даютъ яркое представленіе о творчествѣ А. П. Рябушкина.

Толпа людей разнаго званія тѣсно сгрудилась на улицахъ старой Москвы. Ждутъ царскаго проѣзда. Тутъ и посадскіе жители, и смерды, и торговые люди, и пришлые татары и черкесы, и много „женокъ“ съ ребятами. А впереди стоятъ цѣпью царевы стрѣльцы и сдерживаютъ напоръ толпы. И вотъ въ напряженномъ вниманіи задрожала толпа: ѣдутъ!..

Своеобразное впечатлѣніе производитъ картина „Семья купца“. Написанная въ слегка стилизованномъ тонѣ, она является какъ бы историко-бытовымъ коллективнымъ портретомъ. Художникъ хотѣлъ изобразить купеческій типъ XVII столѣтія и далъ намъ типичныя черты тогдашней купеческой аристократіи. Предъ нами „самъ“, въ богатой шубѣ и шелковомъ кафтанѣ, чваный и грубоватый, „сама“ въ рогатой золотой кикѣ и сафьянныхъ красныхъ сапожкахъ, набѣленная и нарумяненная, какъ тогда полагалось „женскому чину“, затѣмъ дочь-невѣста и малыя дѣтки. Въ картинѣ А. П. Рябушкина чувствуется дыханіе подлинной жизни, хотя и отошедшей уже въ глубину вѣковъ...

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова“ кн. 7.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ

...ртистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29 Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица

НИВА № 36.

6 Сентября 1914 г.

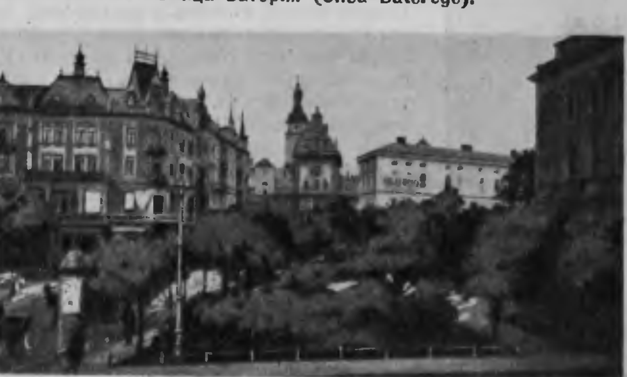

Улица Баторія. (Ulica Batorego).

Успенская церковь.

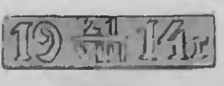
Галицкая площадь. (Plac Halicki).

Театръ.

Церковь св. Параскевы.

Преображенская церковь.

Каѳедральный соборъ св. Георгія.

Львовъ, столица Галиціи, взятый 21 августа с. г. русскими доблестными войсками.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Война до конца. (Политическое обозрѣніе). — Великая европейская война. (Хроника военныхъ дѣйствій.)—Старый казакъ. Разсказъ Владиміра Воинова. — Силуэты войны. Стих. Сергѣя Михѣева.—Посѣвъ войны. Разсказъ Б. Никонова.—Объявленія.
РИСУНКИ: Львовъ, столица Галиціи, взятый 21 августа русскими доблестными войсками. (7 рис.). — Генералъ-отъ-кавалеріи П. К. Ренненкампфъ. — Бельгійская крѣпость Намюръ, взятая послѣ долгаго геройскаго сопротивленія германскими войсками. — Генералъ-отъ-кавалеріи А. А. Брусиловъ. — Одно изъ крупповскихъ осадныхъ орудій. — Казначей калишскаго губернскаго казначейства Соколовъ. — Семья казначея калишскаго губернскаго казначейства Соколова. — Выдача женамъ и семьямъ запасныхъ, призванныхъ на войну, казеннаго пайка въ Петроградѣ.—На походѣ.—Ея Величество Бельгійская Королева Елисавета.—Ея Величество Королева Великобританіи и Ирландіи, Императрица Индіи Марія.—Ея Высочество Герцогиня Люксембургская Марія-Аделаида.—Франція и Эльзасъ.—Парижъ въ ночь на 20 Іюля.—На стражѣ.—Вся Франція подъ ружьемъ.—Первыя жертвы германскаго насилія.—Лицей имени Карно въ Парижѣ.—Бельгійцы, жившіе въ Парижѣ, отправляются защищать свою родину. — Матросы-запасные, несущіе полицейскую службу въ Парижѣ. — Въ странѣ героевъ: Бельгійскіе блиндированные автомобили для борьбы съ германской кавалеріей. Почетный легіонъ Европы. Бельгійскіе стрѣлки въ траншеяхъ у Діеста. Солдаты территоріальной арміи, охраняющіе дороги во Франціи. — Плѣнные германскіе солдаты.—Отъѣздъ бельгійскихъ волонтеровъ изъ Парижа на родину.—Бой въ воздухѣ.
Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія" за Сентябрь 1914 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ" за Сентябрь съ 35 рис., отдѣльн. листъ съ 26 черт. выкр. въ натур. величину и 25 рис. выкроекъ.

Генералъ-отъ-кавалеріи П. К. Ренненкампфъ, Высочайше награжденный за боевыя отличія орденомъ св. Владиміра 2-й степени съ мечами. По фот. Ренца и Шрадера.

Война до конца.

(Политическое обозрѣніе).

Россія, Англія и Франція формально обязались другъ передъ другомъ не заключать отдѣльнаго мира съ Германіей и Австро-Венгріей безъ согласія остальныхъ союзницъ. По существу своему, этотъ договоръ является для участвующихъ въ немъ державъ какъ бы актомъ взаимнаго страхованія отъ миролюбія, угрожающаго уничтожить плоды кровавой войны или могущаго помѣшать довести ее до заранѣе намѣченныхъ всѣми участниками результатовъ. Нерѣдко въ исторіи неожиданные порывы великодушія губили все, что было достигнуто цѣною кровавыхъ усилій арміи и народа. Въ нынѣшней войнѣ подобная неустойчивость въ преслѣдованіи конечной цѣли была бы измѣною всему человѣчеству, предательствомъ противъ всей Европы, ополчившейся противъ тевтонскаго насильничества. Народы, проливающіе въ титанической борьбѣ цѣлыя моря крови, не допустятъ, чтобы эти потоки крови не принесли въ воздаяніе счастье и благоденствіе мира всему міру. Гибель почившихъ за національное дѣло героевъ обязываетъ живыхъ остаться вѣрными ихъ задачамъ. Но этотъ дипломатическій актъ имѣетъ всемірно-моральный смыслъ. Дипломаты тройственнаго согласія нравственно слились съ своими народами, почувствовали переживаемый моментъ всемірной исторіи такъ же остро, такъ же мучительно и непосредственно, какъ простые граждане, и написали своими дипломатическими перьями на знаменахъ сражающихся армій вѣщія слова:

— Война до конца!

Это—своего рода дипломатическая клятва на окровавленныхъ мечахъ. Она спаяла въ рыцарской вѣрности одной цѣли три правительства, три мощныхъ государства, три многомилліонныя арміи, три величайшихъ народа. Какъ бы ни было капризно и перемѣнчиво военное счастье, какихъ бы тяжелыхъ жертвъ ни требовали отъ каждаго участника священной коалиціи борьба за свободу Европы—отнынѣ конечный успѣхъ ея можетъ считаться обезпеченнымъ. Ослабѣвшая сторона заранѣе лишила себя права заключать сепаратный миръ, т.-е. права сдаться подъ натискомъ противника и тѣмъ не портить общаго дѣла. Германская военная тактика опиралась на расчетѣ разбить противниковъ порознь, но разумная дипломатическая стратегія союзниковъ заранѣе уничтожила всякое значеніе такихъ частичныхъ

Бельгійская крѣпость Намюръ, взятая, послѣ долгаго геройскаго сопротивленія, германскими войсками лишь послѣ доставки къ крѣпости гигантскихъ крупповскихъ орудій небывалыхъ размѣровъ и силы.

германскихъ побѣдъ. Для того, чтобы Германія могла восторжествовать, она теперь должна сокрушить всю Европу, но такъ какъ Европа не можетъ быть сокрушена, то, слѣдовательно, будетъ сокрушена Германія.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

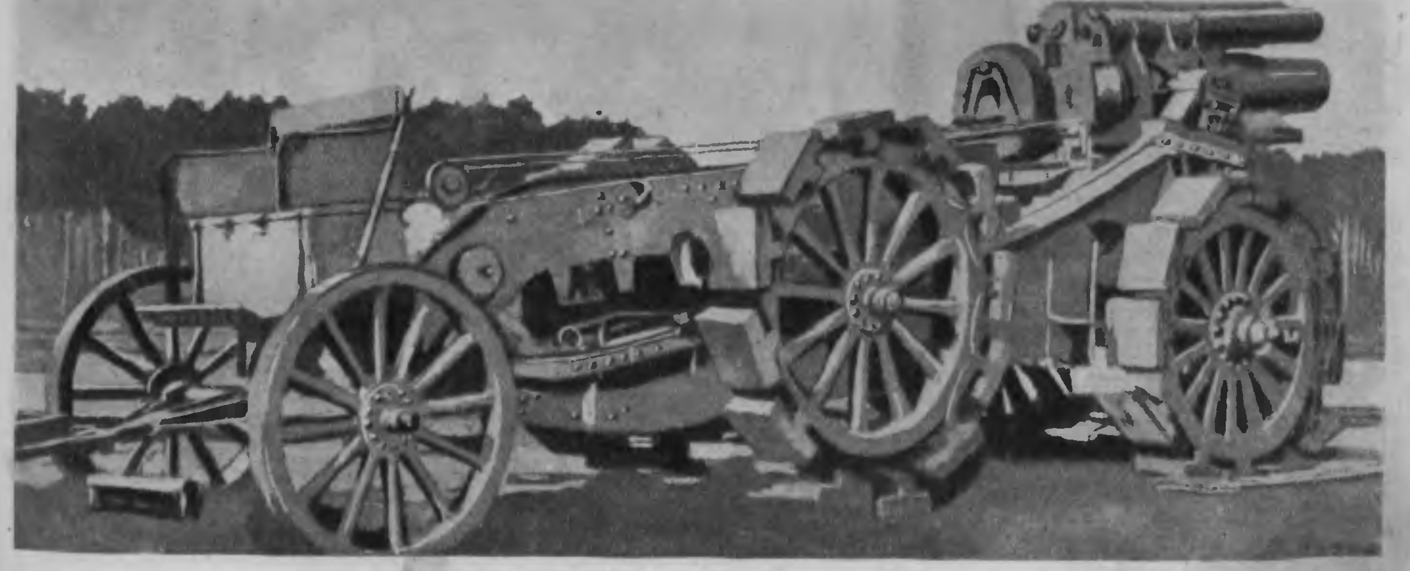
Кончился первый мѣсяцъ величайшей изъ міровыхъ войнъ, рѣшающей судьбы славянства и Европы. Мѣсяцъ кровавой борьбы ознаменовался жаркими боями. Германскія войска хотя и вторглись во Францію и приблизились на 40 верстъ къ Парижу, но стремительное наступленіе ихъ не закрѣплено разгромомъ непріятельскихъ силъ, и, благодаря этому, каждый шагъ впередъ не столько улучшаетъ, сколько ухудшаетъ ихъ стратегическое положеніе, безконечно удлиняя комуникаціонную линію съ необезпеченными тыломъ и флангами. Четыре корпуса, освобожденные съ итальянской границы въ силу соглашенія о нейтралитетѣ Италіи, остались у Франціи совершенно свободными и могутъ быть брошены по распоряженію генералиссимуса Жоффра въ любую точку нѣмецкаго тыла и фланговъ. Сверхъ того, въ первой линіи огня со стороны французовъ участвовали, повидимому, далеко не всѣ ихъ силы. Въ Бельгію, гдѣ происходили наиболѣе жаркіе бои, были двинуты только половина французской арміи и лишь первые кадры англійскаго набора. Добрая половина французскихъ войскъ еще не тронута главнокомандующимъ и оставлена для сраженія въ глубинѣ Франціи, долженствующаго рѣшить исходъ войны. Въ высшей степени знаменательно, что, располагая свободными, нетронутыми корпусами, французы на всемъ фронтѣ быстро отступаютъ передъ непріятелемъ. Такъ, первая линія защиты была взята нѣмцами только послѣ двухнедѣльныхъ кровавыхъ сраженій, а вторая и третья, несравненно болѣе укрѣпленныя, пройдены въ 10—12 дней. Французы отступаютъ передъ непріятелемъ съ легкими арьергардными боями, оставляя на его пути гарнизоны въ своихъ крѣпостяхъ, а нѣмцы слѣдуютъ по пятамъ за полевою арміею французовъ, оставляя на пройденномъ пути передъ каждою французскою крѣпостью болѣе или менѣе значительные заслоны. Такимъ образомъ съ каждымъ шагомъ впередъ французская армія все увеличивается и растетъ, а нѣмецкая таетъ, и взаимное отношеніе силъ становится все болѣе и болѣе благопріятнымъ для нашихъ союзниковъ.

Генералъ-отъ-кавалеріи А. А. Брусиловъ. Высочайше пожалованный орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія за бои съ австрійцами, результатомъ коихъ было взятіе 21 сего августа города Галича.

Обходы, совершаемые германскими войсками и вызывающіе необходимость отступленій французскихъ войскъ, возможны только при значительномъ численномъ превосходствѣ, потому-что иначе всегда обходящій рискуетъ получить прорывъ центра и оказаться обойденнымъ. Помощь бельгійской и англійской армій, а также оттяжка 6—7 германскихъ корпусовъ къ границамъ Россіи, вѣроятно, уравняютъ численный составъ французскихъ и нѣмецкихъ армій, а сраженіе въ глубинѣ Франціи создастъ уже несравненно болѣе благопріятную для французовъ комбинацію. Генералъ Жоффръ сознательно и намѣренно бережетъ свои силы для нанесенія послѣдняго рѣшительнаго удара ослабленному врагу въ глубинѣ Франціи. Отступая передъ нѣмцами на французской территоріи, онъ настойчиво тѣснитъ ихъ въ Эльзасъ-Лотарингіи. По послѣднимъ извѣстіямъ, и нѣмцы не особенно торопятся обложить Парижъ и обходятъ его по широкому радіусу съ обоихъ фланговъ. Загибъ фланговъ обезпечиваетъ французамъ свободу дѣйствій по внутреннимъ сообщеніямъ, т.-е. возможность быстро сосредоточивать силы въ опредѣленномъ пунктѣ непріятельскаго расположенія, чѣмъ такъ геніально умѣлъ пользоваться Наполеонъ. Въ ближайшіе дни въ теченіе какой-нибудь недѣли или двухъ надо ожидать рѣшительной развязки загадочнаго стратегическаго положенія на западномъ фронтѣ.

Послѣднія сообщенія говорятъ уже о разгорающихся столкновеніяхъ въ районѣ Парижа. Генеральное сраженіе началось на линіи, проходящей черезъ Контейнъ ле Бодуэнъ, Мо, Сезаннъ

Одно изъ крупповскихъ осадныхъ орудій, съ помощью которыхъ германцамъ удалось сломить геройское сопротивленіе фортовъ бельгійской крѣпости Намюръ.

Казначей калишскаго губеркскаго казначейства Соколовъ. замучекный и разстрѣлянный кѣмцами за отказъ выдать русскія деньги, заблаговремекно, до вступленія нѣмцевъ, укичтоженкыя имъ по приказу начальства.

Свмья казначея калишскаго губеркскаго казкачейства Соколова, замучеккаго и убитаго кѣмцами. Вдова его. Елизавета Николаевка Соколова, съ пятью дѣтьми.

Витри и Верденъ, и кончилось отступленіемъ нѣмцевъ. Въ то же время генералъ Жоффръ обошелъ правый германскій флангъ и заставилъ ихъ очистить городъ Лилль (крѣпость Лилль не была взята) и окрестные города.

Въ связи съ другими дѣйствіями союзниковъ, это движеніе можетъ разсматриваться, какъ начало конца германскому наступленію.

Небывалый по героичности поступокъ Бельгіи: затопленіе бельгійскими инженерами окрестностей Термонда и Малина на протяженіи 250 квадр. километровъ. сопровождавшееся гибелью 5.000 нѣмцевъ, потерей всей осадной артиллеріи и захватомъ 6.000 плѣнныхъ, еще больше затруднитъ положеніе тыловой части германской арміи. Значительные, вновь сформированные, англійскіе отряды высаживаются нъ Булони и Остендэ съ явнымъ намѣреніемъ ударить въ тылъ правому нѣмецкому флангу. Нѣмцы нѣсколько пренебрежительно относятся къ сухопутнымъ силамъ англичанъ, но не надо забывать, что вынужденная къ борьбѣ на сушѣ энергичная британская нація всегда умѣла въ концѣ создавать сильныя сухопутныя арміи, удары которыхъ чувствовалъ даже Наполеонъ. Стотысячный англійскій дессантъ вскорѣ выросъ уже въ двухсоттысячную армію и въ скоромъ времени, съ прибытіемъ колоніальныхъ подкрѣпленій и новыхъ, организованныхъ лордомъ Робертсомъ. отрядовъ, перевалитъ уже за 300.000 штыковъ, въ то время какъ германская армія, подкрѣпленная малоспособнымъ къ бою ландштурмомъ, будетъ постепенно уменьшаться отъ огромныхъ потерь и отъ необходимости передвигать новые корпуса на восточный фронтъ въ защиту германской территоріи отъ русскаго вторженія.

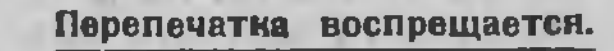
Наше наступленіе вглубь восточной Пруссіи продолжается. Постоянный притокъ новыхъ силъ изъ Россіи создаетъ возможность продолжать вторженіе. и для отраженія его германцамъ все время нужно будетъ подвозить въ противовѣсъ намъ новые и новые корпуса, что немыслимо безъ дальнѣйшаго ослабленія западнаго фронта. Идутъ только мелкія стычки по линіи занятыхъ германцами Остероде, Алленштейна и Сольдау, вся энергія наступленія русскихъ войскъ перенесена въ Галицію. Послѣ ряда пораженій, нанесенныхъ австрійцамъ подъ Томашевомъ, Лащевомъ, Золотой и Гнилой Липами, Галичемъ и Львовымъ. послѣ взятія крѣпостей Львова и Галича, потери почти всей артиллеріи въ количествѣ около 250 пушекъ, несмѣтнаго количества пулеметовъ, ружей, артиллерійскихъ парковъ. продовольственныхъ запасовъ 70—80.000 плѣнныхъ и пр., правый флангъ австрійской арміи можетъ считаться совершенно уничтоженнымъ. Ея центръ и лѣвый флангъ, вступившій въ составѣ 10—11 корпусовъ въ районѣ Люблинской и Холмской губерній, затиснутъ между рядомъ крѣпостей, преграждающихъ путь внутрь Россіи, и болотистыми берегами Вислы, страшно затрудняющими отступленіе къ Кракову. Съ фронта оперирующихъ въ нашей территоріи австрійцевъ тѣснитъ наступающая армія. съ южнаго фланга старается пресѣчь имъ путь къ отступленію взявшій Львовъ генералъ Рузскій. При такихъ условіяхъ надо со дня на день ожидать разгрома или капитуляціи остальныхъ корпусовъ арміи эрцгерцога.

Выдача женамъ и семьямъ запасныхъ, призванныхъ на войку, казеннаго пайка въ Петроградѣ: по 5 р. 32 коп. на каждаго взрослаго члена семьи и пп 2 р. 66 коп. (половика пайка) на рвбенка до 5 лѣтъ. По фот. I. Оцупа.

Старый казакъ.

Разсказъ **Владиміра Воицова**.

I.

Пока казаки сѣдлали коней и прилаживали переметныя сумы. старикъ Данила Забурунновъ толкался по хутору и мрачно сопѣлъ носогрѣйкой.

— Эй, Жабурунъ! А ты чиво жа глядишь? Гналъ ба тожа подъ нѣмца!—кричалъ старику молодой казакъ, заправляя скошевки подъ брюхомъ буланаго мерина.

Данила взглянулъ изъ-подъ сивыхъ бровей на насмѣшника и сплюнулъ слюну:

— Чего галганишь! Берутъ, такъ ступай, а людей замать не къ чему!

— Ды я ие къ тому ета, чтобы въ обиду табѣ пріизвесть!—оправдывался смутившійся казакъ:—а такъ я мячтаю, что вдарилъ ба дѣдъ, ежели бъ, къ примѣру сказать, довелось.

— А то, думаешь, нѣтъ?—поднялъ старикъ чубатую сивую голову.—Такъ ба вдарилъ, что ажнакъ пуза ба лопнула.

Данила расправилъ широкія плечи и гордо взглянулъ на другихъ.

Никто не посмѣлъ возражать: всѣмъ вѣдомы были старыя дѣ-

На походѣ. Рисунокъ И. А. Владимірова.

довы заслуги еще по турецкой кампаніи, и усомниться въ Данилиной храбрости могъ только тотъ, кто не видѣлъ суроваго дѣда въ великіе праздники съ однимъ золотымъ и двумя серебряными георгіевскими крестами; правда, старикъ сильно сдалъ за послѣднее время, но противъ рожна не попрешь — годы-то тоже не малые; другой бы на печкѣ сидѣлъ, а Данила вотъ ходитъ, всякому совѣтъ норовитъ дать.

И въ шуткахъ молодыхъ казаковъ, уходящихъ теперь на войну, не было ничего оскорбляющаго доброе имя Данилы, а чувствовалось скорѣе желаніе примирить старика съ печальной необходимостью сидѣть не у дѣлъ и трогательное вниманіе къ старому кавалеру.

Но Данила по-своему понималъ казацкіе выкрики, и больному его самолюбію казалось, что молодежь потѣшается надъ его немощью: а это было обидно.

И Данила ходилъ то туда, то сюда, кусая коротенькую трубку, и чувствовалъ съ особенной остротой, что онъ уже лишній.

Когда посадились на кòни и тронулись къ сборному пункту, старикъ проводилъ казаковъ затуманеннымъ взглядомъ и, выждавъ, пока пропадутъ за курганомъ послѣднія линіи пикъ, пошелъ къ куреню торопливой, сухой походкой.

Тамъ снялъ со стѣны дорогую турецкую шашку и левадой прошелъ на сады.

Оглядѣвшись опасливо по сторонамъ, выбралъ молоденькій крѣпкій дубокъ и, ставъ въ сторонѣ, вынулъ холодный клинокъ.

— А ну-ка-сь, Данила, махни! — сказалъ онъ себѣ, поднимая кривую, широкую шашку — и молодой дубъ, встрепенувшись листвою, скользнулъ мимо корня на землю.

Данила пощупалъ рукою ровный, какъ сточенный, срѣзъ, и морщины у глазъ разбѣжались.

— Могимъ! — сказалъ онъ спокойно и весело и бережно сунулъ клинокъ въ золотыя ножны.

Потомъ, перебравшись левадой обратно въ курень, досталъ изъ-за печки тяжелую пику и, выйдя на дворъ, пробилъ три четкихъ, увѣренныхъ круга.

— И это могимъ! — рѣшилъ онъ совсѣмъ уже весело.

И вдругъ, подойдя къ закопченой землянкѣ, повелительно крикнулъ:

— Старуха! Будя балясы-то бить! Вынимай-ка-сь сядло! Ды крясты приняси! А Никешка, нехай, маштака привядеть!

Поглядѣла старуха на мужа, хотѣла сначала сказать ему что-то, да поняла сразу, что старый не шутитъ; повернулась спиною, прижала передникъ къ глазамъ и покорно пошла къ куреню.

— Ну, полѣзла на ноты! — махнулъ Забурунновъ рукою и пошелъ снаряжаться къ походу.

Передъ вечеромъ сѣла на землю роса.

Возлѣ рѣки повисъ сизоватый туманъ, и дикіе гуси, распластавшись въ густомъ, напоенномъ прибрежными травами пьяною одурью, воздухѣ, тянулись на свѣжіе зарѣчные луга съ протяжнымъ серебрянымъ крикомъ.

Набѣжалъ вѣтерокъ, шевельнулъ камыши по затонамъ, и спокойная ночь опустилась надъ степью расшитымъ ковромъ.

Заломивъ набекрень боевую папаху, старый казакъ наклонился съ коня, принялъ изъ рукъ отъ старухи стремянную, последнюю чашу, губы отеръ бородой и, забравъ старуху и внука въ охапку, долго держалъ ихъ въ рукахъ, качая сѣдой головой.

Потомъ положилъ за чекмень родимой землицы, поглядѣлъ мокрымъ глазомъ туда, гдѣ невидимо несъ свои воды притихнувшій Донъ, и тронулъ тихонько коня.

— Съ Богомъ! — сказала старуха, стараясь не сбиться на вой.

— Съ Господомъ! — отвѣтилъ Данила и, глянувъ на мокрыя звѣзды, выѣхалъ въ степь.

Гдѣ-то завыла собака, что-то плеснуло подъ яромъ. А потомъ стихло.

Только влажно пофыркивалъ крѣпкій маштакъ, да перепела били звонко и весело.

— На-а-съ съ по-хо-о-домъ онъ про-здра-вилъ...
Э-о-а-т-давалъ стро-га-ой при-а-казъ... —

поплыла понадъ степью одинокая пѣсня.

Это старый казакъ-кавалеръ Забурунновъ Данила шелъ походомъ къ атаману добывать себѣ право итти на войну съ басурманомъ.

II.

Въ атаманскомъ дворцѣ было шумно и людно.

То и дѣло входили чиновники, оставляли фуражки внизу и, оправивъ усы, взбѣгали по устланной краснымъ сукномъ лѣстницѣ въ высокіе свѣтлые покои.

Выждавъ случай, когда молодой адъютантъ остался одинъ, Забурунновъ Данила подошелъ къ нему бодрымъ, увѣреннымъ шагомъ и спокойно сказалъ:

— Ваша благородія! Мнѣ ба того... самаго атамана ба надо.

— Вы что? Насчетъ сына пришли хлопотать?

Данила взглянулъ на него холодными, строгими глазами и тихо отвѣтилъ:

— О чемъ я прибѣгъ хлопотать, ето вѣдомо намъ.

Адъютантъ покосился на грудь старика, укрытую сплошь орденами, и куда-то ушелъ.

Скоро Данилу позвали въ пріемную.

Опасливо шагая по скользкому, начищенному паркету, Данила прошелъ до стола и выставилъ грудь.

— Здорово, старикъ! — сказалъ генералъ, вставая навстрѣчу.

Ея Величество Бельгійская Королева Елисавета, раздѣляющая съ Царственнымъ Супругомъ, Королемъ-героемъ ужасы германскаго вторженія въ Бельгію. Королева Елисавета, дочь знаменитаго окулиста-принца Карла Теодора Баварскаго, совершенно сжилась со своей второй родиной и не считаетъ себя нѣмкой. Въ тяжелую годину, когда тевтонскія полчища вторглись въ предѣлы цвѣтущей Бельгіи, королева Елисавета отъ всей души одобрила героическую рѣшимость своего супруга отразить съ оружіемъ въ рукахъ нашествіе дерзкаго завоевателя. Стараніями королевы всѣ великолѣпные покои королевскаго дворца въ Брюсселѣ обращены въ импровизированный госпиталь. Въ маленькой бѣлой залѣ, служившей для пріема представителей дипломатическаго корпуса, нашли себѣ мѣсто 8 кроватей для раненыхъ, 5 кроватей помѣщены въ роскошной спальнѣ, которую когда-то занималъ императоръ Вильгельмъ. Танцовальная зала дворца дала пріютъ 30 кроватямъ.

Ея Величество Королева Великобританіи и Ирландіи, Императрица Индіи Марія, рожденная принцесса Текъ.

Ея Высочество герцогиня Люксембургская Марія-Аделаида, самая молодая правительница въ Европѣ. Герцогство Люксембурга оказалось на пути насильственно-завоевательныхъ дѣйствій Германіи, и, отстаивая право нейтральной державы, герцогиня сама выѣхала навстрѣчу германскому отряду, направлявшемуся черезъ границу Люксембурга, и заявила протестъ противъ нарушенія границъ. Германскій офицеръ возразилъ, что онъ пройдетъ герцогство, и пригрозилъ герцогинѣ оружіемъ, на что ея высочество заявила, что уступаетъ грубой силѣ.

— Здравія желаю, ваше превосходительство!

— Какъ зовутъ?

— Данила Терентьевъ Забурунновъ!

— Станицы?

— Такой-то!

— Съ чѣмъ пожаловалъ?

— Съ покорнѣйшей прозьбой! Жалаю итить на войну!

Данила качнулся впередъ и сталъ на колѣни:

— Дозвольте итить! Не могёмъ по станицамъ сидѣть! Какъ уездумаю, что усѣ на войнѣ, ажнакъ тошна становица.

— Встань, старикъ! — поднялъ его съ пола сѣдой генералъ, и, когда Забурунновъ всталъ, лицо атамана какъ будто свѣтилось, а глаза покраснѣли и сдѣлались мокрыми.

Онъ похлопалъ Данилу рукой по плечу и печально сказалъ:

— Не могу. Полученъ приказъ относительно льготныхъ одной второй очереди. Впрочемъ, мы сдѣлаемъ вотъ что.

Атаманъ нажалъ кнопку звонка. Вошелъ адъютантъ.

— Кавалеръ желаетъ итти на войну! Каковъ молодецъ!

Адъютантъ взглянулъ на Данилу и дѣланно усмѣхнулся, не зная еще, что думаетъ по этому поводу генералъ.

А атаманъ кивнулъ головой на Данилу и коротко объяснилъ:

— Прецедентъ! Не знаю, какъ быть. Принять не смѣю. Отказывать — тоже не въ силахъ. Кавалеръ трехъ орденовъ имѣетъ моральное право. Идите писать прошеніе. На Высочайшее. Поняли?

— Слушаю-съ!

Адъютантъ повернулся и вышелъ.

А Данила рванулся впередъ и припалъ къ рукаву атамана.

— Ну, что тамъ! Ну, что тамъ! — растерянно твердилъ атаманъ, замѣтно волнуясь, и, обнявъ старика, ушелъ въ кабинетъ, вздрагивая худыми плечами.

Черезъ десять минутъ Данила сидѣлъ въ канцеляріи и давалъ объясненія дежурному адъютанту:

Франція и Эльзасъ. Рисунокъ Г. Скотта.

— Только …ѣ ужъ дюжа желательна увъ самой Бендинъ... …мой на дѣйствительной!

— Ладно, …пишемъ!—обѣщалъ адъютантъ и быстро работалъ перомъ.

Когда все …ончилось, Данила вздохнулъ и крѣпко перекрестился.

А вылощенный, лоснящійся адъютантъ проводилъ старика до дверей и, убѣдившись, что никто не видитъ, пожалъ старику …ердую руку.

— Вы поступили, какъ истинный казакъ,—сказалъ онъ, красиѣя и запинаясь, и, чувствуя, что все, что онъ скажетъ, — не къ мѣсту и лишнее, бросился снова по лѣстницѣ вверхъ, цѣпляясь …орами.

„Кубыть …о сварганитца!“ — подумалъ старикъ и вышелъ …мо застывшихъ на вытяжку часовыхъ парнаго …

Парижъ въ ночь на 20 іюля. Народная манифестація у Вандомской колонны по поводу объявленія Германіей войны Россіи.

III.

Въ крестьян…ской избѣ одного изъ селеній возлѣ австрійской границы сидѣлъ за столомъ командиръ третьей сотни казачьяго полка и …ательно читалъ бумагу.

Это была копія съ Высочайшаго приказа о зачисленіи въ дѣйствующую армію кавалера Данилы Забуруинова.

Окончивъ …итать, есаулъ поглядѣлъ на крѣпкаго, жилистаго старика и …ю сказалъ:

— Ну, что же, старикъ! Поздравляю! Мнѣ — честь отъ такого высокаго …наченіи, а тебѣ тутъ работа найдется.

Есаулъ у…залъ на широкую грудь старика и, улыбнувшись, добавилъ:

— Дастъ Богъ,—и четвертый заслужишь! Вѣстовой! Позвать … Забуруннова!

Есаулъ …урилъ и принялся разспрашивать старика о станицѣ.

Тѣмъ временемъ въ комнату вошелъ загорѣлый высокій казакъ и об…еръ отъ изумленія.

— Батяня! — кинулся-было Илья къ старику, но во-время вспомнилъ, что онъ позванъ по приказу атамана, и сталъ, точно вкопанный.

— Изволили звать?

— Да, …олилъ!

Есаулъ …лядѣлъ и слегка улыбнулся.

— Ну, что же стоишь? Принимай старика! Назначаю въ твой взводъ. Надѣюсь, что старый у насъ служанетъ по-заправски. А чтобъ долго не ждать — нынче трое въ разъѣздъ. Тамъ и потолкуете съ батькой.

Казаки поклонились и вышли.

А есаулъ затянулся покрѣпче и опять углубился въ бумаги.

IV.

Пока подвозили войска въ главную армію, по всей полосѣ у границы шныряли казачьи разъѣзды, разгоняя австрійскихъ драгунъ, забредавшихъ трусливыми кучками на русскую сторону.

Крупныхъ боевъ еще не было, но по всей ширинѣ многоверстнаго фронта головные отряды развѣдочныхъ войскъ вошли уже въ близкую связь съ непріятелемъ, и громкія стычки десятковъ и сотенъ людей уже показали, какое значеніе имѣютъ въ развѣдочномъ дѣлѣ отряды донцовъ.

Гдѣ-то на сѣверѣ гремѣла часами далекая канонада; говорили, что наши войска захватили у нѣмцевъ десятокъ орудій; доходили туманные слухи о нашихъ союзникахъ, — но вѣрнаго не было ничего, и главная армія еще не вступала ни разу въ сферу огня.

Одни казаки забирались за добрую сотню верстъ въ чужіе предѣлы и давали не разъ австріякамъ понять, что значитъ казацкая пика...

Разбитый на сотни, N—скій полкъ сумѣлъ уже прославить себя не однимъ молодецкимъ набѣгомъ, и весь пограничный районъ былъ развѣданъ до мелкихъ подробностей въ ожиданіи крупнаго боя...

На разсвѣтѣ на опушкѣ березовой рощи показался казачій разъѣздъ.

Впереди шелъ Илья Забуруннов, озираясь, какъ хищный волчонокъ, по сторонамъ: за нимъ неширокой рысцой трусили на горбоносыхъ сухихъ лошадяхъ старикъ Забуруннов Данила и калмыкъ Сархалтыхъ — узкоглазый и плоскій, напѣвавшій какую-то дикую пѣсню.

Казаки шли спокойно, совсѣмъ по-домашнему, а безпечный калмыкъ даже винтовки не снялъ, пока не подъѣхали къ рощѣ.

Перейдя черезъ ровъ, разыскали просѣку и пошли уже шагомъ, одинъ за другимъ. Скоро роща опять порѣдѣла, и прямо передъ глазами сверкнула рѣка неширокой прохладной гладью.

За рѣкою тянулись поля полосою версты въ полторы, а тамъ наступали опять плотнымъ строемъ большія деревья, а за ними вставали холмы.

На поляхъ были сложены копны, а въ верстѣ отъ опушки съ винтовкой въ рукахъ стоялъ австріякъ.

Казаки задержались у темной опушки и стали глядѣть.

— Одинъ чортовъ сынъ,—замѣтилъ Илья.

— А въ лѣсу, можетъ, сотни.—отвѣтилъ Данила.

— Нужно забрать,—рѣшилъ сынъ.

— И то дѣло,—согласились другіе.

— Прими-ка коня, — отдалъ Илья поводъ калмыку и тихо поползъ на опушку. Осторожно, какъ звѣрь, проползъ онъ травою до рѣчки и безслѣдно пропалъ.

Казаки опустились на землю и принялись ждать.

Было ясно и тихо. На небѣ ни облачка. И воздушная синь колебалась слегка надъ землею, позволяя разглядывать каждую пядь до самаго лѣса.

Австріецъ, какъ влитый, маячилъ внизу за рѣкой, и копны стояли спокойныя, четкія, не давая подумать о томъ, что здѣсь каждый мигъ могутъ пройти безконечной лавиной тяжелые всадники, и вся эта мирная твердь окрасится теплой кровью.

Данила забылся на мигъ, припомнилъ родную станицу и тихо застылъ, глядя въ открытый просторъ.

Минуты текли, и все было тихо.

Но вотъ Сархалтыхъ тронулъ его за плечо, и глаза у него заблестѣли:

— Ай, бачка, Иля молодца! Большая молодца!—и калмыкъ защелкалъ зубами.

Старикъ поглядѣлъ на ту сторону и зорко уставился въ поле.

Было такъ же, какъ прежде, только одна изъ копёшекъ чуть-чуть отодвинулась дальше отъ берега.

Вся Франція подъ ружьемъ. Ветеранъ франко-прусской войны, охраняющій желѣзнодорожные пути.
Рис. Г. Скотта.

На стражѣ. Въ Вогезахъ. Рис. Г. Скотта.

Старикъ посвѣтлѣлъ и слѣдилъ за копной, не дыша.

А калмыкъ весь дрожалъ отъ зажатаго смѣха и хлопалъ себя по колѣнямъ.

Скоро австріецъ усталъ стоять неподвижно и тихо побрелъ параллельно рѣкѣ. И тотчасъ же копна шевельнулась сильнѣй и смѣлѣй поползла по равнинѣ. Когда австріякъ обернулся, все было попрежнему пусто и голо: и онъ зашагалъ, успокоенный, отъ копны до копны, озираясь и глядя на лѣсъ.

Незамѣтно совсѣмъ на моментъ двѣ копны оказались почти уже рядомъ. Потомъ все застыло опять, и только кузнечики звонко трещали, взлетая на воздухъ.

Вотъ австріякъ присѣлъ у копны, и видно, какъ ярко сверкаетъ дуло винтовки. Теперь онъ привсталъ и тихо шагаетъ къ сосѣдней копнѣ.

Калмыкъ покатился на землю и защелкалъ зубами.

— Бачка! Чичасъ! Бурханъ меня убивай, чичасъ!

Данила застылъ и украдкой перекрестился.

Австріецъ дошелъ до копны и оперся спиною.

Не успѣлъ Сархалтыхъ сморгнуть глазомъ, какъ изъ мягкой копны протянулись двѣ здоровыя руки, и австріецъ пропалъ безъ слѣда.

— Ой, бачка! Моя умирать! — катался калмыкъ по опушкѣ, не въ силахъ сдержать охватившаго чувства; а Данила вздохнулъ глубоко и сказалъ:

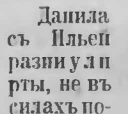
— Молодчага Илья! Облапилъ разиню!

Черезъ часъ казаки уже снова втроемъ сидѣли у ясной опушки, а межъ ними лежалъ на травѣ, ворочая красными бѣлками, австрійскій драгунъ.

V.

— Ишь ты, поганы! Брыкаться задумалъ!— ворчалъ недовольно Илья. — И его честью, какъ слѣдуетъ быть, на енто вотъ мѣсто, а онъ супротивленіе оказывать.

— Хиба жь я брыкавсь, чи шо? — неожиданно буркнулъ австріецъ: — та я жь руками, и ногами до васъ передавсь! А тіи австрыяки — бодай бы вони повыздыхалы!

Данила съ Ильей разинули рты, не въ силахъ понять, что

Первые жертвы германскаго насилія. Алексъ Самэнъ (въ центрѣ), основатель и члены общества „Спортивная Лотарингія", разстрѣлянные въ Мецѣ нѣмцами.

случилось, а плѣнный, увидѣвъ, какое впечатлѣніе произвелъ на нихъ говоръ, пересталъ безпокойно вращать налитыми кровью глазами и тихо сказалъ:

— Насъ много зъ ними. Усихъ по переду послалы, а сами ховаются. Вы трохы ослобоныть мини, я щось маю казаты.

Илья наклонился къ нему и немного ослабилъ ремень.

— Ось гарно! — вздохнулъ плѣнникъ. — А я-таки думаю, якъ бы це воно передатця до русскыхъ. Слухайте, братья панове! Учера я чувъ, якъ нашъ камандырь казавъ охвыцеро: „Ходыть изъ усими силами до русского стану, бо зъ ими стоить казначейство, и громой богацько". Сю нічь воны нападуть. Ховайте, якъ можете, гроши!

Хохолъ побѣлѣлъ и принялся снова ворочать глазами.

— А дюже всего беречь...

Хохолъ не окончилъ.

Откуда-то сбоку хлестнуло свинцомъ, и весь перелѣсокъ заговорилъ короткими, гулкими перекатами.

Калмыкъ, точно вихрь, метнулся къ коню и сразу вскочилъ на сѣдло.

Данила отдернулъ затворъ и тоже взлетѣлъ на коня.

А Илья поглядѣлъ вдоль опушки и крикнулъ:

— Айда! Эскадронъ!

Казаки ураганомъ помчались въ тѣнистую чащу, а вслѣдъ имъ свистѣли горячія пули, впиваясь въ стволы многолѣтнихъ березъ.

Впереди всѣхъ на рѣдкомъ конѣ уходилъ Сархалтыхъ, а за нимъ, разрывая листву, поспѣшали Илья и Данила.

Скоро близко въ глазахъ зарябилъ ослѣпительный свѣтъ, и горячіе кони пустились по чистой равнинѣ, унося на себѣ казаковъ, привалившихся грудью къ лукѣ.

А изъ ближней деревни выѣзжали уже казаки на стрѣльбу, и по гладкому полю запѣли казацкія пули, осыпая лѣсную опушку, гдѣ мелькнули и скрылись опять силуэты скакавшихъ австрійцевъ.

Лицей имени Карно въ Парижѣ, обращенный въ госпиталь Краснаго Креста.

Бельгійцы, жившіе въ Парижѣ, отправляются защищать свою родину.

Матросы-запасные, несущіе полицейскую службу въ Парижѣ.

VI.

Вечеромъ состоялся совѣтъ.

Командиры сотенъ, оцѣнивъ донесеніе разъѣзда, пришли къ заключенію, что серьезной опасности нѣтъ, хотя нападеніе весьма вѣроятно, и мѣры предосторожности вовсе не лишни.

Командиръ же полка настаивалъ на немедленной отправкѣ наличности въ безопасное мѣсто.

— Я нахожу эту мѣру излишней, — осмѣлился заявить казначей.

— Почему?—спросилъ полковой командиръ, уставившись въ лобъ казначея выпуклыми глазами.

Казначей молчалъ.

Молчалъ и полковой командиръ.

Въ странѣ героевъ. Бельгійскія блиндированные автомобили для борьбы съ германской кавалеріей.

Наконецъ онъ поднялся:

— Кто еще желаетъ высказаться по данному поводу?

Желающихъ не было.

Всѣ внутренне были согласны съ голосомъ стараго казначея, но перечить полковнику не было охоты.

— Никого? Тогда я поступлю такъ, какъ подсказываютъ мнѣ долгъ и моя совѣсть. Я долженъ принять всѣ зависящія отъ меня мѣры къ охранѣ полковыхъ суммъ, которыя считаю, согласно полученнымъ свѣдѣніямъ, въ опасности. Силою ввѣренной мнѣ власти приказываю отправить сегодня же въ ночь полковую казну въ мѣсто, которое будетъ указано мною особо. Прошу казначея принять это къ свѣдѣнію и сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Для эскорта — два взвода!

Полковникъ поднялся.

Совѣщаніе кончилось.

Офицеры разъѣхались по частямъ, а полковой казначей пошелъ собираться.

VII.

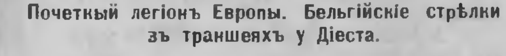
Въ ночь въ направленіи парка выступилъ конный отрядъ.

На полковой одноколкѣ везли запечатанный денежный ящикъ; по бокамъ гарцовали два отдѣленія лучшихъ джигитовъ; сзади шелъ легкій отрядъ, прикрывая тылъ, а впереди разсыпались мелкіе казачьи дозоры.

Ночь была тихая, темная, и только по легкому погромыхиванію двуколки можно было узнать, что кто-то идетъ по дорогѣ.

Казаки, словно тѣни, качались на мягко ступающихъ, привычныхъ къ ночной темнотѣ, лошадкахъ, а оружіе было прилажено такъ, что ни треска ружья за плечами ни бряцанія коротко взятыхъ ноженъ не было слышно уже за десятокъ шаговъ.

Люди шли съ сознаніемъ важности возложеннаго на нихъ порученія, и казалось, что и казацкіе кони понимаютъ возможность внезапной опасности, — до

Почетный легіонъ Европы. Бельгійскіе стрѣлки въ траншеяхъ у Діеста.

того они мягко ступали на плотный укатанный грунтъ.

Далеко впереди, въ головномъ, самомъ важномъ, разъѣздѣ шелъ старый Данила съ калмыкомъ и сыномъ Ильей.

Всѣ трое внимательно вглядывались въ неподвижную мглу и жадно ловили ушами далекіе ночные звуки.

Скоро у самой дороги чернымъ порогомъ всталъ паркъ.

Казаки разыскали просѣку и, выждавъ, когда подтянулись идущіе вслѣдъ, въѣхали въ черную, влажную мглу.

Въ странѣ героевъ. Война въ Бельгіи. Поле сраженія въ Гаэльни.

Солдаты территоріальной арміи, охраняющіе дороги во Франціи, остакавливаютъ автомобили и спрашиваютъ у проѣзжихъ паспорта.

Запахло грибами и сыростью.

Невольио припомнилъ Илья лѣсокъ, что разросся за его домомъ. Тамъ сырости не было, а стояли веселыя, свѣтлыя вербы, шевеля глянцевитыми плотиыми листьями, да внизу, по талѣ, заплетались горячимъ душистымъ ковромъ пьяный хмель съ ежевикой.

„Какъ они могутъ тутъ жить?“ — подумалъ Илья, ощущая холодную сырость, и тихонько подъѣхалъ къ отцу.

— Батя, а батя!—шепиулъ онъ въ лицо старику, наклоияясь съ коня.

— Чиво табѣ, сынъ?—повернулся отецъ, придерживая маштака.

— Ды такъ-вотъ! Вспомнилась наша станица, какъ у лѣси ходилъ за жавикой. Чи есть оиа, ягода, увъ етомъ году?

— А чиво жъ ей не быть. Ядреная ягода. Дѣвки таскали.

— А Маланья Сычева—чиво? Увъ здравіи пребываетъ?

— Малашка Сычева? Цвѣтетъ! При себѣ дѣвка, уся на мѣстяхъ!

Илья потихоньку вздохнулъ и отъѣхалъ въ сторону. Рядомъ съ нимъ закачался калмыкъ и тронулъ его за плечо:

— Бачка! А бачка—бурунъ! Моя мурунъ ухами шивиляетъ!

Илья придержалъ крѣпче поводъ и троиулъ рукою винтовку.

Конь задержался, какъ вкопаяный, и вздрогнулъ всей кожей.

Съ минуту стояли на мѣстѣ и слушали: потомъ въ сторонѣ зашумѣли копыта второго дозора, и чуткій калмыкъ отпустилъ туго натянутые поводья.

Стало совсѣмъ темно.

Теперь уже не было видно ни веба ни звѣздъ; деревья сходились верхами, и съ листьевъ на землю валились холодныя капли сѣвшаго густо тумана.

Лошади шли почти ощупью, вюхомъ угадывая дорогу, и казаки стали держаться плотнѣе, стараясь итти стремя въ стремя.

Понемногу глаза отупѣли совсѣмъ, и легкая плавная качка вагяала спокойную ночную тоску.

Оставалось, должно-быть, ие больше версты до выхода изъ чернаго парка, а тамъ уже будетъ просторная чистая до-

Отъѣздъ бельгійскихъ волонтеровъ изъ Парижа ка родину.

рога, и опять стаиутъ съ неба свѣтить ясвыя звѣзды.

— Бачка! Будемъ стояли,—очиулся калмыкъ.

— Угу! — согласился Илья: — иехай подойдуть!

Неожидаиио вздрогнула тьма, и вдали за спиной загудѣла поспѣшная. жаркая пальба.

Казаки, какъ одинъ, поднялись въ стременахъ и ринулись въ тьму.

Вѣтеръ гудѣлъ за ушами, мокрыя вѣтки хлестали лицо, а кони совсѣмъ распластались въ воздухѣ и мчались одинъ за другимъ, чудомъ угадывая невидимый путь. Скоро во мглѣ впереди засверкали огни, и при пламеииыхъ вспышкахъ зарябили въ глазахъ четкіе, черные всадники.

— Ги-н-и!—завопилъ дѣдъ Данила и съ пикой иаперевѣсъ ахнулъ въ черную гущу австрійскихъ драгунъ; за нимъ ураганомъ промчался Илья и на полномъ ходу шарахнулъ съ плеча высокаго всадника: что-то плюхнулось гулко о землю, и надъ самымъ лицомъ у Данилы полыхиуло огнемъ. При вспышкѣ метиулась въ глазахъ скуластая рожа калмыка, и кто-то взмотнулъ сапогами въ воздухѣ, подсаженый калмыцкою пикой.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Плѣнные раненые германскіе солдаты, охраняемые бельгійскимъ солдатомъ.

Бой въ воздухѣ. Нападеніе французскаго аэроплана на германскій дирижабль („цеппелинъ“). Рисунокъ А. Чикина.

Силуэты войны.

Брошенная хата.

Заслезились пасмурныя стекла...
Пожелтѣлъ у озера камышъ,
И трава поникла и поблекла,
И шуршитъ подъ поломъ гдѣ-то мышь...
И стоитъ она одна въ забросѣ
Позабытая, ненужная давно,
Только рѣдко вѣтеръ съ плачемъ броситъ
Вялый листъ въ разбитое окно...
Разбросали ядра шумный улей,
И давно замолкъ въ деревнѣ шагъ,
Лишь ее, задѣвъ шальною пулей,
Пощадилъ безликій, злобный врагъ...
Приходилъ загадочный прохожій,
Что-то жуткое онъ прошепталъ въ окно—
И бѣжали всѣ въ одной одёжѣ,—
А она вотъ все понять не можетъ,
Отчего такъ пусто и темно...

Братская могила.

Въ степи осенней и унылой,
Изрытой сотнями копытъ,
Надъ одинокою могилой
Простой сосновый крестъ стоитъ...
Простой, какъ сердце тѣхъ, чьи думы
Неслись въ забытый сельскій домъ,
Кто были сѣры и угрюмы
При встрѣчѣ съ бѣшенымъ врагомъ...
Покорные Верховной Волѣ,
Со свѣтлымъ Именемъ Христа,
Они легли въ изрытомъ полѣ
Подъ сѣрымъ деревомъ креста...
Осенній день и даль безъ линій...
Иду одинъ издалека,
И передъ новою святыней
Любовно креститъ лобъ рука...

Сергѣй Михѣевъ.

Посѣвъ войны.

Перепечатка воспрещается.

Разсказъ **Б. Никонова.**

I.

Чиновникъ губернскаго казначейства, Александръ Ивановичъ Лебедевъ, засидѣлся за работой въ казначействѣ до пяти часовъ утра. Уже давно разсвѣтало, и пѣли пѣтухи, а въ прихожей безмятежно храпѣлъ курьеръ Тищенко, не превозмогшій сна, несмотря на присутствіе въ казначействѣ начальства. Александръ Ивановичъ кончалъ ликвидацію казначейскихъ дѣлъ по случаю войны.

Въ сосѣдней пустой комнатѣ прохрипѣли часы. Стукнула въ прихожей дверь. Александръ Ивановичъ не обернулся, думая, что это вошелъ Тищенко. Но знакомый женскій голосъ заставилъ его обернуться. Это была его жена, Анна Павловна.

— Ты что̀, Анюта?

— Я пришла за тобой,—отвѣтила она.—Не могла уснуть. Все думается. Жутко какъ-то... Ты скоро кончишь?

— Сейчасъ.

Кутаясь въ косынку отъ нервной дрожи, молодая женщина присѣла къ столу и молча слѣдила за работой мужа. Она была блѣдна, глаза у нея ввалились, и на лбу появились какія-то новыя складки. Много такихъ складокъ уже успѣла провести война на женскихъ лицахъ: это были первые знаки ея грозной власти надъ людьми.

Александръ Ивановичъ запечаталъ послѣдній пакетъ, прибралъ и разорвалъ нѣсколько бумагъ и устало приподнялся.

— Въ послѣдній разъ я такъ долго засидѣлся на службѣ въ прошломъ году передъ Рождествомъ,—вромолвилъ онъ:—передъ получкой наградныхъ. Хорошее было время... Ну, пойдемъ!

Анна Павловна не улыбнулась въ отвѣтъ на его улыбку. Воспоминаніе о прошломъ больно рѣзнуло ее по сердцу.

Они вышли на пустынную улицу. За ночь прошелъ дождь и прибилъ пыль. Мостовая казалась пестрой отъ темныхъ мокрыхъ пятенъ и лужъ. Въ саду громко и какъ-то безнадежно кричали вороны: онѣ чуяли новый дождь. Было по-утреннему свѣтло, свѣжо и какъ-то чисто на улицахъ, и ярко—по-утреннему—бѣлѣли тихіе дома.

Нѣкоторое время супруги шли молча. Анна Павловна первая прервала молчаніе:

— Что̀ же будетъ теперь, Саша?

— Кто же знаетъ?—промолвилъ съ прежней печальной улыбкой Александръ Ивановичъ.—Что̀ будетъ, то и будетъ. Придутъ нѣмцы...

— Господи, какъ страшно! Неужели они въ самомъ дѣлѣ придутъ, Саша?

— Я думаю, что ничего особенно страшнаго въ этомъ нѣтъ,—задумчиво возразилъ Лебедевъ.—Вѣдь мы же не сражающаяся сторона, а они—люди культурные. Вѣдь это только зулусы какіе-нибудь нападаютъ на мирныхъ жителей. И вообще на войнѣ даже частная собственность щадится.

— Страшно, — твердила Анна Павловна, нервно кутаясь въ косынку.—Точно я сонъ вижу и все никакъ не могу проснуться... Такъ внезапно все измѣнилось... Вотъ и небо все такое же, и земля, и трава, и дома все тѣ же, и солнце встаетъ, какъ всегда, а какъ начнешь думать да соображать, какъ вспомнишь—такъ и покажется все это какимъ-то новымъ и особеннымъ. И знаешь, Саша, мнѣ думается, что теперь все это сдѣлалось уже какимъ-то ненужнымъ... Обреченнымъ какимъ-то...

— Пустяки!—пробормоталъ Лебедевъ, глядя себѣ въ ноги.

— И за что все это налетѣло на насъ?—продолжала Анна Павловна.—Съ какой стати? Жили мы такъ счастливо, тихо, хорошо, и домъ свой и хозяйство. Десять лѣтъ пролетѣли безъ облачка. И вдругъ точно волшебство какое-то... Почему война? Какая можетъ быть война для насъ, мирныхъ русскихъ людей?

Александръ Ивановичъ мѣрно шагалъ, понуривъ голову. Ему самому казалось страннымъ сопоставленіе такого страшнаго, неслыханно величаваго и героическаго дѣла, какъ война, съ міркомъ окружающихъ его скромныхъ и простыхъ людей и съ нимъ самимъ. Вѣдь война должна происходить среди какихъ-то совсѣмъ особенныхъ людей, героевъ. Ну, военные еще подходятъ для этого,—но военные ушли изъ городка, и въ немъ остались только такіе безнадежно-штатскіе и мирные люди, какъ Александръ Ивановичъ Лебедевъ, любители повинтить по сотой, побалагурить въ своемъ кругу, порыбачить въ праздникъ за городомъ.

— А нѣмцы-то все-таки придутъ?—неотставала Анна Павловна.

Лебедевъ разсердился:

— Вотъ заладила: „нѣмцы“ да „нѣмцы“... Что̀ жъ такого, что нѣмцы? Не видала ты, что ли, нѣмцевъ? Слава Богу, на самой границѣ живемъ и нѣмцевъ этихъ самыхъ сто разъ видали. Вѣдь ты видала ихъ?

— Видала...

— Ну, такъ чего жъ бояться? Значитъ, не звѣри заморскіе. Небось, Шульце, Карлъ Ѳедоровичъ, пожалуетъ изъ имѣнія. Онъ вѣдь въ ландверѣ состоитъ въ ихнемъ. Земляки, можно сказать.

Супруги подошли къ своему дому. Калитка не была заперта, и съ громкимъ стукомъ подалась подъ рукой Лебедева. Анна Павловна вздрогнула отъ этого стука и схватилась за сердце.

— Что̀ ты?—удивился мужъ.

— Такъ, ничего... Мнѣ показалось, точно выстрѣлили...

— Ужъ очень ты изнервничалась,—усмѣхнулся Лебедевъ.—А кстати, когда же мы исправимъ ворота? Того гляди, повалятся. Ты послала бы за Войцѣхомъ.

— Къ чему?—нахмурившись, возразила жена.—Не сто̀итъ.

— Отчего не сто̀итъ?

— Да что̀ тамъ... Все равно все пропадетъ.

— Пустяки!

Мужъ и жена вошли въ домъ. Утро разгоралось. Кругомъ стояла невозмутимая тишина, какъ будто въ мірѣ все было попрежнему. И еще никто въ тихомъ городкѣ не слышалъ, какъ сотнями и тысячами шаговъ уже шла сюда война. О войнѣ всѣ уже знали, но глухой грохотъ ея тяжкихъ шаговъ еще не поражалъ ничьего слуха. Громко и беззаботно пѣли пѣтухи...

II.

Шаги приближающейся войны горожане услышали въ полдень.

Далеко за городомъ послышался глухой гулъ. Онъ прокатился гдѣ-то вдоль горизонта, словно ударъ далекаго грома, и затихъ. Потомъ этотъ странный громъ при ясномъ небѣ прокатился еще разъ. Это взрывали желѣзнодорожный мостъ.

Затѣмъ опять все стихло. Въ городѣ шла обычная жизнь. Магазины были открыты: въ городскомъ садикѣ играли ребятишки: шли съ завода рабочіе. Внезапно на улицѣ проскакали два всадника въ нерусскихъ мундирахъ, съ ружьями наперевѣсъ. Брызгая грязью и громко стуча по мостовой, они пронеслись по всему городу изъ конца въ конецъ и скрылись.

На улицахъ стали собираться любопытные. Бургомистръ въ мундирѣ проѣхалъ куда-то за городъ. Всѣ кругомъ говорили объ этомъ, и создавалось торжественное и немного страшное впечатлѣніе.

Самихъ нѣмцевъ ждали безъ особаго страха и только съ нѣкоторымъ волненіемъ. Нѣмцы здѣсь никому не были въ диковину—въ этомъ Лебедевъ былъ совершенно правъ. Горожане постоянно имѣли дѣло съ толстыми Карлами Ивановичами и краснощекими бравыми, усатыми Генрихами Ѳедоровичами, которые постоянно наѣзжали сюда для покупокъ, для постройки новой пивной, для свиданья съ родственниками. Порубежные нѣмцы почти всѣ говорили по-русски и по-польски, и большинству горожанъ даже казалось странно: какъ будутъ воевать эти нѣмцы, и что̀ вообще дѣлать здѣсь воюющимъ,—здѣсь, въ тихомъ, безобидномъ городкѣ, гдѣ и тѣни нѣтъ ничего военнаго?

Часа черезъ полтора послѣ появленія иностранныхъ всадниковъ въ городъ вступилъ небольшой нѣмецкій отрядъ. Катились, погромыхивая, два орудія. Запыленные солдаты въ покрытыхъ чехлами каскахъ тяжело отбивали по мостовой шагъ за шагомъ. На лошадяхъ ѣхали два офицера. Ихъ бритыя, съ закрученными вверхъ усами, лица были холодно-равнодушны, какъ у манекеновъ. Одинъ изъ нихъ подъѣхалъ къ кучкѣ зрителей и что-то спросилъ.

— Что̀ онъ сказалъ? Что̀? — заговорили на другой сторонѣ улицы.

— Ничего. Просто спросилъ: гдѣ казаки?

— Зачѣмъ ему казаки понадобились? Какіе здѣсь казаки?—добродушно посмѣивались въ толпѣ.

Отрядъ прошелъ по одной улицѣ, по другой и разсѣялся въ городкѣ. Потомъ то здѣсь, то тамъ стали попадаться солдаты-нѣмцы: въ пивной, на рынкѣ, въ магазинѣ. Они вели себя скромно, не шумѣли, никого не обижали, и горожане стали успокаиваться. Все это совсѣмъ не походило на войну.

У Лебедевыхъ тоже воцарилось успокоеніе. Анна Павловна дала наконецъ убѣдить себя, что нѣмцы вовсе не страшны, и что война опасна только для того, кто непосредственно воюетъ. Особенно успокоило ее то обстоятельство, что Александръ Ивановичъ уступилъ ея просьбѣ и обѣщалъ выходить на улицу не въ форменномъ, а въ статскомъ платьѣ. Она сама купила ему шляпу, и Александръ Ивановичъ со смѣхомъ примѣрялъ ее передъ зеркаломъ.

— Такъ лучше,—говорила она.—Мнѣ сказывали, что въ формѣ теперь ходить опасно: нѣмцы могутъ подумать, что ты—военный. И что-нибудь сдѣлаютъ съ тобой.

Вечеромъ прислуга ходила смотрѣть нѣмцевъ. Кухарка и горничная вернулись домой возбужденныя и обиженныя и разсказывали, что солдаты—ничего, но офицеръ такой срамникъ, что и сказать совѣстно.

— Вотъ еще тоже!—обезпокоилась Анна Павловна.

— Пустяки, — разсмѣялся Лебедевъ. — Это обычный способъ воздѣйствія на мирное женское населеніе со стороны воюющей державы. Пускай наши сидятъ дома, а не бѣгаютъ на сторону.

Вечеръ прошелъ тихо и спокойно. Александръ Ивановичъ, покончивъ еще вчера со служебными обязанностями, не зналъ, чѣмъ заняться, и спозаранку улегся спать.

Ночью его разбудилъ какой-то смутный гулъ.

Онъ приподнялся съ постели. Анна Павловна не спала. Она сидѣла, полуодѣтая, на краю кровати и нервно дрожала.

— Что̀ такое?—пробормоталъ Лебедевъ.—Что̀ съ тобой?

Прерывающимся шопотомъ она промолвила:

— Стрѣляютъ... На улицѣ...

Лебедевъ вскочилъ и кинулся къ окну. Анна Павловна схватилась за него:

— Саша, ради Бога... не подходи къ окну!.. Страшно!.. Страшно, Саша!..

Она всхлипнула и упала на постель.

— Господи, Господи, что̀ это такое?.. Что̀ будетъ съ вами?.. Неужели насъ убьютъ? Господи, спаси и помилуй!..

За окнами ударилъ глухой выстрѣлъ. Потомъ другой. Словно что-то тяжелое, многопудовое подкатилось къ окнамъ и навалилось на домъ, такъ что домъ заскрипѣлъ и вздрогнулъ всѣмъ своимъ корпусомъ. На улицѣ блеснулъ яркій огонекъ, и что-то выстрѣлило по-другому, звонко и раскатисто, какъ ударъ фейерверочнаго бурака. Потомъ опять подкатился къ окнамъ глухой, всесокрушающій ударъ, и черезъ секунду снова блеснулъ надъ крышей сосѣдняго дома яркій огонекъ, и звякнулъ ударъ разорвавшагося снаряда.

У Лебедева зашевелились волосы на головѣ, и по спинѣ пробѣжалъ непріятный рѣзкій холодокъ. Анна Павловна рыдала, лежа ничкомъ на кровати.

„Вотъ она, война-то...—пронеслось у него въ головѣ.—Это ужъ, кажется, по-настоящему...“

Онъ не могъ дать себѣ отчета, что̀ все это значитъ, и кто стрѣляетъ и въ кого?

Онъ сѣлъ рядомъ съ женой на кровать... Неужели смерть уже близка? Неужели сейчасъ она грянетъ здѣсь своимъ звенящимъ грохотомъ, окутаетъ удушливымъ дымомъ и убьетъ ее, его? Лебедевъ взглянулъ на жену—и ему стало смертельно жаль ея, и чувство острой, до боли жгучей, любви къ ней охватило его. Слезы градомъ покатились изъ его глазъ. И онъ, пожилой, уравновѣшенный и немного вялый человѣкъ, не плакавшій уже Богъ знаетъ сколько лѣтъ, плакалъ сейчасъ надъ нею горючими дѣтскими слезами и невольно молился, поднимая кверху заплаканные глаза:

— Господи, спаси насъ! Не дай, Господи, погибнуть!..

Такъ просидѣлъ онъ долгое время въ темнотѣ, приникнувъ къ рыдавшей женѣ. Выстрѣлы и огоньки разрывовъ прекратились. Послышалась мелкая ружейная трескотня, и подъ окнами прогремѣлъ копытами и звяканьемъ орудій военный отрядъ. Что-то кричали. Затѣмъ все смолкло. Наступила мертвая тишина, странная и необычная послѣ только-что пережитаго грохота.

Анна Павловна приподняла голову.

— Что̀ это такое было?—спросила она.

— Не знаю,—отозвался Лебедевъ.—Стрѣляли изъ пушекъ. Но кто и въ кого, не понимаю. Можетъ-быть, наши подходили отбивать городъ...

Онъ вздохнулъ прерывистымъ нервнымъ вздохомъ и усмѣхнулся:

— А знаешь, Анюта, я оказываюсь порядочный трусъ. Никогда не думалъ, что пальба произведетъ на меня такое впечатлѣніе. Стыдно сознаться, а я струхнулъ... А вѣдь, въ сущности, это были, вѣроятно, какіе-нибудь пустяки съ военной-то точки зрѣнія... Напугали меня Карлы Иванычи! Стыдно!..

— Господи, какой ужасъ!—прошептала молодая женщина.

— Ничего, надо привыкать,—попробовалъ шутить Лебедевъ.

— Страшно, страшно!..—твердила она.—Такая тоска, такая мука... Чѣмъ это все кончится?..

III.

Наутро городъ имѣлъ какой-то совсѣмъ особенный, тревожный видъ. По улицамъ взадъ и впередъ разъѣзжали патрули. На окраинѣ города догоралъ зажженный ночью домъ. Горожане испуганно жались къ стѣнамъ и къ заборамъ и шепотомъ передавали другъ другу, что ночью кто-то стрѣлялъ въ нѣмцевъ изъ того дома, что̀ теперь догоралъ на окраинѣ. И что поэтому нѣмцы стрѣляли по городу. Говорили также, что утромъ около городской думы лежало нѣсколько человѣкъ убитыхъ, но ихъ куда-то убрали.

На главной улицѣ по столбамъ были расклеены объявленія на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ отъ имени „коменданта города, майора Притвица“. Суконнымъ канцелярскимъ языкомъ майоръ Притвицъ объявлялъ, что̀ „текущей ночью“ было произведено нѣсколько выстрѣловъ въ императорскія германскія войска, и что поэтому онъ, майоръ Притвицъ, считаетъ необходимымъ радикально измѣнить свое отношеніе къ жителямъ города и подвергнуть ихъ заслуженнымъ репрессіямъ. Далѣе говорилось, что городъ долженъ уплатить штрафъ въ сто тысячъ марокъ, а если нападенія на „императорскія германскія войска“ повторятся, то „каждый десятый человѣкъ изъ числа жителей города будетъ разстрѣлянъ“...

Горожане собирались группами около объявленій, читали и испуганно оглядывались. Говорили, что никакихъ выстрѣловъ изъ злополучнаго дома не было, а если и были, то стрѣляли сами же нѣмцы, потому что наканунѣ нѣмцы забрались въ этотъ, пустовавшій, покинутый владѣльцами, домъ и пьянствовали тамъ весь вечеръ... Но вслухъ объ этомъ говорить не рѣшались.

Говорили также, что нѣмцы схватили въ видѣ заложниковъ бургомистра, священника и раввина и грозились разстрѣлять ихъ, если штрафъ, наложенный на городъ, не будетъ уплаченъ въ теченіе этого дня. Напуганные люди молча читали страшное объявленіе и отходили, покачивая головами. Развѣ мыслимо было собрать въ теченіе одного дня такую сумму денегъ въ маленькомъ городѣ!..

Въ семействѣ Лебедевыхъ съ ужасомъ передавались подробности ночныхъ событій. Александръ Ивановичъ только головой покачивалъ, слушая все это. Онъ и половинѣ того не вѣрилъ, о чемъ разсказывали. Но Александру Ивановичу принесли и показали майорское объявленіе. И у него невольно опустились руки...

— Знаешь, Анюта,—сказалъ онъ женѣ:—этотъ майоръ Притвицъ, очевидно, спятилъ съ ума. Кто же доставитъ ему здѣсь такія деньги?

Осунувшаяся до неузнаваемости за ночь Анна Павловна ничего не отвѣтила. Ей казалось, что она сходитъ съ ума. Такъ страшно мѣнялась жизнь...

— Все это какая-то чепуха!—рѣшилъ Лебедевъ.

Онъ пообѣдалъ и прилегъ отдохнуть. Анна Павловна однако не могла ни на секунду успокоиться. Она ходила отъ окна къ окну, тревожно прислушивалась къ доносившимся съ улицы звукамъ, и ей казалось, что тамъ кто-то кричитъ, стонетъ, призываетъ на помощь. Пришла испуганная кухарка и задыхающимся шепотомъ сказала, что прибѣгалъ дворникъ и велѣлъ ни подъ какимъ видомъ не открывать оконъ на улицу—иначе будутъ въ окна стрѣлять... Ей показался на улицѣ знакомый профиль всадника въ каскѣ...

Сердце у нея все болѣе и болѣе сжимали тоска и тревога. Точно чья-то желѣзная, грубая рука медленно сдавливала его все сильнѣе и сильнѣе. Что̀ будетъ дальше? Не лучше ли ужъ бросить все и убѣжать совсѣмъ изъ города? Уѣхали же многіе ихъ знакомые еще до объявленія войны, едва только почувствовалась возможность военныхъ дѣйствій. Надо бѣжать, пока не поздно... Что̀ жъ изъ того, что Александръ Ивановичъ, какъ чиновникъ, обязанъ оставаться на своемъ посту, въ здѣшнемъ городѣ? Развѣ въ такое страшное время могутъ соблюдаться обязанности?

Она бросилась будить мужа.

Въ передней позвонили.

Анна Павловна остановилась въ дверяхъ. Сердце у нея заколотилось такъ сильно, что она стала задыхаться. Звонокъ повторился. Звонила чья-то властная, не сомнѣвающаяся въ томъ, что отворятъ, рука.

Кухарка пробѣжала отпереть. Анна Павловна, чуя недоброе, остановила ее:

— Не надо... Не отпирай!

За дверью раздался сердитый говоръ. И черезъ мгновеніе снаружи на дверь посыпались тяжелые удары. Пришедшіе люди ломали дверь.

Анна Павловна поняла, что сопротивляться невозможно. Она крикнула черезъ дверь:

— Не надо ломать! Я сейчасъ отворю!

Она повернула ключъ дрожащей рукой. Въ ней все замерло. Ощущеніе страшнаго сна, отъ котораго необходимо проснуться какъ можно скорѣе, снова охватило ее съ небывалой силой.

Дверь распахнулась, словно на нее дунулъ страшный порывъ урагана. Анна Павловна вдругъ съ особенной ясностью поняла это и вся похолодѣла и стояла, какъ скованная, не шевеля ни рукой ни ногой.

Ворвался—не вошелъ, а именно ворвался—офицеръ въ сѣрой шинели съ узкими погонами, съ револьвернымъ шнуромъ, въ каскѣ. Холодные, какъ у восковой куклы, глаза уставились на Лебедеву. И съ такимъ же мертвенно-холоднымъ выраженіемъ уставилось на нее поднятое имъ дуло револьвера.

— Гдѣ вашъ мужъ?—крикнулъ офицеръ по-нѣмецки.

— Я... я не понимаю...—пробормотала Анна Павловна.

— Мужъ!—крикнулъ офицеръ уже по-русски.

Вслѣдъ за офицеромъ вломились четверо или пятеро солдатъ съ красными, окаменѣвшими, безсмысленными лицами. Анна Павловна стояла, заломивъ руки, и молчала. Офицеръ грубо дернулъ ее за руку и раздраженно крикнулъ:

— Ведите насъ къ вашему мужу! Сію же минуту! Маршъ!

Анна Павловна, не помня себя, бросилась въ спальню. У нея мелькнула мысль, что надо предупредить мужа или хоть успокоить его, или просто быть съ нимъ вмѣстѣ... Но слѣдомъ за нею кинулась вся орда. Застучали подкованные сапоги, лязгали сабли... Ураганъ войны ворвался въ мирное жилище и закрутился въ немъ, кидаясь, какъ дикій звѣрь, на людей и на все окружающее.

Нѣмцы ворвались въ спальню, грубо стащили Александра Ивановича съ кровати, били его по спинѣ прикладами. Онъ даже не сопротивлялся спросонокъ. Онъ недоумѣвающе озирался кругомъ и бормоталъ:

— Что̀ такое? Господи, помилуй, что̀ это такое? Да что̀ вамъ надо?

Онъ не замѣчалъ жены. Она стояла въ сторонкѣ, уже плохо понимая, что̀ творится передъ нею. Какъ во снѣ, она видѣла добродушно-толстую фигуру мужа, трясущіяся руки, которыя онъ торопливо продѣвалъ въ рукава пиджака, не попадая въ нихъ, взлохмаченные со сна, порѣдѣвшіе волосы съ пробивавшейся сѣдиной... Офицеръ стоялъ посрединѣ комнаты, какъ истуканъ, перетянутый, съ утрированно вздернутыми плечами.

— Маршъ!—скомандовалъ онъ.

Лебедевъ, уже совсѣмъ одѣтый, придя въ себя, просто и спокойно пошелъ изъ комнаты. Не доходя до двери, онъ обернулся и увидѣлъ жену.

— Анюта, не безпокойся!—сказалъ онъ, улыбнувшись.

Съ дикимъ воплемъ она кинулась къ нему. Она хотѣла схватить и навсегда прижать къ себѣ его милую посѣдѣвшую голову, его лицо, его широкую, отяжелѣвшую фигуру... Что-то безконечно милое и дорогое и невозвратимое засвѣтилось для нея въ немъ, въ его глазахъ, въ смущенной улыбкѣ, въ покорно опущенной головѣ.

Солдатъ грубо схватилъ ее и швырнулъ въ сторону, словно щепку. Застучали подбитые гвоздями сапоги. Опять пронесся по дому ураганъ насилія, воплотившійся въ грубыхъ людей съ каменными лицами и мертвыми глазами. И все стихло. Незатворенныя, распахнутыя двери зіяли какимъ-то вопросительнымъ недоумѣніемъ. Такъ открываютъ широко свои глаза пораженные невиданнымъ и неожиданнымъ зрѣлищемъ люди... Домъ, гдѣ только-что совершилось безсмысленное насиліе, какъ бы спрашивалъ недоумѣвающе: „Что̀ это такое? Почему эти люди накинулись, какъ дикари, на мирнаго и беззащитнаго человѣка? Зачѣмъ они били его? Зачѣмъ швырнули, какъ мѣшокъ, его жену? Развѣ нужно было это дѣлать? Какой смыслъ въ этихъ нелѣпыхъ жестокостяхъ?“

Но отвѣта не было...

IV.

Александръ Ивановичъ не столько былъ испуганъ, сколько просто удивленъ этимъ неожиданнымъ приключеніемъ. Онъ чувствовалъ себя ни въ чемъ неповиннымъ даже съ нѣмецкой точки зрѣнія и не могъ понять, что̀ сдѣлалось съ нѣмцами, и почему они напустились на него съ такой непонятной грубостью и жестокостью? Ему думалось, что солдаты и лейтенанты вовсе не грубы и не дики по природѣ, но просто чувствуютъ себя обязанными соблюдать „стиль“ войны. Онъ даже почти не чувствовалъ себя оскорбленнымъ и былъ увѣренъ, что „недоразумѣніе“ весьма скоро разъяснится, и все кончится благополучно.

— Съ ума они всѣ спятили,—повторялъ онъ пришедшую ему сегодня въ голову фразу.—Честное слово, съ ума спятили...

Его привели въ гостиницу, гдѣ квартировалъ самъ комендантъ города.

Это былъ такой же сухой и чопорный манекенъ, какъ и лейтенантъ. Онъ окинулъ Лебедева мертвымъ взглядомъ и отрывисто спросилъ:

— Вы казначей?

— Да, казначей,—отвѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Вы должны немедленно представить намъ всю денежную наличность.

Александръ Ивановичъ поднялъ голову и весь подобрался. „А, вотъ что̀ тебѣ захотѣлось, нѣмчура!—пронеслось у него въ головѣ.—Нѣтъ, этого ты не дождешься...“

Какое-то особое, незнакомое прежде, чувство вдругъ охватило его. Въ этомъ чувствѣ тѣсно перемѣшались и спаялись въ одно цѣлое и чувство служебнаго долга, и ненависть къ насильничеству, и какой-то задоръ, не допускающій и мысли о томъ, чтобы врагъ и насильникъ получилъ для себя какую-либо выгоду...

— У меня ничего нѣтъ,—просто и спокойно возразилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ вы будете разстрѣляны!—произнесъ комендантъ, отвернувшись въ сторону.

Александру Ивановичу стало почти смѣшно.

— Это довольно странный способъ добывать деньги,—произнесъ онъ, чуть-чуть улыбнувшись.

— Молчать!—крикнулъ офицеръ, покраснѣвъ и наливмись до краевъ всего своего естества алой, какъ кровь, злобой.—Если вы не доставите сію же минуту денегъ, вы будете убиты, какъ собака!

— Я уничтожилъ, согласно распоряженію начальства, всѣ денежные знаки!—отчеканилъ Лебедевъ, прямо глядя въ каменное лицо пруссака.—У меня ничего нѣтъ.

Комендантъ скомандовалъ по-нѣмецки. Солдаты щелкнули ружьями, окружили Александра Ивановича и повели его.

Александръ Ивановичъ шелъ спокойно, не пытаясь и даже не думая сопротивляться. Ему только все кругомъ казалось какимъ-то необычнымъ и страннымъ. „Вѣдь все это я вижу въ послѣдній разъ,—подумалъ онъ.—Какъ странно...“

Онъ вспомнилъ о женѣ. На секунду сердце ему стиснула острая скорбь, но владѣвшее имъ новое чувство было такъ сильно и всеобъемлюще, что боль какъ-то сразу отошла отъ сердца. „Что̀ жъ?—подумалъ онъ:—не вѣкъ жить... А жили хорошо, любовно, непостыдно... Дай Богъ всякому!..“

Его привели на площадь къ магистрату и поставили около стѣнки къ пожарной части. Отсюда былъ виденъ почти весь городъ. И словно съ горы Александръ Ивановичъ вдругъ увидѣлъ и всю свою жизнь. Это была самая простая и обыкновенная жизнь, съ маленькими дѣлами, съ маленькими радостями и горестями... Онъ словно шелъ всю жизнь по узенькой и тѣсной улицѣ маленькаго городка и вдругъ вышелъ на какой-то громадный и жуткій просторъ.

Солдаты стянули ему за спиной руки веревкой.

— Развяжите меня,—обратился онъ къ лейтенанту.

— Зачѣмъ?

— Перекреститься.

— Не зачѣмъ!—холодно бросилъ нѣмецкій офицеръ и отошелъ въ сторону.

Солдаты замѣшкались. Александръ Ивановичъ опять увидѣлъ передъ собой лейтенанта съ неестественно вздернутыми плечами.

— Комендантъ даруетъ вамъ жизнь,—произнесъ лейтенантъ напыщеннымъ тономъ:—если вы немедленно укажете, гдѣ деньги.

Лебедевъ вспыхнулъ и промолвилъ, подчеркивая каждое слово:

— Я не торгую своимъ служебнымъ долгомъ.

Офицеръ опять отошелъ въ сторону. Солдаты выстроились. Офицеръ помедлилъ секунды три-четыри и вдругъ быстро взмахнулъ саблей... Раздался залпъ...

Лебедевъ не упалъ. Онъ осѣлъ, словно подрѣзанный подъ ноги. Лейтенантъ подошелъ къ нему и сталъ разсматривать его. Затѣмъ вынулъ браунингъ и—такъ какъ ему еще не приходилось въ эту войну убивать людей—выстрѣлилъ въ високъ лежавшему на землѣ чиновнику. Выстрѣлилъ безъ всякой нужды, потому что Лебедевъ уже былъ мертвъ.

Темное небо опустилось къ землѣ. Шелъ дождь. Казалось, что вмѣстѣ съ этимъ дождемъ на землю ниспадаетъ кровавый дождь войны. Дождь убійствъ, насилій, злодѣяній, которымъ нѣтъ числа и названія... Война сѣяла изъ неисчерпаемой копницы зла милліоны преступленій и бѣдствій...

Но въ отвѣтъ ей поднимался иной посѣвъ... Выростали изъ простыхъ и скромныхъ людей герои. Трусливые, робкіе, смирные поднимали головы, загорались священнымъ огнемъ всечеловѣческой любви и доблести, и геній міра поднималъ ихъ на неизмѣримую высоту и облекалъ въ ореолъ негаснущей славы.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.**

Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

№ 37.

13 Сентября 1914 г.

Великая Княгиня Елисавета Өеодоровна.

Государыня Императрица Александра Өеодоровна.

Великая Княжна Ольга Николаевна.

Великая Княгиня Марія Павловна.

Августѣйшія Предсѣдательница и Вице-Предсѣдательницы Верховнаго Совѣта по призрѣнію семей лицъ, призванныхъ на войну, и семей раненыхъ и павшихъ воиновъ, Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Өеодоровна и Ихъ Императорскія Высочества Великая Княгиня Елисавета Өеодоровна и Великая Княжна Ольга Николаевна и Высочайше назначенная главной руководительницей устройства и призрѣнія всѣхъ раненыхъ въ Петроградѣ Великая Княгиня Марія Павловна.